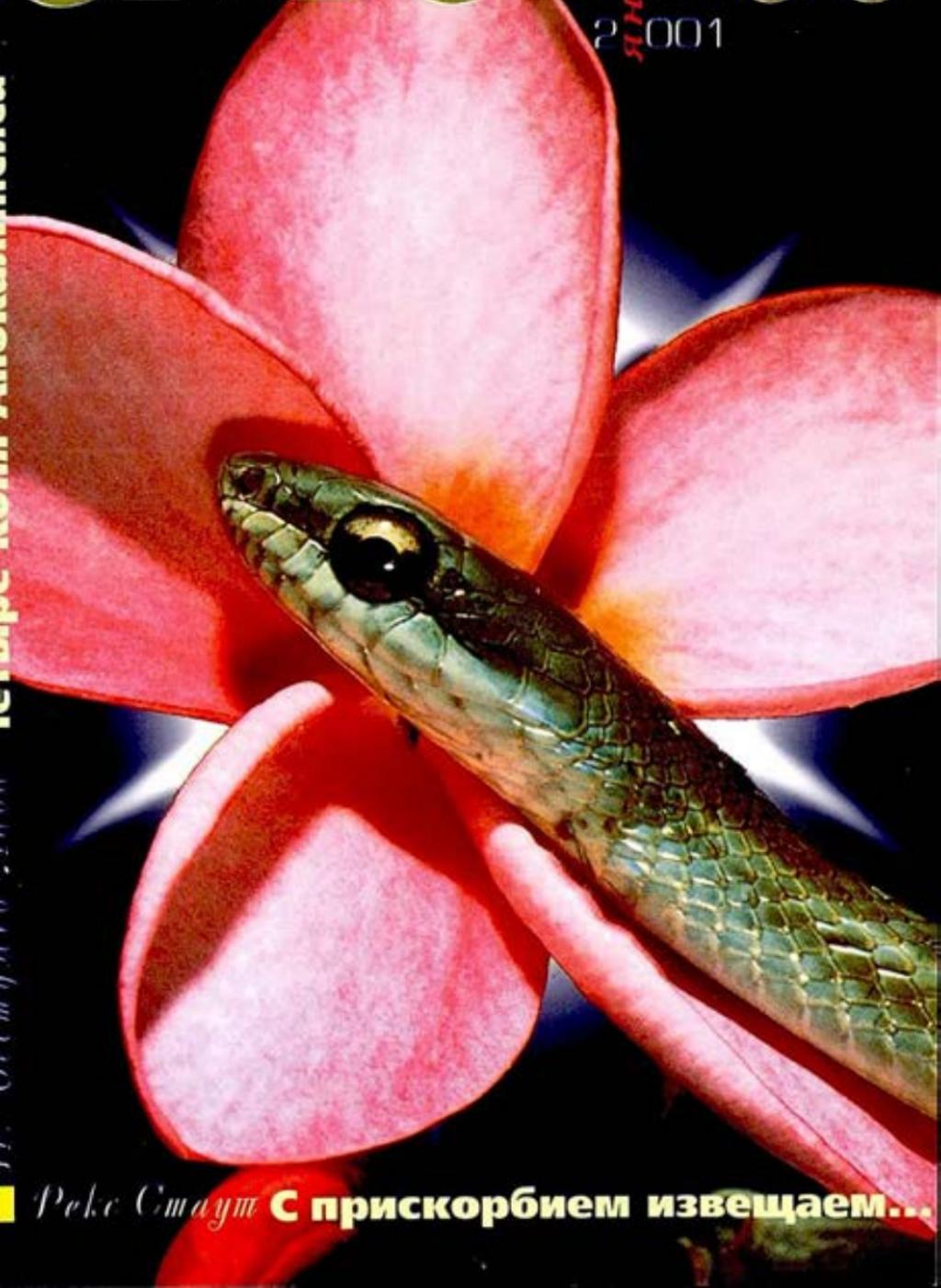

смена

январь
2001

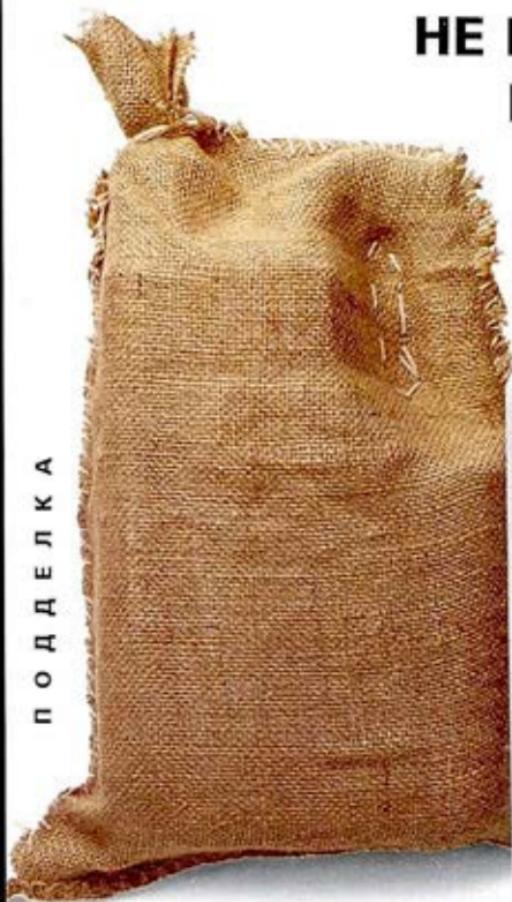
Смена

Рекламный журнал

Джефф Стэйт С прискорбием извещаем...

НЕ БЕРИ
КОТА В МЕШКЕ —

ПОДДЕЛКА

Б Е Р И
Н А С Т О Я щ Е Е

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ ФАСОВАННЫХ МАСЕЛ «ЛУКОЙЛ»
ОБРАЩАТЬСЯ ПО МНОГОКАНАЛЬНОМУ ТЕЛЕФОНУ: (095) 973-7063

ЛУКОЙЛ

Масло ЛУКОЙЛ покупайте только у официальных дилеров

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам.главного редактора

Борис Даниловский

Николай Левицев

зам.главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Памара Чилина

2001
январь (1635)

Сдано в набор 18.11.2000.

Подписано к печати 18.12.2000.

Печать офсетная.

Заказ № 3315

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

Бумажный проезд, 14.

Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena @ garnet.ru

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Рег.№ 014832

Учредитель —
ООО "Издательский дом
журнала "Смена".

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение:

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ОАО ПО "Пресса-1"

В случае полиграфического брака
обращаться в типографию

ОАО ПО "Пресса-1"

257-42-29

257-41-03

Журнал распространяется
на самолетах "Аэрофлота".

Журнал выходит
12 раз в год.

© "Смена", 2001.

36 Виктор Астафьев

ТЕНЬ РЫБЫ

Рассказ

122 Александр Экштейн

ЛПЛ — ЛЮДИ ПОЛНОЙ ЛУНЫ

Острогатческий роман

190 Рекс Старт

С ПРИСКОРБИЕМ ИЗВЕЩАЕМ...

Зарубежный детектив

106 Виктория Мурашова

"И МНЕ КОГДА-ТО ДАРИЛИ РОЗЫ..."

116 Ольга Морозова

ТАКАЯ МИЛАЯ ШТУЧКА

184 Академик

Федор Углов:

"ЗЛЫЕ ЛЮДИ ДОЛГО НЕ ЖИВУТ"

266 Галина Каюк

ВЕРШИНЫ НЕВЫСОКОГО ЧЕЛОВЕКА

стр. 258

стр. 26

На 1-ой обложке:
фото EAST NEWS.

**26 Любовь
Казарновская:**

**"ЛЮБЛЮ
ИСПЫТЫВАТЬ СЕБЯ
В РАЗНЫХ ЖАНРАХ"**

**66 Любовь Русева
ГЕНЕРАЛИССИМУС**

**80 София Пискун
ГЕИНСБОРО**

**98 Светлана
Бестужева-Лада
НЕУМИРАЮЩИЙ
ЛЕБЕДЬ**

**172 Иван Зюзюкин
СЕБЯ
ПРИГОВОРИВШИЙ**

**258 Леонид Лернер
ЧЕЛОВЕК ОГНЯ**

**272 Полина Теслер
"ЧАЙ ВДВОЕМ"**

стр. 80

61 Сергей Гончаренко

**Джон
Диксон Карр
ЗАГАДКА
ЗЕЛЕНОЙ
КАПСУЛЫ**

В маленьком английском городке Содбери Кросс произошло неожиданное и страшное событие: в самой посещаемой лавке миссис Терри оказались отравленные конфеты, из-за которых погибает восьмилетний ребенок. Когда расследование заходит в тупик, в дело вступает доктор Гидеон Фелл (герой двадцати романов английского писателя Карра, написанных в духе честертоновского детектива), благодаря которому и был изобличен настоящий преступник.

**Леонид Репин
ОХОТА НА
ФОРВАРДА**

40 лет в строжайшем секрете хранилось уголовное дело по обвинению знаменитого футболиста Эдуарда Стрельцова в изнасиловании. А поклонникам футбола и сегодня важно знать: так было или не было? Виновен или не виновен? Известный журналист, читая листы уголовного дела, анализирует, размышляет, высказывает свою версию...

февраль'2001

АНОНС:

Дорогие друзья!

Семьдесят шесть лет живет наш журнал. Вступая в новое тысячелетие, хочется верить, что каждый следующий год будет удачнее и добре предыдущего для всех нас.

Большое спасибо всем читателям журнала за поддержку и любовь! Поверьте, эта любовь взаимна — именно с чувством любви и любви делаем каждый новый номер журнала. Низкий поклон за подвиги чество женскому библиотечному братству, тихому героизму которого обязаны мы за поддержание в городах и поселках вечного огня духовности! Счастливого вам всем Нового года и нового века, любимые наши читатели! Впереди нас с вами ждет постоянная смена дней, дел, праздников, будней, впечатлений, радостей, настроений — всегда ваша "Смена"!

МИХАИЛ НИЗИЛОВ, главный редактор

Есть в мире богатство, которым каждый из нас обладает с рождения. Но, увы, подобно деньгам, оно имеет свойство быстро таять. Вот только таять — необратимо.

Богатство это — дни нашей жизни.

Дорогие читатели "Смены"! Пусть каждый ваш день наступившего года вмести в себя и любимое дело, и сердечное общение с другом, и умное чтение, и радость домашнего тепла. И пусть сопутствуют вам удача и успех — по ним так истосковались наши души.

СЕРГЕЙ ПОПОВ,

заместитель главного редактора.

В новогоднюю ночь я, как и вы, на-
верное, наши дорогие читатели, подумал,
а какими словами лучше всего охаракте-
ризовать ушедший только что ХХ век?
Ведь при всем при том, что практически
весь он в России прошел под знаком бе-
ды и утраченных иллюзий, он был для
многих веком надежды и веры. Прав по-
эт Игорь Иртеньев, написавший:

Все накрылось медным тазом.
Но, покуда тлеет разум,
Ощущения конца

Все же нету до конца.

Вот и я думаю, что наступивший ХХI

век вселяет больше оптимизма и радо-
сти, чем печали и огорчений. К тому же
не забудем, что 21 — это счастливое чис-
ло, "очко", как говорят игроки в карты. А
они в этой цифре толки знают. Будем счи-
тать, что всем нам крупно повезло — нам
выпало жить в ХХI веке. Так давайте
жить мирно, благополучно и счастливо!

БОРИС ДАНОУШЕВСКИЙ,
заместитель главного редактора.

Как известно, но-
вую жизнь лучше всего начинать
с понедельника. Еще лучше, если с перво-
го числа. А уж Новый год просто обязыва-
ет изменить все в жизни. Естественно, к
лучшему. Тем более, что считается, как Но-
вый год встретишь, так его и проведешь.
Так вот напоминаю: на сей раз совпа-
дают понедельник, первое число, начало
нового года, нового столетия и нового ты-
сячелетия. Другой такой роскошный повод
начать новую жизнь может не предста-
виться.

С праздником вас, дорогие мои читате-
ли! Пусть у вас все будет хорошо, а как ис-
ключение — отлично.

СВЕТЛАНА БЕСТУЖЕВА-ЛАДА,

обозреватель

Снова запах елки в доме — запах детства. Упоительный аромат праздника. Ощущение ил-
люзорной легкости и полнокровности завтрашнего дня... Снова елка и мандарины, конфетти
и карнавальные маски [обмануть или обмануться?], бенгальские огни и брызги шампанского
и — сумасшедшие надежды.

Надежды, что станем другими и счастливыми — без груза вчерашних забот и проблем,
и — Надежды, что уж в Новом, ХХI веке, все как-нибудь образуется, утрясется, сложится.
Говорят, пока человек живет — надеется. По-моему, пока надеется — не живет. Оставьте
надежды за порогом Нового года. Ничто само по себе, увы, не образуется, не утрясется.

ГАЛИНА КАЛИНИНА, редактор отдела публицистики.

Что пожелать человеку, шагнувшему в третье тысячелетие...
Вспомните миг — лучшее, что есть в этой жизни, — будь-
это первый поцелуй, творческий кайф или любимая мелодия.
Пусть все яркое, теплое, доброе будет с вами и дальше!

Давайте пригодимся друг другу. С Богом, земной пешеход!

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ, главный художник.

Четыре коня

Размышления для тех, кто интересуется

Библию заключает тоненькая книжка "Откровение св. Иоанна Богослова", известная под названием "Апокалипсис" (по-древнегречески это и есть "откровение"). В ней детально описывается "конец света" — как он виделся человеку I века от Рождества Христова, естественно, в расчете на аудиторию тех времен. Кто читал — не забудет: "... И вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий

Игорь БЕСТУЖЕВ-ЛАДА,
академик, президент Международной
академии исследований будущего

Апокалипсиса

уется, что ждет Россию в XXI веке

лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить... И вышел другой конь рыжий, и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга ... И вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей ... И вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним..."
(6:2-8)

Богословы вот уже почти две тысячи лет по-разному транслют страшные и загадочные картины "Откровения".

Слово "Апокалипсис" давно уже стало нарицательным. И только к концу XX века нашей эры некоторые из этих видений стали приобретать более или менее реальные очертания главных глобальных проблем современности. Хотя некоторые народы, к сожалению, уже переживали свой собственный, отдельно взятый апокалипсис, но человечество в целом эта чаша пока миновала. Тыфутыфутыфу, конечно, чтобы не слазить.

Но вот человечество (или некоторая его часть) только что перешагнуло из одного вена в другой, из второго тысячелетия христианского летосчисления — в третье. К такому переходу пророки и прорицатели прошлого всегда обещали людям неисчислимые бедствия вплоть до того же Апокалипсиса. Но, с другой стороны, все унаследовавшие второй мировой войны пришли на середину заключившегося вена, так что все относительно...

Будем иметь в виду, что пророки и прорицатели тоже могут ошибаться. Поэтому не станем обращаться к ним. Попробуем просто порассуждать о наиболее острых проблемах современного человечества и представить себе, во что эти проблемы могут выльяться, если, конечно, не принимать соответствующих мер. Ведь это только кажется, что страшные напасти угрожают нам со всех сторон, на самом же деле серьезных, глобальных проблем не так уж и много, причем почти все они созданы "человеком разумным" собственноручно. И решать эти проблемы тоже

придется самостоятельно: никто этим за человечество заниматься не будет. Действительно: спасение утопающих — дело рук самих утопающих. А если еще проще, то на Бога, конечно, надейся, но и сам не плохай.

Вот теперь давайте обратимся к наиболее отчаянным глобальным проблемам. Порядковые номера — совершенно условны, все почти одинаково важно, более того — теснейшим образом связано друг с другом. Но все-таки начнем с того, во что превратилась одна из заповедей, а именно: "Плодитесь и размножайтесь". А превратилась она в катастрофическое крушение мирового демографического баланса, поскольку человечество никак не может найти "золотую середину" в процессе своего воспроизводства. Итан, будем считать это **первой глобальной проблемой**.

В отсталых странах Азии, Африки, Латинской Америки по инерции все еще продолжается рост населения, правда, постепенно замедляющийся. Демографы предполагают, что к середине XXI века он должен приостановиться, но до той поры в этих странах вместо сегодняшних пяти миллиардов наберется девять-девять. Все бы ничего, но кандиду хочется жить "как в США", а не "как в Верхней Вольте". Конечно, красиво жить не затрещишь, но...

Но в США, где живет всего 5 процентов мирового населения, потребляют почти 50 процентов мировой энергии и на их долю приходится почти 50 процентов загрязнения окружающей среды. Не может один съесть половину яблока, чтобы остальным девятнадцати досталось по столько же! Значит, неизбежен кровавый передел ми-

ра, и это в том случае, если здравый смысл не пересилит и человечество — в полном составе! — не усядется за стол переговоров.

Почему я так подчеркиваю "в полном составе"? Да потому, что весь исторический опыт показывает: по частям эту проблему не решить. Создали в свое время государство Израиль вроде бы с самыми благими намерениями. Получили — помимо всего прочего — незатухающий палестино-израильский кровавый конфликт. Разграницили "по-доброму" Иран с Турцией — получили тяжелейшую курдскую проблему. Примеры можно приводить до бесконечности, тем более, что самый для нас актуальный — развал Советского Союза — мы наблюдаем, увы, собственными глазами вот уже десять лет. Добро бы лишь только пример, а то ведь и его чудовищные последствия.

С другой стороны, в развитых странах мира идет развал семьи и смертность начинает по нарастающей превышать рождаемость. Заметьте: смертность сегодня превышает рождаемость не только и не столько у нас, в неблагополучной России, где этот факт используют для всевозможных политических спекуляций, сколько в развитых, сплошных и благополучных западных странах. Почему? Да потому, что один из демографических законов гласит: чем выше уровень развития общества, тем ниже в нем рождаемость. Значит, развитым странам нужно разработать и осуществить целый пакет мероприятий, чтобы рождаемость хоть как-то уравновесила смертность. И эту проблему придется решать уже в этом веке, в наступившем третьем тысячелетии.

Что же насасывается демографической ситуации конкретно в России, то в обозримом будущем, я надеюсь, следует ожидать скорее благоприятных, чем негативных изменений, но при одном-единственном условии: если власть имущие, наконец, перестанут заниматься вопросами правильной организации пчеловодства или создания государственного гимна, а займутся действительно законодательством и воплощением уже имеющихся законов в реальную жизнь. То есть просто надо реализовать давнину давно принятый "Кодекс семьи и брака", в котором, помимо всего прочего, предлагается:

— придать женщине, воспитывающей ребенка, а тем более трех-четырех детей, статус государственного служащего на уровне воспитательницы детского сада;

— предоставить женщине полгода оплаченного предродового отпуска, три года — послеродового, еще лет десять — половинную рабочую неделю с оплатой как за полную;

— обеспечить женщине, имеющей детей, такие же условия выхода на пенсию, как и всем остальным гражданам.

Согласен, звучит все это немного утопически, но ведь в противном случае нам действительно грозит вымирание, причем достаточно мучительное. Нам — в смысле россиянам, потому что в бывших союзных республиках, особенно южных, распространена совсем другая демографическая модель — многодетность. Там свои проблемы, своя методика их решения. В странах Прибалтики — свои. А вот в России аргументы противников "оплачиваемого дето-

рождения" не учитывают того, что реально нормить и одевать будущих пенсионеров должны те, кто через 10-15 лет будет работать, то есть теперешние дети. Иначе ничего путного не получится.

Справедливости ради следует заметить, что вымирание теоретически грозит не только России и не только по демографическим причинам. Это, кстати, **вторая глобальная проблема**, которая заключается в том, что на человечество обрушивается поистине "Бич Божий", как называли предводителя гуннов Аттилу, который полторы тысячи лет назад опустошил Европу хуже всякой чумы. Сегодня этот "Аттила" имеет целых три имени: никотин, алкоголь, еще более сильно действующие наркотики.

Точно подсчитано, что из тех, кто выкуривает с 18 лет по пачке в день, 85 процентов умирают до 60 лет, их потомство всегда в чем-нибудь ущербно. Из тех, у кого с 18 лет в "обязательный дневной рацион" входит станан (поллитра, бутылка) водки в день, 85 процентов умирают до 50 лет, и после 5-6 лет такого пьянства их потомство сплошь — дебилы и уроды. Из тех, кто "сел на иглу" в 18 лет, 85 процентов умирают до 30 лет, потомства у таких обычно вообще нет, а если и есть — оно чудовищно. Меня тем на человечество катится лавина "наркокайфа". Достаточно сказать, что в России курят свыше 70 процентов мужчин (их средняя продолжительность жизни — ниже 60 лет), в каждой пятой семье имеется горький пьяница или законченный алкоголик, растущее число миллионов начинает приобщаться к сильнодействующим наркотикам. Еще одно-

два поколения (20-40 лет) такой жизни — и смерть. Наркотики уже не одно племя стерли с лица земли.

Что делать? Однозначного рецепта решения этой тяжелейшей проблемы не существует. С одной стороны, любой мало-мальски разумный человек понимает, что пить, курить, а уж тем более употреблять наркотики, мягко говоря, вредно. Тем не менее, пьют, курят и употребляют, причем придумывают все более сильные и изощренные яды. С другой стороны, человечество накопило колоссальный негативный опыт борьбы с так называемыми вредными привычками. Самый яркий пример — "сухой закон" в Америке, введение которого привело к возникновению организованной преступности. То есть добиться чего-либо запретами практически невозможно, "запретный плод" как был сладок с библейских времен, так по сей день и остался, поскольку природа человека не меняется.

Отсюда вырисовывается крайне грустная перспектива. Либо человечество возьмется за коллективный ум и общими усилиями хотя бы сведет к минимуму потребление всякой дряни, либо... Либо само выроет себе могилу шприцем для инъекций и граненым станком. Третьего просто не дано. Давайте будем помнить, что если раньше пили и курили сравнительно немногие (в деревнях ни то, ни другое никогда не было особенно распространено, а сельское население составляло девять десятых от общей численности), то теперь этим занимаются чуть ли не с пеленок, причем женщины медленно, но верно догоняют мужчин. А

значит, негативные последствия такого времепрепровождения многократно увеличиваются, поскольку (так уж природой определено!) у курящего и пьющего мужчины еще может быть здоровое потомство, хотя бы теоретически. У женщины с такими привычками здорового потомства не может быть по определению.

Что касается курения, то с ним эффективно бороться сложно еще и по той причине, что мы все очень скоро станем (если уже не стали) "пассивными курильщиками". И это — еще одна общечеловеческая — **будем считать ее третьей** — проблема, имя которой — экологическая. По всей земле, как клянсы на промокашке, начинают расползаться "зоны экологического бедствия". И это не выдумки наних-то там зловредных "зеленых", это — практически стихийное бедствие, хотя в данном случае о стихии речи нет. Все делается человеком его собственными руками.

Воздухом в городах все труднее дышать без опасности для легких.

Воду почти всюду становится опасно пить без предварительной очистки.

Каждый год истребляются леса или обращаются в пустоши пашни на площади чуть ли не с Москвой, если не с Люксембург.

Тысячи незримых "микро-чернобылей" облучают радиацией десятки, если не сотни миллионов ни о чем не подозревающих людей.

Сотни миллионов глотают пропунты-яды, нашпигованные химикатами.

Невыносимые для здоровья человека децибелы шума уносят свою порцию жертв.

Общее тепловое загрязнение ("потепление") планеты вызывает дикие судороги климата и грозит подъемом уровня Мирового океана, т.е. затоплением прибрежных земель в масштабах не менее 10 процентов земной суши. Все это идет по нарастающей. Прикиньте, чем все это обернется всего лишь через два-три десятка лет. Как вы думаете, раем земным или глобальной катастрофой?

Парадоксально, но с этой проблемой справиться легче, чем с двумя предыдущими, хотя многое, конечно, опять-таки зависит от того, насколько разумно поведут себя люди. "Экологически чистый" транспорт уже существует, его нужно только развивать и внедрять. Всевозможные системы очистки всяческих промышленных сбросов и отходов — тоже давно не мечта фантастов, а реальная действительность. Совершенно не обязательно вырубать леса — есть масса альтернативных материалов, не таких дорогих, зато более рациональных. И так далее и тому подобное.

Россия только-только вступает в этот плане на цивилизованный путь. К тому же у нас есть — а как же без нее?! — специфика, понять которую остальному человечеству достаточно трудно. Во всем мире люди стремятся уехать из крупных городов — россиян как магнитом тянет в Москву и Санкт-Петербург, где окружающая среда просто чудовищна. А оба этих мегаполиса подают дурной пример стране в целом: их образ жизни, далекий от нормального, к сожалению, становится если не нормой, так уж точно — эталоном. Но чтобы изменить эту порочную систему, нужно решить столько крупных и мелких

проблем, что к ним даже приступать страшно. А главное — изменить мироощущение людей, переориентировать их на другие ценности. Произойдет это — Россия постепенно станет приближаться к развитым странам. Нет... Об этом лучше не задумываться.

А задуматься можно еще об одной глобальной проблеме — четвертой в нашем списке, но от этого не менее важной. В отсталых странах набирается до миллиарда полностью или частично безработных, у которых реальная перспектива одна, а точнее — три: либо в тоталитарные, либо в изувеченные (типа пресловутой "Аум синрикай"), или мафиозные, особенно, наркомафийные структуры. Беда в том, что все структуры подобного рода живут только конфронтацией с чем-то или с кем-то, больше ничего они своим сторонникам предложить не могут. Сегодня их агрессивные потуги бессильны, потому что соотношение сил пока что не в их пользу. Но в их руки на глазах "плывет" ядерное, химическое, бактериологическое, компьютерное оружие массового поражения (последнее — это когда выводят из строя компьютерные сети, и страна мгновенно погружается в хаос, полностью сравнимый действительно с библейским апокалипсисом). Есть ли решение этой проблемы? Пока только захинание: "Ребята, давайте жить дружно!". Ну и, конечно, создание новых рабочих мест с достойной оплатой труда. Вот эту проблему, пожалуй, страны еще могут решать по отдельности, да и то — вряд ли.

Итак, четыре глобальные проблемы, четыре "всадника Апокалипсиса". Любая из этих апокалипси-

ческих "лошадей" способна ввергнуть человечество в безумие и не разбериху с десятками и сотнями миллионов жертв. И надеяться на то, что более мощные и изощренные технологии сделают какие-то проблемы или конфликты бес смысленными, не приходится. Когда изобрели пулемет, многие решили, что войны закончились: слишком много жертв, слишком быстрые победы и так далее и тому подобное. Нет, предела "совершенству" нет. Воистину, погибнет человек от разума своего... если вовремя за него не взьмется.

Но, помимо этих, самых главных, самых трудных проблем есть и другие, не менее актуальные. Перечислить их все в рамках одной статьи трудно, поэтому придется назвать лишь нескользко. Тем более, что проблемы эти, как выяснилось, подстерегают человечество там, где их никто вроде бы и не ожидал.

Главная проблема — это новые болезни. Чем длиннее становится человеческая жизнь, тем больше становится список грозных заболеваний. О СПИДЕ, наверное, можно и не говорить, зато мало кто знает, что вслед за сердечно-сосудистыми заболеваниями и раком людям грозит... депрессия. Многие считают, что депрессия — безобидная слабость или реакция организма на стресс, с которой можно сравнительно легко справиться. На самом деле — это серьезнейшее психологическое расстройство, угрожающее каждому пятому жителю планеты. В первую очередь, конечно, жителям развитых стран. Но и в России, как ни парадоксально это звучит, сейчас создана более чем благоприятная почва для настоящей эпидемии де-

прессии. Для того, чтобы справиться с этой напастью, нужны либо огромные средства (которых нет), либо изменение условий жизни в обществе (пока тоже нереально).

Нельзя не сказать и про **развитие новейших средств связи и информации**, которые стремительно завоевывают мир. Компьютеры, спутниковые телефоны, Интернет... Человечеству грозит уход от нормального общения в некую виртуальную жизнь, где любые желания реализуются путем набора определенных цифр. Замечательно, конечно, но если эта система выйдет из строя, жизнь на Земле на какое-то время окажется ввергнутой в самый настоящий хаос. Вспомним мрачные пророчества о сбое всех компьютеров при переходе от 1999 года к 2000. Слава Богу, они не сбылись. А если бы?.. Еще один рукотворный апокалипсис во всепланетном масштабе.

И, наконец, **кризис в нормальных человеческих отношениях, распад семьи, углубляющаяся пропасть между поколениями**. Борьба сексуальных меньшинств за свои права не так безобидна, как это может показаться. Следующий шаг — образование всевозможных союзов людей с теми или иными психическими отклонениями [этапие "клубы по интересам"] и стремительное уменьшение доли в обществе нормальных людей. Согласен, понятие нормы — вопрос сложный, но и приравнивать к ней всевозможные психические отклонения тоже не совсем правильно. Истина, как всегда, лежит где-то посередине, но ее, похоже, никто не ищет. А ведь в Библии, наверное, не зря

было написано про Содом и Гомору. Во всяком случае, и тут есть о чем призадуматься.

Можно ли избежать всего предреченного в "Апокалипсисе", предотвратить его унаследные пророчества? Теоретически — конечно, да. На сей счет существует специальное направление современного комплекса исследований будущего: альтернативистика — теория перехода к качественно иной цивилизации, альтернативной существующей и способной, в отличие от неё, успешно справиться с глобальными проблемами современности. Там уже лет двадцать назад выработали рекомендации, как устраниить четырех вышеперечисленных "коней Апокалипсиса" и предотвратить надвигающуюся глобальную катастрофу.

Как показывает опыт, нормальная человеческая психика не мирится ни с беспроблемностью, ни с безысходностью. В первом случае она сводит человека с ума, заставляет спиваться или покончить с собой. Пример — сверхблагополучная Швеция с ее самым высоким в мире процентом самоубийств. Во втором — начинает интенсивно иснать выход даже из, казалось бы, безвыходного положения. Пример — вся история человечества.

Тепловая и атомная энергетика не выдергивают экзамена на долгосрочную перспективу, а термоядерная остается проблематичной. Что ж, можно найти другие источники энергии. Например, Солнце. Или океанские волны и приливы. Или атмосферное электричество (молнии) и земной магнетизм. Главное, что такого рода источники не только не загрязняют окружающую среду, но практически

сни неисчерпаемы, поскольку самовозобновляются. Вот и решение экологической проблемы, во всяком случае, значительной ее части.

Демографический баланс пошел "вразнос"? Давайте культивировать среднюю семью — не многодетную и не бездетную, а такую, которая обеспечила бы нормальную смену поколений, без "взрывов" и "вымороочности". И это трудно, но можно: в некоторых странах (Франция, Япония) этот баланс уже существует. Значит, нужно перенимать опыт и творчески приспособливать его к специфике каждой отдельной страны.

Необходимо срочно провести "демилитаризацию" общества? Да, большинство попыток в этом направлении пока не слишком эффективны. Но как только все человечество осознает, что либо оно покончит с гонкой вооружений, либо гонка вооружений покончит с человечеством, ситуация не сможет не поменяться. И появится что-то вроде "санкций ООН", только нуда более авторитетных и действенных, считаться с которыми вынуждены будут все под угрозой немедленного отлучения от цивилизованного мира.

Ну и, нанонец, давно пора заняться "гуманизацией образования и культуры", то есть вытеснением и испорением культов насилия, секса ради сенса, наркотайфа и стадности культурами милосердия, любви, разума и семьи. А также созданием более гибкой и действенной системы образования, рассчитанной на людей, живущих в совершенно иных условиях нежели их деды и даже отцы. Практически ведь подавляющее большинство учебных заведений в нашей Рос-

сии, например, если и ушли от дореволюционных гимназий, то очень недалеко и отнюдь не в лучшую сторону. Учить же человека 10-12 лет только ради того, чтобы он стал "культурным" — по нашим временам непростительная роскошь даже для сверхразвитых держав.

Все эти принципы были разработаны, повторюсь, более двадцати лет тому назад. Но поскольку за эти 20 лет не сделано ровно ничего для превращения теории в практику и, судя по всему, вряд ли кто-то, а не только русский мужик, перенестится, пока не грянет гром, — есть основания подозревать, что предреченнное в "Алонаписисе" предрекалось со знанием дела.

Впрочем, может быть, еще не поздно?

Чтобы не завершать разговор на такой грустной ноте, давайте посмотрим, "что вен грядущий нам готовит", причем в самом буквальном смысле слова и уже сейчас.

Компьютерные технологии настолько быстро и повсеместно "захватывают" нашу жизнь, что обычная бытовая техника превращается в некий гибрид привычных механизмов и современнейшей электроники. Уже появились такие чудеса инженерной мысли, как холодильник, сообщающий о том, что молоко скоро прокиснет, или микроволновая печь, которая "подсказывает", что можно приготовить из имеющихся в наличии продуктов. А если еще и подключить всю эту технику к Интернету, то мы окажемся в настоящей квартире будущего. Причем будущего не отдаленного, а самого ближайшего.

По мнению изобретателей, дом человека ближайшего будущего станет составной частью всемирной паутины. Уже сейчас создаются подключаемые к Интернету посудомоечные машины и холодильники, что позволяет не только регулярно проводить диагностику оборудования, но и предотвращать возможные проблемы, не направляя мастеров и наладчиков домой к клиентам. Допустим, вы смотрите по телевизору какую-нибудь передачу, посвященную кулинарии, и обнаруживаете несколько интересных рецептов. Выбирайте понравившийся, а все остальное, как говорится, дело техники (в прямом смысле этого слова). Ваш холодильник определит наличие необходимых продуктов и занесет недостающие в Интернет-магазины. Любая хозяйка будет в восторге от такого изобретения.

Чудеса техники должны не только присутствовать в жилище человека, но и сопровождать его повсюду. Вот, например, уже созданный компьютер для автомобиля. Почти 6-дюймовый экран, процессор Intel Pentium 200МГц, операционная система Microsoft Windows — эта вроде бы "нехитрая штуковина" позволяет получить доступ к электронной корреспонденции, информационным каналам сети, включая сведения о пробках на дорогах, сводку погоды, различные новости. Компьютер может не только распознавать человеческую речь, но и озвучивать голосом любой текст, появляющийся на дисплее, а также давать пошаговые инструкции относительно того, как добраться до нужного места. Предусмотрена возможность подключения ко всей системе сотового телефона,

и тогда необходимая информация всегда рядом.

Кстати, о телефонах. Без них и сейчас жизнь не мила, но очень скоро мы повсюду будем носить с собой не простые телефоны, а особенные. Уже создан web-телефон второго поколения, так называемый iPhone. Это целый комплент — собственно сам телефонный аппарат, дисплей и клавиатура. С его помощью можно общаться по телефону, получать доступ к сетевым информационным каналам, к почте, а также совершать покупки в Интернет-магазинах и управлять своим банковским счетом. Более того, аппарат использует две коммуникационные линии, что позволяет одновременно говорить по телефону и работать в Интернете.

Да, грядут большие перемены. Люди, которые производят и проходят все эти устройства и приспособления, разрабатывают новые и новые модели. Может быть, жизнь кардинально преобразится уже лет через пять, и то, что нам кажется совершенно фантастическим, станет привычным атрибутом жизни. И здесь нет никакого преувеличения. Еще 50 лет тому назад холодильник считался диковинкой, а сейчас он есть в России в каждом доме. Еще 10 лет тому назад вершиной технического прогресса считалась стиральная машина "Вятка", а сейчас? Вот и в говорящем автомобиле скоро не будет ничего особенного: в конце концов некоторые ванны уже "говорят".

Вот бы дожить и посмотреть! Так что будем мечтать об этом, а не зацикливаться на пугающих видениях возможного Апокалипсиса.

Я и моя через

Перед вами — сочинения школьников на тему "Я и моя страна через 20 лет". По просьбе редакции "Смены" ее предложили ученикам 8-11 классов гимназии № 12 города Долгопрудного Московской области и столичной средней школы № 1952. На такую же тему писали сочинение старшеклассники города Дорогобужа Смоленской области. Читая эти рассказы "о будущем", много узнаешь о настоящем. Размышления ребят о том, "какими мы будем завтра", открывают их понимание и дня сего-дняшнего.

страна 20 лет

Из России я не уеду!

Наша страна оказалась в огромной финансовой дыре. Но это бы еще полбеды. Гораздо хуже то, что весь мир с экологической точки зрения — абсолютная помойка. А если у нас все пойдет, как идет сейчас, то через двадцать лет Россия будет складом отходов Америки. И есть мы будем мясо пятидесятилетней давности из стратегических запасов США.

Что касается лично меня, то я попробую уехать в Сибирь. На мой взгляд, это самое чистое место в России. Я хочу охранять озеро Байкал, пренебречь его загрязнение.

Нинита Бовенко, 13 лет.

фото Руслана Кривобока

Я, как и любой гражданин своей страны, считаю ее самой лучшей. Россия в настоящее время мне нравится за исключением того, что сейчас в жизни все решают деньги.

Сейчас много убийств, война в Чечне. Все говорят, что это необходимо, но неужели необходимо убивать?

На нашу культуру сильно влияет Запад. Наша страна имеет свою культуру, достаточно развита, чтобы освободиться от этого влияния.

Через двадцать лет я надеюсь увидеть свою страну без этих унасных недостатков. Если же ничего не изменится, то я думаю, что все предприятия богатых людей будут в хорошем состоянии, магазины будут красивейшими зданиями, а жилые дома бедноты просто разрушатся. К тому же людьми будут считаться только те, у кого есть деньги, а, значит, будут снова убивать и грабить.

Я не знаю, как остановить это. Самое главное — верить в Бога, молиться, и Бог не оставит нас. Я надеюсь на светлое будущее своей страны.

Андрей Бороденков, 13 лет.

Когда-то Петр Первый поднял Россию до величия. Наверное, тогда многие страны хотели бы иметь такого царя. После Октябрьской революции Россия стала нищей, потеряла все, но потом она нагнала другие страны. А потом опять произошло непоправимое — началась опять разруха, и люди перестали верить в свою страну, а я верил, верю и буду верить в Россию. Хочется поднять ее хоть чуть-чуть, чтобы мы не выглядели позорно перед другими странами. Ведь если мы не изме-

ним экономическую ситуацию, то скоро будем отставать от США на 20-30 лет. Верю, что Россия снова станет великой, как при Петре.

Мне кажется, если развивать Интернет у нас в стране, это даст нам новые силы. В Интернете можно найти все, большая часть бирж в мире используют в работе Интернет.

Володя Пистин, 14 лет.

Я считаю, что моя страна еще не в полном упадке и может стать Великой державой. Если прекратить все розни в политике и не давать никому грабить страну, то все еще можно поправить.

Достаточно заглянуть в историю, ведь после правления Ивана Грозного тоже было Смутное время. Но потом Петр Первый, талантливый политик и человек с сильным характером, сумел поставить всех на место. Из всей нашей истории видно, что при людях с сильным характером страна процветала.

И сейчас нужна группа патриотов, чтобы заставить людей, имеющих власть, не разворовывать страну.

Я еще не решил, нем стану, но знаю, что из страны я не уеду и сейчас, и через двадцать лет.

Нинита Фомин, 13 лет.

Жену буду звать “Золотце Мое”

Я вырасту. Лет в 25 женюсь. До этого закончу университет и стану юристом. У меня будет двое детей. Большой дом. Яхта. Водный мотоцикл. Прудин.

P.S. Жену буду звать “Золотце Мое”.

Витя Боровиков, 13 лет.

Будем процветать назло иностранцам

Я иногда пытаясь предугадывать свое будущее. Назалось, что там меня ждет что-то необычное, возможно, плохое, а может, и светлое, радостное. Но проходило время и я задумывалась, а стоит ли пытаться узнать свою судьбу, свое будущее, даже если в нем находятся ответы на многие вопросы? Ведь любое будущее требует жертв. А я думаю, что мне бы этого не хотелось, как и многим людям...

Я думаю, а возможно, даже уверена, что общество будущего будет напоминать наше настоящее. Такое же пустое и бессмысленное, где для людей самое главное деньги и власть, где правительство не считается с мнением народа. Из-за всего этого в людях уже погибла та большая вера в будущее, которая, быть может, существовала когда-то.

Если мы будем отвечать за исправление старых ошибок и за безошибочность новых решений, то, может быть, Россия будет процветать назло всем этим иностранцам. К сожалению, мы не можем предсказать наше будущее и будущее нашей страны даже на минуту. Но если за эту минуту сделать что-нибудь такое, что повлияет на всю последующую жизнь?

Марина Ноновалова, 14 лет.

Сегодня мне и моим сверстникам 14 лет. Ради чего жить? Чему верить? Какую дорогу выбрать в жизни?..

Сегодня, мне кажется, проблема нравственности становится ведущей в нашей жизни. Ведь даже если наше общество сумеет

достигнуть богатства и процветания, это не сможет заменить доброту, порядочность и честность. Но, я думаю, в России крепни еще нити, связывающие нас с нашими корнями. Ведь русские всегда почитали совесть и честь, венами крепили привычки к труду и порядку, всегда у нас уважали старших и тех, кто учил и лечил людей. И я верю, что скоро профессии учителя и врача станут престижными. Надеюсь, что уже в ближайшее время найдутся в стране деньги на просвещение и заботу о здоровье наших соотечественников...

В моем представлении, будущее моей Родины будет светлым и счастливым. Сейчас наша страна на верном пути. Хочется верить, что через двадцать лет не столько нужно будет бороться со злом и спасать загубленное кем-то, сколько творить добро. Верю, что так и будет, ведь Россия много раз оставалась среди руин. Но всякий раз находились мудрые, сильные духом люди, яркие личности, которые спасали Отчизну.

Марина Нулинова, 14 лет.

Талантливых людей вытеснят бездарные субъекты

Я уверена, что через 20 лет в нашей стране будет происходить то же самое, что происходит сейчас. Государство "задушит" своими налогами население, пенсионеры и малоимущие семьи будут умирать от недоедания, будут прогрессировать венерические болезни и наркомания. Непризнанные гении, талантливые и творческие люди будут сходить с ума, потому что их вытеснят более бога-

тые, более наглые и абсолютно бездарные субъекты.

В газетах будет одна сплошная ложь, так как некому будет писать правду, ведь правдивых журналистов отстреливают. Достучаться до человеческих сердец не сможет никто, просто потому, что этого не дадут сделать власть имущие, преграждая дорогу любыми способами.

Жаль, что страна, богатая полезнымиископаемыми, газом, нефтью, страна, с величайшим количеством добрых и умных людей — погибнет, еще основательно не возродившись. А все потому, что у власти стоят люди, жаждущие денег. Люди, которые пойдут на все ради денег и власти и ни перед чем не остановятся! Так было с момента появления нашего государства, так оно есть и по сей день.

Мария Лысенкова, 16 лет.

Кто знает, может быть, люди вскоре одумаются и станут ценить жизнь и здоровье выше денег и прочих материальных ценностей? Ведь уже сейчас люди борются с наркотиками и другими химическими веществами, особенно опасными для здоровья (я не беру во внимание курение и употребление алкоголя). Многие задумались о природе и экологии.

Я не знаю, что будет с Россией в целом, но основная ее часть выйдет из состояния кризиса и заживет нормальной жизнью. Достижения науки значительно облегчат людям жизнь. И, если машины не будут делать за людей абсолютно все, как мечталось раньше, то это даже к лучшему: возрастет доверие к человеку. Ведь людям очень важно знать, что они

живут не в обществе подхалимов и продажных людей, а среди тех, кто им доверяет.

Конечно, сейчас ближе прогноз окончательной разрухи в России... Сейчас очень популярна "утечка умов". А как Россия может совершить ожидаемые от нее великие открытия, если все умы "утекли"? Следовательно, в науке мы не продвинемся. Материальный аспект тоже известен уже давно: мы в долгах. Соответственно за все нужно платить, а нечем. Значит, технику нам нупить не на что. Отсюда ухудшаются условия жизни, Россия отстает в развитии, появляются злость, агрессия.

Н тому же люди ощущают гнет власти (не правительства РФ, а начальства), невежество, беспомощность и оскорбительность своего положения. Это заставляет людей бежать из страны, покидая родные места и всех оставшихся там близких.

А через 20 лет Россия превратится в территорию (а не страну), где живет нищая, морально разлагающаяся незначительная часть человечества. И даже не живет, а лишь влечет свое жалкое существование...

Алена Гончарова, 16 лет.

Изобретут эликсир молодости

Я хотела бы, чтобы в XXI веке родители исчезли и очутились на другой планете, чтоб остались только подростки. Чтобы на деревьях росли чипсы, пицца и всякие сладости, тенли фруктовые рени. И чтоб на земле был рай. Вместо магазинов — клубы, замки, в которые мы бы летали на тарелках или на чем-нибудь другом.

Чтобы мы с Ронни каждый день гуляли в интересных компаниях и ходили на дискотеки.

И чтобы не было школы, да, да, да!!!

Настя Антиповская, 13 лет.

Я считаю, что XXI век — это космический век и век великих перемен. Надеюсь, изобретут элинсир молодости и машину времени. Мы будем летать в школу на флиерах и путешествовать в параллельные миры, будем дружить с марсианами и гуманоидами.

Юля Тимофеева, 13 лет.

Дома, в которых живут люди, будут управляться специальным пультом. Например, если человек забудет закрыть дверь, то он сможет, не отрываясь от дел, нажать на нужную ячейку и дверь закроется. Или человек будет очень занят, а ему позвонят по телефону. Он опять нажмет на нужную кнопку и таким образом сможет разговаривать и заниматься.

Я надеюсь, что природа не будет страдать от плохого отношения к ней и к животным, обитающим на земле. Люди будут аннуратными на улице, станут ухаживать за братьями своими меньшинами. Друг к другу будут внимательными и взаимно вежливыми. Через 20 лет люди перестанут мусорить. На улицах будут стоять мусорные баки, перерабатывающие отходы в безвредные и безопасные для живых существ вещества.

Еще было бы очень хорошо, если транспорт работал бы не на бензине, а, к примеру, на воде или на чем-либо еще, что не отравляет людей, животных и природу.

Ольга Леонова, 14 лет.

Останутся одни старики

Моя страна... Ей нет дела до меня. Ни до меня, ни до никого другого. Россия — лишь место, где я родилась, родная земля, но не страна. Страна это нечто единое, сильное, способное защитить своих людей, обеспечить уверенность в том, что за спиной у тебя есть то, что сможет покарать несправедливость.

Через двадцать лет так же, как и сейчас, лето будет сменяться осенью, ночь — утром, а час — новым часом. Так же будут идти дожди и светить солнце, но я сомневаюсь, что деревья будут такими же зелеными, а птицы будут так же весело петь. Возможно, их не будет. В настоящее время одно нефтяное пятно больше другого, истребляются редкие виды животных, появляются все новые и новые неизлечимые болезни. Через двадцать лет население страны станет меньше на одну шестую часть. По улицам будут бродить старини, потому что уменьшается рождаемость, а трудоспособному населению будет все труднее и труднее обеспечить себя и их. А я, да и вы тоже, будем частью этой "старой" новой страны.

Но надеюсь, что наша страна обретет новую силу в новом веке. Хватит! Прошли времена застоя и коммунизма. Пора заявить о себе на новый России, сильном европейском государстве. Я думаю, наше общество начинает пробуждаться, усыпленное почти сто лет назад. Наш народ, наконец, обрел право голоса, превратился в свободное общество, которому все по плечу. Ведь мы живем на великой и могучей русской земле, мы — русские люди и мы можем

доказать всему миру, что Россия — величайшая страна, способная на величие дела!

Анастасия Козлова, 16 лет.

Если честно — мне страшно!..

Да оглянитесь же! Неужели никому не стыдно за своё отношение к Родине?

Ужасно наблюдать, как пожилые люди в транспорте стоят, а молодые сидят; видеть, как молодежь портит памятники, оскверняет воинские захоронения...

Ещё Бунин в будущем России разглядел всю эту мразь. Он понял, что утрачиваются вечные ценности: гордость за происхождение,уважение к старшим, любовь к Родине...

Да кто дал нам право так небрежно относится к своей стране? Уже успели посягнуть и на святыню России — церковь. Люди в ней всегда искали убежище и своё спасение. А теперь... Теперь воруют кресты, грабят церкви и храмы, не каждый из нас может похвастаться тем, что помог хоть раз храму-святыне.

Разве может быть хорошее будущее у страны, если однажды ее уже перевернули всю с ног на голову? Уничтожили все и построили новое государство с великим будущим! Но и тут-то мы прогадали. Все осталось прежним: как воровали, так и воруют до сих пор, только раньше крестьяне у барина, а потом рабочий — у государства, теперь раб у хозяина.

Разве у России будет будущее, если мы будем продолжать к ней так же относиться; если беременная женщина будет стоять, а пьяному опять уступят место? Таким ли должно быть будущее нашей

страны? И будет ли оно вообще, с таким настоящим?

Мария Байрамян, 16 лет.

Буду воспитывать малышей

Я считаю, что новый век — это не новая жизнь, а только приблизившееся будущее. Возможно, многое изменится, но люди останутся прежними. В XXI веке многие хотят войти сияющими, изменившимися, "начищенным" до блеска. Хочется также оставить в XXI веке полезное, историческое, а может быть, "забыть" какие-то неприятные факты. С собой в новый век лучше взять самое дорогое, например, день рождения и маму с папой. Еще я "протащила" бы в новый век своих друзей и детство (не хочу быть взрослой и занудной).

В будущем я надеюсь закончить художественную школу и поступить в институт или училище. Наверное это будет трудно, но я постараюсь это сделать. Потом я хочу иметь собственную мастерскую, обустроить ее, писать картины, ездить в разные страны на этюды. Позже мечтаю построить художественную школу и учить детей рисовать. Еще я хотела бы сделать приют для бездомных котят и других несчастных зверят. Я бы хотела воспитывать малышей, самых разных: маленьких детей, собачек, львят и слоников. Я бы хотела иметь собственный остров и там быть хозяйкой, построить дом по собственному проекту, чтобы у меня был огромный сад, озеро, водопады, а вокруг — прекрасная природа.

Ася Шеварова, 13 лет.

В XXI веке я не могу себя представить без книг. Все гово-

рят, что в новом веке компьютеры заменят книги, учителей, друзей, но я считаю, что этого не случится, потому что в такой среде человечество просто не выживет. Уже сейчас многие общаются через компьютер, но ведь это неинтересно, в новом веке надо общаться живую. Многие целыми днями "гуляют" в Интернете, они уже забыли, что на улице есть солнце, они забыли, как прекрасна природа.

Я хочу, чтобы в новом веке все осталось почти так же, как в предыдущем. Я не понимаю, что людям еще не хватает, почему нам все неймется и хочется чего-то большего. Все ерунда, у природы уже все есть, чтобы человеку не было скучно и чтобы он не голодал. Нет, я не против различных исследований на земле и в космосе, но пусть только эти исследования и открытия не вредят нашей земле.

Юлия Серебрянова, 13 лет.

Никто никого не будет любить

В нашем веке, мне кажется, любовь стоит не на первом месте, а после чего-то. Вот, например, идешь по школе и встречаешь симпатичного мальчишку. Он говорит тебе: "Привет!" А ты думаешь, вдруг это любовь? Вы знакомитесь ближе, и ты просто от него без ума. Он не говорит тебе о любви, а ты думаешь, что он просто стеснительный. А потом выясняется, что ты была нужна ему только чтобы повоображенчать. Ты убита горем, а ему все равно. Чтобы найти свою настоящую любовь, тебе придется повстречать столько фальшивой любви, что язык не поворачивается. А в XXI

веке это будет намного сложнее. Никто никого не будет по-настоящему любить.

Ната Цветова, 14 лет.

Легко можно предположить, что Россия продвинется в сферах науки и техники, но что же будет с духовной оболочкой общества? Еще лет 20 назад в ней появились трещины. Со временем количество их увеличивалось. В итоге трещины превратились в дыры. И сейчас сквозь эти дыры в общество проникает беспрецедентное хамство, ненависть, недоверие. Так чего же нам ожидать через 20 лет? Таким образом сквозь этот темный занавес может проникнуть свет, если русские люди уничтожают себе подобных, если на улицах так много бездомных (людей, у которых нет дома, где их всегда ждут), если молодые семьи не хотят заводить детей, а молодые родители вынуждены бросать своих детей, так как не могут обеспечить им достойную жизнь или хотя бы прокормить их.

Если раньше Россия была великой державой, на защиту Родины вставали богатыри, то сейчас Россия погрязла в наркотиках, сигаретах и алкоголе. Откуда взяться богатырям? Конечно, и сейчас есть сильные ребята, но защищать Родину они не будут, потому что от святыни осталось лишь название.

Спросите у прохожих, верят ли они в людей. Намного чаще вы услышите "нет", чем "да". А ведь это недоверие вырастает из того, что каждый заботится сам о себе, а до окружающих ему нет дела. Если вас толкнут на улице или обольет проезжающая машина,

невелика вероятность услышать даже малейшие извинения. Скорее всего в ваш адрес отправят монолог, состоящий исключительно из нецензурных слов. И как же после такого верить в людей и любить их?

Я боюсь, что 20 лет не улучшат, а лишь усугубят сложившееся положение.

Антонина Прилуцкая, 16 лет.

В новом веке ученые придумают химические заменители еды, все будет компьютеризировано. Но я считаю, что для нормальной жизни, именно жизни, а не существования, людям по-прежнему будет необходимо внутреннее развитие. Например, общение с разными людьми, настоящая дружба и любовь. А всего этого нельзя постичь с помощью Интернета. Сейчас люди много времени проводят у компьютеров. Не понимают, что это портит их здоровье, и что гораздо веселее можно провести время с друзьями и подругами. Я считаю, что без компьютеров было бы жить намного веселее.

Натя Юдинина, 13 лет.

Буду президентом России

Я бы хотел заняться предпринимательской деятельностью. Сначала закончу 11 классов без "троек". Поступлю в вуз на экономический факультет. В 2004 году окончу его по специальности менеджмент. Обучаясь в вузе, организую мелкую торговлю в ларьке или займусь перевозкой товаров из-за границы. В 2005 году открою несколько продовольственных магазинов в Смоленске и Москве. В 2007 году стану владель-

цем сети бензоколонок, пиццерий и кафетериев. В 2009 году приобрету хлебокомбинат и консервный завод. В 2011 году открою коммерческий банк. В 2012 году буду баллотироваться на выборах в органы местного самоуправления. В 2016 году в областную думу (или как ее тогда будут называть?), в 2020 году — в Государственную думу РФ. Возможно, что в 2021 году на президентских выборах займу второе место, а в 2025 году стану и президентом России. В 2029 году буду контролировать один из крупнейших автозаводов, по обстановке. В 2029 году после окончания срока президентской власти напишу мемуары. Потом съезжу в кругосветное путешествие, потом поживу лет десять в Монако — отдохну.

Александр Шадрин, 16 лет.

В будущем будут нужны высокообразованные люди, имеющие хорошие знания в компьютерных технологиях (не зря же говорят, что третье тысячелетие — компьютерное тысячелетие). Но мне трудно представить себя академиком, профессором или ученым-астрономом. Намного легче представить себя музыкантом. Ведь музыка была и сто и триста лет назад. С каждым столетием она изменялась. Но люди не переставали ее слушать и наслаждаться прекрасными созданиями человека.

Я не могу видеть себя в будущем человеком, влияющим на развитие технологий, я вижу себя как человека, который вносит вклад в развитие искусства, делает все возможное, чтобы искусство и музыка жили еще много веков.

Наташа Александрова, 14 лет.

...Через двадцать лет мне будет тридцать пять. У меня будет семья, будут дети. Я хочу верить в то, что у меня будет любимая работа. Я хочу стать дипломатом, как и мой папа, ездить в разные страны и улучшать отношения России с ними. Через двадцать лет я представляю Россию сильной в экономическом и политическом планах. Не будет никаких междуусобных войн, государственных интриг. Для этого нам всем придется постараться и усердно работать каждому в своей должности.

Конечно, все это мечты и неизвестно, что меня и мою страну ждет в будущем, но очень хочется верить в то, что все будет хорошо и мы счастливыми войдем в XXI век.

Альфия Галиева, 15 лет.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ.
Так думают подростки о будущем — своем и страны. Наивно? Мрачно? Забавно? Главное — искренне. Главное — откровенно. Главное — без страха за последствия этой искренности и откровенности...

Речь идет о будущем не столь уж и далеком — через

двадцать лет авторы сочинений еще не перешагнут и сорокалетия. Удастся ли к тому времени одному — "построить приют для бездомных котят и несчастных зверят", другому — "уехать в Сибирь охранять озеро Байкал", а третьему — стать президентом России? Вытеснят ли талантливых людей "более наглые и абсолютно бездарные субъекты" или Россия станет "сильной в экономическом и политическом планах", "все будет хорошо и мы счастливыми войдем в новый век"? Поживем — увидим...

Мы надеемся встретиться с авторами сочинений через двадцать лет. Идет?

Редакция благодарит за помощь в организации публикации учителя литературы гимназии № 12 г. Долгопрудный Наталью Петрашову, заместителя директора московской школы № 1952 Владимира Крупника и учителей литературы этой школы Наталью Кургину, Галину Зайцеву, Наталью Егорову, учителя обществоведения школы № 2 г. Дорогобуж Юрия Шорина. ■

Любовь Казарновская:

“Люблю
испытывать
себя
в разных жанрах”

В прошлом году знаменитая оперная певица Любовь Казарновская наконец-то, после девяти лет отсутствия (долгое время она жила в Вене, а потом переехала в Нью-Йорк), вернулась в Москву с мужем Робертом Росциком и маленьким сыном Андрюшой, хотя в Россию несколько раз за это время приезжала.

С Робертом Люба познакомилась в Москве в 1989 году на прослушивании молодых талантов для Венской оперы. Импресарио господин Росцин, увидев на сцене Казарновскую, восхлинул: “Это же будущая мировая звезда!” и влюбился. Через три месяца они вышли из венского магистрата

уже мужем и женой. Из-за брака, после трех триумфальных сезонов в Мариинском, Любке отказали в работе. Хотя до этого она успешно сотрудничала с блистательным Светлановым в Большом театре, а еще раньше, в 22 года, исполняла первые сольные партии в музыкальном театре Станиславского и

Немировича-Данченко. Нет худа без добра. После отъезда на Запад началось сенсационное восхождение Любы Казарновской на Олимп мировой оперной славы. И получилось так, что наставил ее на этот путь легендарный дирижер Герберт фон Карайан. После прослушивания он подписал с ней

первый зарубежный контракт и в превосходной степени рекомендовал многим своим коллегам. Традиционный Карайновский фестиваль состоялся в его родном Зальцбурге, но уже без маэстро. Казарновская пела "Ренвием" Верди, дирижировал Рикардо Мути, а зал стоял и планал.

С Гербертом фон Нарояном.

Потом была работа со многими выдающимися музыкантами на самых престижных сценах мира — в Вене, Париже, Милане, Берлине, Нью-Йорке, Мадриде, Буэнос-Айресе. И везде ее эмоциональное, мощнейшее по энергетике и широчайшее по диапазону сопрано влюблало в себя сердца слушателей.

Любовь Назарновская родилась и выросла в Москве. Мать и старшая сестра — филологи, отец — генерал, военный историк. Английская школа, потом «Тесинка», где Любимым педагогом и наставником стала концертмейстер Шаляпина — 80-летняя Надежда Матвеевна Малышева. Там, на отделении актеров музыкального театра, где учили сценической речи, движению, актерскому мастерству, танцу, формировалась индивидуальность будущей примадонны. К этому надо

прибавить шесть лет балета и школу консерваторского вокала. Наверное, в этом секрет фантастического успеха ее Соломеи — критики называли исполнительницу «танцующим эротическим сопрано». Ей стало интересно работать в спектаклях, где она могла проявить себя как певица, актриса и танцовщица одновременно. «Я хочу испытать себя в совершенно разных ипостасях», — и Назарновская пробует себя в эстрадном и джазовом репертуаре, где ее кумирами являются Жульетт Грено, Эдит Пиаф и Элла Фицджеральд.

Недавно она подарила Сергею Соловьеву оригинальную идею создания серии оперных видеоклипов на тему *«Femme fatale»*, где собирается сыграть главную роль. С тем же режиссером прорабатывается другой музыкальный проект — спектакль, в котором Любовь будет Полиной Виардо.

Из последних практических дел музыкальной семьи — открытие Фонда Любови Казарновской. Здесь мировые "звезды" уже проводят свои мастер-классы для молодых российских певцов.

Мы встретились в полупустом кафе на Нутузовском. Казарновская заказала кипяток с лимоном, а я кофе.

— Каковы ваши взаимоотношения со временем?

— Бывают периоды, когда категорически не успеваешь делать какие-то вещи, а когда работы не так много, и она не давит на мозги — время тянется безумно медленно. Тогда позволяю себе лениться, валяться на диване, больше читать... А вообще я всегда куда-нибудь опаздываю. За что жизнь не раз меня сильно "прикладывала". На Западе очень любят пунктуальность, чтобы на репетиции приходили вовремя. Однажды мне в Метрополитен-опера преподали очень серьезный урок, когда я вошла в зал на репетицию "Богемы" на три минуты позже. Все сидели молча и, не глядя на меня, смотрели на свои часы. Помню свое состояние, как будто на меня вылили ушат холодной воды.

— Актрисы довольно-таки болезненно относятся к своему возрасту...

— Я отношусь спокойно. Мой великий педагог Надежда Матвеевна Малышева говорила: "Когда человек духовен, ему возраст только на пользу". У пожилых людей их духовность, если она имеет место, пропаивает на лицах удивительным благородством. Чем человек духовней, тем он красивей в старости. Так что возраст красо-

те не помеха. Я вот смотрю на своих коллег-певцов, режиссеров, директоров — и лишний раз убеждаюсь, что красивых внутренне людей возраст не уродует, наоборот, — облагораживает.

— Как по-вашему, самодостаточность — это синоним личности, и всегда ли личность самодостаточна?

— Я не люблю это слово, звучит слишком пафосно. Если человек живет полноценной жизнью, он востребован, у него есть любимая работа, любимый дом, есть дело, которому служишь (не работаешь, а именно служишь), — вот в этом случае можно говорить — человек состоялся, не зря живет на земле. А "самодостаточность" — звучит как успокоенность, человек всего достиг, жизнь остановилась на какой-то определенной ступени. Для меня же главное — постоянные достижения на разных этапах моей жизни. В этом, думаю, и заключается полноценность — и человеческая, и личностная, и творческая.

— Вы амбициозны?

— К счастью, нет. Этим я обязана во многом родителям и учителю — Надежде Матвеевне Малышевой. Она была невероятно умным, интеллигентным человеком, общалась с Ахматовой, Рахманиновым, Шаляпиным, Гумилевым...

Она мне говорила: "У меня нет сил учить некоторых певцов. Словно кирпичи какие-то. Пока перетащишь с места на место, пока он поймет элементарную мысль, — я трачу целый урон. С тобой же мне легко, потому что ты схватываешь быстро. У тебя не уши, а локаторы, умеешь моментально настраи-

С мужем Робертом Россином.

ваться на ту волну, на которую мне надо. Если нужен стиль Рахманинова, то он и будет, а если, к примеру, Верди, то — Верди". Никогда не видела, чтобы она раздражалась. Такой выдержане никак не могу научиться. Мой темперамент иногда провоцирует дикое раздражение, и мне стоит больших усилий не сказать: "Да пошел ты!"

— Я постараюсь уловить этот момент... А сейчас неожиданный поворот. Вы семейный человек, у вас растет сын. Ваше мнение: со-

хранится ли российская семья в своем первозданном, архаичном, по некоторым оценкам, виде? Не секрет, что этот общественный институт по многим причинам девальвирует.

— Все зависит от личностей, которые соединены вместе. Скажем, такой брак, как Дорлиак — Рихтер. В сексуальном плане они не имели друг к другу никакого отношения. Но это оказался самый крепкий союз. Духовные нити, соединившие этих людей, разорвать

было невозможно. Брак, в основе которого только секс, я думаю, недолговечен. Духовная близость важнее. Она на первом месте. Я надеюсь, что в моей семье именно так. Нас с Робертом соединила огромная, невероятная любовь к опере. Он меня полюбил за муки творчества, а я его за состраданье к нему. Если есть дело, которому истово служишь, а рядом человек единомышленник и опора, то этого уже достаточно для крепкого брака и семьи.

— Ваша манера держаться не оставляет сомнений во властном,

решительном, самолюбивом характере. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Я думаю, что двух абсолютных лидеров в семье быть не может. Две сильные личности, как правило, не уживаются. Роберт не "поднаблюдчик". Он, при всей мягкости и умении уступать, вдруг может проявить такой характер, на чем-то так мощно настоять, что я оказываюсь "поднаблюдницей".

— Ваш муж, наверное, делает это очень аргументированно?

— Да, безусловно. Он никогда не идет напролом.

Был у меня друг, еще до брака... Прекрасный человек... Но мы с ним быстро разбежались, именно из-за его категоричности: как я сказал, так и будет! Мама мне говорила: "Я не представляю того мужика, который может быть рядом с тобой. Ты у меня, наверно, безбрачница". Думаю, что в общении с любимым человеком должен идти такой мощный эмоциональный и сенсуальный посыл, такое обожание партнера, что взаимопонимание рождается само собой.

— Считается, что быт может стать непреодолимым испытанием для самых нежных и трогательных отношений. У вас есть такие проблемы?

— Конечно. Только мы их игнорируем. Бывает, что дома нечего есть. Но я никогда не слышала от своего мужа — где обед? что я буду есть? Он спокойно идет в магазин и покупает то, что нужно. А уж если я в свободное время склонярила обычновенные котлеты с жареной картошкой, то Роберт с сыном радуются, как будто мама заняла пир...

— Иначе говоря, вы над прозой. Поэтому реминисценции по

Саломея. Рихард Штраус "Саломея".

поводу "с милым рай и в шалаше" вам вряд ли доступны. Хотя бы потому, что вы не в шалаше и никогда в нем не были?

— Да, живу не в шалаше. Но нам приходилось бывать и в не очень хороших условиях, и даже в меблированных комнатах...

— Второй или третий брак в антерских семьях часто норма...

— Нет, мы оба в первый раз официально женаты. У Роберта была подруга, с которой он жил очень долго в гражданском браке. Нечто подобное было и у меня.

— Среди людей весьма состоятельных существует мнение, что самые романтические, трогательные и нежные отношения, не подкреп-

ленные материально, заканчиваются через неделю...

— Все это ерунда. Надо жить нормально. Лично мне богатство и роскошь мешают. Раздражают. Они вызывают во мне какой-то страх. Мне нравится простой, нормальный образ жизни. Действительно, я могу не беречь каждую копейку. Могу позволить себе пойти в ресторан, купить хорошую еду или элегантную трапезу. Но так, чтобы регулярно доставлять себе, любимой, удовольствие, тешить свое эго и подсчитывать гонорары... Нет, слишком утомительно. Я начинаю нервничать...

— А к партнерам по сцене вы терпимы?

— Есть партнеры, которые меня раздражают. Но ведь я не сажаю, что мне с ним петь противно. Начинаю искать пути обхода. Например, говорю, ты можешь вот тут встать, чтобы в ухо мне не кричать, а вот в этот момент не так пылко меня обнимать, потому что здесь высокая нота, и мне нужно комфортно развернуть плечи. Своебразный период притирки. У нас с Робертом тоже не сразу все хорошо сложилось. Случалось, я на него орала, а он на меня. Он ведь воспитывался в совершенно другой среде. То, что для меня абсолютно естественно, для него неприемлемо.

— Существует мнение, что появление некоего "третьего лица" может даже предотвратить разрыв или, по крайней мере, убрать конфликтность.

— И да, и нет. Ну как же, слышала такие рекомендации, дескать, смените партнера, перенесите акценты. Ведь идеальных партнеров не существует. Но как только брак захочется скрасить

или дополнить, появляется некто третий.

— А некоторые женщины рас-
суждают так: "Я для того ему из-
менила, чтобы в очередной раз
убедиться — он лучший".

— Многие приятельницы мне не верят, что я ни разу не изменяла своему мужу. Но это действительно так. Я как-то "не вижу" мужчин рядом с собой, кроме Роберта. Конечно, может кто-то очень нравиться. Но так, чтобы я пустилась во все тяжкие... Пока такого не было.

— А что для вас важнее — ре-
зультат или процесс?

— Для меня — процесс. Например, отношений с людьми на сцене и по жизни. А результат можно предугадать. Если процесс серый, то и результат будет нулевой. Допустим, на репетициях я лезу из кожи вон, а партнеры мои никуда не годятся, — сразу становится ясно, что ничего у нас не получится. Когда с кем-то только начинаю общаться, практически сразу знаю, как выстроются наши отношения.

— А как вы отдыхаете?

— Не умею отдыхать. Не умею валяться на пляже сверху пузом. Надо все время что-то делать. Недавно ездили на Канары, там на второй день начала сохнуть от тоски. Не могу отключиться от творчества. Но я не трудоголик. Периодически чувствую, что выдохлась. Тогда мне нужно пару дней никого не видеть, не слышать, ни с кем не общаться, а повалиться на диване с книгой. И все — я уже отдохнула.

— Наверное, вы побывали у же-
виде, кроме Африки и Австра-
лии. Какая страна производит на
вас самое сильное впечатление?

Полина. Сергей Пронофьев "Игрок"

— Самое сильное впечатление производит Россия. Во всем — в негативе и позитиве. Я не перестаю удивляться нашей стране.

— Нашим людям?

— Да. Наш народ совершенно удивительный. Здесь постоянно сталкиваешься с невероятной добротой, открытостью, духовным напряжением и, в то же время, невероятным хамством, бюрократией, наплевательством на все и вся. Вот это Россия. Но я должна сказать, что лучшей страны для меня все равно нет.

— Какой народ самый легче-
кий, самый музыкальный?

— Русские и итальянцы. В России, как и в Италии, поют всегда и везде.

— А где самые красивые мужчины и женщины?

— В Испании. Просто поразительно. Там их целые косяки. Особенно в Севилье, на юге Испании. Очень высокие, поджарые, смуглые брюнеты с зелено-кариими глазами. Этакая очень ярная тореадоровская внешность.

— Узнаю конституцию Роберта.

— Да. Это мой тип. Люблю высоких худых мужчин с орлиным носом. А вообще самые красивые мужчины и женщины у нас, в России. Один мой итальянский приятель говорил: "Я никогда не видел таких девственно красивых лиц, какие мне встречались в Москве у ваших девушек. Я шел и оглядывался. У вас совсем другая внешность. Красота, которая захватывает. Бледные лица, голубые глаза, длинные ноги". Он просто балдел. Представляю, если бы ему пришлось побывать в Волгограде или Самаре, просто свихнулся бы. Уж там кровушки-то понемешано. Великолепные "особы" встречаются и в Бразилии, и в Италии. Но в массовом варианте женская красота России во всем мире вне конкуренции.

— С поклонниками из каких стран у вас самые теплые отношения?

— С итальянцами, испанцами, французами с юга.

— А я думал, с американцами.

— Нет, хотя они меня любят. Они открытые, легко идут на контакт. Но это на пять минут. На другой день увидят тебя: "How are you?" — и бегут себе дальше. Чего никогда не будет в России. Мы ближе всего к итальянцам, к испанцам. Как бы внешняя закрытость, а если расшевелить, — они

тебе все отдадут, душу выложат, будут за тобой бежать: "Мы тебя любим! Что тебе надо?"

— А какие требования вы предъявляете к внутреннему содержанию мужчины?

— Мне важно, чтобы мужчина был занят каким-то большим делом, которому он предан, которое любит.

— И не будете ревновать?

— Нет. Но при этом, чтобы умел красиво ухаживать. И чтобы эмоциональное напряжение и нежность не пропадали. Иначе, увы, все закончится.

— Вам это нужно как-то демонстрировать?

— Не обязательно... Все должно быть в глазах. Причем не в том смысле, что в них должно присутствовать постоянное обожание, нет. А вот посмотрит... так посмотрит на меня... И понимаешь — да! Момент истины.

— Можно ли влюбляться всю жизнь и нужно ли?

— Смотря как понимать влюбленность. Я понимаю так, что в своего партнера по сцене могу сиюминутно влюбиться. Не вину ничего плохого. Напротив, это дает некое напряжение, интригу, которые интересны и нравятся публике. Но потом никаких авантюре я себе не позволяю.

— Жестоко.

— Согласна, жестоко, но считаю, что я права. Интрига остается.

— Почему вы, женщина, так щедро наделенная от Бога и голосом, и внешностью, и умом, и драматическим талантом, не были востребованы в шоу-бизнесе? Вполне естественно было бы обнаружить вас на Бродвее, сняжем, в одной из Уэйдерровских

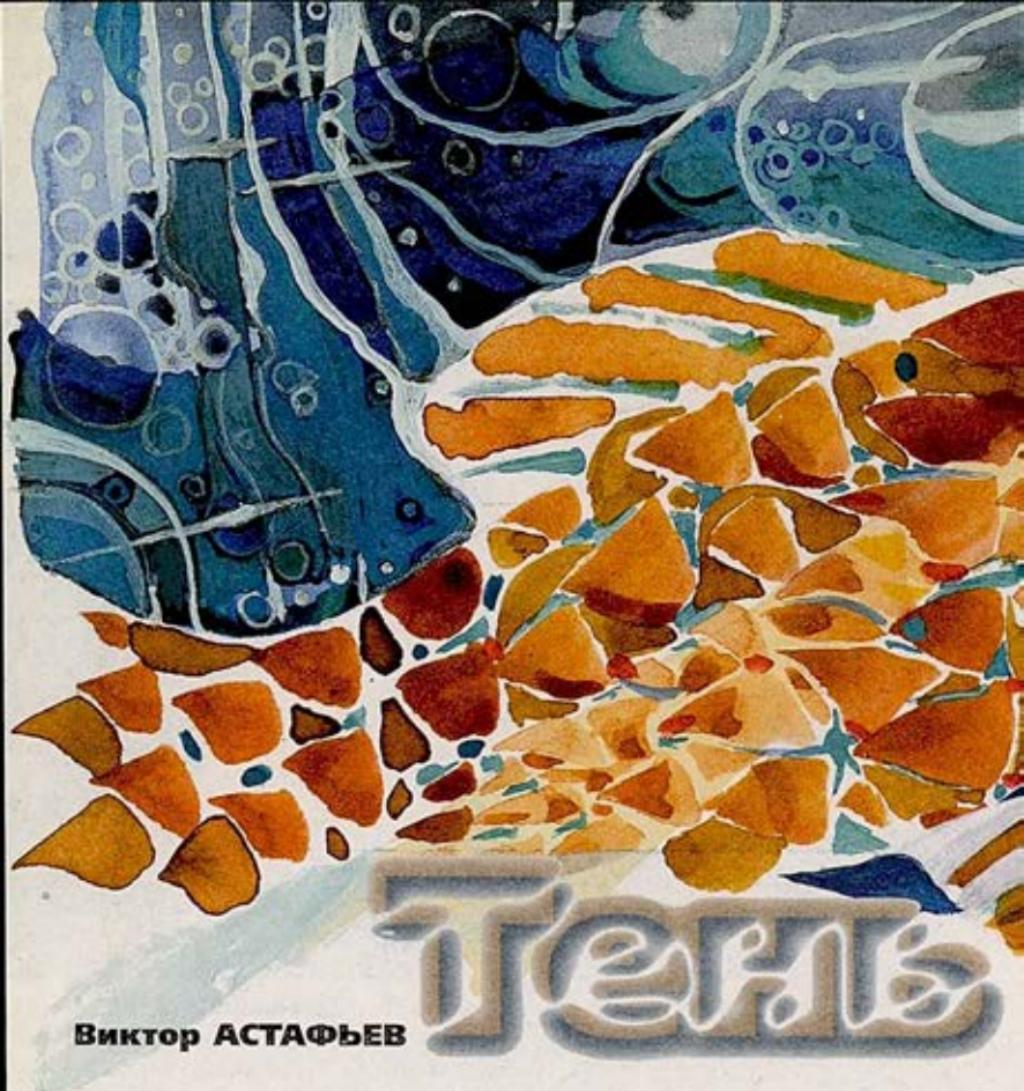
С сыном Андреем.

рок-опер. Это слава, деньги, со-
поставимые с успехом в Голливуде.

— Рок-опера — совершенно другой вокал, другая голосовая подача, микрофонная. Все легче, нет плотности оперного звучания. Существуют ведь законы жанра. Если начинаешь выступать в рок-музыке, теряешь оперу. Опера — такой вид искусства, который ко многому обязывает. Начинаешь выступать во всяких мюзинлах, шоу, и тебя перестают воспринимать как серьезную оперную певицу. Таков консерватизм мышления. Природа всех моих экспериментов в области шоу-бизнеса связана с желанием увеличить свой творческий диапазон. Мне

смешно с партнерами, которые сделают два шага — уже потеют, задыхаются, не говоря уж, что нужно взять высокую ноту, сделать жест. А чтобы поднять антресы на руки — даже речи быть не может. Мне тесно в "оперной рубашке". Оперному искусству нужны реформы, но они невозможны без прихода новых людей, молодых талантливых дирижеров, артистов, композиторов, сценографов, либреттистов... Я знаю, что обязательно буду себя пробовать в шоу. Не теряя при этом своей оперной закваски. Уже в следующем сезоне намечены интересные проекты. ■

Беседовал
Юрий ПЕТЕЛИН.

Тайга

Виктор АСТАФЬЕВ

Ожидание вертолета в тайге — это новая, современная жизнью сотворенная, чудовищная казнь, возникшая на стыке двух веков.

Уже и через несколько часов, тем более суток, человек, долго пробывший на промысле или в поисковой работе той или иной экспедиции, ожиданием пригвожденный к месту, чаще всего к таежной избушке, от напряженного слуха, с натянутыми до звона нервами начинает хвататься за сердце, у него разламывается голова, и до того он весь вымотан, истерзан, что готов уже и в психиатричку.

В каждом-то таежном звуке, особенно в шуме и гудении тайги под ветром, в плеске воды в реке или на озере, тем более в рухнувшей где-то сухостоине, чудится — вот он, миленький, наконец-то прилетел!

И человек в одной рубахе, иной раз босиком, несется прочь из избушки, чтобы удостовериться, она, она, родимая машина,

Рыбка

тут она, винтокрылая птица, мать бы ее и перемать, пошла на круг, вон гул ее удаляется и сейчас возникнет из вершин деревьев, и плюхнется на облюбованную иль специально для вертолета расчищенную площадку, но никто и ничто не появляется из-за деревьев, никакая тварь не валится с неба.

Тайга это шумит, гудит, трещит, стонет, и столько звуков в ней таится, что иной раз, до сотни раз, охотник иль по нужде в тайгу попавший человек подскочит у костра, сорвет выход в палатке, расхабарит дверь в избушке, чтоб уж из последних сил кратко изматериться и, опустившись на пенек или крылечко, схватившись за голову, сдерживая нервное рыдание в груди, произнести самую выстраданную в своей жизни речь, смысл которой, в общем-то, краток и объемен, да чтобы он еще хоть раз залетел в тайгу. Да пропади она пропадом...

Уже и легендами, былями и небылицами, порой страшными до жути, обросли все эти случаи и происшествия, связанные

ные с вертолетами и страдальцами-таежниками. Чаще всего сами же вертолетчики, им доступно, и вытворяют чудеса друг над другом. Самый распространенный вид происшествия — экипаж вертолета, забросивший товарищей своих по ягодничать, порыбачить, когда и побраконьерствовать в таежном отдалении, загуляет, завьет житуху свою веревочкой, а если ближе к технике ему родной, верхним несущим винтом, и забудет обо всем на свете: о жене, о детях, о теще, тем более о товарищах, где-то им оставленных, куда-то и зачем-то заброшенных.

Через неделю, иной раз и через две, кому-нибудь из экипажа, чаще всего командиру, изнутри ударит вдруг молнией угасшей было памяти в темя, и он удивленно заорет:

— Ребята! Мы же Кольку с братвой в тайге забыли! — и бегом, бегом на заправку, штурман за маршруткой, аэродромная обработка, матерясь, машину снаряжает, и вот она, родимая, рожка радостно и покаянно, понеслась к осиротелым товарищам, и когда плюхнется в назначеннем месте у голодных, мокрых, обессиленных друзей, сил уже на матюки не хватает, а ведь грозились дать этому Митьке или Грине, уж так дать, чтобы всю жизнь помнил подлец, как бросать друзей на две недели, тогда как они залетели по ягоды всего на сутки или двое.

Но уж тут наторелые вертолетчики, сами не раз бывавшие в беде и покинутости, скорее рюкзак с хлебом, поллитрой, вареной лосиной губой или консервой волокут: «Давай, давай, братва, рейс внеплановый, ешьте, пейте, потом ругаться будете». А бедолаги с голодухи тяпнут полкружки водки, пожают чего-нито и отвалится головой на железную стенку машины. Истомились, изнервничались, отдыхают ублаженно.

Самый чудовищный случай рассказали мне вертолетчики в Енисейске, когда мы, дожидаясь погоды, сидели в какой-то жарко натопленной будке, сплошь оклеенной плакатами и наставлениями по технике безопасности при эксплуатации летающих машин и по борьбе с алкоголизмом. Сидели, борясь довольно активно с этим самым треклятым алкоголизмом, заедая питье кто чем может: все тем же деликатесом — вареной лосиной губой, маринованными белыми грибами и груздями, стерлядью вяленой, соленым омулем да соленой черемшой, доставая ее грубой пятерней из банки.

Ребята-вертолетчики летели за брусникой на реку Сым, мы с товарищами на речку Тынэп — приток Бахты — порыбачить.

— Место хорошее, избушка там новая, под порогами рыба держится путевая, — сказал молодой мужик, весь из себя какой-то ладный, складный, от вина не хмелеющий. — Нам с Костей, — кивнул он на темноволосого мужика со впалыми щеками и слезящимся глазом, который он беспрестанно вытирал тыльной стороной руки, — Тынэп этот и пороги его вовек не забыть.

Костя согласно закивал лохматой, нечесаной головой, товарищ, которого звали совсем неожиданно для этих мест — Эдуардом, поведал нам историю такую, что мороз по коже и до се пробирает, как вспомнишь ее.

Эдуарда и Костю вертолетом кинули на Тынэп за глухарями. Тогда Тынэп был мало обжит и не обшастан экспедицией, в нем велось много нетронутой доброй рыбы: тайменя, хариуса, сига, тайга кишела боровой птицей, нагулявшей на осенней ягоде тело. В среднем течении реки кинули мужиков на остров. На неделю кинули. Была у них с собою малопулька и двустрелка, два ящика патронов, ну, и спиртик, конечно, был, и продуктов дополна. Они быстренько, с азартом, переходящим в жадность, навалили кучу глухарей, чтоб себе и экипажу на всю зиму дичина была, для себя же насшибали рыбчиков, по вальдшнепам в стрельбе упражнялись, когда и пролетную утку с неба сронят для разнообразия пищи, ну, и хорошо подвыпивши, ежели непогодь в палатке держала, по консервным банкам и по бутылкам тоже в стрельбе тренировались.

— Чемпионы, словом! Эт-твою эт! — прервался рассказчик и махом, со страстью и клоочущей в нем энергией, хрястнул кружку водки. Утерся, пожевал, глядя куда-то вдаль и что-то видя за пределами все еще закрытого аэродрома. — Словом, резвяся и играя, не заметили мы с Костенкой, как пролетела неделя. Сетенка у нас была капроновая, забивал ее за ночь сигдурак от тетивы до тетивы, таймень дурел и рвал нашу ловушку, но иной раз все же запутывался и он, если не совсем дурило, не бревно если. Сетку мы вынули, лодочонку резиновую спустили и связали, хотя ее уж ичинить негде было, так мы ее устряпали. Словом, все манатки связали, ждем вертолету, братьев по классу обнять жаждем. Перевалило за середину октября. Студено ночами. Непогодит. Успокаиваем друг друга, вот, мол, распогодится, и появится он, родимый, затрещит над головой, приземлится средь острова, и тогда уж гурьбой, с хохотом и удалью, сбросаем мы манатки и добычу в утробу машины, наверх взовьемся, и будь здоров, Тынэп, до новой встречи.

Снова прервался Эдуард, снова тяпнул водяры, но уж только половину кружки, сидит, ножницами сложив ноги, обутые в шахтерские глубокие галоши с портнянкой и шерстяным носком — это уж новый вид таежной обувки на краткий срок, легко, удобно у костра быстро разуться, высушить портнянки и сами галоши. Жизнь и намучит, и научит. Бродни же резиновые — в мешке, иначе изопреют ноги, пока так вот сидишь и у Бога милости ждешь.

Снова смотрит в оконце Эдуард, в известные ему дали, Костя свернулся на топчанчике, изложенным из ящиков, вроде как заснул.

И через две недели вертолет не пришел на Тынэп. Мужики давай припасы, прежде всего соль и патроны, беречь. Что-то

случилось. А что? Попробуй из тайги угадай, докричись за сотни и сотни верст.

А случилась беда редкая — командир экипажа, забросив товарищем в тайгу и вернувшись с Тынэпа, так тяжело заболел, что из Енисейска его самолетом переправили в Красноярск, и там он угодил на операционный стол. После операции в жарком бреду он шептал, ему, наверное, казалось, выкрикивал:

— Ребяты! Там... ребяты! — и показывал за окно больницы.

Но мало ли что в бреду больной не наворотит. Вся надежда была у него на второго пилота и штурмана, но тех перебросили в Заполярье, на рыбакскую путину, уже на другой машине. И наша, российская, безалаберность, помноженная на современную безответственность, возобладала снова над разумом и всяkim здравым смыслом, они никому не сообщили о том, что забросили на Тынэп двоих своих товарищем, надеясь, что это сделает командир, командир же после операции через неделю умер.

Приближался конец октября. Уже месяц, как не являлись из тайги двое вертолетчиков, и никто, ни в отряде, ни по-за ним, ухом не ведет.

Жена Кости, к которой обратилась жена Эдуарда с вопросом: "Что же делать-то?" — махнула рукой: "А, сгинь он, пьяница, хоть сегодня, хоть завтра".

Но жена Эдуарда не из таковских, она мужем дорожила, шум подняла, начальника вертолетной группы переняла, пообещала обратиться к начальнику аэропорта, а коли надо, так и в Верховный Совет.

— Ты это погоди пылить-то! Верховным-то Советом меня не страшай. Когда, говоришь, оне улетели в тайгу-то? Эт, мать-перемать, внеплановый рейс, втихаря слетали, втихаря смылись, а теперича вот пожалуйте в Верховный Совет. Да ты погляди, на дворе снег пробрасывает, покуль Верховный Совет среагирует на твою жалобу, мужики погибнут. Эх, мать-перемать, ну, я имля!..

Он долго искал, еще дольше связывался с двумя своими кадрами. Те благополучно отработали на рыбной путине, рыбкой подразжились на зиму, сидят в Игарке на бочонках, караулят рыбку собственного засола и теплохода попутного ждут до Енисейска.

— Немедленно! — загремел начальник. — Немедленно на первый же борт и сюда. Зачем? Зачем? Вы, что, забыли, что товарищем бросили в тайге? Евгений Иванович! Евгений Иванович! Помер Евгений, ваш, Иванович! А мужики в тайге загинаются, и только вы, подлецы, знаете, в каком оне месте бедуют. Немедленно!..

Уже забереги на Тэнзыпе появились, шугу, пока еще ломкую, по стрежи начинало тащить, снегу, хоть и тонко, по тайге настелило. Давно съели мужики хлеб, картоху, крупу и

соль, расходовали по патрону в день, кляня себя за ухарство, за то, что палили по банкам, бутылкам, на Косте шапку так издырявили, что перо или шерсть, как на голове недощипанной птицы торчит. Давно съели они впрок заготовленную дичину, экономно расходовали соленую рыбу, вываривали ее в птичьем бульоне, уже и палатку утеплили они травой, ветвями пихты, печурку экономную из плитняка в палатке слепили.

Разговоры о том, чтобы сплыть по Тынэпу в Бахту, а по Бахте до какого-нибудь поселка, прекратили, только начав их. Резиновая лодка в лоскутях, связать самим салик из сухой дрессины — веревки единственные, две тетивы от сети — верхняя и нижняя, обе подопрелые, надрать лубя талового — хватилась она, когда ночь прошла. Осень, лубьё зачерствелое, ломкое, на первом перекате порвет — они прежде, чем попасть сюда, на нетронутые угодья, не раз излетали Тынэп от устья и почти до истока — серьезная река, на ней не только лесные заряды, перекаты и шивера, но и несколько с виду совсем не гибельных порогов.

Хоть и обормоты, хоть и дураки, а понимали, в их положении остается только ждать и надеяться на Бога. Но оба креститься не умели и про Бога вспомнили уж с холодами, когда приперло.

Вырубили и вытесали несколько деревянных лопат на тот случай, если придется углубляться в землю с палаткой и шалашом, над ней изложенным, топор и ножовку-пилу берегли пушистые глаза, набирали и ели много ягоды, в первую голову клюкву и бруснику. Боялись простыть и заболеть, оттого в работе не запаривались.

Когда вертолет прогремел над островом и пошел на разворот, Костя заплакал и, глядя в небо, будто кавказский пленник из рассказа Льва Толстого, повторял одно и то же слово: "Братцы! Братцы! Братцы!", упал на колени и пробовал креститься, путая плечи. Эдуард же, стиснув зубы и ружье, заряженное картечью, про себя повторял: "Застреляю! Перестреляю! Застреляю! Перестреляю!".

Но в вертолете рулили тоже бывалые люди и только отодвинули дверь — тут же завопили, руками замахали: "Мы не виноваты, мы не виноваты. Помер. Евгений Иванович помер".

И повыскакивали, и под ручку друзей-товарищей, как причиндалов каких, подсаживали, и все повторяли, что они не виноваты, Костя, уж как бы в бреду, все повторял: "Братцы! Братцы!" и целоваться лез, а у самого даже в бороде вши кишат...

Вот и мы на речке Виви, на краю дальней земли, самой Эвенкии. Сидим, вертолета ждем, на шум и гул тайги высекаем. Избушка с утра натоплена, на столе — чай, кедровые орехи, да все — не в радость, все — тревога. Я к той поре, кро-

ме рассказов енисейских вертолетчиков, наслышался всякой всячины и в других местах, но хозяин избушки намекающе успокаивает:

— Прилетят оне, прилетят, за опулудень прилетят, туда ж оне пролетели, стал быть, на обратном пути заберут и нас. А покуль они делом заняты...

Я не сразу, но усек, каким делом заняты вертолетчики.

В ту пору горючее еще было доступно по цене, вертолетный парк Туры большой, начальство Эвенкии и сами вертолетчики вольничали и летали куда им вздумается. Вот и нас, красноярских интеллектуалов-рыбаков, хотя и назвали придурками, решили вертолетчики распотешить и метнуть аж на озеро Виви, откуда и брала начало славная речка того же игривого названия, и где определен был географический центр России, и куда вскорости поставят соответствующий знак.

В пути, пролетев над избушкой, возле которой мы этой же гоп-компанией прошлым летом натешились славной рыбалкой, нам сделается известно, что в истоке Виви, в рукавичках ее чистых, лихо берет ленок, и не одна, стало быть, только любезность влекла туда вертолетчиков.

Места первозданные, слегка потревоженные комплексной экспедицией, шарившейся по северу Сибири в поисках нефти, газа и драгметаллов. Эти пакостники нашли чего хотели, неисчислимые богатства, в первую голову каменного угля, открыли они, нанесли на карты. Обозначили в трудах и отчетах, да и отбыли за государственными премиями в столицу, изрядно наследив в здешних краях, на вековечных просторах, где и дышать-то следует осторожно, так ранима здешняя природа. Но все вокруг уже начинало забывать о грохоте взрывов, ружейной пальбе, об огнях, обширных пожарах, становища современного нахрапистого человека затягивало реденькой травкой, бузиной, смородинником, ивой и ольхой. Однако животные помнили о грохочущей в небе лапистой птице и разбегались по реденьким лесам в разные стороны.

Было начало мая, кормные места вытаивали возле речек и озер, сюда и спускался зверь на кормежку. Подмыло берлоги, очнулся от сна и вылез на белый свет седой от инея, в свалившейся шерсти, подобранный в талии медведь с длинными когтями и поначалу на свету почти ничего не видящими глазами. Только проморгается на свету хозяин тайги — тут же за охоту берется, и уж тогда, что на его пути попадется, все в рот, лишь бы хоть как-то было съедобно.

— Вот он, вот он! — закричали в вертолете, показывая вниз. А там, на бугорке, едва прикопанная снегом, краснеется туши лося, и возле нее, по-купечески широко и пьяно раскинув короткие лапы, сидит на заднице медведь. Каравулит свою добычу. Хитрое, мастеровитое занятие — скрасть и задрать матерого зверя, но свалишь, дальше уж живи-не тужи. Порубал мяс-

ца и сиди возле него, подремывай, чтоб никто кроме мыши не проник к добыче, не урвал кусок. Волки, бесстрашные полярные волки истоптали снег вокруг, но подойти побоялись и, когда вертолет снизился, потекли серыми ручьями вдаль, в прибрежные гущи. Однако с главным зверем — мышью, и медведю не совладать. Эта тварь всюду проникает, всюду, ей ничего не страшно — ни война, ни мощная сила. Проникли мыши и к этой добыче под снегом. Солнцем осадило снег, обозначило ниточки ходов к мясу со всех сторон. Однако мышь не волк, всю добычу не растасчит, лишь поточит мясо там и сям, и все же для острастки бил беспощадно лапой и это мелкое зверье медведь, по снегу густо серели махонькие серые тушки, сторожное воронье, оно и здесь имеется, на краю света, не базаря, как обычно, широко, будто беременная баба, ступая, топталось вокруг сыто отдыхающего хозяина и отлетало в сторону с добытым комочком в клюве. На мясо вороны не садились, они знали порядок, насытится вдосталь хозяин, подмоет холм талой водой, он, тяжело, осоловело ступая, уберется в прибрежные крепи, тогда и пируй. В голове, на костях, в снегу накрошенного много еще добра останется.

Снизившись, вертолет боком, боком осторожно и умело подплывал к медведю. Зверь поднял на загривке шерсть, ощерился кровавой пастью, но от мяса не уходил. За какие-то несколько суток он нагулял, наел тело, был толст, гладок. Вертолетчики и раз, и два подходили к зверю, он будто собака бросался на страшного врага, шерсть на нем шевелит и заголяет до кожи вихрем винтов, выбивает клочья прошлогодних клочьев, того и гляди, метнется зверь в открытую дверцу.

— Ну, ладно, хватит, побаловались, — закричал командир, — в одной машине однажды побывал медведь — мно-ого посуды перебил...

И поднял машину, и по тому, как погрозили кулаком вниз оба пилота, я понял, что они еще встретятся с обожравшимся, отяжелевшим хозяином здешнего побережья.

— Пусть живет, пусть жири поднакопит, — обернулся с заднего, откидного сиденья штурман. — Да у нас с собой и карабина нету.

Был, конечно, был карабин, куда тебе северяне полетят иль поедут без оружия. Круглый год оно с ними, “на всякий случай”. Просто вертолетчики побоялись компании, прилетевшей аж из краевого центра. Черт их знает, что у них на уме, ребята вроде свои, веселые, а вдруг в газетке продернут, тем более два писателя тут — Немушгин Алитет и этот кривой, незнакомый, от кривых же всякого жди.

И вот сегодня рано поутру, стороной, по-за хребтинкам проплыл вертолетчик, оставил над лесами урчащий звук и нам давши понять, что вот он, вертолет, пролетел по делам и скоро будет здесь.

Сидим на мешках и по нарам, преем в жарко натопленной избушке, вяло треплемся, все уж давно высказано. Все восторги от путешествия и рыбалки истрачены, редко, редко слово кто обронит иль вопрос задаст, вроде: «Может, еще дров в печь подкинуть?», и снова настороженная дрема, снова слух напряжен. А за окном майское яркое солнце разыгралось, в стекла ломится, сосульки с крыши начали падать и со звоном разбиваться, кедровки за избушкой кричат-надрывают.

— Ну, вот что, дорогие товарищи! Я не затем всю зиму в городе мечтал о дальних краях, не затем тащился за тыщи верст на казенных машинах, чтобы у печки сидеть. Я иду рыбачить. Ранее вечера за нами не прилетят. Ребята-вертолетчики делом заняты. Важным.

Хозяин избушки, за нас ответственный, вопросительно глянул на компанию и растревоженно крякнул, напарники мои отговаривать меня взялись, лыжи сломаны, как на лед спустившись, забереги развел, лед ненадежен, возле лунок уже вчера промыло так, что в проруби лунки превратились.

Я не послушал никого, взял свой ящик, единственную лыжину, прислоненную к избушке, под задницу приспособил и по набитому в полуярок все еще глубокому снегу с грохотом скатился на лед.

— Во, придурай! — раздалось мне вслед.

Подточенная на выносях и возле кос Виви шевелила забереги, катила воду под лед, на солнце ослепительно сверкающий. Идти было ко вчерашним лункам с полверсты, и я почапал серединой реки, чувствуя под ногами надежную твердь. Гляжу, по берегу, ухаясь в снег по расщелинкам, распадкам и разным яминам, подался и Сан Саныч, хозяин наш и командир.

— Далеко ли? — кричу я ему.

— Нет, недалеко, старую избушку посмотреть. — Хитрован Сан Саныч. За мной, за придураем, его снарядили досматривать, но, скорее, он сам снарядился. Чтоб не надсаждать мужика, чтоб не вымочился он в снегу-то, я сел возле первых лунок, на исходе плеса, где рыба не держалась, были у нее подо льдом места кормней и уютней, в первую голову в устье вздувшейся и уже начавшей пошумливать речки Каменки. Она из ущелья и по полу затопленным кустам смывала много всяческого корма, тащила козявок, блошек, мошек, личинок комаров, заснувшего в камешнике ручейника — знай, рыба, кушай. Вчера там писатель Немтушкин тайменя кил на шесть заудил. Но до устья далеко-нько, наряжен я по зимнему толсто, и мне опасно в устье, могу провалиться, одному не выбраться, тайменщик Немтушкин бока возле печки греет.

— Успокойся, Саныч! — кричу я. — Дальше не пойду, ступай в избушку.

— Да не, посижу на солнышке, знаш, как по нему здесь за зиму соскучишься, о-о-о, не знаш, в полуденных краях проживаешь потому што. — Посидел на вытаившем пеньке, облокотившись на карабин, покурил, помолчал, пощурился и добавил: — Акромя того, медведь с берлоги поднялся уж с неделю как, наследил коло избушки. Не видели? Не заметил? Вот то-то и оно-то, а он непременно на лед спустится, подобрать чего, где замор был, рыбкой похрустеть, мимоходом, глядишь, и тебя, верхогляда, прихватит, ему счас, что собака, что человек. Все корм, он полуслепой, брюхо у него пусто, тошной, што беглый лагерник, и не видит где че, документу не спрашиват, интеллигент ли ты, аль трудящий человек, скрости и спасибо не скажет.

В это время я выворотил из лунки хорошего, всем радужным нарядом красующегося ленка.

— Че у тя там?

— Ленок.

— Дурак дурака видит издалека, — заключил Сан Саныч. — Суда только шалая какая рыба заплыват.

— Шел бы ты домой, Саныч, не шумел.

— В городу, дома, бабе своей указывай, а у меня тут мой дом и мои порядки, — отрезал Сан Саныч.

Долго не было поклевок. Сан Саныч спросил:

— Не надоело?

— Нет.

— Ну, мать твою, разэтак. Я пошел. — А сам сидит, на небо пялится. — Однако вертолет слышу.

— В заднице у тебя гремит, знаешь ведь, под вечер они явятся. Не раньше.

— А што если раньше?

— Прибегу, пока грузитесь.

— Ага, с экой пузой, да в меховой одежде токо и бегать.

— Не шуми, говорю, поклевка была.

— Эть, мать твою, што за люди...

И тут я вымахнул харюзка на лед.

— И, правда, поклевка! — проворчал Сан Саныч. — Я чаю хочу. Спасу нет, понимаешь ты иль нет, а ты тут с этим харюзишкой. Мы вчерась доброй рыбы с подо льда пуда два вынули. Мало тебе? — И, громко матерясь на ходу, подался к приветливо дымящей избушке, сказав мне на послед: — Ну, если медведь задавит тебя, олуха, и сожрет, пеняй на себя!

Я уже сомлел под солнцем, разделся до рубахи, сижу, дремлю, удочкой покачиваю, о медведе не думаю. Я все послевоенные десятилетия один по тайге проходил в силу кривого глаза. Подбили мне правый глаз на войне, стреляю с левого, плохо стреляю и, чтоб надо мной не потешались, бродил по тайге один, в тайге и сочинительствовать начал. Ну, видел я медведя, и не раз, одного — в упор. Разошлись с миром. Мед-

ведь — зверь умный, он знает, кто его стрельнуть может, а кто и нет, и нечего меня страшать, пуганый уже. Всю жизнь пугает власть то изобилием, то гладом и тюрьмою, инстанции грозятся из Союза писателей исключить, напарники — зверем, ладно хоть жена разводом никогда не пугала, некогда ей потому что было.

Удар! Короткий, уверенный, едва удочку не выбил из рук, и ну я с рыбиной бороться, наверх ее волочь через лунку подтекущую, зевасто размытую. Рыбина, а по удару я понял, что это таймень, атаман сибирских вод, пошел было на поводу, не понимая, куда и зачем его ведут, но как завидел белый свет, да еще солнцем сверкающий в лунку, уперся, крутанулся, и моя окуневая удочка с наконечником из эбонита жалко щелкнула, переломилась, таймень поволок вглубь наконечник удочки и меня вместе с ним.

Леска, два с половиной миллиметра, совсем не для богатырей и разбойников излажена. А ведь была у меня, была совсем другая удочка и леска другая, удочка из отменного бамбукового удилища, а леска-то, леска не корыстная с виду, неровная, нефористая — истринской зовущаяся. И сколь я той леской посыпал поклонников японской, немецкой и всякой другой заморской продукции. Главное условие при той леске — не рвать, не дергать сдуру, а пла-авненько, без психа и азарта тянуть, и она, милая, наша отечественная, все выдержит и вытерпит. Я на той леске, на глазах вологодского народа, кубенскую нельму килограмм на пять в воздух взнял. Ну, может, и не пять, но четыре верняком было, так вологодские рыбаки сплошь себя низкопоклонниками и мудаками назвали. И вот опять женщина, чтоб ей пусто было, моя суэтливая жена, убираясь в кладовках, куда-то ту заслуженную удочку сунула, и до сей поры всей семьей найти не можем.

А это что за струмент?! Ну, перехватился я за леску рукой, тормознул атамана, однако он, проявив сатанинский характер, так рванул, что остался у меня в руке обломок удочки и жалкий обрывок лески.

Э-эх, мою бы заслуженную удочку, да и с истринской леской сюда, так мы бы посмотрели кто кого. Таймень от удивления, не иначе, отскочил в сторону от лунки и подмытого льда. На промоине остановился, возле галечного выноса. Воды здесь вроде бы не глубже, чем до колена, но это свойство чистейшей воды, ступи в нее и скроешься с головой.

Он стоял в двух-трех метрах от меня, чуть пошевеливая перьями поджаберных плавников и самими жабрами, с серебряной блесенкой, будто с цигаркой, во рту, обрывок лески с наконечником занесло течением под кромку льда. Красива, дивна была рыбина с покатой головой, с телом стремительным и нарядным. Бок его, мне видный, был словно бы отлит из гладкой стали, еще не остывшей, по нему россыпь ярких пятен, сгуща-

ющихся к могучей, покатой спине. Тот, кто делал военную торпеду, видел эту рыбу, срисовал, убрав с нее всю роскошь наряда и множества плавников.

Впрочем, их множества не было, но они были такой изящной формы и причудливой раскраски, которую не стерла, не заглушила даже глубь воды. Глаз нельзя было оторвать от этого чуда, земного создания, каприза, выдумки, фантазии природы. Таймень был в юношеской, а может, и в молодой поре, и все на нем цвело, все роскошествовало, пятнистый плавник наборной гармошкой, открытый во все меха, украшал крейсерски стройную спину.

Однажды, в низовьях Енисея, я видел тайменя килограммов под сто. Он попался в невод и по старости своей иль от утомленности лет не смог прорвать кошель невода. То уже был не таймень, не рыба, то был водяной зверь сродни крокодилу, и зубы у него росли уже и помимо рта, вроде бы торчали над губами, и краски, дивные краски на нем отцвели, на огромной башке — в дыры изъеденные водяной тварью нарости, на них росло что-то похожее на мох, а сама рыбина напоминала деревянный сутунок с ярким рулем, правда, и кое-где проступающей багряной цветью, да жировой плавник на спине, сложившийся в ослизлый гребень, стекший с могучей спины вбок, напоминал еще о характере и красоте этой всюду по Сибири нынче почти истребленной рыбы.

Но наш-то, наш-то герой, словно давая собою налюбоваться, постоял еще на легком, чуть вихрящемся течении, не делая никаких движений, и начал лениво, отдавшись воле вод, и вроде бы заговоренно сплывать под лед, все не делая никаких резких движений. Он проплыл близко от моих ног и ящика, на котором я сидел, вроде бы меня и не заметив, величественный и надменный. Его как бы втягивала в себя подледная живая темень, он погружался в нее, оставляя под собою тень, и когда его не стало, тень еще какие-то мгновения оставалась на виду. Уползла, утянулась под лед белая леска, следом и тень уплыла, погасла.

Я лег на бок и еще секунду-другую видел рыбину подо льдом. И каким-то таинством пугающе дохнула на меня живая глубь. А потом, чуть опомнившись, сидел я на ящике, потрясенно повторяя и повторяя:

— Остановись, мгновенье, остановись! Ты прекрасно!

И понимал, что это глупо, но ничего поделать с собою не мог, да и никто моей восторженной глупости не видел и не слышал.

Таймень откуда-то, скорее всего с ближайшего каменного омута, конечно же, правился по свежей, снеговой струе к устью Каменки, к скоплению рыбьей пехоты, чтобы погонять ее, получить строевой подготовке и подкормиться там, конечно, и побушевать всласть. Блесенка моя случайная была случайно им замечена на пути к кормному месту.

Я бросил ломаную удочку в ящик, взвалил его на плечо и солнцем палимый поплелся к избушке, где еще, не остынув от возбуждения, красочно поведал товарищам о рыбаккой драме, постигшей меня на речке Биви.

Добродушный, как и все северяне, Алитет Немтушкин пожалел меня.

— Ничего, Петрович, ничего, другой раз прилетим, и ты его, разбойника, добудешь, токо блесну свою уловистую уж не вернешь. Он на пути к Каменке не раз запутается в камнях или корягах, остаток лески в ключья изорвет и блесну, скорее всего, выдернет, либо вытряхнет. Рыба так вот головой трясет, когда ей в рот не то попадает. — И Алитет, внук шаманки, язычник недавний, довольно артистично изобразил, как рыба вытряхивает разные предметы изо рта.

Не менее сердобольный человек, художник и мой друг утешал меня более художественно, ну, вытащил бы ты этого тайменя, ну, сварили бы его и съели, и что? Что было бы потом? Ясное дело, что. А так ты его помнить будешь, может, другой раз, как Немтушкин заверяет, прилетим, ты его, голубчика, и зарабачишь.

— Большой был-то?

— Килограмм на десять.

— А тогда он будет все пятнадцать иль двадцать. Материя хотя и исчезает, но вновь иногда тоже появляется. Так по науке?

Сан Саныч, возвращаясь из дозора, зол был и от слепого гнева завалился где-то в бочажину, в сапоги начерпал, за что я уже получил положенную мне порцию матюков, развесил он портянки над печкой, на почернелых от копоти шестах, босой лежал на нарах и ехидно заметил:

— Свесили уж рыбину, базу материальную под нее подвели! — и все еще сердитый, на меня взвился: — У нево, у ротозея, рыба в роте была, он же, интеллигент сраный, опустил же, а вы под это дело чуть ли не марксиськую теорию подводите.

Сан Саныч смолоду посещал парткружки в столице Эвенкии, наслушался там убогих партийных теорий по марксизму-ленинизму, писанных на туземный лад, он считал себя политически подкованным. И чуть чего, ввертывал политические догмы в разговор, поныне он не отставал от общества в развитии, читал списанные книги и журналы подряд, особенным его вниманием отчего-то пользовался журнал "Юность", в журнале том он выделял творения Аксенова, называя его, однако, все время Анисимовым.

— Во писатель, дак писатель, он их всех к ногти, разоблачат и бичует, разоблачат и бичует! Вроде как принародно на скамейку завалит и прутьями по жопе, по жопе. Не воруй, не оманывай народ, не глотничай на производстве, живи по совести и честно.

Местных творцов Сан Саныч игнорировал. Прочитал однажды в журнале "Охота и охотничье хозяйство" заметку, в которой что-то неправильно написано было, и всех разом запретил, допрежь всего сибиряков, и оттого же Немтушкина Алиетта забраковал: "А че он знат? Сидя в кабине, сочинят всяку херню, да деньги лопатой гребут".

И хотя горячился, спорил, народу радый Сан Саныч, вертолет он услышал прежде всех. В вертолете народу битком. Прикрытие! Сразу догадались мы. Прикрытие от посторонних глаз. Судя по тому, что пол вертолета был совсем недавно вымыт из шланга, но в железных канавках и возле винтовых спаек дрожала бурая вода, а за запасными баками брезентом накрытая топорщилась горка поклажи, не трудно было догадаться, что жадность фраера сгубила. Не ушел медведь от мяса, не попустился добычей, и, отсадив рыбаков подальше, вертолетчики ухлопали чревоугодника, разделали и погрузили его в вертолет.

Рыбаки были сплошь и крепко поддатые. Клевало хорошо. Малек набился в тихие приозерные рукава, сюда же двинулся следом прожорливый ленок, крупный хариус, таймешата, и закусывали они безнаказанно скучившимся мальком, будто рубленой капустой.

Более других был счастлив тощенький, белобрысый мальчик. Его впервые отец взял на рыбалку, и он вытащил аж шесть ленков и двух харюзов, но при этом промок, под лед провалился на мели, в сапоги начерпал, и подвыпивший отец держал его меж ног, в коленях, прижимая к груди и согревая своим теплом, и хвастался же сыном, называл его молодцом и все требовал от товарищей, чтоб они подтвердили, что парень сам поймал рыбу, а то ведь баба не поверит.

Толкотно, шумно и сырь было в вертолете. Рыбаки, судя по выражениям словесным и потасканным мордам, из бывалого сословия, бывшие зэки, вербованный люд, бродяжня доморощенная. Для начала они срезали "счастливую" блесну с удочки, торчавшей из рюкзака моего друга художника. Блесна была клепана из старинного серебряного полтинника, друг ее дорожил и по сей день не может простить бродягам этакое лихомство, наглость и бесстыдство.

Скоро спутники допили все, что было с собою, один по одному затихли, сморились в тепле. Уснул и отец со счастливым мальм рыбаком, крепко его прижав к себе, и когда вертолет плюхнулся в Туре на мокрую деревянную площадку, едва добутились некоторых пассажиров.

Прошло уже много лет с тех пор. На Виви мне больше быть не довелось, но и сама река, и рыба таймень, особенно тень рыбы, в другом, вроде бы потустороннем тихом мире оставшаяся, все лежит в моей памяти, украшая жизнь редкостными, такими вот роскошными воспоминаниями, щедрыми подарками прихотливой судьбы.

Ким БАКШИ

У меня, к счастью, много друзей в Армении, а дома, в Москве, — к несчастью, — уже мало. В Ереване я чувствую себя хорошо, тепло, гляжу на окружающие горы, на город с его платанами, радостно встречаю знакомых на улицах. В Москве же, кроме самого близкого, считанного круга близких, у меня, в сущности, почти никого и не осталось.

Вот поэтому я чаще провожу время в моей калужской деревне, думаю о жизни и о моем друге Коле Леонове. За широким окном расстилаются нищие скучные пространства, укрытые волнистыми снегами. Прошлогодняя трава на белом насте дрожит под ветром и напоминает редкую, плохо побритую щетину. Даже не глядя на градусник, знаю, что мороз за двадцать. Синее ослепительное небо в здешних местах бывает только при сильных морозах. Чтобы не было оно таким бездонным, где-то в глубине его висит облачко в форме клочка ваты. И словно бы тоже висит в воздухе сорока, бессильно машет крыльями, старается преодолеть низовой густой ветер.

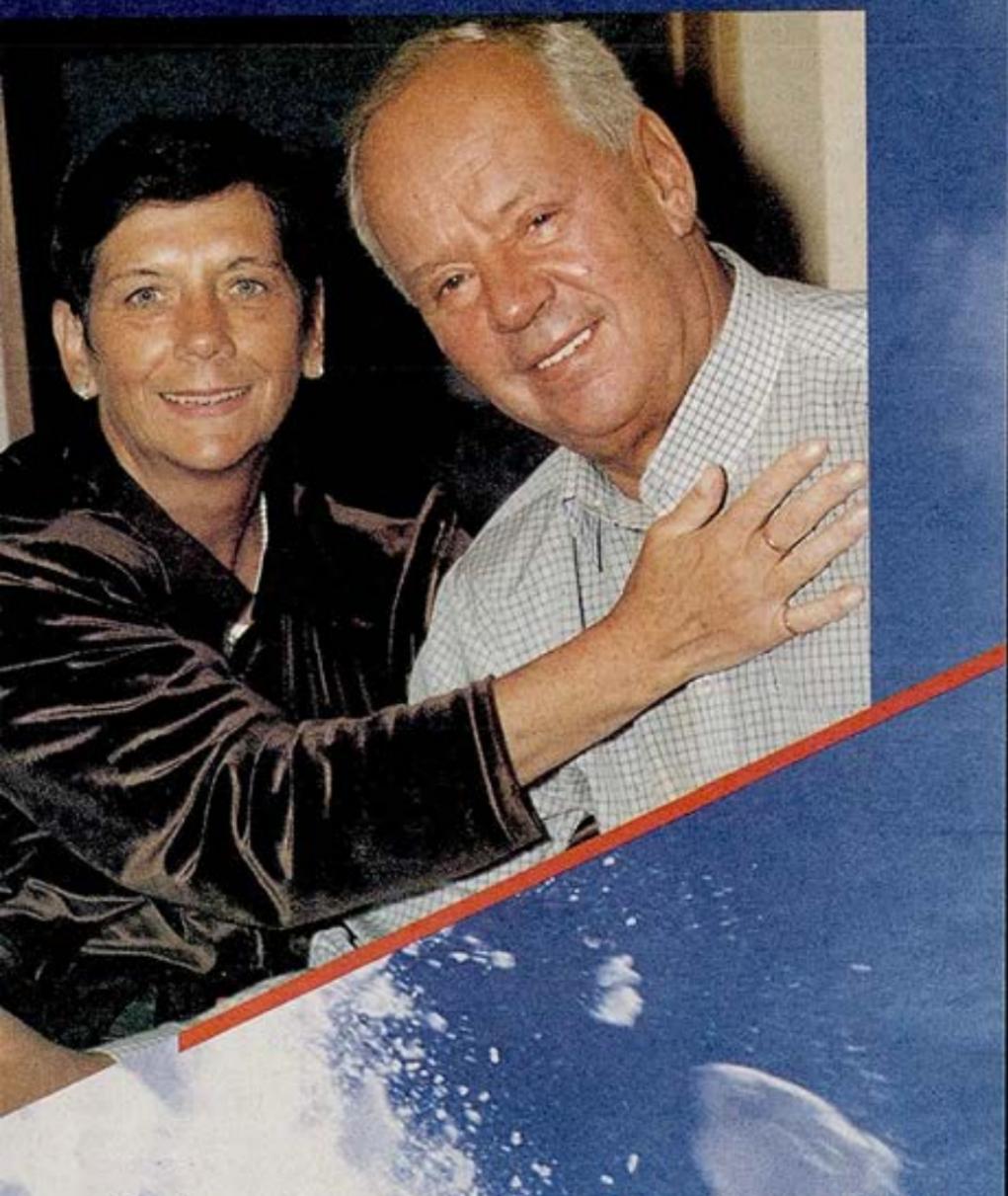
За несколько дней до того горько памятного мне Нового, 1999-го, года я позвонил Николаю Леонову, чтобы, как водится, поздравить, пожелать здоровья, долгих лет и всего доброго, что желаешь близкому и дорогому человеку. Мне хотелось уехать, скрыться от городской сути в моей деревне, в снегах. Николай мне не позавидовал, он был городским человеком. Веселым голосом, но кратко, в обычной своей сдержанной мужской манере он сообщил, что вот только что — прямо сейчас! — поставил последнюю точку в новой повести. Можно сказать, ручку отложил...

...Теперь эта самая ручка — "Паркер" с золотым пером — отрешенно и невостребованно лежит передо мной на столе. А пишу я на компьютере, он зеленым глазом целями днями глядит на меня, следит, не отвлекаюсь ли.

В тот памятный разговор накануне Нового, а для него последнего, года, когда и пожить-то ему оставалась чертова дюжина дней, Коля напомнил мне, о чем, собственно, его новая повесть. А я сразу вспомнил, что он мне уже это рассказывал.

...Расследуется убийство депутата Государственной думы Галины Старовой. Написана повесть всего через несколько месяцев после убийства в Петербурге Галины Старовойтовой, когда следствие путалось в версиях и ничего реального не имело в руках. И вот Леонов выдвигает свою версию!..

"Смелый человек ты, Коля!" — сказал я тогда другу. — "Ну, ладно, ладно, прочтешь — узнаешь!.."

Как быстро летит время... Вот уже два года прошло с тех пор, как из жизни ушел Николай Леонов. Ушел слишком рано, очень неожиданно и с какой-то трагической тайной в конце. Это было в 1999-м, как раз в январе! Вот уже два года журнал "Смена" выходит без очередного детектива этого замечательного писателя, нашего постоянного автора на протяжении многих лет.

Сегодня мы публикуем слово о Леонове, принадлежащее его другу Киму Бакши, который впервые раскрывает трагическую подоплеку веселого и мужественного таланта Николая Леонова.

Эта последняя его повесть толстой книгой лежит сейчас у меня на столе, зазывает любителей детективов своей красочной обложкой. У меня же все эти дымящиеся пистолеты, лужи крови, искаженные ужасом лица красоток вообще вызывают тошноту.

Должен поделиться одним наблюдением, почти мистическим. Я, человек вовсе не суеверный, несколько раз замечал, как те ситуации, которые Леонов придумывал в своих детективах, потом сбывались в жизни реальных людей. Причем, порой весьма жестоко. Что ж, Николай Леонов накликал на них беду? Нет, скорее иное: слишком глубоко он проникал в скрытые механизмы нашей жизни и таким образом мог предугадывать, как будут развиваться события в реальных судьбах людей.

Мысль о странно сбывающихся предсказаниях Леонова, оказывается, приходила в голову не только мне. О том же рассказывает Гуров, но не Лев Иванович, полковник, сыщик-важняк, как Леонов называл своего любимого литературного героя, а Александр Иванович Гуров, лицо вполне реальное — генерал милиции, однофамилец знаменитого сыщика, нынче депутат Государственной думы. Этот реальный Гуров тоже в своем роде личность замечательная: он первый громко, в печати, заявил о надвигающейся на Россию опасности в лице мафии, был даже поставлен во главе борьбы с организованной преступностью. И в этом качестве он, как и леоновский Гуров, не раз оказывался "не ко двору"...

Так вот, Александра Ивановича Гурова поразило, как точно Леонов предугадывал его собственную судьбу: сначала снимают Гурова в повести, а потом и Гурова в реальной жизни. Точно так же возвращение Александра Гурова в милицию снова на ответственную должность произошло вскоре после того, как литературный Лев Гуров опять же возвращается в Главк и приступает к оперативной работе. "И так ведь не один и не два раза! Эти совпадения — прямо какая-то мистика..." — сказал мне Гуров на сороковины, когда мы собирались выпить по рюмке водки, помянуть Колю.

Помню и другой случай. Мы с Николаем оба занимались спортом, как говорится, во дни туманной юности. Как-то были на стадионе в Измайлово, шло студенческое первенство по легкой атлетике... Я уже отбегал свою дистанцию, а не знакомый мне тогда Коля сидел на трибунах зрителем и курил. Не знаю уж, как он попал на легкую атлетику — он прекрасно играл в настольный теннис, который только входил тогда в моду.

Так или иначе, мы оба видели этот забег. Вернее, девушку с ослепительными белокурыми волосами, которая бежала впереди. Мелькали ее чуть полноватые ноги совершенно изумительной формы, под майкой с номером угадывалась стянутая лифчиком грудь. С великой легкостью и грацией, которую дает лишь щедрая природа, неслась она к финишу, и, наконец, задрав свой короткий задорный нос, рванула ленточку. И сразу была окружена рослыми поклонниками в темно-синих шерстяных костюмах сборной команды СССР с гербами на груди — всеобщая наша мечта в те годы.

Мы смотрели на эту белокурую девушки — каждый со своего места, и было в ней всё, что так любишь всегда — красота, молодость, сознание своей власти над нашими сердцами, но еще я наблюдал в ней — не скрою, с горечью, — то знакомое, женское признание принадлежности Ему одному — в этом конкретном случае — высокому обаятельному парню. С дрогнувшим сердцем следил я, как, обняв за плечи, он уводит ее со стадиона.

Но не такой простой человек был Коля Леонов. Уж не знаю, как он в тот день присоединился к их компании, чуть раздвинув плотный чистокол ее поклонников, достаточно пренебрежительно глядевших на его скороходовские ботинки, москвошвеевские штаны и того же пошиву куртки на молнии. На его короткую стрижку и лицо, ничем не напоминавшее голливудскую звезду. А девушка его просто не заметила. Мельком прошлась по нему взгляделом, рассеянно кивнула и обернулась к своему парню, охотно засмеялась его не очень-то и смешной шутке. У Коли были куда смешнее, он так считал, но всё без толку.

Он стал настойчиво появляться везде, где появлялась она, добился ее телефона, приглашал на танцы. Достал как-то билеты на дефицитный концерт польской эстрадной группы. Она соглашалась встретиться с ним через третий раз на четвертый. И в конце концов сказала ему что-то вроде: "Гуляй, мальчик".

Прошло какое-то время, довольно, надо сказать, продолжительное, они случайно встретились. Николай Леонов, уже опубликовавший первые повести, писатель в начале своей славы, и она — зрелая, холодноватая красавица, замужем за внешне незаметным человеком, но втайне проворачивающим "гешефты" — этаким Корейко, подпольным советским миллионером. У них в кооперативной квартире было полно всего дефицитного — колбасы-сервелата, мебели, одежды с иностранными "лейблами", на ней — бриллиантов. Как-то Николай взял меня в гости в тот дом, я увидел ее, так сильно изменившуюся, и со вздохом вспомнил юную бегунью моей молодой поры.

Через некоторое время я увидел ее еще раз — уже в новом детективе Николая Леонова. Нет, изложение фактов ее жизни было другое или только приблизительно похожее. Но облик, характер!.. Обмануться было нельзя.

Детектив начинался с того, что труп женщины был обнаружен в кооперативной квартире. Начались поиски убийцы, расследование. Как это умел делать Леонов, все было круто закручено, подозрения падали то на одного, то на другого из ее окружения. Шли разноголосые рассказы о ней. И так постепенно всплывал из небытия характер убитой. А вместе с ним — облик ее реального прототипа, бывшей белокурой богини.

Я спросил у Коли: "А если она это прочтет?" — "Вряд ли. Она не любит детективы". — "Ну, а если вы увидитесь, ты не скажешь ей?" — "Не увидимся, не бойся. Давно не встречаемся". — "?" — "Потеряла интерес ко мне".

Прошло еще несколько лет. Мы с моей бывшей женой встречали Новый год в Доме кино. Уже режиссер Сергей Герасимов, сидевший со

своей Тамарой Макаровой, — он был тогда главой Союза кинематографистов — поздравил всех киношников, пожелал новых фильмов и вдоволь кинопленки отличного качества (слово о пленке он традиционно вставлял каждый раз в свои новогодние поздравления). Уже прозвучал бой курантов и в тот момент, когда все выпили и пошли танцевать, а мы отчужденно сидели друг против друга за нашим столиком, к нам подсела незнакомая дама в бриллиантах. Назвала меня по имени, спросила, как Коля. Но и тогда я не узнал ее. У нее все изменилось — лицо, фигура, даже, по-моему, голос. К моему стыду, она вскоре все поняла и сама представилась. “Не переживай, меня многие не узнают... А вы что, ребята, ничего не слышали? Что со мной случилось?..”

И она рассказала, что ее убили, она чудом выкарабкалась с того света. Это случилось дома, в ее кооперативной квартире. Все точно так, как до этого описал Леонов. Ситуация мистически совпада с той, что Коля, не желая того, предсказал в своей повести, которую она, кстати, так и не прочла.

...Беру со стола его последнюю повесть, переворачиваю глянцевый переплет, просматриваю знакомый текст. Есть в нем подкупающая наше сердца правдивость и смелость, с которой Леонов проникает на самые верхушки власти и там видит корни бед, поразивших Россию. Да, как писатель детективного жанра Николай Леонов был виртуозным выдумщиком, умел так закрутить интригу, что даже самый искушенный читатель не мог вперед угадать, что будет дальше. Но огромная популярность Леонова у читателей происходила не только от этого. В конце концов, выдумывать и закручивать умел не только он... Леонова любили и, мне кажется, долго еще будут любить за то, что в его повестях находит удовлетворение наше сильно ущемленное в ежедневной жизни чувство справедливости. К тому же, при чтении Леонова с наших глаз спадает пелена лжи, которой в России окутан механизм принятия решений на высшем уровне, мы начинаем видеть, как смыкаются с преступным миром руководящие эшелоны управления. Как людей там покупают и продают, как уничтожают противников и тому подобное...

Как же тогда жить? Не в тех эшелонах, а нам, простым людям, на нашей матушке-земле?.. В ответе на этот вопрос, как его дает Леонов, тоже секрет того, что миллионы зачитываются его повестями. А ответ его в том, что со злом всё равно — несмотря ни на что! — можно и нужно бороться. Мужественно, бескомпромиссно — как это делает сыщик Лев Иванович Гуров. При том, что он не Рембо, не Супермен, умеющий летать быстрее ракеты и останавливать землетрясение, не победоносный Агент 007, целующий блондинок. Гуров часто проигрывает, власти кладут под сукно его неопровергимые доказательства коррупции, с которой он сталкивается в верхах. Но он продолжает делать свое дело, вот именно — несмотря ни на что. Ловит убийц, оправдывает невинных, помогает подняться тем, кто споткнулся. В его образе торжествует добро и честь на нашей исстрадавшейся, изверившейся русской земле!..

Да, каждый должен делать свое дело. По мере сил — твердо, не сворачивая, не пасуя. Об этом всё время писал Леонов. “А ты упрись рога-

ми!" — всегда советовал он в ответ на чье-нибудь нытьё. Сам он в высшей степени умел это делать.

Когда Коля только начинал писать, он не знал даже, как в литературном тексте выделяется прямая речь — брать ли ее в кавычки или ставить черточку перед фразой? Его друзья-журналисты, которым он давал почитать и исправлять первые свои рукописи, ужасались его неумению и беспомощности, которые, казалось, преодолеть было никак невозможно. Но Николай "уперся рогами", как он это привык делать в спорте, писал и переписывал, делал десятки вариантов. Чуть не сказал, как Лев Толстой...

Его варианты становились все лучше, а рука — уверенней. И сам он под влиянием своей работы становился умнее, образованней. Не только он сам делал свои книги, но и книги делали его. Вот к чему я пришел, многие годы наблюдая Леонова.

Каждая новая повесть выявляла его природные способности, которые поначалу чувствовал он один. Книги развивали уже имевшуюся у него наблюдательность, понимание людей. Со временем под влиянием собственных книг он становился добре, утрачивал присущую ему в молодости бескомпромиссность и однолинейность в оценках. В конце концов, он перестал быть "железным", хотя твердость характера, конечно, сохранил до конца.

И лучшие свои черты Леонов отдал своему любимому герою Льву Гурову.

Я вот сейчас подумал о несправедливости быстро уходящих лет: как бы мы ни старались сохранить в памяти живой, яркий образ Леонова, все равно со временем, когда будут уходить люди, знавшие его, его образ будет тускнеть и постепенно сведется к одному лишь звучанию имени. В то же время выдуманный им герой останется ярким. И страшно произнести: действительной реальностью окажется не реальный Леонов, а выдуманный им персонаж — Гуров. Поэтому позволено будет мне некоторое время вести о них рассказ параллельно.

Лев Гуров — надежный друг, у него верное любящее сердце, он веселый, ироничный, прирожденный лидер. Таким был и сам Николай Леонов. Как и Гуров, Леонов был боец, он все делал упорно, точно, неостановимо. И это в нем еще с молодости — замечательный спортсмен, капитан, а потом тренер сборной Союза по настольному теннису. Как и Гуров, Леонов был сыщиком, служил в МУРе — не перекладывал бумажки со стола, а ловил жуликов, что называется, своими руками.

Как и Гуров, Леонов обладал редкой для русского человека чертой — умел трудиться каждый день. Все мы, народ пишущий, любим повторять: "Ни дня без строчки". А он не только повторял, он так жил. Вот он заключает договор, например, с "Мосфильмом", ему дают для написания сценария, скажем, три месяца. Он на следующий же день ровно в девять садится за работу и назавтра в тот же час он уже снова за столом. Стока исписанных листов равномерно растет, и он сдает готовый сценарий на месяц раньше.

На киностудии очень удивлены — ведь обычно авторы берут бесконечные отсрочки и т.п. И, конечно, подозревают, что Леонов схалту-

рил, второпях сдал полуфабрикат. На обсуждении его беспощадно избивают, каждая редакторша измывается по-своему. Дают еще месяц на доработку. Через неделю Леонов приносит новый вариант. Я умолял его никогда не сдавать свои работы раньше срока, наоборот, задержать хоть на разрешенные десять дней. Скрепя сердце, Николай помешал готовый сценарий на месяц в ящик стола. И на следующий день принимался за другую работу.

С утра до обеда он выполнял установленную им самим норму, потом слонялся из угла в угол, читал газеты, уезжал в Дом кино играть в бильярд. Он играл неброско, без головокружительных ударов. Хороший игрок мог взять у него партию-две, но целый вечер — вряд ли. Потому что сила Леонова-игрока была того же рода, что сила Леонова во всех других видах его деятельности: при выигрыше он не расслаблялся и не заносился, а проигрыш, даже крупный, не выводил его из равновесия, он катал шары по-прежнему хладнокровно, методично. Точно так же, как играл в пинг-понг, как ловил жуликов.

Как изо дня в день писал, выпуская книгу за книгой. Сегодня их — целая библиотека. Можно без преувеличения сказать, что повести Леонова, особенно его цикл про сыщика Гурова, — это отнюдь не безделки, которые читают, лишь бы убить время. Страницы Леонова — это проза, исполненная высоких чувств, благородства. Русская литература потеряла настоящего писателя, а я близкого друга...

И вот теперь сижу один перед моим деревенским окном, гляжу на след одинокого лыжника, который прошел мимо дома, спустился к пруду и затерялся в полях, где снег смыкается с небом. У самого дома его след уже переметён позёмкой, вдали же и вовсе исчез, ушел в небытие. А я сижу, думаю, как бы сказать правду и притом не уронить память о друге.

Была у Коли тайная страсть, неизлечимая наследственная болезнь, которая в конце концов и свела его в могилу. Болезненное, неудержимое влечение к спиртному. В молодые годы он играл с ней, не чуя опасности. В застолье был весел, обаятелен, блестал остроумием. Влюблял в себя незнакомых мужчин и женщин. А мы, его друзья, повторяли за ним его крылатые шутки, словечки, вроде “Пить надо регулярно, иначе это превращается в пустую затею” или: “Засадил стакан с утра — и целый день свободен”...

В то время он, когда хотел — пил, когда хотел — усилием воли прекращал. Свою очередную повесть он писал всегда “в завязке”, при этом мог сидеть в застольях, всем подливать, и за целый вечер не принять ни капли.

То были хорошие молодые времена. О них хочется вспоминать, рассказывать. Вот как однажды мы были с ним в Цахкадзоре.

Как и многие другие мои московские знакомые, к моему увлечению Арменией Леонов относился благосклонно, мол, чудачество, но безвредное. Я же очень хотел показать ему армянскую землю. Как-то возникла шальная мысль: не поехать ли покататься на горных лыжах? Все сошлись — поехать. А куда? Я предложил — в Цахкадзор.

Внутренние аргументы у меня были таковы. Во-первых, это Армения. Во-вторых, рядом монастырь Кечарис, будет что показать Коле. И тут же рассказать ему о моем любимом князе Григоре Магистросе, вызвать его образ из XI века, ведь Цахкадзор, Кечарис — это его места. В-третьих, там горнолыжная трасса легкая, для начинающих. К начинающим я относил себя, Коля вообще никогда на лыжи не вставал. Решили взять с собой Юру Дзарданова в качестве инструктора, он тогда еще не работал на ТВ в передаче "Человек и закон". Захотела поехать с нами и Любаша, жена Николая.

Был самый конец февраля или первые числа марта. В Ереване мы парились в наших дубленках, с удивлением глядели на сухой асфальт, накупили нашим дамам лиловых и сахарно белых подснежников. В Цахкадзоре с крыш почти до земли свисали сосульки, на стенах монастыря из-под снежных пятен стекали ручейки и следы их быстро светели, высыхали на горячем весеннем солнце.

Каждое утро мы приходили к подъемнику, где полновластно царили Ваник и Вачик. Я обратил внимание Николая на эту их манеру — армянин никогда не чувствует себя маленьким человеком. Руководит ли он подъемником или, например, работает в сапожной мастерской — он везде чувствует себя как Гарун аль-Рашид — великодушный, щедрый.

Ваник и Вачик широким жестом приглашали нас пройти без очереди на подъемник, и мы, усевшись на кресла, возносились над заснеженными склонами, зарослями низкорослого дуба. Где-то здесь по невидимым сейчас дорожкам одиноко ехал на любимом сером коне князь Григор Магистрос — писатель, полководец, ученый, гордец, спорщик, шахматист.

Он думал, что обыграет Византию, когда отдавал ей свои обширные владения, в том числе и Кечарис, и Цахкадзор, а сам принимал высший сан в Константинополе и в управление — города в Месопотамии. Он рассчитывал использовать Византию против турок-сельджуков, которые тогда начали нашествие на Армению. Но Византия, не колеблясь, приняла обмен, эту роковую рокировку, и отдала Армению на съедение туркам.

Мы обсуждали с Колей, к чему приводит служение врагам даже ради благих целей. Мы имели в виду себя и врагов внутренних. Мы думали о нашей судьбе и о том, как воспользоваться уроком истории. Но урок в то время был для нас не впрок! Нас утешали красоты армянской природы, а стоящие вокруг горы — равнодушные свидетели человеческих страстей — говорили нам: "Не переживайте, ребята, все проходит, и ваша злоба пройдет..."

Взобравшись на подъемнике к началу трассы, я надевал горные лыжи, а Коля и Юра Дзарданов отправлялись в бар пропустить по стаканчику... Люба надевала простые равнинные лыжи и стоя загорала, подставив лицо горному солнцу. Иногда она осторожно спускалась на сотню-другую метров. Я же на свой страх и риск, иногда падая и нелепо взмахивая палками, съезжал до конца.

Однажды нас пригласил в гости большой районный начальник. Стол был накрыт по-царски, коньяки всех марок стояли на отдельном столике. Перед началом трапезы участникам подали ополоснуть руки в водке. Коля косо глянул на меня, он уважал этот напиток, ему стало обидно. И когда его спросили, какой из знаменитых армянских коньяков он предпочитает, он сказал, что будет пить водку. Тут все загадали: «Как? Как? Наш коньяк! Вы только попробуйте!» — «Это для вас он коньяк... А для меня это бензин. И мне все равно, какой заливать в себя — 76-й или 93-й...»

После этого он аккуратно выпил полторы бутылки водки, твердо поднялся и с трудом дотащил меня до моего номера. На следующее утро я клялся, что никогда в рот не возьму и просил меня пристрелить, чтобы я так не мучился.

А когда за нами снова вдруг пришла машина, я с трудом вспомнил, что за столом в тот вечер просил, чтобы нам дали возможность побывать в Бджни, родовой вотчине Григора Магистроса, там остатки его крепости на вершине холма и церковь, которую я очень люблю — XI века, с куполом как полузакрытый зонтик — по моде того времени.

Когда мы вошли в церковь, там шло венчание. Стоя с новобрачными на высоком алтарном подиуме, веселый священник шутил, переговаривался со смеющимися людьми — теми, кто был рядом, и с теми, кто стоял внизу, — празднично одетыми родственниками, гостями. Это было совершенно необычное зрелище для Николая, который в церкви бывал редко, но, кажется, имел какие-то впечатления от православной службы.

Но спутники нас торопили, оказывается, опять намечался стол. Николай твердо сказал мне, что сегодня не пьет. А я безвольно попросил его: «Ты когда увидишь, что я выпил достаточно, дай мне знак!» — «Какой?» — «Ну, хоть подмигни».

Стол оказался длинным, узким, заваленным зеленью, густо уставленным блюдами. Заговорили о селе Бджни, очень древнем, за столом как раз было много сельских жителей. Перешли на историю. В отличие от русских людей, армяне даже в деревне историей очень интересуются. И хотя у них часто история оказывается перемешана с легендами и даже просто с фантастическими представлениями, я люблю эту чисто народную черту — рассказать приезжему о былом величии Армении, показать древний храм, погордиться своим прошлым.

Рядом со мной сидел тот же самый глава района. Напротив нас посадили Леонова и поставили ему водку, две бутылки. И в какой-то момент произошло вот что. Мой начальственный сосед вдруг прервал тосты, обратился через стол к Николаю и с обидой произнес: «Николай Иванович, я хочу вас спросить, почему вы ничего не пьете и все время мне подмигиваете?..»

В результате этой поездки в Армению Николай Леонов не скажу, что глубоко узнал древности страны, но безусловно почувствовал характер народа. Он уже выделял армян из безличной для большинства русского населения массы кавказцев и стал в известной мере болель-

щиком Армении, решительно принял ее сторону, когда началась борьба за Карабах и тяжелое время блокады.

Кроме встречи с Арменией, в Цахкадзоре произошло событие, которое оказало глубокое влияние на всю жизнь семьи Леонова.

Однажды, когда я ехал на подъемнике, беспечно развалившись в кресле и развесив ноги, обутые в горные лыжи, я увидел, как внизу на трассе упала Люба, жена Николая. Она осторожно двигалась на крутом горе, перебирала палками и вдруг ни с того, ни сего ее ноги подломились. Пока я добрался до верха, слез с подъемника и спустился, — к ней подскочил Юра Дзарданов, который, к счастью, оказался на лыжах и поблизости. Любे помогли, на санках доставили вниз, там ее забрала "Скорая"... Нет, не травма колена на горе была причиной, а скорее всего она выявила страшную болезнь позвоночника, которая таилась до поры. У Любы вскоре отнялись ноги.

Коля что только ни делал, каких врачей ни привлекал! Перебрал все возможные институты в Москве, дело дошло до Джуны, до доктора Илизарова в Кургане, до какой-то особой клиники в Чехословакии — всего не перечесть! А в результате — инвалидная коляска. Мало того, Люба перенесла мучительные операции, и по сей день боли у нее не прекращаются — ни мало, ни много — больше двадцати лет.

На фоне таких мучений никакие усилия Николая облегчить ее страдания не могут показаться чрезмерными. Он полностью перестроил свою жизнь, отказался не только от поездок, но и от длительных выходов в город, в тот же Дом кино: Любу нельзя было надолго оставлять одну. Нельзя еще, чтобы она волновалась, огорчалась, чувствовала себя одинокой.

И все же больше всех ее огорчал как раз тот, кто больше всех любил ее и о ней заботился. Коля давно уже перестал играть со своей болезнью в жмурки. Он писал, писал, не пил. Месяцами. Но подступало вдруг что-то, и он ничего с собой не мог поделать, он срывался. Сколько отчаяния, оскорблённой любви я видел в Любे, когда мы приводили его к ней бесчувственного, волочащего ноги.

Я мучаюсь сомнением, надо ли рассказывать так долго об этом — таком распространенном у нас на Руси — недуге? Кого это может удивить? У кого вызовет сочувствие? Но, Боже ты мой! Эта часть моего слова о Леонове ведь не просто раскрывает неизвестную для любопытных сторону его жизни. Она срывает завесу благополучия и обнажает трагедию. И величайшее мужество, с которым он в этой трагедии жил.

Неимоверным усилием воли каждый раз он "упирался рогами", за несколько дней приводил себя в порядок и... принимался писать. Разве его мужественная веселая проза дает нам хоть какое-то представление о том, какой ужасной жизнью жил ее автор?..

Когда все приходило в норму, Николай усаживался за рабочий стол, это были лучшие дни для Любы. Она забывала про свои болячки, носилась по квартире на своей коляске, хлопотала у плиты. Казалось, ей ничего в жизни больше не нужно, чтобы только ее Колюнечка был с ней, жив и здоров...

И Коля подолгу не выходил из дома, теперь он боялся не только за Любу, но и за себя, боялся сорваться. По привычке он хотел закончить очередную повесть и в то же время боялся этого, он ведь уже не знал, сколько может продержаться потом.

И светлые промежутки все сокращались, немного выпив, Николай проваливался в черную яму. К жизни его надо было возвращать уже с помощью реанимации, капельниц... Как-то он мне признался: "Если бы не мысль о Любке, я бы давно уж..." — "Что за глупости? Ты что говоришь?" — "А что моя жизнь? Тюрьма". Я не нашелся, что возразить.

Я понимал, что его повести стали для него больше, чем текст, чем сочинение выдуманного мира. Это был выход из его ежедневной клетки, его вторая, а может быть, и первая, главная жизнь. В ней он был счастлив, обладал всем тем, чего был лишен в реальных его днях. Он снова был героем, лидером — словом, был Гуровым.

Леонов устремлялся к столу не ради денег, не ради славы, а для того, чтобы выжить. Он не разрабатывал заранее схему конфликта, не расписывал расстановку героев, не заносил на бумажку для памяти хитросплетения сюжета. Он не раз мне признавался, что сам предварительно не знает, что предпримет его Гуров в надвинувшихся сложных обстоятельствах. Точно так вел себя сам Леонов в прежней жизни, когда умел мгновенно реагировать на опасность и предпринимать в ответ решительные действия. Теперь за него, вместо него это делал его литературный герой.

Леонов был взолнован, встревожен, возмущен гибелью Галины Старовойтовой, жаждал действия. Но что он мог в реальной жизни, ограниченной узким миром квартиры, да к тому же в нашем всеобщем бесправии, когда с нами, то есть с подавляющей частью народа, никто не считается?.. И у него был только один выход — сесть за стол и написать повесть. И в ней вершить суд над убийцами и их вдохновителями. Так он написал "Пир во время чумы" — книгу, которой было суждено стать последней.

Он скончался в Иркутске.

После встречи Нового года он "уперся рогами", последним усилием воли остановил сползание в черную яму и полетел за тридевять земель в медицинский центр к своему приятелю — промыть организм, попить трав, в общем, поправить здоровье. Его с трудом сняли с самолета, поместили в отдельную палату, где он и умер, как говорят, в четыре часа утра, во сне.

Кто знает... Может быть, он и проснулся в последний миг — от мукительной боли в груди. И так лежал в тоске и одиночестве, пока последний вечный свет не закрыл его глаза.

Сергей ГОНЧАРЕНКО

* * *

Как было жить нам, Ваша Честь,
среди такого:
нет ничего, а то, что есть, —
все бестолково?
Да пусть бы бестолково... Нет:
гораздо хуже.
Нас поят мглой, поскольку свет,
мол, нам не нужен.
Кострами будущего зла
подспудно тлея,
здесь речи — подлы, а дела —
еще поднее.
Скрипя зубами, годы мы,
а не недели
всю грязь и мразь протухшей тьмы,
смирясь, терпели.
Но, оказалось, все же есть
на зло управа,
и на нее мы, Ваша Честь,
имеем право,
которого вы, как чумы,
боитесь, судьи:
не вы здесь судите, а мы!..
Не обессудьте.

* * *

Все пройдет, как с белых яблонь дым...
Все костры однажды станут дымом...
Но любой, кто был хоть раз любим,
помнит, что такое быть любимым.
И ему, пожалуй, ничьего
в трудный час не надобно участия,
хоть и за душою — ничего
у него... Одна лишь память счастья.
А ее страстями не стереть
и не смыть недобрьми делами,
ибо в ней вчера, теперь и впредь
вместо дыма — только свет и пламя.

* * *

Зигзаг, достигший высоты,
короче все же, чем прямая
все претаранившей мечты,
но так и не обретшей рая.
Зигзаг — мгновенней, чем отвес:

ведь он не ищет вертикали...
Не зря ли молнии с небес
всегда зигзагами сверкали?
Зигзаги золотой излом
сродни сеченью золотому...
Но бой между добром и злом —
увы, пролог к иному тому...
От пяди ближе до версты,
чем от сочельника до мая.
Пойми меня хотя бы ты.
Пойми, себя не понимая.

* * *

Все же таки загадочная штука
этот самый перевод стихов:
в нем всегда с источником разлука,
но всегда и к подлиннику зов.
Этот жанр ни славы, ни доверья
не сулит сейчас, как и вчера...
Это цех, в котором подмастерья
лишь порой выходят в Мастера.
Мельничный источник тщетно воду
льет и льет на лопасти колес:
жернова вращаются в угоду
тем, кто до свободы не дорос.
Переводу же без этой воли, —
словно в клетке — певчemu дрозду...
Вольный конь, живет он в чистом поле
И навряд ли ходит в поводу.
Правда, можно натянуть поводья
и коня пришпорить... Но пока
нет свободе места в переводе,
он мёртворождён наверняка,
а коль жив — то, знать, — из пустоцветов,
потому что всякий перевод —
от верлибра до венка сонетов —
в равной мере требует свобод.

* * *

Вроде бы еще не тают льды:
не слыхать ни треска и ни хруста...
Но свербит предчувствие беды:
значит, говорит седьмое чувство.
А шестое знай себе нудит:
дескать, будь настороже... Однако
лишь седьмому только и открыт
звездной интуиции оракул.
У шестого все-таки узка

щель догадок, что сродни природным.
А седьмое, как весной река,
круглый год должно быть полноводным.
Жутковато? Поодаль держись
от его стремнин... Помни просто,
что шестому тайны дарят жизнь,
а седьмому — поверяют звезды.

* * *

До чего же был по-кошачьи вкрадчив
шаг беды, подкравшейся к судьбе,
чтоб сломать ее, переиначив
и всецело подчинив себе.
Но зачем? За что? Ответ неведом.
А меж тем угроза так близка,
что, пожалуй, может стать ответом
дуло револьвера у виска.
Пусть пока что крутятся педали
и стремительно вращенье спиц,
но из дальней дали не беда ли
подошла и встала вдоль границ?
А граница жизни в этой драме,
все еще судьбе принадлежа,
обрастает исподволь чертами
сданного без боя рубежа.

* * *

Словно пуля, вылетело слово,
завершившее строку — и вот
не сыскать такого птицелова,
чтоб остановил его полет.
Слово-вспышка... И, глаза прикрыв, мы
от полета этой пули ждем
непорочного зачатья рифмы
в море звезд, струящихся дождем.
Чей корабль для зерен звездопада
взбороздил все море, как соха,
позабыв, наверно, что не надо
рифмы для свободного стиха?
Он, верлибр, свободою доволен,
но, ленивой требуя среды,
не поймет никак, что сам он волен
лишь на фоне рифменной страды.
Рифма, рифма! След от рикошета,
сабельной отметине сродни!
Упаси поэтов от сюжета
и в судьбу им перья обмакни.
Перекличка рифм под стать поверке:

*той, что совершаet экипаж
на фрегате или канонерке,
прежде чем пойти на абордаж.
Рифма — залп из главного калибра!
Не горюй, верлибр, что сел на риф:
Кто ж поверит в искренность верлибра,
если он не в море пенных рифм?*

* * *

*Нет, не судите строго, Ваша Милость,
за то, что я навряд ли назову
что именно мне снилось или мнилось,
а что, возможно, было наяву.
Не то, чтоб утекло воды столь много,
не то, чтоб одолел меня склероз, —
нет, потому лишь не судите строго,
что всем своим виденьям всерьез
я доверялся... И в толпе вокзальной,
и в зале, где все стены — из зеркал,
я от действительности виртуальной
реальную навряд ли отличал.
Не в осязанье веряя, а в зренье,
мираж мешая с явью, как шаман,
вполне я мог за вспышку озаренья
не раз принять оптический обман.
Знать, поделом ни дна мне, ни покрышки!
Костлявая, когда ж успела ты
в моей проставить телефонной книжке
поверх имен могильные кресты?
Друзья все уходили вереницей,
но я почти не чувствовал потерю:
ведь в мире виртуальном все их лица
и все сердца их живы и теперь.
Теперь — терпи... И слушай каждый голос,
записанный на пленку... Представляй,
что, дескать, жизнь твоя не раскололась,
хотя они ушли в нездешний край.
Не раскололась? Паутиной трещин
лишь и покрылся виртуальный мир,
где не вчера ли жизнью был обещан
мне с ними наш излюбленный трактир?
А ну как и тогда избег раскола
мир, где реален только виртуал,
когда, сломавши крылья, Гойтисоло
на мартовском асфальте умирал?*

* * *

Старики, старики наши, канатоходцы!
Не дано нам увидеть, высок ли канат,
по которому вам и сегодня придется
среди нас пробираться туда и назад.
Луч каната, ведущий по жизни их, тонок.
Не учили в училище их цирковом,
и когда вдруг толкает их в спину потомок,
с высоты они падают оземь лицом.
Возрастает с годами земли притяжение.
Чуешь, канатоходец, как манит земля?
Но смотрите: осанка, и жест, и движенья
у него — как у свергнутого короля!
Да, он свергнут, но все же не повергнут. И значит,
зря, сырья земля, зазываешь его!
Он идет по канату навстречу удаче
или смерти, являя свое мастерство.
В не повергнутой старости есть благородство
донкихотова вызова сонму препон.
Расступись-ка, народ, перед канатоходцем:
виши: ему поклонились и граф, и барон!

* * *

Вот уж не гадал я и не думал,
что придется мне на склоне лет
доставать из сердца, как из трюма,
скорбный груз минувшего на свет.
В этом грузе нет почти что грусти,
но зато такая в нем печаль...
Дотекла река моя до устья
и велит мне: "к берегу причаль".
Отчего б и нет? Да только все же
в этом месте берег столь высок,
что мороз, гуляющий по коже,
снегом убеляет мне висок.

Да, сойти бы с палубы, не спорю,
безопасней было б и мудрей...
Но река меня уносит в море.
В море смерти, море из морей.

Легенда о Золотом Русле

Любовь РУСЕВА

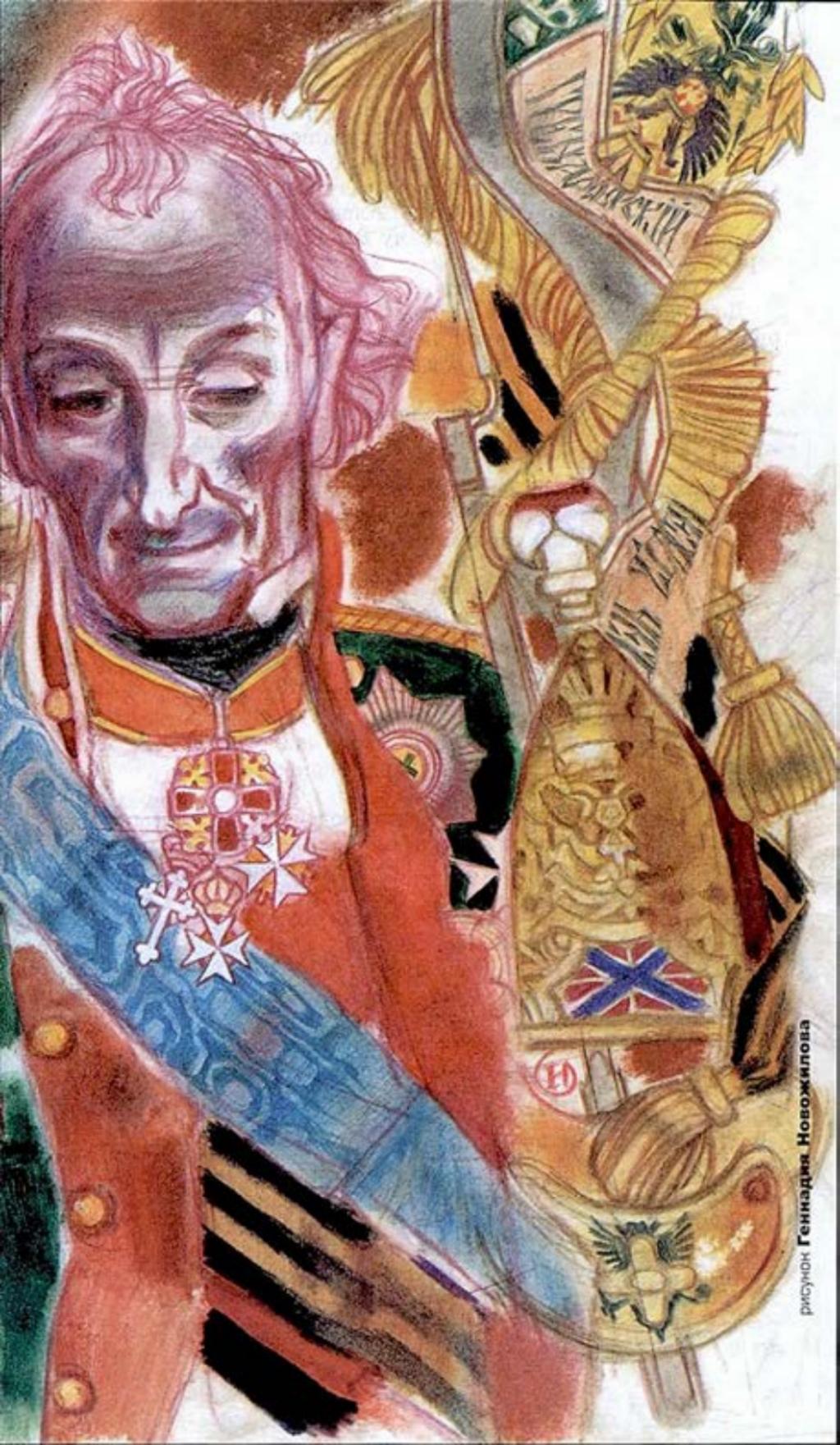

РИСУНОК Геннадия Новожилова

Проходя мимо Монплезира, императрица Елизавета Петровна обратила внимание на маленького роста невзрачного солдатика, стоявшего в карауле. Часовой настолько ловко отдал ей честь, что она остановилась и поинтересовалась его именем.

— Семеновского полка рядовой Александр Суворов.

— Не родственник ли генералу Василию Ивановичу, моему верному слуге?

— Сын его, ваше величество.

Довольная государыня подала молодому солдату серебряный рубль. Суворов поблагодарил, но отказался принять его.

— Закон запрещает брать деньги, стоя на часах, — объяснил он свой отказ.

Елизавета Петровна потрепала часового по щеке.

— Молодец, — царица положила рубль на землю, — возьми, когда сменишься.

Всю жизнь Суворов берег этот жалованный рубль, как первую высочайшую награду за службу. Но беседа повела за собой не только эту награду. На следующий день государыня повысила его в каправлы.

Князь Италийский, граф Рымникский, генералиссимус Российской армии, фельдмаршал австрийской армии, великий маршал войск Пьемонтских, граф Священной Римской империи, наследственный принц Сардинского королевского дома, гранд короны и кузен короля Сардинского, кавалер всех русских и многих иностранных орденов Александр Васильевич Суворов родился в Москве 13 ноября 1729 года в приходе церкви св. Федора Студита у Никитских ворот.

Будущий непревзойденный полководец, не потерпевший ни единого поражения, рос хилым и болезненным, но несокрушимая воля проявилась в нем с детства. С раннего возраста проявлялись и странности, с которыми отец безуспешно боролся — Александр не тянулся к сверстникам, а все больше читал. Сожалея, что по слабости здоровья военная карьера сыну заказана, Василий Иванович готовил его к гражданской службе, обучая “наукам и языкам”. Мальчик глубоко изучал историю, читал жадно, особенно военную литературу. Жизнеописания великих полководцев будили его воображение, которое рисовало будущие победы.

Как-то в гости к генералу заехал арап Петра Великого Ганибал. Побеседовав наедине с десятилетним Александром, Ганибал сказал отцу:

— Петр Великий непременно поцеловал бы мальчика в лоб за настоящие его труды и определил бы обучаться военному делу.

Судьба мальчика была решена. Отец записал сына в Семеновский полк, куда тот был зачислен “сверх комплекта без жалования”. Действительную службу Александр начал рядовым и тянул солдатскую лямку наравне с другими солдатами. Службу нес решительно, был на хорошем счету в полку, продолжал закалять здоровье.

вье, стойко переносил все тяготы солдатской жизни. Солдаты полюбили чудака дворянина.

Еще до свидания с арапом Петра Великого Суворов решил посвятить себя военному искусству, поэтому упорно стал себя закалять. Впоследствии даже в лютые морозы он ходил легко одетый. Как-то зимой в одном кителе Александр Васильевич прочел перед офицерами целую лекцию. На следующий день все чихали, а он только улыбался. Императрица подарила своему полководцу шубу и повелела обязательно ее носить. И он действительно ее носил — на руках или, сидя в карете, держал на коленях.

Семилетняя война была первой в жизни полководца. Отец устроил сына по интенданской службе, но генералу пришлось уступить настойчивым просьбам Александра и подать челобитную о переводе сына в полевые войска, так как тот “по молодым летам желание и ревность имеет еще далее в воинских операциях практиковаться”. Лихой кавалерист, отчаянный смельчак, отважный партизан — так складывалась репутация Суворова во время многочисленных стычек с пруссаками. Александра Васильевича приметил Румянцев, который считал, что хотя Суворов “и числится на службе пехотной, но обладает сведениями и способностями чисто кавалерийскими”.

Боевая практика Суворова продолжилась в Польше во время войны с конфедератами. Узнав о разгроме отряда Албычева, Александр Васильевич решил уничтожить войска Огинского до того, как весть о присоединении великого литовского гетмана к конфедератам разнесется по Польше. Суворов выступил из Люблина и направился к Бресту на перехват войск гетмана. На марше он получил несколько посланий Веймарна, своего начальника, оставаться в Люблине. Но Суворов был Суворовым — он либо отписывался, либо вовсе рвал неумные приказы и поступал по-своему. Александр Васильевич разгромил Огинского. Этот самовольный поступок полковника завершил войну с конфедератами, вызвал гнев Веймарна, но был вознагражден орденом Александра Невского и чином генерал-майора.

Императрица направляет своего любимца к Румянцеву на театр военных действий против турок. На Дунае Суворов блестяще произвел форсированную переправу через реку, разгромил врага у Тирсова, что главным образом и повлияло на исход войны и ускорило заключение Кючук-Кайнарджийского мира. Одно из условий этого договора — независимость Крымского ханства.

Крым

Турки не желали мириться с потерей Крыма, и, нарушая условия Кючук-Кайнарджийского мира, потребовали “отступить от независимости татар”, возвратить Кинбурн и оставить Тамань. Русские войска вновь двинулись за Перекоп. В Крым срочно прибывает Суворов с приказом “избегать драки”, но “если уже воз-

можности не будет, — писала императрица, — то по всеобщему праву силою оружия обороняться и поступать как должно с неприятелем". Татарские мурзы и ханы собирались, было, защищать столицу свою Бахчисарай от русских, но известие о назначении Суворова командующим крымским корпусом изменило направление их мысли — они передумали воевать с Россией. Очистив территорию полуострова от турок, полководец, не терпевший бездействия, возвращается на Кубань.

Степь беспокоили беспрерывные набеги горцев, которые угнали жителей в рабство, уничтожали и грабили русские селения. Александру Васильевичу это надоело: "сию уголовщину следовало пресечь напрочь!". За краткий срок (сто дней) он выстроил сеть "множественных крепостей", сильнейшие полевые укрепления и заградительные полосы. Эта линия обороны стала "совершенною уздою" для черкесов, которым не по зубам оказались укрепления. Нападения горцев, стрелявших из-за укрытия, кончались для них плачевно — генерал не прощал гибели своих солдат из-за угла.

Пока Суворов укреплял границу, турки осмелились напасть на Крым и готовились высадить десант. Александр Васильевич, как по щучьему велению, оказался на полуострове. Стремительнее ветра он облетел весь полуостров, и где бы ни появлялся, везде вырастали, словно из-под земли, укрепления. Созданная им система обороны состояла из 40 укреплений с пушками и 62 почтовых станций.

Когда Суворов прибыл в Крым, 14 турецких кораблей с десантом стояли уже у берегов, где впоследствии вырастет город Севастополь. Приближение еще трех мощных эскадр сделало турок дерзкими. Они не только обижали местное население, но стали обстреливать и русские патрули. Можно было запретить Суворову применять силу, но безнаказанно убивать русских — воля ваша, это не по нему. Сразу же после убийства одного казака генерал направил протест Гаджи-Магмету и получил "уверение в дружбе", но убийцы не были наказаны. Наутро командующий турецкой флотилией обнаружил следыочной работы. На обоих берегах бухты появились основы для мощных береговых батарей. Командующий немедленно запросил Суворова о причине строительства, и в ответ получил любезнейшие уверения в дружбе. Реверансы Александр Васильевич, не жалея бумаги, растянул на нескольких страницах и только в конце приписал: "Я... надеюсь, что по прежнему моему к Вам письму сыщете и накажете виновных убийству нашего казака и запретите выходить на берег вооруженным людям. Впрочем, ежели что из того произойдет неприятное, в таком случае остаюсь за сим я невиновен, а причину будете, по всем правам, Вы. Впрочем, да будет конец Ваш благ и да приведет Бог вас на истинный путь".

Турки во всем этом увидели страшно коварные планы, и Гаджи-Магмет приказал немедленно поднять паруса. За "вытеснение турецкого флота из Ахтиарской гавани" Екатерина II пожа-

ловала Суворову золотую табакерку с бриллиантами. Гаджи-Магмет ушел, ему на смену явилась армада из 170 боевых кораблей. Строившийся молодой черноморский флот был зажат, раздавить его ничего не стоило, да только...

Да только на берегу находился Александр Васильевич. На этот раз он получил послание без дружеских уверений. Сбросил маску и русский генерал. "...В рассуждении странной претензии тщеславных угроз и неприязненного злословия... — ответил он главнокомандующему флотом и сухопутными войсками Порты, — ... право я имею встретить, при Божьей помощи, сильною рукою незваных гостей".

Уж кто-кто, а турки хорошо знали Суворова, и они убрались в Стамбул. Но вскоре армада вернулась, и главнокомандующий стал искать место для высадки десанта. Это был подарок судьбы — Суворов любил подраться. Теперь он писал ласковые письма, но невоспитанные турки его огорчили. Капудан-паша чрезвычайно удивил русского генерала тем, что "Черное море есть величайшего и могущественнейшего монарха... наследственная область, в которой никто другой и малейшего участия и никакого права не имеет...". На этом основании турки обещали расстрелять русские военные корабли.

Через многочисленных осведомителей турки знали, что войска в Крыму малочисленны, но тем не менее высадиться не сумели. Куда ни подходили корабли, везде их встречали многочисленные пушки и щетина ружей со штыками. Суворов успевал перебрасывать войска из одного места в другое. Любовь Суворова к "штыку-молодцу" была известна всей Европе, и адмирал-паша не рискнул высаживать свою пехоту на русские штыки. Главнокомандующий пошел на хитрость: несмотря на то, что в турецком флоте свирепствовала чума, попросил разрешения сойти на берег "для прогулки" и набрать пресной воды.

Суворов был самой любезностью и... не впустил ни одного человека на охраняемый берег.

Семь кораблей туркам пришлось сжечь, чума свирепствовала не только в Турции, но и на кораблях, остальные "отплыли в открытое море из виду вон".

"Наука побеждать"

Александр Васильевич не знал поражений и, судя по документам, основа его успехов заключалась в обучении войск. Суворов не только постоянно проводил учения, но и составил инструкцию по тактическому обучению войск, которая одновременно являлась солдатской памяткой. Язык "Науки побеждать" был чисто суворовским — лаконичным и точным. Полководец не выносил неточностей и многословия.

"...Солдату надлежит быть здорову, храбру, тверду, решиму, правдиву, благочестиву, — писал Суворов. — Молись Богу! От него победа. Чудо богатыри! Бог нас водит, он нам генерал.

Ученые — свет, а неученые — тьма. Дело мастера боится. И крестьянин не умеет союю владеть — хлеб не рождается. За ученого трех неученных дают; нам мало трех, давай нам 6; нам мало 6-ти, давай нам 10 на одного; всех побьем, повалим, в полон возьмем. В последнюю кампанию неприятель потерял щетных 75.000, только что не 100.000, он искусно и отчаянно дрался, а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вот, братцы! Воинское обучение! Господа офицеры! Какой восторг!..”

Есть три воинских искусства: глазомер, быстрота и натиск. Суворов описывает их, но очень кратко. “Наука побеждать” заканчивается чисто по-суворовски, и эти заповеди должен был знать наизусть каждый офицер и солдат:

“Субординация, Послушание, Дисциплина, Обучение, Ордер воинский, Порядок воинский, Чистота, Опрятность, Здоровье, Бодрость, Смелость, Храбрость, Экзерциция, Победа и Слава!”

Александр Васильевич воспитывал в своих подчиненных прежде всего инициативу, желание побеждать и прославиться личной храбростью. Подвиг должен был стать желанной страстью каждого ратника. Суворов запретил наказывать солдат, если они медленно усваивали военную науку. Он требовал от офицеров терпеливого отношения к обучению. Телесные наказания остались только для дезертиров и неисправимых лентяев.

Александр Васильевич Суворов остается и в наши дни единственным Суворовым. Его стратегия и тактика базировались исключительно на разгроме противника. Наступал ли он, заставляли ли его власти отступать, находился ли в окружении противника, превосходящего его в десятки, а то и сотни раз, — Суворов со своей армией бил всех “и в хвост и в гриву”.

“Войска, обученные по моей методике, будут победительными и без меня”. Правоту гения военного искусства, непревзойденного полководца подтвердили Кутузов, Гурко и Скобелев.

Чудак

Личность эта была в высшей степени загадочна для современников.

— Хотите ли меня знать? Я вам себя раскрою: меня хвалили цари, любили воины, друзья мне удивлялись, ненавистники меня поносili, придворные надо мной смеялись. Я шутками говорил правду, подобно Балакиреву, который был при Петре I, и благодетельствовал России. Я пел петухом, побуждал сонливых, угомонял буйных врагов Отечества. Если бы я был Цезарь, то старался бы иметь всю благородную гордость души его, но всегда чуждался бы его пороков.

В отношениях с лицами высокопоставленными Суворов являлся в большинстве случаев “чудаком”, загадкой в своих действиях, в частной и общественной жизни. Он то шалил, как ребе-

нок, то поражал способностью объять мыслью целый мир, решать в своем уме самые сложные вопросы, касавшиеся миллионов людей или судьбы государства. С царями, царедворцами и своими чудо-богатырями он говорил разным языком. Первые его ценили и уважали, последние — боготворили, а большинство вторых его ненавидело и ему завидовало. Для недоброжелателей у Суворова был особый язык, острый, как бритва, колкий, как игла, и меткий, как стрела. Им он парировал выходки врагов и им же выражал свои мысли в разговорах с людьми, ему сочувствующими.

Бесцеремонность Суворова многих шокировала. Он же чинов не разбирал и дерзко ответить мог и императорам.

Князь Потемкин не раз напрашивался на обед к Суворову. Тот всячески отшучивался, но, наконец, вынужден был пригласить светлейшего с его многочисленной свитой. Александр Васильевич призвал к себе искуснейшего метрдотеля Маноте, служившего у князя, поручил не жалеть денег и изготовить великолепнейший стол. Призвал он и своего повара Мишку, которому велел для себя приготовить два постных блюда. Своей роскошью стол удивил даже самого Потемкина. Сам же Суворов, под предлогом поста и нездоровья, кроме двух постных блюд, ничего не ел. На другой день, когда метрдотель принес ему счет на сумму более тысячи рублей, Суворов, подписав на нем: "Я ничего не ел", отправил к Потемкину, который тотчас заплатил и сказал:

— Дорого стоит мне Суворов.

Странным казался и образ жизни Суворова. Он вставал с восходом солнца, бегал по лагерю в одной рубашке, делал зарядку, обливаясь холодной водой, обедал в 7 или 8 часов утра, употребляя при этом самую простую пищу, большей частью кашу и щи. Любимым напитком его был квас, но перед обедом всегда выпивал рюмку водки. После обеда спал три часа и столько же ночью. Перед сном и вставая по утру пил кофе. Спал на тонком соломенном тюфяке или на плаще, разостланном на полу, в походах отдыхал на голой земле или в кибитке. Каравала у него не было никогда.

Александр Васильевич свято соблюдал все посты, ел, когда полагалось, кислую сырную капусту с квасом, с солью и конопляным маслом, приговаривая:

— Это русскому здорово! Помилуй Бог, как здорово!

Суворов страстно любил Россию, любил все русское, внушал любовь к Родине и нередко повторял:

— Горжусь, что я россиянин!

Об одном Русском вельможе говорили, что он не умеет писать по-русски.

— Стыдно, — сказал Суворов, — но пусть он пишет по-французски, лишь бы думал по-русски.

В торжественные дни и в большие праздники Александр Васильевич надевал все ордена. Делал он это при раздаче в церкви присланных государем знаков отличия генералам и офицерам. В походах летом носил солдатскую холстинную куртку с красной

выпушкой, широкие холщовые шаровары и короткие сапоги. Но к императрице одевался всегда особенно тщательно.

— Смотри, Прошка! Еду к матушке-царице, так все ли в порядке! Это ведь не то, что идти на Измаил или на Прагу!

Любимец императрицы

Военные подвиги, оригинальный образ жизни и “чудачества” заинтересовали Екатерину Великую. Узнав полководца поближе, императрица сразу угадала в нем гения, и ничто не могло поколебать ее расположения к невзрачному на вид полководцу, в котором, кроме того, она ценила и деятеля-администратора, и ловкого дипломата-политика.

Суворов платил царице-матушке безграничной преданностью, благоговел перед нею и прославлял ее всю свою долгую жизнь.

Раз на придворном балу, желая оказать внимание фельдмаршалу, государыня спросила его:

— Чем почтевать дорогого гостя?

— Благослови, царица, водкой.

— Но что скажут красавицы фрейлины, которые будут с вами разговаривать?

— Они почувствуют, что с ними говорит солдат.

Черная зависть и клевета жертвой своей прежде всего выбирают неординарные личности. Судьба России и Суворова в этом отношении нераздельны. Любая антирусская кампания сопровождалась нападками на Александра Васильевича. Он и ненормальный, и кровожадный, и беспощадный, и убийца-маньяк, и бессталанный, и вообще он не русский, а пруссак. Особенно старались всячески унизить и оклеветать нашего полководца немцы. Когда он был в зените славы, они протрубыли на всю Европу о его прусском происхождении. В 1789 году геттингенская газета сообщила, что прославленный победитель турок генерал Суворов является сыном... “тильдесгеймского мясника”, немцем, перешедшим на русскую службу. Сама императрица сочла своим долгом опровергнуть этот вздор: “Не подлежит сомнению, что фамилия Суворовых давным-давно дворянская, спокон века русская и живет в России, — писала Екатерина. — Его отец служил при Петре Первом... Это был человек неподкупной честности, весьма образованный, он говорил, понимал или мог говорить на семи или восьми мертвых и живых языках. Я питала к нему огромное доверие и никогда не произносила его имя без особого уважения. Вот из какого человека ваша газета делает мясника”.

В переписке с императрицей Александр Васильевич был, как всегда, краток и лаконичен. В короткой блестящей кампании генерал разгромил польскую армию и принудил Варшаву к капитуляции. Победа далась с малыми потерями. О взятии Варшавы Суворов донес: “Всемилостивейшая государыня! Ура! Варшава наша”. Екатерина Алексеевна ответила столь же лаконично: “Ура!

Фельдмаршал Суворов!" Узнав таким образом о своем возвышении, Суворов стал прыгать через стулья, считая по пальцам генерал-аншефов, которых он опередил:

— Салтыков позади, Долгорукий позади, Каменский позади, а мы впереди! — Перекрестясь, Суворов добавил: — Помилуй Бог матушку-императрицу! Милостища она ко мне, старику.

Но официально императрица до поры до времени не сообщала о своем решении. Только во время торжественного обеда в Зимнем дворце по случаю привоза ключей покоренной Варшавы все узнали о награде победителю. В разгар торжества императрица подняла тост "за фельдмаршала графа Суворова-Рымникского" и тем самым лишила многочисленных завистников и недругов Суворова малейшей возможности противодействовать этому заслуженному награждению.

— Александр Васильевич! — сказала Екатерина Суворову, — вы знаете, что я никогда не повышаю не в очередь — я не способна повышать более старших. Но завоеванием Польши вы сами произвели себя в фельдмаршалы.

Возвращение Суворова из Польши было отмечено рядом торжеств. Екатерина II пожаловала своему любимцу драгоценную табакерку с изображением Александра Македонского.

— Никому так не прилично иметь портрет тезки вашего, как вам, Александр Васильевич!.. Вы велики, как он!..

Во время одной из аудиенций императрица спросила Суворова:

— Александр Васильевич! Все ли по заслугам награждены?

— Виноват, матушка! Просмотрел одного молодца майора, а он теперь лежит раненый.

— Эту вину легко исправить. Садитесь и пишите ему достойную награду.

Вскоре Суворов подал бумагу: "Господин секунд-майор! Все милостивейшая государыня наша матушка-императрица всемилостивейше пожаловала вам за Мачин — чин, за Брест — крест, за Прагу — золотую шпагу, а за долгое терпенье — сто душ в вознагражденье".

Екатерина с особенным благоволением подписалась под этими словами.

Павел

Сев на престол, император Павел I поспешил прекратить все военные действия и вернул войска в Россию.

— Мое царствование, — торжественно заявил он, — станет для России эпохой мира. Задача моего царствования — залечить раны, нанесенные предыдущими беспрерывными войнами.

Суворов в глазах императора являлся олицетворением царствования его матери. Павел не признавал в нем талант полководца и разделял точку зрения пруссаков, которые воспринимали Суворова как грубую, но счастливую силу. Удалить сразу же из армии популярного фельдмаршала царь не рискнул. Назначение Суво-

рова на новую должность оскорбило фельдмаршала, на нее могли назначить и генерал-майора.

— Новый титул! Я — инспектор... Я был таким подполковником!

Беспощадная ломка Павлом екатерининских порядков не могла оставить Суворова равнодушным. Он понимал, что реорганизация армии по прусскому образцу погубит ее. Неодобрение фельдмаршалом нововведений и явилось основной причиной его опалы. Когда, например, ему было приказано ввести прусскую форму, напудренные букли, башмаки и прочее, Суворов резко сказал при всех:

— Пудра не порох, букли не пушки, коса не тесак; я не немец, а природный русак!

Эти слова довели до сведения государя, и 6 февраля 1797 года на разводе был отдан высочайший приказ:

— Фельдмаршал граф Суворов... так как войны нет и ему делать нечего, за подобный отзыв отставляется от службы.

Суворов пожелал проститься с солдатами. Войска были выстроены, перед фронтом сложили пирамиду из барабанов и литавр. Суворов, одетый в простой солдатский мундир и увешанный орденами и знаками отличия, обратился к своим сподвижникам со следующей трогательной речью:

— Товарищи! — прощался с армией полководец. — Оставляю вас, может быть, надолго, может быть, навсегда. Проведши пятьдесят лет с вами и не теряя вас ни на минуту из виду, отец ваш, который пил, ел и спал с вами, останется теперь один и утешаться будет, думая о детях своих. На это есть воля общего отца нашего, государя императора. Но я надеюсь еще с вами видеться: тогда Суворов будет опять посреди вас и тогда наденет он опять свои знаки отличий, которые в знак любви вам оставляет. Не забывайте, что он носил их, побеждая вместе с вами неприятелей.

С этими словами фельдмаршал снял с себя ордена и положил их на сложенную пирамиду. Солдаты плакали навзрыд. 18 офицеров подали тут же в отставку и отправились вместе с Александром Васильевичем в изгнание. Не успел Суворов с верными ему офицерами доехать до места ссылки Кобриня, как офицеры были арестованы, а полководца по приказу сослали в Новгородскую губернию под присмотр полиции.

Лишенный возможности служить и обреченный на бездеятельность, а праздность была его смертью, Суворов углубился в религию. Дело дошло до того, что он обратился к императору с просьбой разрешить ему постричься в монахи. “Ваше Императорское Величество, всеподданнейше прошу позволить мне отбыть в Нилову Новгородскую пустынь, где я намерен окончить мои краткие дни в службе Богу. Спаситель наш один безгрешен. Неумышленности моей прости, Великий Государь. Всеподданнейший богомолец, Божий раб, Александр Суворов”.

Месяц ждал опальный полководец ответ и получил. "Граф Александр Васильевич! Теперь нам не время рассчитываться. Виноватого Бог простит. Римский император требует вас в начальники своей армии и вручает вам судьбу Австрии и Италии. Мое дело — на сие согласиться, а ваше — спасти их. Попспешите приездом сюда и не отнимайте у славы вашей время, а у меня удовольствие вас видеть. Пребываю вам благосклонный. Павел".

Какой монастырь, какие обиды, какие счеты, когда большая война ждет! Шел 1799 год. Не раздумывая, старик взял перо и настрочил: "Тотчас упаду к стопам Вашего Императорского Величества". Затем он отдал домашним приказ:

— Час собираться, другой — отправляться; поездка в четырех товарищах: я в повозочке, они в саночках. Лошадей восемнадцать, а не двадцать четыре. Взять на дорогу денег 250 рублей. Егорке бежать к старосте Фомке и сказать, чтоб такую сумму проверил, потому что я еду не на шутку. Да я ж служил в деревне за дьячка: пел басом, а теперь поеду петь Марсом.

Скорое прибытие фельдмаршала удивило царя и придворных. Подходя к царю, Суворов читал вслух молитву Господню "Отче наш...", и, становясь перед императором на колено, произнес последние слова:

— И не введи нас во искушение.

Павел, поднимая Суворова с колена, докончил молитву:

— Но избави нас от лукавого!

На третий день фельдмаршал скакал уже по дороге в Вену. Первое же препятствие на пути армии Суворова, Брешия, сдалось без боя. Полководца это не устраивало, ему нужна была другая репутация, и Александр Васильевич нашел выход — он исправил дело на бумаге. В реляции сообщалось о "жестоком пушечном огне", "упорном сопротивлении". В результате Европа дружно напала на русского кровожадного варвара за "турецкий способ действий". Суворов был доволен — нужное впечатление создано.

Заняв Турин, Суворов самовольно объявил о восстановлении Сардинского королевства, послал королю приглашение вернуться в столицу, издал прокламацию к жителям с призывом вооружаться на защиту короля, а заодно полководец восстановил королевскую армию. Все это способствовало подъему национального самосознания пьемонтцев и могло только затруднить желание Австрии присоединить Сардинское королевство к своим владениям.

Сардинский король за взятие Турина пожаловал Суворову крест св. Маврикия и Лазаря, цепь ордена св. Анунциаты, а после взятия Нови возвел его в ранг великого маршала Пьемонтских войск и гранда королевства с потомственным титулом принца и кузена короля.

Город Турин поднес Суворову золотую шпагу, усыпанную драгоценными камнями, с благодарственной надписью. Лагерь при Асти был переполнен иностранцами, которые дожидались свидания с полководцем. В театрах произносились в его честь стихи, за

обедами поднимали тосты за здоровье. В Европе (особенно в Англии) были очень популярны медали с его изображением. Лишь венский двор был холоден к главнокомандующему своих войск. Разъяренный император Франц тут же послал рескрипт, в котором ясно дал понять Суворову, что он поставлен во главе австрийских войск не для того, чтобы осуществлять свою собственную политическую программу. В этом же рескрипте содержался категорический совет не думать ни о каких наступательных действиях, а ограничиться осадами Мантуи и Миланской цитадели.

На этот раз Суворов подчинился, правда, временно. Союзную армию стали теснить французы, и фельдмаршал поспешил ей на помощь. Французы отступили.

После взятия Мантуи, которая защищалась французским генералом Гарданом, Суворов был возведен императором Павлом в княжеское достоинство с наименованием Италийский.

Победы Суворова в Италии встревожили французское правительство. За его голову была назначена награда в два миллиона ливров. Узнав об этом, Суворов велел привести одного из пленных французов, объявил ему, что дарует свободу, и добавил:

— Желаю тебе счастливой дороги; не забудь только объявить своей дирекции, что очень дорого оценили мою голову. Ведь у нее и денег таких нет. Скажи дирекции: я постараюсь сам привести к ним мою голову вместе с руками.

Наконец было принято решение о швейцарском походе. Время было упущено, приближалась зима 1799 года. Суворов распустил слух, что выступит не ранее 20 сентября, а выступил раньше. В обход горы Сент-Готард полководец отправил один корпус. 13 сентября остальные русские войска двинулись на перевал, Сент-Готард был в тот же день взят. 14-го русские овладели Чертовым мостом, а 16-го армия начала беспримерный подъем. В ночь с 23 на 24 сентября Суворов начал последний швейцарский переход. Армия пробивалась без дорог, карабкалась по обледенелым скатам, бросив тяжесть и потеряв почти всех лошадей.

Два столетия прошло после знаменитого перехода через Альпы, но вряд ли найдется мало-мальски образованный человек на нашей планете, кто бы не знал об этом беспримерном подвиге русской армии во главе с 70-летним полководцем. Император Павел после беспримерного перехода Суворова через Сент-Готард прислав ему свои портреты в перстне и для ношения на груди. «Граф Александр Суворов! — говорилось в рескрипте. — Портрет мой свидетельствует всему свету благорасположение и признательность государя к великим делам своего подданного. Вы означенены славою мое царствование. Ваш доброжелатель Павел I».

Пожаловав своему полководцу звание генералиссимуса, Павел писал: «...побеждая повсюду врагов Отечества, недоставало вам еще одного рода славы — преодолеть и самую природу. Но вы одержали и над нею верх. Поразив еще раз злодеев веры, вы по-

прали вместе с ними козни сообщников их, злобою и завистью против вас вооруженных. Ныне награждаю вас по мере признательности моей и, ставя на высшую степень, чести и геройству предоставленную, уверен, что возвожу на оную знаменитейшего полководца сего и других веков".

— Помилуй Бог, велика милость, велик чин: он меня придаст!.. недолго мне жить! — воскликнул Суворов, получив рескрипт.

Вскоре произошел разрыв между Россией и Австрией. 5 января 1800 года генералиссимус получил приказ императора: "Обстоятельства требуют возвращения армии в свои границы, ибо виды венские те же, а во Франции перемена, которой оборота терпеливо и не изнуряя себя мне ожидать должно... идите домой немедленно".

Возвращаясь на родину, Суворов тяжело заболел. Трудная кампания, предательство союзников, которые не только лишили русскую армию провианта, но и нанесли удар в спину, — все это сломило силы полководца. Узнав о состоянии Суворова, Павел тут же отправил к нему самого искусного своего врача Бейкарта. Стараниями врачей удалось восстановить силы генералиссимуса.

Россия с нетерпением ждала возвращения армии и своего кумира — Александра Васильевича Суворова. В столице готовились к торжественной встрече. Въезд в Петербург должен был совершиться под несмолкающую пушечную пальбу и колокольный перезвон. Но полководца ждал еще один, уже последний удар — опала государя. 20 марта в приказе по армии генералиссимусу дан был выговор "за то, что в походе имел при себе, вопреки уставу, по старому обычаю дежурного генерала".

Жаловать так жаловать, бить так бить! Торжественная встреча отменена. 23 апреля, когда умирающий Александр Васильевич въехал в Петербург, ему сообщили, что император не желает его видеть. Через день у Суворова отобрали адъютантов, запрещено было его навещать. Полководец находился в доме Хвостова, куда пропускался только врач, так как приступы сильных болей продолжали мучить старика. Только когда близкая смерть стала очевидной, император разрешил посещение генералиссимуса друзьями и сослуживцами. Но Суворов уже никого не узнавал. 6 мая 1800 года его не стало.

Во время похорон славы русской империи огромные толпы народа стекались в столицу, чтобы проводить в последний путь народного любимца. Не было на похоронах только русского царя да знати. Не было и русской гвардии — Павел проводил во время похорон смотр войскам.

Александр Васильевич Суворов похоронен в Нижней Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. Только спустя полстолетия на его безымянной могиле появилась плита с краткой надписью его друга — поэта Державина: "Здесь лежит Суворов". ■

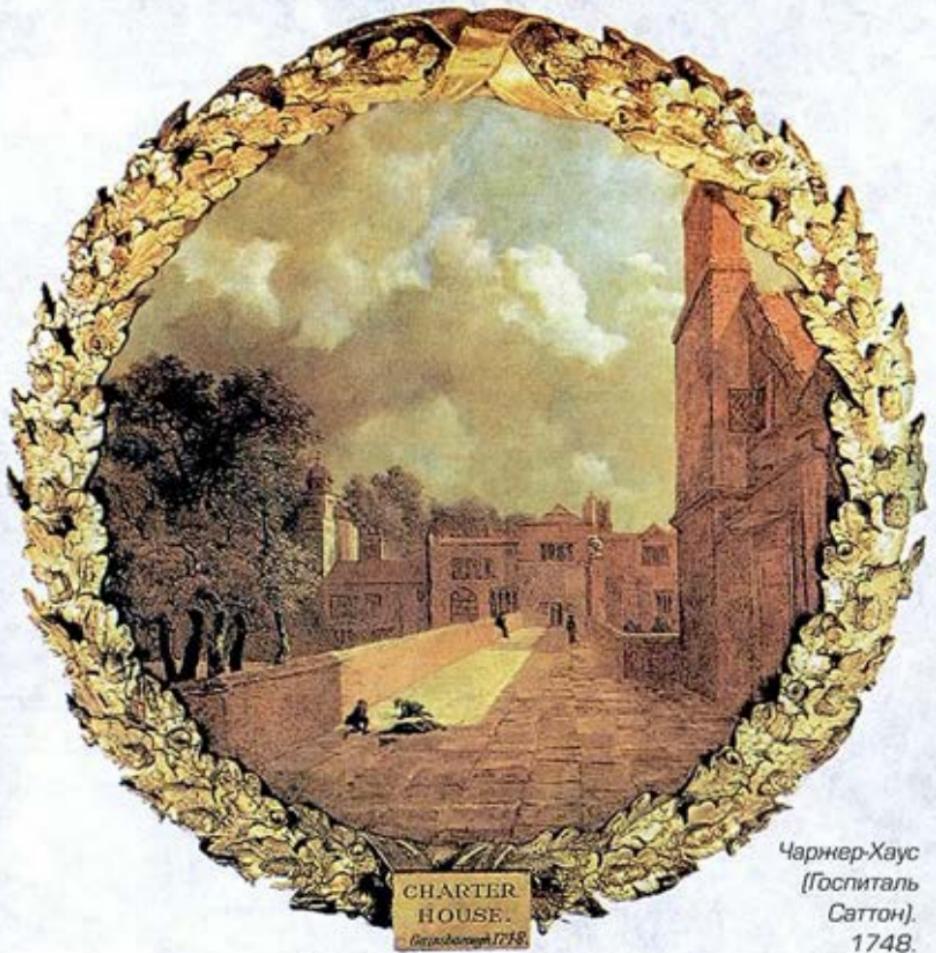
ДОМ СУДЬБЫ

София Пискун

Yдивительно, но один из самых знаменитых портретистов Англии XVIII века Томас Гейнсборо, оказывается, терпеть не мог писать именно портреты. "...Меня тошнит от портретов, — жаловался он своему другу Джексону (кстати, после смерти художника Джексон издал книгу о нем — "Четыре возраста"). — Ужасно хочется взять свою виолу да гамба и удалиться в какую-нибудь милую деревню, где я мог бы писать пейзажи и наслаждаться последними годами жизни в покое и тишине. И эти важные дамы, их чаепития, танцульки, ловля мужей и прочее и прочее выманят у меня обманом мой последний десяток лет. Но с этим ничего не поделаешь — вы это знаете, Джексон". В этих словах весь Гейнсборо. Слова из письма, адресованного Джексону, красной нитью повторяются и в других письмах. Он словно тяготился своим талантом, раздражался от одного вида моделей, не стеснялся грубить им, вообще вел себя с заказчиками не по-джентльменски. В хорошее расположение духа, умиротворение его приводила только музыка. Он обожал ее. Виртуозно играл на виоле да гамба (отдаленно напоминающую современную виолончель), басовом инструменте, очень модном в то время. И, видимо, ощущал себя непревзойденным музыкантом.

Томас Гейнсборо, девятый ребенок в семье, родился в 1727 году в восточной Англии, в провинциальном местечке Садбери. Оно было перевалочным центром торговли шерстью и сукном, здесь процветало прядение, ткачество и отделка готового товара. Отец Томаса, Джон Гейнсборо, торговал сукном. Жили достаточно обеспеченно, но в 1733 году отец оказался банкротом, пришлось с молотка продавать дом, имущество... Многодетной семье грозила перспектива оказаться на улице, однако им повезло. Дом выкупил племянник Джона и разрешил семье остаться в нем жить. Мать Томаса слыла умной и образованной женщиной, увлекалась живописью, особенно хорошо писала цветы. Вероятно, именно от нее Томас перенял любовь к рисованию. В школьные годы по разрешению дяди-учителя он убегал с уроков, чтобы рисовать. На школьных тетрадках и каких-то обрывках бумаги рисовал окрестности Садбери, извилистую речку Стур, впадающую в море, луга, пастухов, пахарей. Художник Констебл, родившийся в этих местах, восторженно писал: "Это чудесная страна для художника. Мне все кажется, что я вижу Гейнсборо в каждой живой изгороди и дуплистой деревне".

Гейнсборо сформировался как художник очень быстро. "Он очень рано проявил свои способности к живописи, — вспоминал его друг журналист Генри Бейт. — Природа была его учителем, саффолкский лес — академией, там он проводил свои утра в уединении, делая наброски старого дерева, заболоченного ручья, коров, пастуха со стадом или любого попавшего в поле его зрения предмета. От рисунков он перешел к краскам и, написав в возрасте от десяти до двенадцати лет несколько пейзажей, покинул Сад-

Чарнер-Хаус
(Госпиталь
Саттон).
1748.

бери на тринадцатом году, а приехав в Лондон, начал работать портретистом". И действительно, тринадцатилетний мальчик сумел так убедить родителей в своем призвании к рисованию, что отец отпустил его одного в Лондон.

В Лондоне он поселился у серебряных дел мастера, предположительно в доме Роберта Эндрюса-старшего. (Спустя семь лет Томас написал знаменитый свадебный портрет его сына с молодой супругой — "Мистер и миссис Эндрюс". По своему самобытному стилю картина двадцатилетнего художника стала началом развития английского портрета и является сейчас одной из жемчужин Национальной галереи Лондона.)

В Лондоне Томас учился рисунку у превосходного французского мастера Гюбера Гравело, посещал художественную школу, так называемую Академию святого Мартина, которой руководил Хогарт. Впрочем, учеба мало что дала Томасу. Его независимый нрав, одаренная натура не могли мириться с готовыми школьными догмами, он так и остается самоучкой, противопоставляя свою манеру письма, свой стиль официальным академическим традициям, и идет своим путем. Поначалу жилось юному художнику

трудно, приходилось "бросаться" на любой заказ. Так у известного гравера и издателя гравюр Бойделла подправлял и дописывал старые картины. Поднакопив денег, в 18 лет Томас покупает помещение, в котором обустраивает собственную мастерскую.

Однажды во время загородных этюдов в 1746 году (Томасу уже шел 19 год) он познакомился с красивой девушкой Маргарэт Барр, побочной дочерью герцога Бофора. Молодые люди влюбились друг в друга с первого взгляда и вскоре сочетались браком в Мейферской часовне, знаменитой тем, что там венчали вступающих в брак против воли родителей. Вполне возможно, что семье Томаса не нравилось происхождение невестки, хотя за Маргарэт и была закреплена пожизненная рента в 200 фунтов в год. По тем временам довольно хорошие деньги.

Влюбленный Гейнсборо создает несколько рисунков своей молодой очаровательной жены, одетой в пышные наряды. На од-

ном рисунке молодожены изображены вдвоем: она в розовой юбке, изящной шляпке; за деревьями парка видна круглая беседка, вероятно, олицетворяющая храм Гименея.

Постепенно, что не характерно для художественной среды, Гейнсборо приобретал авторитет у коллег-художников, ценивших его за яркий оригинальный талант. Именно они подбрасывали Томасу работу, делились своими заказами, чтобы поддержать молодого художника. Сам Хогарт пригласил Гейнсборо украсить приемную детского приюта. "Чартерхаус" Томаса оказалась лучшей среди картин других художников. После Второй мировой войны, когда приступили к восстановлению приюта, прежде всего начали с реставрации картины Гейнсборо.

И все-таки средств к существованию катастрофически не хватало. По характеру Томас был весьма застенчивым и робким человеком, не считал себя особо одаренным и, чтобы как-то прилично содержать молодую семью (к тому времени родилась

дочь), решил уехать из Лондона в какой-нибудь провинциальный город. Вначале возвратился в Садбери, но родное местечко было так мало, что заказов не поступало вовсе, и тогда Гейнсборо переезжает в городок побольше — Ипсуич. В нем процветала торговля шерстью, оживленно работали доки и верфи; жили небогатые дворянне, интеллигентия, попадались и обедневшие аристократы, которые старались не отставать от столичной моды. В самые первые дни проживания в Ипсуиче с художником произошла весьма неприятная история. Узнав о том, что в городе поселился новый живописец, некий помещик послал за ним слугу. Обрадованный Гейнсборо поспешил в имение, радостно гадая, какой получит заказ — портреты хозяев, чад и домочадцев или же вид самого поместья. Но его ждала откровенная насмешка. Чванливый эсквайр, видимо, посчитав, что живописец и маляр это одно и то же, предложил Гейнсборо покрасить окна и двери своего дома...

Жизнь в Ипсуиче на первых порах оказалась очень тяжелой, к тому же вскоре родилась вторая дочь Маргарэт, или, как он шутливо ее прозвал, Капитан. Но благодаря своей общительности, доброжелательности и остроумию Гейнсборо быстро нашел контакты с людьми, у него появились друзья, которые помогали получать заказы — за несколько лет он написал около 80 портретов.

К этому времени Гейнсборо пытается уже внести свой стиль в портретную живопись. Как мечтатель и лирик в портретах он отражает не столько черты характера человека, сколько свое впечатление от внешнего облика и состояния души модели. И ему не важно, кто позировал: виднейшие государственные деятели Англии, знаменитые актеры и писатели, или же люди из низов общества. Современники высоко ценили в его портретах именно правдивое умение схватывать сходство с оригиналом.

Жить только на доходы от продажи картин оказалось невозможно, и он был вынужден влезать в долги. Вот что пишет художник своему другу, некоему Харрису: "Прошу простить меня за то, что я заставил вас ждать так долго. Может быть, вы все же подождете, пока я смогу расплатиться... Очень неприятно не только просить взаймы: ведь никто, уверяю вас, не делает этого одолжения без картины, за исключением одного человека, но он далеко отсюда. Такова правда, но она должна оставаться в секрете, и потому я надеюсь, что вы никому не покажете этого письма".

Работа над портретами утомляла художника, и он иногда позволял себе переключаться на другой жанр — писал пейзажи. Он писал их для собственного удовольствия, при этом не искал сходства с природой, а просто отражал свое непосредственное восприятие ее. Как-то он заявил своему другу Джеймсу Уинну, банкиру, который вел его денежные дела: "Если бы люди с их проклятыми портретами оставили меня хоть немного в покое, мне кажется, я показал бы себя в лучшем свете, но меня так извели..." И, видимо, был прав. Художник Констебл настолько любил его пейзажи, что от полноты чувств они вызывали у него слезы, он считал Гейнсборо "гением пейзажа". Но, к сожалению, светские заказчики требовали от Гейнсборо только портреты.

В Ипсуиче у Гейнсборо проявилась еще одна страсть — любовь к музыке. Он становится членом музыкального клуба, не пропускает ни одного концерта, пишет групповой портрет музыкантов и, как вспоминает Констебл, из-за неуемного преклонения и любви к музыке часто оказывается мишенью для шуток в компании друзей. Однако Гейнсборо был не только меломаном, но и талантливым исполнителем на многих инструментах, причем быстро их осваивал. Его друг Тикнес, издавший о нем книгу еще при жизни художника, однажды одолжил ему свою превосходную скрипку. По этому поводу Тикнес вспоминал: "...И хотя Гейнсборо до тех пор, видимо, никогда не прикасался к музыкальному инструменту, поскольку, казалось, завидовал даже моим бедным достижениям в качестве скрипача, он еще до возврата скрипки столь пре-

Лес Норнар (Лес Тейсборо). Около 1748.

успел в музыке, что я так же мало мог состязаться с ним в скрипичной игре, как и в писании картин".

В Ипсуиче Гейнсборо прожил несколько лет и, видимо, исчерпав в нем все свои возможности, распродал имущество и картины по самым низким ценам и решил перебраться в более крупный город Бат. О необыкновенной щедрости и доброжелательности Гейнсборо можно судить по письму сына одного из его друзей. Он писал, что когда художник покидал Ипсуич, к нему в мастерскую зашли друзья, чтобы попрощаться, и он каждому дарил свои рисунки, а друзей у него было больше, чем достаточно. И еще упомянул, что даже лица крестьян светлели только при одном упоминании имени Гейнсборо, столько добрых дел он сделал в Ипсуиче...

Выбор Гейнсборо нового места жительства оказался верен. В курортном Бате отдыхали богатые люди, которые были не прочь запечатлеть себя на водах, и для молодого художника открывалась прекрасная перспектива добиться успеха и известности. К тому же, в Бате у Гейнсборо не оказалось серьезных соперников-портретистов. Стремясь не упустить благодатный момент, он работал так напряженно, что даже заболел от переутомления, и настолько серьезно, что местная газета известила о его смерти, правда, в следующем номере извинилась за допущенную ошибку. Гейнсборо писал своему другу Унвину: "Я был прикован к постели лихорадкой целых пять недель... Моя дорогая добрая жена сидела около меня всю ночь напролет и ухаживала как могла. Я никогда не буду достоин ее, даже если стану лучше на сто процентов".

Болезнь еще долго давала о себе знать... Поэтому Гейнсборо пришлось переехать в пригород, оставив в центре города приемную и мастерскую, а остальную часть дома сдавать. Один из почитателей его таланта даже одолжил художнику коня, чтобы он ежедневно прогуливался, укрепляя свое здоровье. Затяжная болезнь заставила Гейнсборо задуматься о жизни, о детях. И

Миссис Ричард Бринсли Шеридан. 1783.

он решил обучать девочек рисованию, чтобы в случае крайней необходимости они могли заработать хотя бы на кусок хлеба. Учеба не прошла даром, девочки действительно стали неплохо рисовать, но с возрастом, к сожалению, у обеих дочерей появились какие-то странности, что крайне огорчало отца. Младшая дочь Маргарэт психически заболела, врачи считали, что эта болезнь наследственная. С врачами он расплачивался, как и всегда, портретами. Потом Маргарэт вроде бы выздоровела, но тревога за дочь так и не покидала его до конца жизни.

Со временем работа над светскими портретами все больше и больше тяготила Гейнсборо, раздражение накапливалось, и в итоге он перестал сдерживаться. Как-то один очень самодовольный богатый аристократ попросил художника запечатлеть на будущем портрете ямочку на подбородке, которой, кстати, в оригинале не наблюдалось. В ответ он услышал: "Черт бы побрал эту вашу ямочку. Не стану писать ни ее, ни вашего подбородка". Вот так. Вообще Гейнсборо особенно и не скрывал своего презрительного отношения к светскому обществу, лицемерному, высокомерному и насквозь фальшивому. Что и проявлялось в его работах. Но, если какой-нибудь человек ему нравился, то и писал он более выразительно, более живописно, старался создать яркий индивидуальный образ. Вот они, прекрасные портреты: хозяин пивоваренного предприятия, сэр Трумэн, мощная фигура старика Прайса — владельца одного из поместий, изящная и элегантная Анна Форд — незаурядная личность, позднее ставшая женой его друга Тикнесса, портрет графини Хау... Что касается его близких друзей, то их портреты он делал просто, без украшательств, но с глубоким пониманием их внутреннего мира, с большой симпатией. Это немецкий композитор Абель, которого он обожал, оперный композитор Иоганн Кристиан Бах — одиннадцатый сын великого Иоганна Себастьяна Баха...

В Бате он познакомился и с талантливым музыкантом Фишером, который влюбился в его старшую дочь Мэри. Гейнсборо страшно противился этому браку, поскольку знал Фишера как угрюмого человека с неустойчивым характером, но все-таки дал согласие, однако брак скоро распался. Гейнсборо написал его великолепный портрет, где Фишер с пером в руке стоит у фортепиано, на котором лежит гобой, а на стуле — скрипка.

Когда наш Тургенев путешествовал по Шотландии, в Стратфорде он увидел портрет знаменитого в то время актера Гаррика, написанный Гейнсборо для шекспировских торжеств. "Я успел еще зайти в залу городской думы, — вспоминал писатель, — где портреты Шекспира и Гаррика, последний почитается весьма сходным и лучшим из портретов Гаррика. Он облокотился на пьедестал, на коем бюст Шекспира, ибо на нем и покоятся слава актера".

Друзья и близко знавшие художника люди отмечали его потрясающую интуицию. Работая с моделью, он настолько тонко чувствовал человека, что мог довольно точно предсказать ее даль-

Дровосен, ухаживающий за пастушкой. 1775.

Девочка со щенком и нувшином. 1785.

нейшую жизнь. Так однажды он писал портрет прелестной семнадцатилетней мисс Грэм. Во время работы он был мрачен, задумчив, говорил, что его "терзают плохие предчувствия". Увы, "предчувствия" не обманули его. Юная мисс вскоре умерла. Его привычка внимательно приглядываться к собеседнику однажды сыграла с ним злую шутку. Как-то он познакомился с известным литератором Джонсоном, часто беседовал с ним и настолько следил за каждым его жестом и выражением лица, за манерой разговора, что сам не заметил, как перенял от собеседника все его характерные черты и даже "заразился" тиком, от которого избавился только через несколько месяцев.

В Бате Гейнсборо продолжал писать для души свои любимые пейзажи. Но что характерно, он совершенно пренебрегал натурой и создавал какие-то фантастические виды. Во время прогулок он выискивал причудливой формы корни деревьев, собирая камни, мох, сухую траву. И дома из всего этого сооружал миниатюрные ландшафты, а затем, уже на холсте, преображал их в величественные скалы, ущелья, деревья...

Некоторые современники Гейнсборо считали его произведения слишком яркими, вызывающими броскими. Справедливое замечание, но относится оно только к тем картинам, которые он посыпал на выставки. Впрочем, следует отметить, что в те времена богатые леди щедро расходовали косметику. Лица раскрашивали "по полной боевой программе". Губы, щеки ярко пылали, брови и ресницы сурьмили почице одалисок, да и пудры для волос не жалели. Светские сплетники даже распускали слухи, что известная красавица Китти Фишер будто бы умерла от злоупотребления свинцовыми белилами. А Гейнсборо просто честно писал портреты женщин, изображая их такими, какие они есть на самом деле.

Как в Ипсуиче, так и в Бате о Гейнсборо говорили как об исключительно щедром, отзывчивом и добром человеке. Был такой случай: как-то по дороге в театр Гейнсборо встретил приятеля Тикнесса, и тот рассказал ему историю о бедственном положении одной семьи, глава которой покончил жизнь самоубийством. Гейнсборо сильно расстроился, хотя совершенно не знал этих людей. Поход в театр отменил и отправился на почту, чтобы послать чек несчастной вдове. И только после этого успокоился. А когда молодой актер Гендерсон, блестательно игравший роль Гамлета, обратился к нему с просьбой помочь перебраться на большую сцену в Лондон, он, не считаясь со своим временем, выхлопотал талантливому актеру место в столичном театре...

В 1774 году, почувствовав в Бате спад на заказы, Гейнсборо переезжает в Лондон, где и проживет до самой своей кончины. Он поселяется в правом крыле огромного дома, принадлежащего Астли, художнику и приятелю Рейнольдса, с верхнего этажа которого открывалась необыкновенно живописная панорама Лондона. Но помещение под мастерскую оказалось для Гейнсборо тесным, потому как, по обыкновению, он любил приводить в свои мастер-

ские ослов, поросят и других животных, рисуя их, как и людей, с натуры. Когда он работал над картиной "Девочка с поросятами" для очередной выставки в Королевской Академии художеств, вспоминал очевидец, было потешно наблюдать за Гейнсборо, который, стоя за мольбертом, старался поймать позы и ужимки резвящихся поросят. История "Девочки с поросятами" оказалась шумной. Художник Рейнолдс, занимавший пост первого президента Королевской Академии, считался главным соперником Гейнсборо. Чтобы насолить своему конкуренту, он решил купить эту картину за достаточно большую сумму, сыграв как бы роль миротворца с одной стороны, а с другой, дав понять, что Гейнсборо — живописец простонародья. Гейнсборо, обладая тонким юмором, написал Рейнолдсу благодарственное письмо следующего содержания: "Сэр Джошуа! Я мню себя польщенным и обязанным вам за этот особый знак вашего благоволения, поистине, теперь я могу сказать, что выгодно продал на рынке моих поросят. Ваш вечно обязанный и покорный слуга Томас Гейнсборо".

Гейнсборо был обаятельным человеком, насмешливым и острумным, с привлекательной внешностью, с красивой статной фигурой. Его любили, им восхищались. А вот в семейной жизни с ним приходилось нелегко. Да, он был по-своему домашним, заботливым, любящим мужем и отцом. Но, одновременно с этим, часто так напивался с приятелями, что потом несколько недель работать не мог. При всей любви к домашним, он постоянно жаловался на них в письмах к своей сестре Мэри, жившей в Бате. Жена, по его словам, безусловно, добра, отзывчива, но, увы, не сумела составить его счастья; детям тоже доставалось — чересчур увлекаются светской жизнью, на уме одни танцульки и развлечения.

В последние годы жизни Гейнсборо уже не испытывал недостатка в заказах и слишком много работал. Привычка работать стоя сказывалась на его здоровье, он стал сильно уставать, и у него появилось навязчивое предчувствие приближения смерти. Однажды он встретился с художником Шериданом, с которым давно дружил, и, будучи в очень подавленном настроении, сказал: "...я скоро умру, я знаю, я это чувствую... Но тяготит вот что: у меня много знакомых, но мало друзей. А хочется, чтобы хоть один стоящий человек проводил меня до могилы. Я хочу попросить вас об этом".

В апреле 1787 года Гейнсборо присутствовал на громком процессе Уоррена Гастингса, обвинявшегося в жестоких преступлениях, совершенных им в Индии. По натуре очень эмоциональный человек, художник постоянно посещал суды, заслушивался страшными обвинительными речами. На этом процессе он простудился, вскоре у него заболела шея, потом сильно распухла. Впоследствии оказалось, что это рак. Умирал Гейнсборо в полном сознании и очень беспокоился о будущем своих дочерей. 2 августа 1788 года его последними словами были: "Все мы отправимся на небо, и Ван Дейк с нами".

Водолей 21 января — 19 февраля

Нет таких людей, которые не любили бы радугу. Но дальше всех пошли Водолеи. Они просто на ней живут.

Общаясь с Водолеем, вы должны быть постоянно готовы ко всякой неожиданности. От природы спокойные и добрые, Водолеи любят бросить вызов общественному мнению на какой-нибудь необыкновенной выходной. Люди, чьим покровителем является Уран, способны явиться на торжественный вечер в сандалиях на босу ногу, если им так удобно.

Если бы можно было охарактеризовать Водолея одним словом, этим словом было бы любопытство. Водолея интересует все, что его окружает, начиная с вас и кончая соседним щенком. Поэтому, если вам нужен человек, который был бы сосредоточен только на вас, Водолей ни в коем случае вам не подходит.

Водолеи склонны подвергать анализу ситуации, друзей и неизвестных. Поглощенные разгадыванием очередной загадки, они могут быть на удивление назойливыми и нетактичными. Найдя ответ на мучивший их вопрос, Водолеи тут же теряют к предмету или человеку всякий интерес, что для натур чувствительных может показаться оснорбительным. Несмотря на то, что Водолеев окружает много знакомых, друзей среди них почти нет. Люди, подвластные Урану, почти всегда остаются одинокими и непонятыми. Человечеству трудно понять тех, кто живет будущим, лишь изредка навещая настоящее.

Водолеи обладают такой широтой взглядов, что среди них никогда не встретишь людей с предрассудками. Все люди для него братья. Иногда Водолей предпочитает одиночество. В таких случаях его лучше не беспокоить. С Водолеем трудно о чем-либо договориться. Он не любит, когда его стесняют определенными обязательствами. Правда, если вам удастся добиться его согласия на что-либо, он выполнит это точно и в срок.

Водолеев часто критикуют за непредсказуемость слов и поступков. Они любят поступать так, как хотят, и не считают нужным никого-либо об этом предупреждать. Если вы хотите с ним общаться, вам просто следует к этому привыкнуть.

Водолей никогда не доверится первому встречному, он должен изучить человека досконально и узнать мотивы его поведения.

ния. Но если он знает вас хорошо и считает своим другом, никакие сплетни недоброжелателей не разубедят его в мнении о вас. Он, конечно, может послушать и сплетни, но из чистого любопытства, и не придаст им ни малейшего значения. Водолей обладает проницательностью и редкой интуицией, он способен угадывать ваши мысли и желания до того, как вы высказали их вслух.

Водолей со своим даром предвидения принадлежит всему человечеству; он символизирует его тайные чаяния и высокие идеалы. Металл Водолея — радиоактивный уран, а камень — прозрачный темно-синий сапфир, в котором мудрость прошлого соединена с тайнами невидимого далекого будущего.

Знаменитости, рожденные под знаком Водолея: Сомерсет Моэм, Фрэнсис Бэкон, Галилео Галилей, Борис Пастернак, Кларк Гейбл, Ванесса Редгрейв, Эрнст Теодор Амадей Гофман, Рональд Рейган, Чарльз Дарвин, Франклин Рузвельт, Чарльз Диккенс, Франц Шуберт, Томас Эдисон, Авраам Линкольн.

Под этим знаком родилась и великая русская балерина Анна Павлова. Ее мы и выбрали в качестве типичного представителя Водолея.

Неумирающий лебедь

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Будущая балерина появилась на свет морозным утром последнего дня января 1881 года — чуть ли не на два месяца раньше положенного срока. Она казалась столь слабой, что ни восприемница ее, ни соседки, суетившиеся возле кровати матери — бедной швеи, подрабатывавшей иногда стирной, — не надеялись, что девочка

будет жить. Нарекли Анной в честь святой, праздник которой в этот день значился в церковном календаре.

Первое воспоминание Анны — маленький домик в Петербурге, где они жили вдвоем с матерью. Отца своего она не помнила: он умер спустя два года после рождения дочери. Несмотря на бедность,

мать по большим праздникам ухитрялась доставить девочке наконец-нибудь удовольствие. На Пасху — огромное яйцо, начиненное игрушками, на Рождество — елочку, увенчанную золотыми орехами. Когда Анне исполнилось восемь лет, мать объявила, что они поедут в Мариинский театр.

Музыка Петра Чайковского к "Спящей красавице" потрясла слух и воображение девочки. Она затрепетала при звуке первых тактов, почувствовав дыхание красоты. Во втором акте группа мальчиков и девочек восхитительно танцевала чудесный "Вальс цветов".

— Хотела бы ты так танцевать? — с улыбкой спросила мама Анну.

— Нет, не тан. Я хочу танцевать как та красивая дама, что изображает Спящую Красавицу. Ногдани-будь и я буду так танцевать, и в этом же самом театре.

Мать назвала Анну глупенькой, не подозревая, что дочь уже нашла свое призвание в жизни. На другое утро девочка только и говорила о своем великом решении. Ничего удивительного: именно Водолеи выбирают в качестве цели жизни совершенно фантастические рубежи и... добиваются своего!

После слез и настоятельных просьб маленькой Анны мать повела ее в балетную школу. В тот год ее не приняли, предложили привести девочку через два года. Многое может перемениться за два года в детских мечтах, но Анна проявила редкую настойчивость. В 10 лет она стала ученицей Императорской балетной школы.

Свою карьеру в Петербурге Павлова начала по обычному заведенному порядку: сначала выпускные эн-

замены, потом кордебалет, из кордебалета в первые танцовщицы и, наконец, в балерины. В Мариинский театр она пришла на закате балетмейстерской карьеры знаменитого Мариуса Петипа. Пейзажи, феи, призрачные виллы... Тон газетных статей о молодой балерине становился все восторженнее: "Гибкая, грациозная, музыкальная, с полной жизни и огня миминой, она превосходит всех своей удивительной воздушностью. Когда Павлова играет и танцует, в театре особое настроение. Как быстро и пышно расцвел этот яркий, разносторонний талант, в котором каждый раз находишь новые красоты". После премьеры балета "Шопениана" критики сканунт: "Она точно слетела с гравюр 40-х годов XIX века, эпохи романтического танца великих Марии Тальони, Карлотты Гризи..."

Одним из выдающихся партнеров Анны Павловой был Михаил Фокин, впоследствии сам балетмейстер и постановщик многих блестящих спектаклей.

В историю балета эти два имени — хореографа Фокина и балерины Павловой — вошли благодаря совсем небольшой композиции. "Умирающий лебедь" на музыку Нормана Сен-Санса. Хрупкая и изящная, как северная статуэтка, воздушная и эфемерная, Анна была создана для "Лебедя". Фокин сочинил эту хореографическую миниатюру за несколько минут. Это были мгновения величайшего вдохновения. Он танцевал перед ней, балerinой, а она тут же повторяла все его движения. Потом проделала это одна, а балетмейстер следил за ней сбоку, поназывая, какие руки-крылья должны быть у Павловой-Лебедя.

Номер стал коронной ролью Павловой. Исполняла она ее, по мнению современников, совершенно сверхъестественно. На любую сцену, огромную, среднюю или маленькую, спускался луч прожектора и следил за исполнительницей. Спиной к публике на пунтах появлялась буквально пушинка, то есть фигура, одетая в лебяжий пух, и не спускалась с них до конца номера, мечась в замысловатых зигзагах предсмертной агонии. Силы ее ослабевали, она отходила от жизни и покидала ее в бессмертной позе, лирически изображающей обреченность, сдачу победителю — смерти.

Когда Сен-Санс увидел Павлову, танцующую его "Лебедя", он добился встречи с ней, чтобы сказать:

— Мадам, благодаря вам я понял, что написал прекрасную музыку!

Секрет отличия Павловой от танцовщиц, блестивших на сцене до и после нее, крылся в неповторимой индивидуальности ее характера: природа наделила Анну накими-то особыми и несравненными чертами. Современники говорили, что, глядя на Павлову, они видели не танцы, а воплощение своей мечты о танцах. Она казалась воздушной и неземной, летая, как пух, по сцене и растворяясь, как облачко...

В ее речи сквозило нечто детское, чистое, не вянувшееся с реальной жизнью. Она щебетала, как птичка, вспыхивала, как дитя, легко плакала и смеялась, мгновенно переходя от одного к другому... Такой она была всегда. Можно сказать, что она действительно прожила свою жизнь на радуге, подобно почти всем людям своего знако...

И полюбила она так же просто и естественно, как жила и танцевала — один раз и навсегда, хотя ничто не предвещало счастливой развязки романа. В дни ранней юности, когда Павлова познакомилась с Винтором Дандре, они были людьми "разного круга". Винтор, известный балетоман, выходец из старой аристократической французской семьи, обосновавшейся уже сотню лет назад в России, служил надворным советником в сенате, состоял гласным Городской Думы. Он был прекрасно воспитан и образован, владел многими языками, словом — образцовый представитель "золотой молодежи" Петербурга: богатых щеголей, денди, поклонников и проповедников жизни легкой и изысканной. Павловой Дандре увлекся, когда она была еще никому неведомой "малюткой из балета". Так "золотая молодежь" называла начинающих свою карьеру балерин, и в этом названии выражалось все отношение к ним.

Протежировать очаровательной и талантливой танцовщице поначалу назалось Винтору забавным и даже шикарным. В пику знатным конкуренткам Павловой, балеринам Ншесинской и Преображенской (которых не оставляли своим вниманием великие князья, придворная знать и банкиры), Дандре не просто снял Анне роскошную квартиру, но и устроил в ней "зал для танцкласса". Это была роскошь, мало кому из молодых танцовщиц доступная. Расходы Винтор мог себе позволить. Но жениться? Полнот! Разного поля ягоды...

Анну это задевало. Двусмысленность положения содержанки просто не приходила ей в голову: она любила, она была любима и не

понимала, что может разделять ее и Виктора.

— Да что такое артистка? Содержанка? Крепостная? Неудачница? Авантюристка? Я не понимаю, — сокрушалась Павлова. — Я поначалу боролась. Начала с горя просто нутить, желая что-то ему доказать!.. И не настаивай Дандре на моей работе, я ни в какие артистки бы не вышла. Но он мне класс "построил". Пришлось работать... хотя бы из самолюбия...

Дандре довольно скоро оценил великий талант Анны. Вечера в его большой и нарядной квартире на Итальянской улице не обходились без нее...

Но вот первые гастроли в Европе, и Анна забывает обо всем на свете. В 1907 году она дебютирует в Стокгольме. И каждый вечер, когда танцует Павлова, в новое здание королевской оперы приезжает смотреть русский балет Оскар II, король шведский, автор исторических трудов, поэт, драматург и литературный критик, учредитель шведского ордена "За заслуги перед искусством". И хотя Анна Павлова была наслышана о демонратизме монарха, все же она была несказанно удивлена, получив приглашение посетить его во дворце. Всеобщее изумление вызвала в труппе присланная за гостьей королевская карета, в которой и понатила дочь бедной швеи-прачки, словно истинная принцесса, по улицам Стокгольма. Король поблагодарил балерину за доставленное ее танцами удовольствие и пожаловал учрежденный им орден.

Конечно, эти почести были приятны. Но истинную радость испытала она после одного из представлений в стокгольмском театре. До са-

мого отеля за экипажем Павловой молча шла толпа зрителей. Люди не аплодировали, не переговаривались, не желая нарушать отдыха артистки. Никто не ушел и тогда, когда балерина скрылась в отеле. Толпа так же молча стояла наконец-то время под ее окнами. Павлова недоумевала, как ей поступить, пока горничная не подсказала, что нужно выйти на балкон — поблагодарить. Анну встретили бурей рукоплесканий, что ошеломило ее. Она могла только кланяться. Потом сообразила — бросилась в комнату, притащила норзину, подаренную в этот вечер, и стала бросать в толпу цветы: розы, лилии, фиалки, сирень... Люди долго не расходились из-под балкона.

В 1909 году Сергей Дягилев, консерваторский ученик Римского-Корсакова и талантливый юрист, человек богатый и живо интересующийся искусством, решил открыть русский оперно-балетный сезон в Париже. Эту идею подсказал его хороший друг и единомышленник, талантливый театральный художник Александр Бенуа.

С Дягилевым Павлову познакомил Виктор Дандре. Конечно, для участия в "дягилевских сезонах" Анне были необходимы дорогие туалеты. Для Дандре это обстоятельство означало огромные расходы. Он сделал все, что от него требовалось, но какой ценой... Аристократ, он занялся коммерцией, в которой по большому счету понимал очень мало, и в конце концов угодил в тюрьму.

Изнурительный судебный процесс длился больше года. Не очень проворный в таких делах, Дандре не сумел откупиться, ибо не располагал такой крупной суммой денег, которая требовалась, чтобы внести

залог для освобождения из тюрьмы.

А что же Анна? Происходящее словно бы ее не касалось. Ее отношение к судьбе Виктора граничило с черствостью и равнодушием, давая современникам повод подозревать, что пылкий роман подошел к концу вместе с деньгами покровителя. Не опровергая ничего, Анна уехала за границу с дягилевской труппой. Типично для Водолея: не "зацикливаться" на мелочах, непонятительно следовать заданным маршрутам.

Появление Павловой в главной роли в балете Адана "Низель" произвело в Париже впечатление взрыва. Пресса неисториковала, приравнивая ее к Карлотте Гризи и Марии Тальони и даже признавая ее превосходство. И действительно, Павлова-Низель была неподражаема.

Замысловатые технические приспособления, поднимающие Низель то на ветки деревьев, то на облака, то бросающие ее вниз, пользоваться которыми боялись другие, Анну Павлову не пугали. Еле насясь земли, она поднималась ввысь и парила над сценой как некое призрачное, невесомое создание. Мгновениями зрителям казалось, что они видят сон, что действие целиком проходит как бы в воздухе... Пытаясь раскрыть тайну таланта Павловой, понять, чем балерина покоряет зрителей, критики писали: "Павлова не артистка, а явление".

Она и ее партнер Вацлав Нижинский сразу добились в Париже небывалого успеха. Дягилевставил все на этих артистов. Он вел переговоры о поездках не только по Европе, но и по Америке и Австралии, когда произошло неожидан-

ное. Павлова "предает" Дягилева, подписав контракт с известным в то время театральным агентством "Брафф" в Лондоне.

Контракт очень выгодный, но жесткий, фактически набальный. В течение целого года, без перерыва, балерина обязана танцевать ежедневно по два раза в день — в Англии, Шотландии и Ирландии.

Подписав набальный контракт, Анна получила аванс. Эти деньги тотчас внесла как залог, требовавшийся для вызволения Дандре из тюрьмы, и вызвала Виктора к себе. Неожиданно, непредсказуемо, эффектно — короче, очень по-водолеевски.

Правда была в том, что Павлова обожала Дандре. Именно обожала. Она никогда не любила его обыкновенной человеческой любовью, а обожала, и это было мукой для них обоих. Она сознавала, что всем в жизни обязана Дандре, что без него она не была бы той "мировой" Павловой, каную все знали. Она помнила жертвы, которые он принес ей, и считала долгом не только их заслужить, а и с лихвой за них отплатить.

— В Париже я решила, что без Дандре я жить не могу, — рассказывала Павлова. — А потом, знаете, предрассудки: нельзя жить вместе в гостинице как муж и жена и не быть повенчанными. Ну я и решила... Мы повенчались в церкви, под сеншетом. Этого никто, кроме полиции, гостиниц и свидетелей, знать не должен. Я так ему и сказала: если ты когда-нибудь осмелишься сказать, что мы повенчаны, — все между нами кончено. Я под поезд брошу. Понимаешь: я теперь "Павлова"! Теперь мне плевать на кануюто "мадам Дандре"! Теперь ты должен делать для

меня все на свете. И он молчит. Он знает, что виноват. Пусть терпит. Пусть все думают, что он просто так "при мне"! Он ведь мой, только мой, и я его обожаю... Поэтому я вправе его "третировать". И верьте, в этом его счастье.

Перепады настроения Анны случались все чаще, их размах — все больше. Как больной избалованный ребенок Анна придирилась к Винтору, доводила до слез и отчаяния. Потом сама впадала в истерику и валялась перед закрытой на ключ дверью его кабинета, умоляя впустить ее... Добившись прощения, она начинала новую сцену, крича, что "она оскорблена, что она сама никогда не простит"...

Из таких сцен состояла вне работы жизнь этих обонавших друг друга, неразрывно связанных между собою людьми, располагавших с виду всем тем, что нужно для счастья. Впрочем, может, для них это и было счастьем. К тому же людям, связавшим свою судьбу с Водолеем, остается либо терпеть его непредсказуемые выходки, либо... Впрочем, второй вариант бывает крайне редко: слишком уж притягательны для окружающих люди этого знака.

Да и сама Павлова время от времени резюмировала: "Подходящий муж для жены — это то же, что музыка для танца". С 1912 года у Павловой и Дандре уже была своя постоянная труппа, основу которой составляли английские и польские артисты балета. В окрестностях Лондона они арендовали Айви-Хауз, "дом, увитый плющом".

Особняк с колоннами высился среди старого английского парка, где повсюду были цветы, теплицы. Большая терраса выходила на пруд. Там плавали лебеди, и среди

них ее любимец — белоснежный и гордый красавец Джек, который, как собака, ходил за ней по саду, не боясь брать из рук лакомство.

Отношения Анны с миром животных и растений были особенноими. Из каждой страны она привозила какой-нибудь экзотический цветок или птицу. А сколько собак перебывало в гостеприимном павловском доме! Однажды балерина подарили громадного пса. Он был несколько неуклюж и часто цеплялся за тяжелые шелковые портьеры, смахивал своим хвостом фланконы духов, вазы с цветами. Раз Анна решила испугать его. Пес упирался, а Павлова упрямо подталкивала его к ванной, пока тот не схватил свою хозяйку за ногу и крепко держал, не разнимая зубов. Она ласково уговаривала собаку до тех пор, пока та не успокоилась и не отпустила ногу. Балерина потом шутя говорила друзьям, что, возможно, сама поступила бы аналогично, если бы ее заставляли насилию делать то, чего она не хотела. Действительно, невозможно представить себе Водолея, покорно подчиняющегося чьим-то прихотям.

Существование Винтора Дандре рядом с Павловой представляло подвиг самопожертвования. Взяв абсолютно все заботы на себя, он обеспечивал ей, что называется, "райскую" жизнь. Он был не только хозяином всего их театрального предприятия, но и "экономом" огромного дома, следящим за тем, чтобы все желания его обожаемой Анны были предусмотрены.

В театральных делах Павловой Дандре один вел работу, которая была бы под стать целой канцелярии. Владея многими языками, он сам перечитывал всю корреспон-

денцию, на нем были телефонные и личные переговоры со всеми странами обоих полушарий, занимался прессой, рекламой, афишами, вырабатывал и устанавливал программы, набирал и пополнял труппу, занимался костюмами, декорациями и орнестровками, устанавливал маршруты и обеспечивал передвижение труппы и багажа по морю и сухе. Наконец именно Дандре единолично устраивал все приемы и выезды Павловой, как и ее взаимоотношения с прессой и всем художественным миром.

Но и Анна по-своему старалась угодить мужу. В этом, как и в работе, она была темпераментна и неистова:

— Кто осмеливается в моем доме заваривать ему чай?

Или:

— Кто вычистил ему ботинки? Это мое дело. Вон!

Потом, впрочем, были слезы, затем опять поворот настроения и работа, работа, работа без передышки...

Ее убеждали поехать в отпуск, отдохнуть.

— Что вы, — лепетала она испуганно. — Я должна работать круглый год. У меня на руках труппа, распустить ее — значит уплатить всем неустойку. Это разрушит все, что я наработала за эти годы наторги. Если я не имею времени жить, то уж умирать я должна на ходу, на ногах...

Как-то, приехав в гости к одной своей приятельнице, Павлова застала ее за работой в огороде. И тут же захотела присоединиться.

— Вы хрупкое созданье, куда вам с лопатой. Да и туфли у вас на наблюдцах, — сказала ей подруга.

— Нет, нет! Увидите! Во-первых, я крепкая-прекрепкая, я вон всю

эту грядку возьму да вскопаю, а туфель не жалко. Они рваные... У меня всю жизнь рваные туфли. Плохая примета...

Павлова истово подмечала приметы и была суеверной донельзя. Она боялась грозы, встречи со священниками, пустых ведер... Более того, даже то, что для других было незаметным пустяком, превращалось в ее воображении в примету. Что это? — болезненные фантазии или ее особая, обостренная тонкость души? Или просто свойственная Водолеям вера во все магическое и сверхъестественное...

Тогда, в гостях, она действительно чрезвычайно быстро и ловко вскопала грядку. Потом задумалась, заглядевшись на большой куст чайных роз, и привычной детской скороговоркой прощебетала:

— Вот: когда этот куст умрет, и я умру. Это так. Я точно знаю...

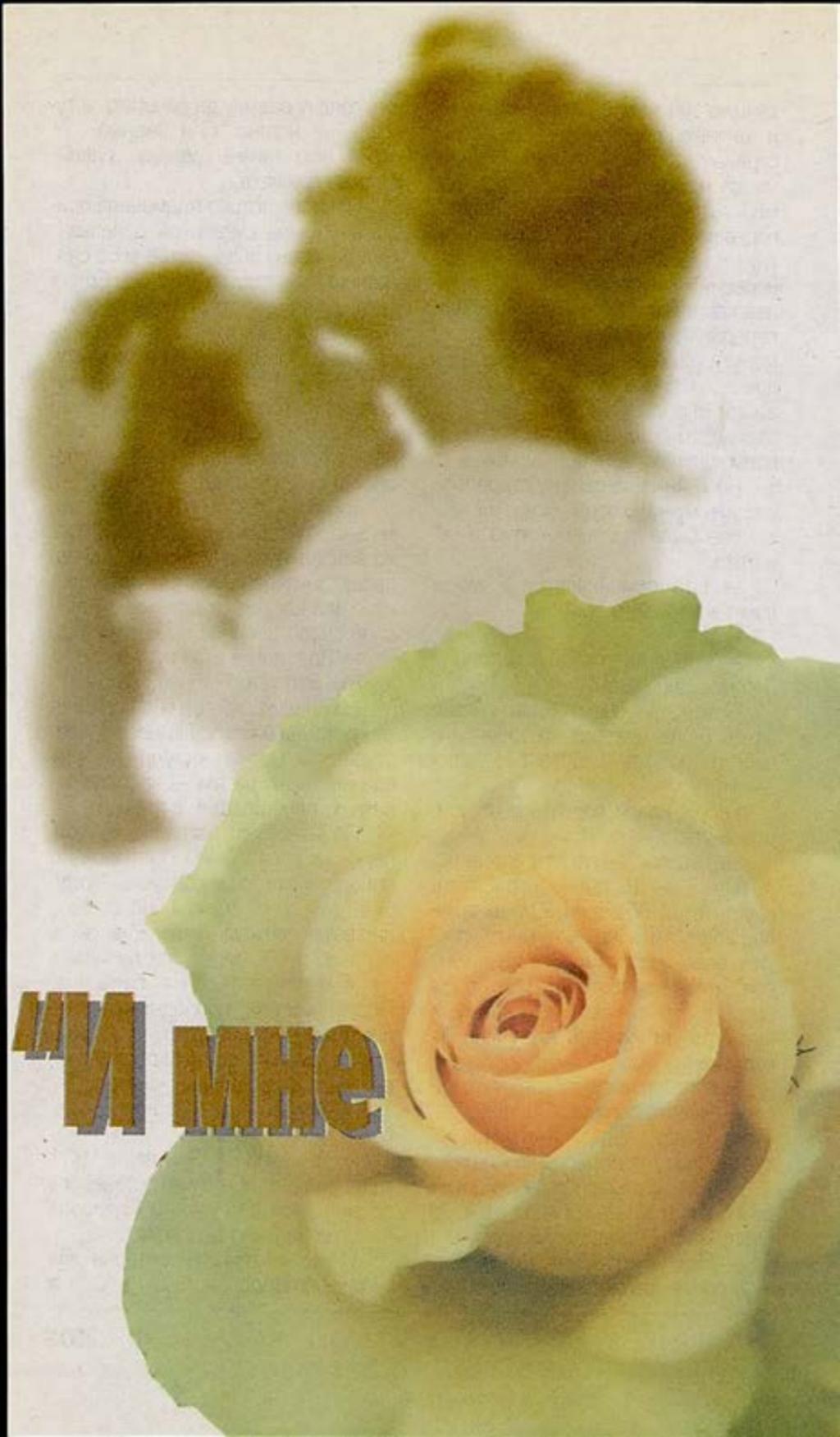
На следующий год она спешила на гастроли в Гаагу. По дороге простидалась. Легкий насморк перенесла на ногах, затем — воспаление легких, перешедшее в плеврит...

По какому-то загадочному совпадению слова Анны Павловой по поводу куста роз сбылись. Когда она заболела, цветы покрылись ржавыми пятнами и погибли в несколько дней. Через три дня умерла и великая русская балерина. Последний раз, приподнимаясь на постели, как будто готовясь встать, она отчетливо и строго, как всегда, распоряжаясь, сказала:

— Приготовьте мне костюм Лебедя.

То была ночь 23 января 1931 года. До ее 50-летия оставалось восемь дней. Но у Анны Павловой никогда не было возраста.

И это — тоже характерно для типичного Водолея. ■

И мне

Виктория МУРАШОВА

Конечно, в жизни редко бывают такие уникальные и "судьбоносные" совпадения, как во всемирно любимой комедии Эльдара Рязанова "Ирония судьбы". И все-таки именно в новогоднюю ночь случаются порой удивительные события, круто меняющие человеческие судьбы. Или просто меняющие, пусть медленно, но верно. Как случилось со мной пять лет тому назад. Господи, уже целых пять лет?

Мне до сих пор страшно подумать о том, что всего этого вполне могло и не быть. Потому что этого просто не должно было быть. Во всяком случае, как говорят теперь, "не в этой жизни". Тем не менее, когда я перечитываю дневник того времени, я и смеюсь, и плачу, и заново перенимаю тот висоносный год. И даже не знаю, кого благодарить за все то, что случилось...

"1 января. Сколько себя помню, этот день всегда был удивительно грустен. А последние годы — вообще сплошные слезы. Назалось бы, логичнее наоборот: плакать 31 декабря и на что-то надеяться в первый день Нового года.

Так вот — сегодня все наоборот. В ни-то вени нас с мужем пригласили встретить Новый год в компании. Муж согласился. Хотя честно предупредил, что предстоит не самый веселый вечер в моей жизни, поскольку он рядом со мной постоянно сидеть не намерен, а такой серенькой и глупенькой мышке, как я, лучше вообще из своей норки не высываться. Засмеют.

Обычно все это кончалось моими слезами, и муж шел один. Или не шел совсем. Но здесь в меня точно накой-то бес вселился. "Пойду!" — сказала я себе. — Хлопну для храбрости шампанского и буду веселиться. Чем я хуже других?"

Насчет "серой мышки" муж преувеличивает. Конечно, я не красавица, но до выхода замуж поклонники у меня были. Как у всех — не больше и не меньше. Да, ноги у меня растут не из шеи, а оттуда, откуда им положено расти, глаза нормальных размеров, а не с блодце величиной, да и талия могла бы быть потоньше, но многим я нравилась. И глупень-

**когда-то
дарили розы...**

ной никто не считал, хотя до Спинозы явно не дотягиваю. В конце концов, муж ко мне не с Луны свалился: увидел — влюбился — ухаживал — добился и... успокоился. Любовная лодка о быт не разбилась, просто заплыла в тихую-тихую бухту. Да так в ней и застягала.

Если бы еще у нас были дети... Но вот этого-то как раз муж категорически не хотел. То есть хотел, но — "в свое время". После того, как будет заложена прочная основа карьеры, приобретены все материальные блага и испробованы все радости жизни. Первый этап — квартира — мы уже преодолели: трехкомнатные апартаменты в "доме улучшенной планировки" были оплачены и отремонтированы почти по классу "люкс". Теперь на повестке дня стоял вопрос о приобретении дачи. И вот тогда...

Было у меня, правда, смутное подозрение, что после приобретения дачи нужно будет менять машину на более престижную, обычную, пусть и итальянскую, сантехнику — на новомодную "навороченную", телевизор — на домашний кинотеатр и так далее, и тому подобное. Предела совершенству, как известно, нет. Но пока я тихо сидела в нашей квартире, посиль но создавая в ней уют, работала программистом в небольшой, достаточно респектабельной фирме, и все чаще чувствовала себя не двадцатисемилетней молодой женщиной, а пятидесятилетней зрелой матроной, у которой все — позади, кроме чисто бытового комфорта. Любовь? Не смешите меня, умоляю...

ЕГО я заметила сразу. Во-первых, когда он вошел, все уже со-

бирались садиться за стол. А во-вторых, рядом с ним была та-а-кая красотка, что народ даже как-то притих на время. Блондинка с глазами и ногами, загорелая, как в августе месяце.

— Вот, — шепнул мне муж, — учись, как надо появляться на людях. Скромно, но эффектно.

Логично. Я только не поняла, кого он имел в виду — его или ее.

После боя курантов начались танцы. А на меня шампанское действовало как-то странно. Захотелось, чтобы меня оставили в покое, выключили музыку, погасили свет и дали вспасть пореветь над растоптанной жизнью. Что поделаешь — серая мышь.

— Разрешите? — прозвучал мужской голос над моей головой.

Я подумала, что мешаю кому-то пройти, и подвинулась. Потом все-таки взглянула на говорившего и обомлела. МЕНЯ ПРИГЛАШАЛИ ТАНЦЕВАТЬ! Мало того, приглашал танцевать не старый знакомый, в котором возникло чувство жалости к невостребованной женщине, а молодой, высокий, невероятно обаятельный мужчина. Не красавец, нет, но... Таким, наверное, был капитан Грей из "Алых парусов" Грина.

— Вы — мне? — ошеломленно спросила я.

— Вам, конечно. Что вас так удивило?

Признаваться я не стала. Комплексы — дело сугубо личное, делиться ими можно только с психоаналитиком... если такой имеется.

Мы танцевали, пили шампанское, снова танцевали. Потом сидели на диване и говорили о жизни вообще. Я почувствовала себя так легко и непринужденно, будто

знала Алешу сто лет. Даже парочку своих стихотворений ему прочитала. И вдруг он спросил меня:

— А вы, наверное, поете? — и с этими словами достал откуда-то из-за спины, словно фокусник, гитару. Достал и протянул мне.

Я опешила, хотя прекрасно умела с этой штукой обращаться. Но об этом моем "таланте" мало кто знал. Хозяева дома уж наверняка не были в курсе. Мы с ними познакомились во время очередного отпуска, в пансионате, а тогда я уже не рисковала петь. "Ты же опозоришься!" — мгновенно пронеслось в голове. — Лет восемь не пела даже для себя! Но пьяной ведь море по колено. Минуту спустя уже изображала Нанну Бичевскую (мой голос примерно такого же тембра, хотя во всем остальном заметно отличается). И МЕНЯ СЛУЩАЛИ!

Да как слушали! Даже муж оторвался от хорошенькой и аппетитной — как вафельная трубочка с ванильным кремом! — блондинки и замер с обалделым видом. Но остальные внимали с удовольствием, во всяком случае, без раздражения. С полчаса я была "звездой вечера" и центром всеобщего внимания...

Хозяйна дома, улучив минуту, шепнула мне:

— Вот уж и не думала, что ты такая. Теперь буду своего мужика держать от тебя подальше. На всякий случай.

Вот-вот, пусть дернит свое сокровище подальше: во время танцев как слон наступает на ноги, а рот открывает, чтобы в лучшем случае пересказать передачу "С добрым утром!" двадцатилетней давности. С младенчества, наверное, запала в душу.

Мы уходили, и в передней... Алеша поцеловал мне руку. "Вы позволите вам звонить?" — услышала я и кивнула. А сегодня сообразила, что он не знает номера моего телефона. Ну что ж, сказка кончилась, наступают суровые трудовые будни. Муж с утра по раньше куда-то сбежал, сказав, что "будет поздно". Так что жизнь продолжается. Но я впервые в жизни была счастлива в новогоднюю ночь...

Март. Я ошиблась. Жизнь продолжается, но совсем не так, как представлялось в начале года. Даже дневник некогда было открыть, так что сейчас восстанавливаю события по памяти. Вечером, под старый Новый год сидела дома одна — муж утен играть в свой обожаемый преферанс. До этого две недели по поводу и без повода намекал, что "некоторые напрасно зарывают свой талант шансонье в землю и служат неизвестно ком непонятно где". Дружелюбно объяснял, что пить надо поменьше, особенно если жене под тридцать, и не выставлять себя на посмешище, пытаясь соперничать с куда более красивыми и молодыми женщинами.

— Вот Рая, жена твоего навалера, — зананчивал каждый раз муж свои "разборки", — олимпийская чемпионка по бегу, мастер спорта, танцует, как бабочка порхает, говорит — заслушаешься... Учись.

За годы нашей супружеской жизни я научилась отмалчиваться, а половину нотаций мужа пропускать мимо ушей. Но все равно было обидно. Конечно, не мастер спорта, не красавица. Ну и что теперь — вешаться? Мелькала мысль пойти и завербоваться ку-

да-нибудь на Северный полюс или в Центральную Африну, чтобы там никто не пилил и не нудил. Да уж мне!

Так вот, вечером 12 января раздался телефонный звонок. Не первый за этот день. Звонили родственники, звонили знакомые и я бы покривила душой, если бы сказала, что "сразу почувствовала". Ничего я уже не почувствовала, кроме раздражения: посуда не дождя, в ванной работает стиральная машина, пылесос напривычай, по телевизору в кои вени показывают один из моих любимых фильмов, а я, как нанятая, бегаю к телефону.

— Добрый вечер, — услышала абсолютно незнакомый голос. — Поздравляю вас, желаю вам всегда оставаться такой же молодой и прекрасной...

— Спасибо, — машинально отреагировала я, соображая, что человек явно ошибся номером. — А кто вам, собственно, нужен? Поздравляю вас тоже, кстати.

— Спасибо. Мне нужны вы. Мне нужно, чтобы вы улыбнулись, чтобы у вас засияли глаза, чтобы жизнь стала для вас прекрасной...

— Кто это?

— Мне нужно, чтобы вы наждае утром просыпались с улыбкой и думали о чем-то хорошем. Чтобы у вас все получалось в жизни. Чтобы вам хотелось петь всегда, а не только в праздники...

— Алеша, — шепотом выдохнула я и почувствовала, что сердце, как в юности, затрепыхалось, застучало, рванулось. — Это вы, Алеша?

— Так вы меня помните?..

На следующий день он ждал меня около моей работы...

И понеслось, и занурнулось, и завертелось... Мне трудно описывать события хотя бы потому, что... ничего, собственно говоря, не происходило. То есть в общепринятом понимании этого слова. Не было "современного романа". Мы встречались раз или два в неделю. Алеша всегда приносил цветы — хоть одну розочку. Мы гуляли, если позволяла погода, или заходили в какое-нибудь кафе в центре Москвы и сидели там. Мы ходили в кино, хотя я не помню, какие фильмы там показывали. И главное — мы разговаривали. Ни о чем — и обо всем. А когда не виделись — я писала стихи. Чтобы отдать их Алеше при следующей встрече. И чтобы в очередной раз увидеть его заблестевшие глаза, почувствовать его губы на своей руке и услышать:

— Вы чудо, Ланюшка. Вы самая удивительная женщина, которую я когда-либо видел. Для меня каждая встреча с вами — глоток родниковой воды.

Да, он продолжает говорить мне "вы". До сих пор. Мы ни разу не поцеловались, он даже не делал такой попытки. Хотя пару раз заезжал ко мне домой, и мы были одни... Но я совершенно счастлива, я действительно часто пою, а стихи льются потоком. На работе говорят, что я похорошела и помолодела, многозначительно улыбаются, когда звонит Алеша, просит меня к телефону. А у меня кружится голова от счастья, когда я слышу его обращение ко мне: "Ланюшка". Меня никто никогда не называл. Мне никто не целовал руки. А уж мои стихи и вовсе никого никогда не интересовали.

Здесь себе могу признаться: кажется, я его люблю. И совсем

не представляю себе, что будет, если эти встречи и звонки прекратятся, и я вернусь в прежнее существование "серой мыши в корне". Даже думать об этом боюсь...

Июнь. Завтра в последний раз увижу Алешу: он уезжает в отпуск. По ironии судьбы завтра же в отпуск уезжает и муж — первый раз без меня.

— Нам нужно отдохнуть друг от друга, — объяснил он мне такую перемену. — Тебе и без меня, как я вижу, весело, ты вся ушла в стихотворчество, вертишься перед зеркалом... И вообще тебя можно слушать вместо радио. Жаль только, что иной раз выключить невозможно...

В общем, поговорили. А у меня отпуск в августе. И ехать я никуда не собираюсь — Алеша к этому времени уже должен вернуться в Москву. Возможно, все продолжится. Возможно...

Наверное, правы те, кто уверяет: "Говорите человеку почаще о том, что он хороший — он танцует и будет". За полгода Алеша, похоже, убедил меня в том, что никакая я не "серая мышка", а нормальная, привлекательная женщина. А для него — так и вообще красивая. Ему не лень найти в книге описание глаз, которые, как он уверяет, похожи на мои, и принести мне это описание. Да и стихи он тоже начал писать.

Один раз только мне было плохо, причем почти физически. Алеша обещал заехать за мной после обеда на работу, чтобы мы могли погулять в нашем любимом Нескучном саду. Я прождала его до семи часов вечера — он не приехал и не позвонил. Мне же звонить было некуда: рабочего телефона у меня нет, Алеша сказала, что это бессмысленно, он все равно на месте никогда не сидит, а звонить ему домой... Только объяснения с Раей мне и не хватало!

Пришла домой, проплакала всю ночь. А утром — через силу — поехала на работу. И первое, что я заметила у входа — это знакомую высокую фигуру. Как ни странно, я схватилась не за сердце, а за висок и замерла "соляным столпом" на глазах изумленной публики. Не помню, что я наплела начальству, но в результате очнулась я окончательно уже тогда, когда Алеша вез меня куда-то за город и объяснял, что вот эту самую машину, в которой мы с ним находимся, он дожидается два года, а купил вчера, и у него физически не было времени со всеми этими заморочками позвонить и предупредить, посольку и домой-то добрался глубоко за полночь.

Все хорошо, что хорошо кончается. А этот день был просто волшебным. Мы гуляли в Архангельском, обедали в каком-то кафе, снова гуляли, и весь этот длинный майский день был одной сплошной сказкой. Со сказочным финалом. Уже на обратном пути Алеша вдруг резко затормозил, поставил машину на обочину, повернулся ко мне и сказал:

— Ланюшка, я люблю вас...

И поцеловал меня...

А завтра он уезжает, я целый месяц его не увижу и не услышу. Наверное, жаль, что у нас так ничего с Алешей и не было, кроме бесконечных поцелуев. А может быть, это и к лучшему. Все равно я так благодарна судьбе за то, что эти полгода — стихов, нежности, любви — были у меня. И никто не

отнимет воспоминаний об этом счастье. Даже если оно больше не повторится.

Сентябрь. Давно кончился отпуск Алеша, кончился и мой, который я провела в Москве... Алеша больше не появился. Даже не позвонил. Почему? Не знаю... Сначала, в июле, ждала его звонка каждую минуту, дома и на работе. Потом — дома — каждый час. Сейчас жду каждый день, но что-то говорит мне: это конец. Мальчик поиграл в красивый патонический роман, получил нучу стихов... Нельзя же всю жизнь изображать из себя Рыцаря без страха и упрека.

Он ведь не обманывал меня, поскольку ничего мне не обещал и ничего, кроме сумасшедших поцелуев, у нас с ним не было. Но мне тоскливо, одиноко и... больно. Неужели прав муж, когда говорит, что ни один нормальный мужчина меня дальше недели не выдержит — со всеми моими романтическими бреднями и заскоками?

Да и потом — он же военный. Его могли срочно куда-то отправить... Лучше было даже не думать, куда и зачем: телевизор с каждым днем смотреть все страшнее. И в столице люди гибнут среди бела дня, а уж в "горячих точках"... Но мог же предупредить! Сказать: я уезжаю в командировку, не знаю, когда вернусь, ждите. И я бы ждала... А что я сейчас делаю, интересно? В общем, то же самое, только даже не знаю, сколько мне еще предстоит ждать...

Ноябрь. Только что выписалась из больницы, куда лучше было бы и не попадать. И операция — дурацкая — аппендицит, но ос-

ложнения вокруг нее были хуже, чем она сама. Приехала домой, посмотрела в зеркало — и заплакала. Худая, желтая, глаза ввалились. Но это еще не самое смешное.

От меня ушел муж. То есть формально он уехал в командировку. Но в тот же вечер позвонила наша общая знакомая — хозяйка того дома, где мы праздновали самый счастливый в моей жизни Новый год, и "открыла мне глаза". Оказывается, у моего супруга с того вечера начался африканский роман с женой Алеша — "олимпийской чемпионкой и мастером спорта". Знали об этом, естественно, все, кроме меня. Интересно, а Алеша? Или его предупредили в предпоследнюю очередь, а меня оставили уж совсем на зануску?

— А что муж Раи? — безразлично (так мне, во всяком случае, казалось) поинтересовалась я. — Они ведь производили впечатление вполне благополучной пары.

— Вы, между прочим, тоже производили такое впечатление. Но я тебе скажу, что Алеша не завидуешь. Раиса — женщина дорогая и с бо-ольшими претензиями. Так что ты особенно не огорчайся: через пару месяцев твой благоверный приползет на коленях. Она его выхмет, как лимон, и бросит. Не случайно же он подстраховался — побоялся тебе всю правду сказать. Раиса сейчас свободна — Алешу ее в очередной раз услали дальние гарнизоны инспектировать. Он же военный, без пяти минут полковник, между прочим. Обеспечивает безопасность Родины. А Раиса скучно, нужен паж, воздыхатель, чичероне. Так что не горюй, вернется твое

сонровище. Будет поспокойнее и полюбезнее...

Я и не горевала, но настроение было — хуже некуда. Во-первых, муж от меня уходит не каждый день и даже не каждый месяц. Во-вторых, было четное ощущение предательства: ну, разлюбил, ну, полюбил другую — так и снажи. Детей у нас нет, сложности с разводом — минимальные. Но ощущать себя "запасным парашютом" было противно. И не хотела я, чтобы муж возвращался — у меня скулы сводило от тоски при одной мысли о такой возможности.

Муж сбежал, возлюбленный — бросил. Тоже, между прочим, мог бы предупредить о намерении. И ведь надо же мне было эти самые распенрасные полгода с Алешей твердить себе: "Правильная примета: как встретишь Новый год, так весь год пройдет". Размечталась! Хотя, если вдуматься, элемент истины все-таки сохранялся: мы же после праздника разъехались с Алешей по разным точкам. Он — к себе, я — к себе. Так что все в принципе совпадало.

Декабрь. А жить все равно не хочется, хотя все вокруг почему-то говорят: надо. Кому надо? Я живу, как автомат с реле времени: встаю по будильнику, готовлю себе завтрак, одеваюсь, чтобы идти на работу, причесываюсь, поднаряжаюсь. Не потому, что мне хочется есть или я собираюсь кому-то понравиться, а потому, что "тан положено". Ну да положено? Нем?

Из этой ситуации есть три выхода. Первый — это проглотить пачку снотворного и уже ни о чем не беспокоиться. Но этот вариант не подходит потому, что еще в мо-

лодости знакомый врач-реаниматор популярно разъяснил: дозу должен рассчитывать специалист. Потому что и перебор, и недобор одинаково страшны. Недоберешь — придется лечиться от лекарственного отравления. Пере-берешь — организм начнет бурно сопротивляться, и в результате этой борьбы можно остаться наленой. А специалиста — посоветоваться — у меня уже нет. Так что первый выход для меня закрыт. Заколочен наглухо, как паранджа дверь нашего дома.

Второй — это накраситься "под большое денольте", надеть платье пошикарнее и пойти на поиски приключений. Где-то должен быть мужчина, способный все это оценить. В крайнем случае, можно встать с гитарой в подземном переходе и петь песни о любви. Еще и денег заработка. Но этот вариант не проходит по многим причинам. В декабре холодно, платья никто не заметит, а простудиться — раз плюнуть. Останусь и без денег, и без голоса. Да и мужчина мне нужен один-единственный — Алеша. А я ему не нужна. Тогда зачем все это?

Остается третий выход, который я и выбрала. Уйти в работу. Садиться в отделе за компьютер в девять часов утра и вставать в девять вечера, когда все остальные сотрудники давно дома. Сгореть на этой самой работе. Изобрести новую систему компьютерной связи и прославиться: пусть все потом обзавидуются. В крайнем случае можно набирать собственные стихи... Что я в основном и делала, хотя в рабочее время все-таки работала. Дома же пила чай, принимала полтаблетки снотворного

и засыпала. Боялась я только одного: новогоднего вечера...

Боялась еще и потому, что нервы сдавали прямо на глазах. Один раз услышала по радио песню — примитивнее не придумаешь, причем слова и музыка друг другу соответствовали, как стандартный болт — стандартной же гайке. Но одна фраза врезалась мне в память практически намерто: "И мне когда-то дарили розы..." Да, и мне когда-то дарили розы. При каждой встрече. А я была настолько сентиментальна, что не выбросила ни одного засохшего цветочка, а интуитивно собирала лепестки в полотняный мешочек и прятала в комод. И мне когда-то дарили розы, так что теперь можно использовать накопившиеся лепестки, причем вариантов существует масса. Например, сварить розовое варенье. Или добавлять лепестки в чайную заварку — для аромата. Или сделать розовый лосьон — для улучшения кожи лица. Или просто высыпать все в ванну и улечься туда же, наслаждаясь красивой жизнью.

И мне когда-то дарили розы... Господи, зачем это делали? И что мне теперь делать с мешочком сухих лепестков?..

На этой — не самой веселой ноте — я и заканчиваю записи. Через несколько часов — Новый год. Не висконосный. Уже хорошо".

В тот новогодний вечер, часа в четыре, мне вдруг позвонил мой все еще муж и предложил помириться. А в знак примирения — встретиться с ним в том же доме, где мы встречали прошлый Новый год. И потом вернуться домой и начать жизнь с того места, на котором она находилась ровно год

назад. Как бы ничего не было. Вычеркнуть из памяти год, истати, висконосный, и сделать вид, что ничего не произошло.

— Рая тебя бросила? — спросила я, не очень-то рассчитывая на конкретный ответ.

— Не говори мне об этой женщине! Ничего человеческого, сплошной расчет и корысть! К тому же не признает прав другого человека на полноценную жизнь.

"То есть не дает возможности поиграть в преферанс и досыта тряпаться с друзьями "за жизнь" — привычно перевела я для себя. По моим воспоминаниям о семейной жизни именно в этом и заключалась "полноценность". Сама я эти права уважала, было дело.

— Ты согласна? Ну, виноват, извини, бес попутал. Но и ты не святая, если разобраться. На равном месте романсы не поют и стихов не пишут... Давай прости друг другу ошибки.

— Прости, — легко согласилась я и положила трубку.

Никуда ехать я не собиралась, возвращаться в прежнее состояние семейной жизни хотелось еще меньше, чем принимать пачку снотворного. И вообще не хотелось ничего, если честно. И мне когда-то дарили розы... Зачем?

К одиннадцати вечера я накрыла стол — на двоих, хотя это и было достаточно глупо. Поставила все, что было съестного в холодильнике, кроме мороженого мяса. Плюс бутылку загодя припасенного шампанского: раз положено — значит, положено. Сейчас надену лучшее платье, потрачу максимум имеющейся французской косметики, чтобы было хоть какое-то лицо, сяду за стол и

встречу Новый год. А потом позвоню домой Алеше, поздравлю его с Новым годом (если, конечно, Алеша дома) и задам только один вопрос: "Ты счастлив?". В первый раз назвав его на "ты". И скорее всего — в последний.

Но в последнюю минуту я сделала то, чего не делала никогда в жизни: встала на колени и начала молиться. Молитва я толком не знала, в церкви была только как в музее, да и то в юности. Но молилась, можно сказать, истово. И молилась об одном: "Господи, сделай так, чтобы этот мрак кончился. Что-нибудь сделай, пока я не сошла с ума. Пусть он будет дома, пусть он меня узнает, пусть ответит: "Я несчастен без тебя, виноват, что уехал, не прощаясь, завтра же приеду к тебе просить прощения..."

И в этот момент раздался звонок в дверь. Одновременно с боям новогодних курантов.

Я открыла, не спросив даже, кто там, не посмотрев в глазок — так была уверена в том, что приехал муж налаживать семейную жизнь, и что это — судьба. Но увидела за дверью... огромный букет роз, который, как мне показалось, сназал человеческим и таким знакомым голосом. Алешинным голосом:

— Ланюшна, с Новым годом. Простите меня, чуть-чуть не опоздал, самолет приземлился час назад. Я хотел сназать, что все

время люблю вас. Я не могу без вас. Будьте моей женой.

Я села прямо на пол в коридоре и заплакала. В первый раз в жизни заплакала от счастья и почувствовала, как вместе со слезами уходят боль, тоска, обида, горечь. Мне не хотелось думать ни о чем: я так и сидела на полу в обнимку с букетом, вдыхала аромат роз и плакала, плакала, плакала, не заботясь о том, что вся красна с ресниц уже размазана по щекам и выгляжу я... Накая разница, как я выгляжу!

Наконец я подняла глаза и посмотрела на Алешу. Он сидел на полу рядом со мной, привалившись к стене, и... спал. Это был совсем не тот человек, с которым полгода назад я гуляла по Москве и целовалась: он похудел, был небрит, из-под расстегнутого полушибуна выглядывала камуфляжная куртка, которую не мешало бы постирать. И все-таки это был Алеша! Он вернулся — ко мне. Я его дождалась. Его — и розы.

Конечно, история на этом не закончилась. Были будничные хлопоты (с разводом), были радостные хлопоты (свадебные). Я просила об одном — обвенчаться в церкви. Так и сделали. А через год после этого у нас родилась дочка и теперь мы очень счастливы втроем — с маленькой Олесяй.

Вы не поверите, но Олеся родилась тоже в новогоднюю ночь. ■

История бюстгальтера

Сто лет назад, практически одновременно во Франции и США было запатентовано изобретение, знакомое ныне всем как бюстгальтер.

Первые изображения предмета, отдаленно напоминающего бюстгальтер, замечены на фресках Помпеи. Это всего лишь лента, чисто символически прикрывающая грудь. Со временем ее деликатная функция усложняется, и лента уже начинает поддерживать

Ольга МОРОЗОВА

бюст, спускаясь со спины через плечи. Вероятно, это связано, как выразились бы сейчас, с переходом женщин к более активному образу жизни, при котором ничем не финансируемая грудь вызывала некоторое неудобство. После этого следы пра-бюстгальтера теряются, и надолго. В средние века грудь стараются выпячивать (во всех смыслах этого слова) kann можно меньше, а в эпоху Возрождения дамы тешат свое тщеславие при помощи края одежды и различных проекционных. А потом вдруг появляется корсет. Очень надолго, почти на два века он остается едва ли не самой важной деталью женского гардероба, и н

зареву заняту представляет собой настояще инженерное сооружение, причем весьма материаломое. Корсет мастерят из нескольких видов тканей, используют особый шнур, кость, нитовый ус и даже металл. Надевают его на сорочку, утягивая бока, живот, и частично бедра, однако оставляют на "свободе" подчеркнутую конструкцией грудь. Поверх надевают лиф — коротенькую, до талии кофточку без рукавов, декор которой призван как бы компенсировать уродство корсета. Лицо дополняет никакая юбка (а иной раз и не одна).

Корсеты, нарушающие кровообращение и обмен веществ в жизненно важных органах, вызывали массу заболеваний. На это всеми способами пытались обратить внимание общественности медицины, демонстрируя всем желающим в анатомических театрах так называемую "гофрированную печень" — патологически измененный вследствие постоянного многолетнего сдавливания орган. Создавались даже целые общества противников корсетов, однако те крепко держали завоеванные позиции. И даже после того, как первый бюстгальтер был представлен человечеству, корсеты носили еще лет двадцать.

Существует почти легенда о том, что идея создания бюстгальтера принадлежит Родену, и будто именно великий скульптор однажды взял да и соорудил для своей натурщицы "нечто" из двух носовых платков. Однако точных свидетельств об этом нет. А вот заслуга француженки Гош Саро неспорима. Мадам была врачом и точно знала, чего хочет добиться. Сей факт и подтверждается доны-

ментально патентом на изобретение. И, стало быть, именно ей мы должны быть благодарны за вещь, с которой женщины уже не расстанутся, по-видимому, никогда.

Итак, время корсетов стало уходить безвозвратно. Но триумфальному шествию бюстгальтеров помешал как-то некстати вошедший в моду стиль "гарсон", сделавший своим фаворитом полудевушку-полумальчика с тоненькой и плоской фигурой, короткой стрижкой и маленьким чувственным ртом — что абсолютно не сочеталось с высокой, подчеркнутой грудью.

Переворот происходит в 30-х годах, и это очень хорошо заметно по фильмам того времени. Кинодивы преображаются разом, и разом меняется отношение общества к подчеркнутым формам. Высокая монументальная грудь становится своего рода фетишем.

Считается, что способствовала распространению бюстгальтеров мода на раздельные купальники (как ни странно, именно так, а не наоборот). И именно с этого момента конструкторская мысль

Мозаика.
Сицилия
4-5 в.

обращается к бюстгальтеру все чаще: весьма заманчивой кажется идея сделать из безделицы произведение. И наконец наступает момент, когда бюстгальтер даже начинает диктовать моду на легкое платье. В обиход входят всяческие драпировки, подрезы, слонные рельефы — словом, все то, что делает наряды 30-40-х годов столь привлекательными и женственными.

Советский Союз от Европы здесь отстает не слишком, но это насыщается только крупных городов; провинция и деревня первой трети века еще далеки от революционных перемен. Косвенно можно найти тому подтверждение в литературе. Так, Манар Нагульнов в "Поднятой целине" Шолохова привозит из станицы своей непутевой Лушке поясок с резинками, "обшитый голубым", а лифчин — нет, он ей не нужен, она, как и прочие хуторские бабы, носит лиф, все тоже короткую кофточку с вытачками до талии, вот пояс — другое дело, это высший класс, и именно он выступает символом желания иности.

Окончательно бюстгальтер входит в быт советской женщины

после Великой Отечественной войны. Во-первых, из-за границы вместе с прочими трофеями в страну попадает масса белья, и женщины убеждаются, что бюстгальтер — это не только удобно, но и красиво. Во-вторых, в обескровленной стране начинает невероятно цениться все, что дает жизнь, то есть женщина, ее сексуальность, которая лучше всего подчеркивается бюстгальтером. В-третьих, мужчин мало, женщин — много, и в вечной борьбе побеждает не та, которая умнее, а та, которая умеет ярче себя подать. На фоне всеобщей бедности в несомненном выигрыше оказываются владелицы хотя бы самодельного аналога заморской штучки — и теперь иметь бюстгальтер хотят все.

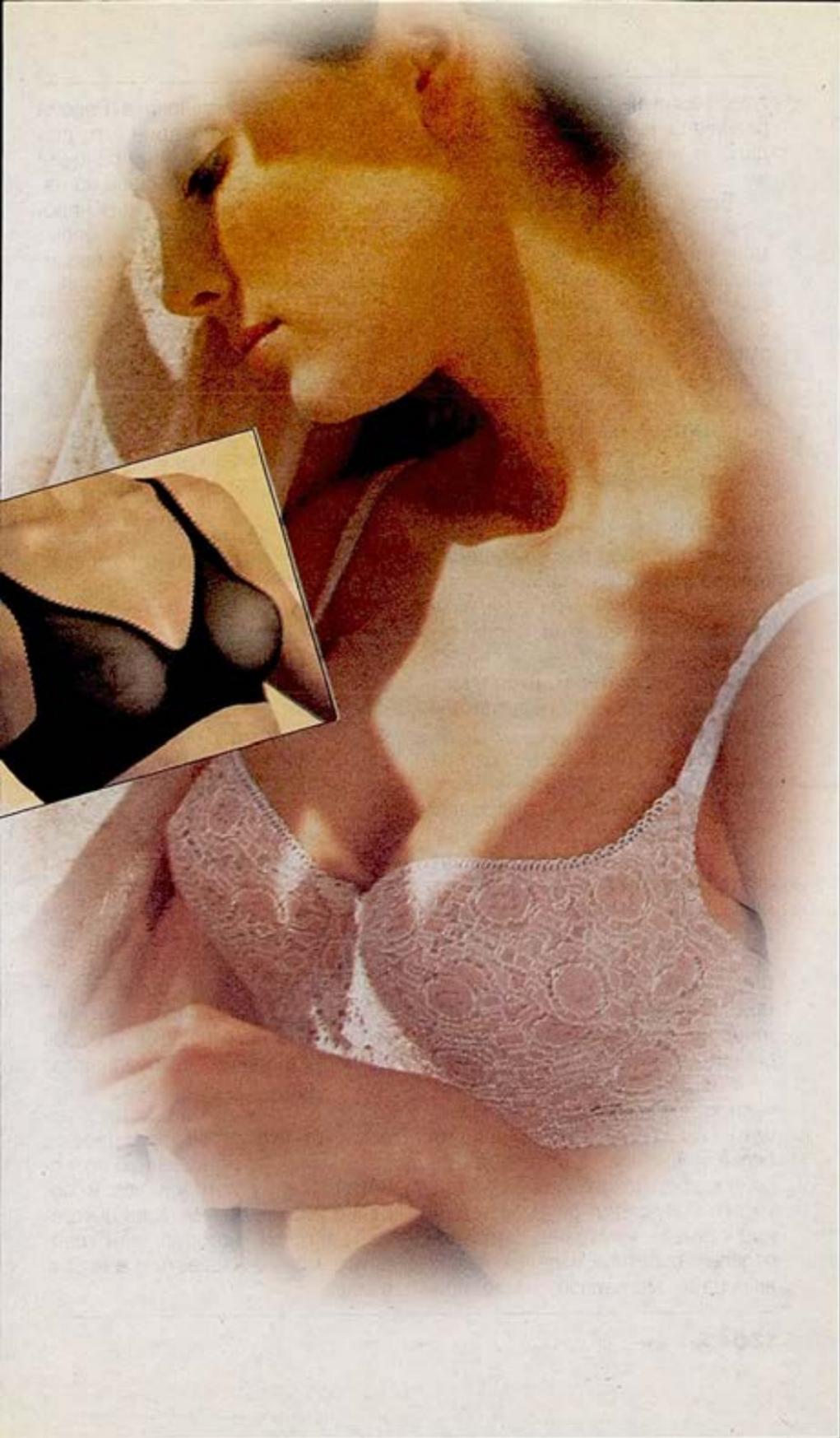
Первые отечественные бюстгальтеры до предела примитивны. Их шьют сами, чашечки сотворяют из прямоугольника ткани с двумя вытачками, застежка представляет собой грубые петли и неулюжие пуговицы, вечно торчащие горбинками на спине, по ним мальчишки определяют степень зрелости своих одноклассниц, а взрослые кавалеры — "серъезность" дам.

Любопытно, что едва войдя в обиход, бюстгальтер тут же становится сверхдефицитным товаром, во всяком случае, хороший бюстгальтер. Вот и героиня поэмы Маяковского "Маруся отравилась" кончает жизнь самоубийством, потому что у ее соперницы было "красившее бельецо".

Жизнью и обществом на бюстгальтер возлагаются три задачи: гигиеническая, эротическая и коррекционная. Соответственно, и изделия начинают выпускаться

Тулуз-Лотрен. Утренний туалет.

трех различных типов, неумение различать которые всегда приводило к анекдотическим ситуациям.

Белье гигиенического назначения шили из ткани хлопчатобумажной или льняной. Простое и абсолютно незатейливое, оно несло сугубо поддерживающую функцию, и не вызывало никаких эмоций. В какой-то момент бюстгальтеры даже едва не перешли в разряд одежды домашней, если не сказать — рабочей. Во всяком случае, тетки в голубом и розовом в цветочек, пашущие на своих дачных участках, и сейчас воспринимаются как нечто само собой разумеющееся и, безусловно,личное. Героини живописного эпоса периода активного социалистического строительства, например, творят производственные чудеса либо в бюстгальтерах, либо в майках, лишь слегка прикрывающих грудь.

Белье эротическое во все времена отличалось от гигиенического цветом (женщины приличные носили бюстгальтеры либо белые, либо телесного цвета, дамы полу- света, актрисы и девушки легкого поведения — черное, красное и вообще цветное), материалом (белье для удовольствий всегда было шелковым с обилием декора), краем (он фантазийно сложен, и каждая деталь имеет тайный смысл).

Иногда гигиеническую и эротическую функцию удается совмещать, и тогда на свет появляется белье и удобное, и красивое. Однако с достаточной степенью танта это получается редко. Во всяком случае, иностранцы, попав в отделы корсетных изделий наших нынешних магазинов, часто при-

ходят в ужас: неужели в России столько падших женщин, что для их нужд открывают целые секции? Это то, что они еще не бывали на наших вещевых рынках! Там 60 процентов бюстгальтеров — белье для проституток, тюками ввозимое к нам по причине дешевизны. Дело вкуса, конечно, и образа жизни, что покупать. Однако будьте особо осторожными с изделиями из черной ткани "под кожу" с металлической фурнитурой. Это — прямейшее заимствование из садо-мазохизма, и в определенный момент вас могут просто не так понять.

Особый разговор — коррекция особенностей фигуры с помощью бюстгальтера. Всем известно, что мы устроены абсолютно несимметрично, и даже если зеркально отразить одну половину лица — получится изображение, крайне даленое от оригинала. То же относится и к молочным железам: редко у кого они одного размера и одинаковой формы, и часто разница такова, что превращается в проблему.

Или вот еще с каждым годом увеличивается число мастозентированных женщин, причем женщин в активном возрасте, которые могут и хотят выглядеть не хуже прочих — и им тоже нужна помощь. И надо сказать, что нигде в мире не относятся к этому вопросу с таким безразличием, как у нас.

Но это все — частности; в основном же бюстгальтеры рассчитаны на неную усредненную потребительницу, у которой все в порядке анатомически, а вещь требуется таная, которую, как говорится, можно надевать и в пир, и в мир.

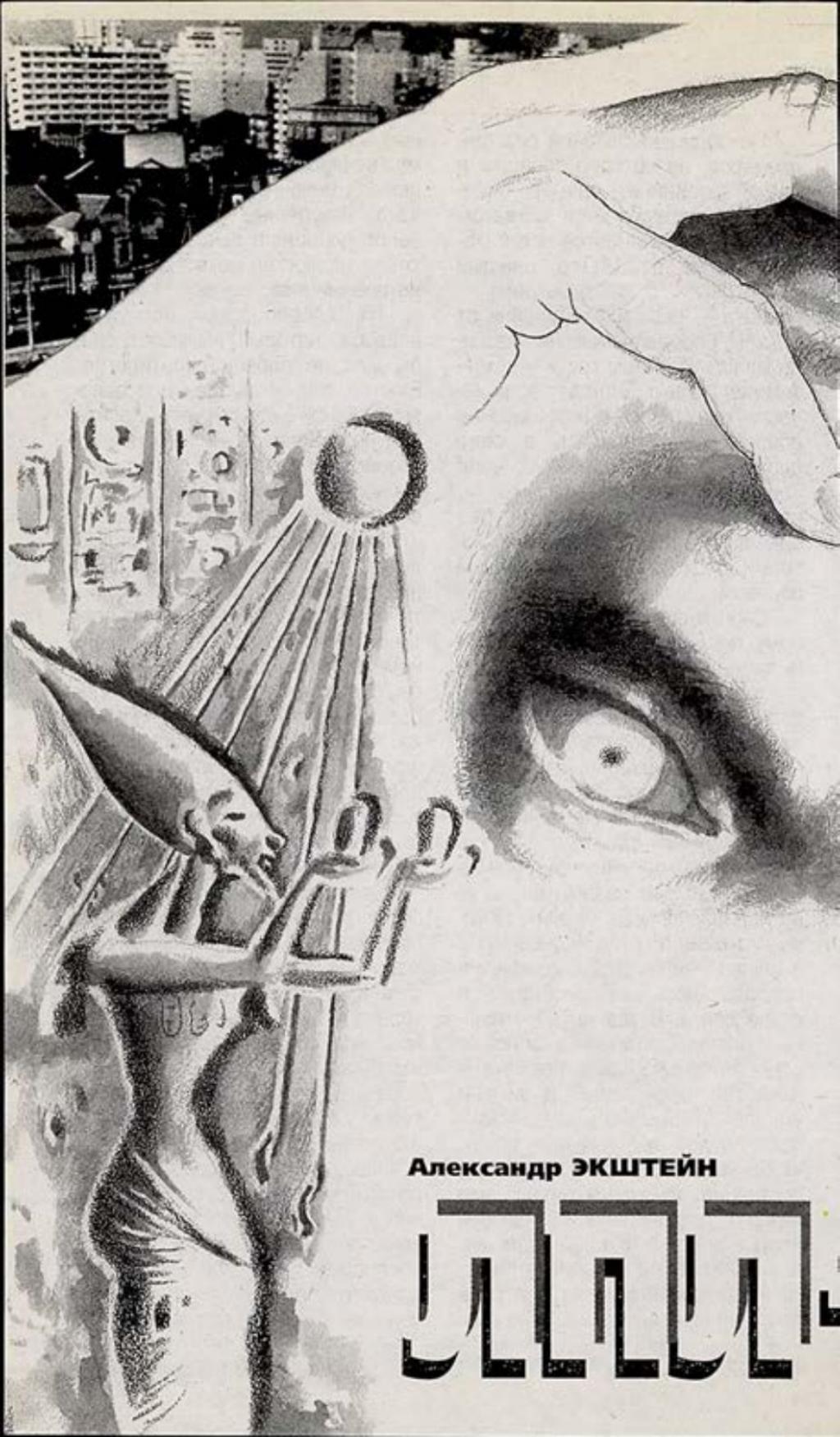
По общеевропейской системе размеров, на которую перешли и наши швейники, размер бюстгальтера определяется обхватом под грудью (начинается ряд с 65-го и далее до 110-го, каждый "шаг" равен 5 сантиметрам), а полнота — размером чашечки от А до Ж, определяемым как разница между обхватом груди и обхватом под грудью. Это дает возможность практически безошибочно вписать свои габариты в стандартный размер, особенно, если соблюсти некоторые тонкости, например, снимать мерки без одежды и в том бюстгальтере, который подходит вам наилучшим образом.

Специалисты по индивидуальному пошиву корсетных изделий (а такие тоже существуют) почти все промышленные образцы считают ущербными. И место призыва бретелек рассчитано у фабричных изделий неверно, и боновинка часто кроится без длинного изгиба, и чашечки не такие как надо. В ручной работе подход совершенно иной. Никакие общие данные в расчет не берутся, только индивидуальные мерки. Потому что можно грудь подчеркнуть, а можно — спрятать. С ошибками природы здесь тоже разбираются в два счета. В ход идут и стальные планки, вшитые в боновые швы, и поролоновые пластины в качестве прокладок, и другие ухищрения. Обычно дамы заказывают по два бюстгальтера сразу, чтобы носить одну и ту же модель постоянно. (Не секрет ведь, что хорошо посанкционное по фигуре платье "не любит" случайного белья.) Хватает одного такого бюстгальтера в среднем на два года постоянного ношения. Фабрич-

ные вещи такой нагрузки в режиме "вечером стираю — утром надеваю", конечно же, не выдерживают: эластичные кружева и резина от порошков быстро разлагаются, теряют качество и привлекательный вид.

Тут пришло время коснуться вопроса, который вызывает споры уже не первое десятилетие. Бюстгальтер — вреден или полезен? Рекомендуются его носить или нет? Если да — то с какого возраста? На сей счет существует несколько мнений. Мнение первое: ни одно млечопитающее бюстгальтеров не носит — и ничего дурного с ним не происходит. Мнение второе: под влиянием силы тяжести в молочной железе всетаки происходят патологические изменения и некоторые из них могут оказаться роковыми для здоровья женщины. Мнение третье: да, так оно и есть, изменения происходят, но куда более чреваты последствиями те изменения, которые получаются при ношении бюстгальтера, особенно — при длительном ношении.

Споры спорами, а вот рекомендации медиков выглядят так: пока нарандаш, подложенный под молочную железу, выпадает — бюстгальтер можно не носить. Как только молочная железа, опускаясь под собственной тяжестью, нарандаш надежно фиксирует — пора шагать в ближайшую "Галантерию". Однако при этом носить бюстгальтер следует не больше 8-10 часов в день, обязательно снимать на ночь, а дойдя до критического 30-35-летнего возраста — обязательно проводить самообследования молочной железы на предмет появления каких-либо признаков неблагополучия.

Александр ЭКШТЕЙН

АЛЕКСАНДР ЭКШТЕЙН

ПОДИ
ПОДНОЙ ТУНЬ!

рисунок Алексея Остроменецкого

Автор благодарит Николая Оскаровича Гусмана
за помощь и поддержку в трудные минуты жизни.

Глава тринадцатая

Междуд Кремлем, вавшингтонским Белым домом, Великой Китайской Стеной, Эйфелевой башней, лондонским Тауэром, пляжами Рио-де-Жанейро, Большой Садовой улицей города Ростова-на-Дону и таганрогским театром имени А.П. Чехова существуют миллионы роддомов, в которых женщины приготовились к рождению новых проявлений смерти. Нет на земле идиота, считающего, что беременная женщина — носительница жизни. Она просто сотворяет еще одно начало смерти и в этом ее величие. Мысль эта не новая. Смерть совершеннее жизни, как и все, что не соприкасается с блефом. Я знаю, что с моими братьями, солнечными убийцами и юными богами встретилась праматерь всех времен, миров и вселенных — Смерть. Я чувствую, что нас осталось двое. Стефан Искра не в счет, он так и остался в ранге уставшего полубога, и я снисходителен к нему. Но я знаю, где-то там, далеко в Америке, меня ждет моя безумная, великая судьба по имени "Малышка". Она настоящая, как и я. Мы идем навстречу друг другу, и скоро она забеременеет не примитивной, а божественной смертью. Мы назовем своего ребенка прекрасным именем Сергей, в честь того парня, нож которого я ношу с собой в белом и голубом. Наше дитя так и будут называть Сергей, но обязательно добавляя к этому имени титул "Убийственный". Я улыбаюсь.

Спецслужбы правят миром. Тот, кто так не считает, глуп, как междометие, вырвавшееся изо рта женщины со средним уровнем развития. По образу и подобию секретно-силовых ведомств построены все религии мира. Каждый человек на планете — осведомитель, агент, у каждого своя легенда. Искрени лишь сумашедшие и дети, они могут позволить себе быть самими собой, да и то дети не в счет, они уже с трех лет умеют притворяться, уже создают себе агентурную легенду. Даже один на один с зеркалом человек примеряет маски, более или менее скрывающие его истинное лицо, но и перед зеркалом ведет себя не совсем искренне. Зеркало ведь тоже чей-то соглядатай.

Установочные постулаты всегда лживы. Впрочем, ложь лежит в основе всех постулатов. Ложь самое правдивое действие в жизни.

Вор в законе Геннадий Кныш, по кличке "Италия", несмотря на обрушившиеся на него в последнее время неприятности, твердо знал и соблюдал основной закон своего образа жизни: "Никогда и ни под каким предлогом, даже если сидишь по самое горло в дерьме, не признавайся в этом. Спорь до хрипоты, до пены у рта, утверждай во всеуслышание, что это не дерьмо, а самая дорогая и

самая престижная лечебная ванна, которой пользуются лишь самые уважаемые люди".

Подполковник Абрамкин не знал о существовании такого закона, но вполне мастерски умел использовать его недостатки.

— Видишь ли, Кныш, — попытался объяснить он Италию, — я хотя и подполковник, мент, бывший, конечно, — он подергал рукой, пристегнутой к больничной кровати, — но ты по сравнению со мной шушера в мире авторитетных людей.

Италия, для которого понятие "авторитетные люди" имело лишь один непреложный смысл — вор, даже на мгновение потерял дар речи от такой наглости, а затем тихо произнес:

— Я коронован, ментяра.

Именно этого ему и не стоило говорить. Нельзя вору в законе, в неясной для него ситуации — сотрясение мозга, вольная больница, рядом мент, наглый как танк, прикованный наручником и охраняемый такими же ментами, — терять над собой контроль. Одним словом, Италия совершил позиционную ошибку.

— А я вот перед тем, как меня арестовали, — подполковник Абрамкин смело стал раскручивать оперативную интригу, — разговаривал с... — И он назвал имя одного из самых авторитетнейших воров России с грузинской фамилией. — Так мы с ним все удивлялись, что это ты по городу всю ночь в плавках белых ходил. Такое даже для гомика неприлично, а не то что для урки.

Подполковник Абрамкин все-таки был настоящим профессионалом. Все его слова попадали только в глаз, брови исключались.

— Слушай, ментяра... — начал было разгневанный Италия, но подполковник Абрамкин перебил его филигранно обдуманной фразой:

— "Волкодавом" меня люди нарекли, "Волкодавом", понял, Италия, или нет?

— Вот шельмез, — повернулся полковник Самсонов к Саше Старикову. — Оказывается, и у сочинских подполковников оперативная хватка есть.

Самсонов и Саша Стариков сидели в кабинете главврача больницы над палатой Абрамкина и Кныша и, прислонив самодельные подслушивающие устройства к деревянной тумбе посередине кабинета, прослушивали разговор изощренного подполковника с растерянным, но тоже изощренным вором в законе. Подслушивающее устройство шесть лет назад придумал бывший главврач больницы, а нынешний не захотел его демонтировать. В пол кабинета была глубоко вмонтирована деревянная тумба, выполняющая роль усилителя. Желающий подсаживается к тумбе, приставляет к ней стетоскоп и внимательно выслушивает разговоры находящихся внизу.

— А ты, считай, уже прошляк, Италия, — продолжал свой написк Абрамкин. — Слух прошел, что ты гомик и на ментов работаешь.

— Да ты что?! — уже по-настоящему перепугался Италия. — Охренел, что ли?

— Да, — успокоил его подполковник, — капец тебе, зяблык, отсвистал и отпрыгал ты по садам вишневым...

— Надо будет его еще раз кирпичом по голове стукнуть, может гениальным сыщиком стать с такими темпами, — сделал неожиданный вывод полковник Самсонов. — Феню блатную прямо на ходу сочиняет, молодец.

— Что? — Саша вытащил из ушей стетоскоп и бросил его на поверхность тумбы. — Что вы сказали?

— Еёё! — подскочил полковник, освобождая уши от трубок. — Да я тебя на баланду... — Он осекся, немного помолчал и уже более спокойным тоном сказал, указывая на брошенный стетоскоп: — Думать надо, москвич.

— Это сходка решит, прошляк я или нет, — неуверенно продолжал Италия, — и кое-кому за базар ответить придется.

Италия отлично понимал, что его короне, впрочем, как и голове, грозит прямая опасность. Провокатор Абрамкин или нет, но говорит он вещи точные, и если это ментовская игра, то игра хорошо организованная. Насчет того, ходил он в плавках по городу или нет, чепуха, конечно, не ходил! Где доказательства? Италия лихорадочно соображал, кто из воров поддержит его. Конечно же, те, кто его рекомендовал на коронацию: Арсен, тульский Дутый, ростовский Красный, одесский Веригуд. Эти, конечно, поддержат, но могут и скинуть. Не за плавки, за другое. Абрамкин, как бы читая его мысли, усмехнулся:

— Сходка, говоришь? Не строй из себя мхом поросшего колымчанина. Сейчас другие времена, другие деньги... — Подполковник выдержал паузу и ленивым голосом продолжил: — Кстати, Геша, а ты ведь деньги с антиквариата самого ценного себе брал. На общак не давал, в дело общее не вкладывал, братве, страдающей в зоне, не помогал по-крупному, все в нутро свое фраерское загонял. — Абрамкин слегка приподнялся и, повернув в сторону Италии изможденное, щетинистое лицо, зловеще усмехнулся. — И еще, сука, хочу тебе сказать, что хорошие люди из-за того, что в тебе ошиблись, смерть мученическую приняли. Три дня назад, когда ты здесь спал как кашалот в запое, Арсена армавирского застрелили. Дутого и Красного еще раньше на московской сходке приговорили, а Веригуд слинял куда-то в Грецию. Ты один теперь, Италия, и ты уже мертвый...

— Гений! — восхищенно восклекнул Самсонов, освобождаясь от стетоскопа и резко ставя на тумбу пустой стакан из-под чая, который он до этого пил. — Надо его регулярно по голове постукивать.

— Да! — Саша Стариков яростно отбросил свое подслушивающее устройство и столь же яростно посмотрел на Самсонова. — Молодец он, да!

— Это ты от восторга, что ли? — Полковник с интересом посмотрел на Сашу Старикова. — Я имею в виду, орешь...

— Да нет, — смущаясь взявшись за руки Саша.

— Теперь нужно Абрамкина технически выводить из игры, а Кныш, я думаю, сам к нам в объятия кинется.

— Думаю, что да, — кивнул головой Саша Стариков. — Рубаху на груди будет рвать, доказывать, что он с детства на уголовный розыск поработать мечтает.

Леня Светлогоров наконец-то осуществил свою мечту и, самовольно оставив загородную психиатрическую больницу Дарагановка, в пятницу вечером появился в городе, чем нескованно удивил Славу Савоева и Степу Басенка, случайно увидевших его спускающимся в сторону яхт-клуба.

— Леня, это что такое? — притормозив оперативную машину, поинтересовался Степа Басенок. — Побег из дурдома?

— Нет, — мрачно отреагировал Леня. — Это уход от действительности, в смысле, на море хочу посмотреть, вдохнуть свежего воздуха таганрогского залива.

— Нет, ты посмотри на него, Степан, — возмущенно взглянул на Степу Слава Савоев, — он точно псих. Идет в ту сторону, куда из труб металлургического завода дым валит, и называет это вдохом свежего воздуха.

— Не только вдохом, Слава, — еще мрачнее отреагировал Леня Светлогоров, — но и выдохом.

— Понятно, — заскучал Степа и, посмотрев на Славу, спросил: — Ну и что делать будем?

— Да пусть идет и дышит сколько угодно. Он все равно пару раз вдохнет и к Самвелу в "Морскую гладь" завалится глотать водку. Давай лучше в Дарагановку смотримся и Левкоеву морду за халатность набьем.

— Не надо, Слава, — вступил за главврача Леня, — я же не надолго, туда и обратно.

— Ладно, — буркнул Степа Басенок, — если увидим возле кладбища, то там же и закопаем. — Он захлопнул дверцу, и оперативная машина уехала.

Леня Светлогоров спустился к набережной и, как и предполагал Слава Савоев, даже не взглянув в сторону моря, направился в "Морскую гладь".

— Леня? — удивился Самвел, всего лишь на минуту заглянувший в ресторан и собирающийся ехать домой.

— Вот что я скажу тебе, Самвел. — Леня сразу же повел разговор в такой тональности, как будто они вот уже два часа спорят до хрипоты. — Люди делятся лишь на три психологических типа — два низших и один высший. Первый — это те, кого посыпают, сам знаешь куда, второй — те, кто посыпает, и третий — те, кого не посыпают и кто сам никого не посыпает.

— Это кто же такие? — скептически поинтересовался Самвел, уже дав команду, чтобы на стол поставили коньяк и мясо. — Таких не бывает.

— Покойники, — совсем уже мрачно высказался Леня, взял рюмку коньяка, выпил и мгновенно повеселел.

— Не жизнь, а кино, — заявил Карлуша, вышагивая из одного конца тюремной камеры в другой. — Влупили, гады, по самое горло.

Карлуша лукавил. За убийство ростовского шулера по кличке "Племянник" ему дали всего лишь семь лет лишения свободы в колонии строгого режима.

— Это ж сколько мне будет? — Карлуша глубокомысленно задумался. — Ё-мое, шестьдесят два года. Лучше бы пожизненку дали. Что я буду делать на свободе в шестьдесят два года, баб насиловать, что ли, а, Комбат?

Карлуша, вопреки всем правилам, после приговора вновь был водворен в камеру для подследственных, в престижную, на двоих. Вторым в ней обитал шестидесятилетний Комбат, глава уже обезвреженной воровской группы. Карлуша по просьбе оперчасти опекал его.

— Может, что расскажет интересное, — лениво проконсультировал его начальник оперчасти и широко зевнул, — или споет.

— Ага, — раздраженно огрызнулся Карлуша, — и спляшет вприсядку. Он молчит как рыба.

Действительно, с того момента, как произошел арест, Комбат был немногословным. Только в самых необходимых случаях ограничивался скучными фразами, все остальное время молчал. Вообще-то поведению Комбата удивлялись все, включая оперативников, бравших воров-«шифтеров» и снимающих первичные показания.

— Первый раз за шестьдесят лет попал в тюрьму, — восхищался Слава Савоев, — и благодущен, как дитя у соска матери.

— Комбат, скажи, — повторил свой вопрос Карлуша, — что можно делать на свободе без кола, без двора, без родных и близких, без родины и флага в шестьдесят два года?

— Бомжевать, что еще, — усмехнулся Комбат и добавил невозмутимо: — Или убей кого-нибудь и снова в зону возвращайся.

— Ага, — весело засмеялся Карлуша, — как же. Меня самого в зоне зарежут за Племянника. Он-то козырной, а я так, падла стареющая.

Но Комбат не поддержал разговор, он снова погрузился в благодушное самосозерцательное молчание, и Карлуша знал, что вывести его из этого молчания невозможно. Поэтому он подошел к своей наре, взял с одеяла книгу, лег, раскрыл ее и углубился в чтение. Книга была написана писателем Носовым и называлась «Незнайка на Луне».

...Остается только добавить, что этих героев мы больше не встретим на страницах нашего романа. Карлушу действительно зарезали в зоне, а Комбат умер сам, на третий день после вынесения приговора.

Глава четырнадцатая

Москва — таинственный город. Город неопределенного-значительных возможностей и катастрофических банкротств. Город-миф и город манипуляций, город талантливых мошенников и лжецов с правдивыми глазами и благородными помыслами. Москва — город-сволочь с неожиданно проявляющимися чертами святости, город вырванных языков и сорванных с плеч голов. Город-колокол, город униженного величия и гениальной низости, город юной, но уже развращенной надежды.

Обороты любви и ненависти становились на земле все сильнее и опаснее. Политики делали вид, что этого не замечают, но на самом деле это их беспокоило...

— Хохму с глобализацией нам уже один раз показывали, — говорил на прощание Веточкину раввин из Хайфы, — и ничего хорошего из этого Вавилона не вышло.

— Фима, зачем лезешь в дебри? — увещевал его Тарас Веточкин. — Я у тебя спрашиваю, когда ты будешь в Москве, а ты мне говоришь о глобализации.

— Сердце болит, — печально огрызнулся на упреки Веточкина Чигиринский. — Эдак лет через пятьсот никаких других способов выживания, кроме китайского, не останется.

— Через пятьсот? — скептически хмыкнул Веточкин. — Ноль убери и как раз зафиксируешь начало китайской эры...

Последний день конференции прошел не так, как предполагалось. Благодушному распитию дорогих спиртных напитков помешали два происшествия, одно печальное, а другое непонятное, но никем не замеченное.

Первое происшествие было так себе: мустанг охранника убил руководителя информотдела военно-морской разведки Англии Гардиана Уайлда. Смерть, конечно, хорошая, благородная, умереть от удара лошади мечтает каждый второй англичанин. После смерти чиновника такого ранга было проведено расследование, в ходе которого проявились контуры второго, никем не замеченного, но с далеко идущими последствиями, происшествия. Дело в том, что расследование провели не англичане — все они в этот момент лыка не вязали, а разведка Израиля.

Первым на место гибели Гардиана Уайлда примчался Ефим Яковлевич Чигиринский и с возгласом: «Я в молодости лучшим терапевтом Москвы был!» — растолкал обескураженных французов. Велев двум моссадовцам никого не подпускать к «больному», он начал оказывать ему помощь.

Моссадовцы столь рьяно отгоняли от места происшествия французов, что заодно оттолкнули и Гарольда Смита, спешащего к месту трагедии. Толкнули так, что неуверенный в себе директор МИ-5 упал в проем двери и сломал ногу. В это время Чигиринский сумел вытащить из костюма Гардиана Уайльда плотный пакет с бумагами и переложить его к себе в карман. Разведка она везде разведка. После этого Чигиринский закрыл двумя пальцами глаза покойного и, выпрямившись, печально произнес:

— Медицина бессильна.

При этом вид у бессовестного раввина был такой, будто он не разведчик, а величайший врач всех времен и народов, хотя единственным медицинским предметом был лежащий у него в боковом кармане презерватив фирмы “Долой abortы”.

— Я все видел, Фима, — на всякий случай сообщил Чигиринскому подоспевший Веточкин.

— Надо передать это английскому правительству, — сухо ответил Ефим Яковлевич и, не выдержав, рассмеялся от такого предположения. Затем серьезно кивнул на покойного и произнес: — Мир праху его.

Годы брали свое. Стефан Искра чувствовал их хватку. Нет, шаг его по-прежнему был упруг и стремителен, лицо свежим, а взгляд пристальным и приметчивым. Он по-прежнему был убийственен своей физической силой, мог просчитывать ситуации на несколько шагов вперед, но сам-то понимал, что к нему подошла вплотную и дышит в затылок равнодушная и неизбежная сила по имени Усталость. Слишком много обязанностей появилось у Стефана Искры после исчезновения в арсенале “УЖАС”а “солнечных убийц”. Зона ответственности становилась напряженнее из-за того, что двое “солнечных”, как назло, наиболее молодых и глобально обученных, перешли в режим автономного существования, перестав подчиняться “УЖАС”у. При удачных стечениях обстоятельств они могли серьезно нарушить сложившийся в мире баланс сил. Все зависело от того, чью сторону они примут. Да, конечно, уникальные подразделения супертелохранителей и суперсолдат были во всех периферийных управлениях МОАГУ. Стефан Искра никоим образом не хотел принижать возможности американской “Осы” или английских “Веселых кельтов”, но российские “солнечные”, в результате экспериментов Алексея Васильевича Чебрака с шизофренией, были сильнее, совершеннее, разрушительнее. Конечно, существовали еще “лунные бабочки”, гвардия МОАГУ, Стефан Искра вспомнил о неприметном кураторе при “УЖАС”е, который вот уже как несколько дней куда-то, к великой радости Ивана Селиверстовича, исчез. Но “лунные бабочки” имели несколько другие полномочия, и МОАГУ не обладало над ними беспрекословной властью. Стефану Искре думалось, что они курировали и само МОАГУ. Впрочем, это не его дело, в любом случае, если станут уничтожать “Малышку” и “Улыбчиво-

го" силами "лунных бабочек", это все равно будет большая битва. Спасибо техасскому мустангу, убившему "Джентльмена", все меньше неприятностей, хотя и жаль. "Мне жаль, — неожиданно осознал этот фактор Стефан Искра, — мне искренне жаль, что я не могу соскочить с катушек, как мои братья, и погибнуть с ними". Впрочем, Стефан Искра даже на мгновение не допускал, что подобные мысли могут помешать ему исполнять волю Ивана Селиверстовича Марущака беспрекословно. О биочипе "Верность" в себе он не знал, как этого не знал никто из сотрудников "УЖАС"а, по одной причине: действие биочипа не разрешало помнить о нем своему носителю.

Стефан Искра заглянул в комнату с камином. Там за это время произошли некоторые изменения. Два врача, диагност-терапевт и психиатр, внимательно наблюдали за Алексеем Васильевичем Чебраком, сидящем в кресле. Он уже не смотрел пустыми глазами в погасший камин и не двигал, дебильно пуская слону, челюстью, а мирно и крепко спал.

Октавиан Салазар Тредис, осуществляющий наблюдение за впавшим в странное оцепенение полуторной каталепсии Алексеем Васильевичем Чебраком, после тщательного обследования его нового состояния бросил скептический взгляд на присутствующего здесь же, в загородном доме Чебрака, доктора-психиатра Гашиша и, вытащив из кармана любимый телефон, нажал сиюю кнопку.

— Говорите, доктор Тредис, — раздался голос координатора "УЖАС"а. — Иван Селиверстович приказал соединять с ним в любое время.

— Тогда соедините, — попросил Салазар Тредис и бросил еще один скептический взгляд на равнодушно рассматривающего свои пальцы доктора Гашиша.

— Умер? — с надеждой в голосе спросил у Тредиса Иван Селиверстович Марущак.

— Напротив, — хмыкнул, покачав головой, терапевт, его забавляло местное отношение друг к другу руководителя и опекаемого им великого ученого, — ожил. Я не буду вдаваться в терминологические подробности...

— Ни в коем случае, — пробормотал Иван Селиверстович. — В двух словах и поподробнее.

Салазар Тредис слегка закашлялся, столкнувшись с оригинальной парадоксальностью Ивана Селиверстовича, но продолжил:

— Если ранее он был в психиатрической коме ступорообразной каталепсии беспрецедентного нейрологического параличевидного октанизирования воли на уровне агонизирующей стабильности, то сейчас этот фактор по непонятным причинам отступил, и больной, при удовлетворительном состоянии организма, вошел

в гораздо более щадящее и мягкое состояние сна с просматривающими элементами летаргии.

— Понятно, — мрачным голосом произнес Иван Селиверстович. — Интересно, а как бы выглядели терминологические подробности?

— В двух словах? — Тредис был тот еще фрукт.

— В двух, — подтвердил Иван Селиверстович, — с учетом принятой субординации. Я начальник.

— Если до этого пациент находился в состоянии непонятной судороги, то сейчас он в состоянии непонятного сна.

— Молодец, — похвалил знаменитого доктора Иван Селиверстович. — А что говорит доктор Гашиш?

— Доктор? — изумленно переспросил Тредис, но спохватился: — Гашиш молчит.

— Нет, — вмешался психиатр, — я говорю, вернее, уточняю, что физическое состояние больного в обоих случаях было одинаково удовлетворительным.

— Что он там говорит?

— Нет, нет, — успокоил терапевт Ивана Селиверстовича. — Это он спит и во сне какую-то ахинею несет.

Промежуточный мир на некоторое время перехватил возвращающееся в свое тело по тотиново-трубчатой магистрали сознание Алексея Васильевича Чебрака. Возвращение хотя и было не приятным, тем не менее, не ощущалось таким жутким и безысходным, как втягивание в мир бледных демиургов, людей полной луны. Один из них проникся симпатией к Алексею Васильевичу и отправил его на поверхность укутанным в защитную оболочку затвердевающей асии. Но сразу же за хорузлитно-лунитной оболочкой его остановили представители промежуточного государства.

Я должен уточнить: бледные демиурги призвали на суд в свое огненно-семияичное гнездо в центре земного шара не душу Алексея Васильевича, а сознание. Душу без смерти никто захватить не может, а смерть не находилась в подчинении у демиургов. Рогатые, полутелесные люди полной луны, полубоги, могли многое, но были не способны на субъективное убийство. В двух словах это означает, что коллективная воля демиургов могла разрушить (впрочем, как и остановить разрушение) солнечную систему, но конкретное убийство одного статик-раба поверхности означало и самоубийство самого демиурга, ибо — да! — демиурги смертны. Как возникает смерть демиурга, и что ей предшествует, не знаю даже я, ваш Автор...

...Капсула асии, в которой стонало сознание Алексея Васильевича, пройдя по шершавости тотинового тоннеля через океанную необузданность огненного чрева центра земли, вошла в многокилометровый слой хорузлитно-лунитной оболочки и сразу же за ней была остановлена людьми промежуточной страны.

— Здравствуй, магистр, — услышал Алексей Васильевич, упакованный своим сознанием в желеобразно подрагивающую капсулу асии. — Я же тебе говорил, что рано или поздно тебе придется признать мою правоту.

Голос был язвительным и даже в какой-то мере изdevательским. Все напоминало сновидение, до максимума приближенное к реальности. В сознании Алексея Васильевича вспыхнула доселе не известная ему память. Он сразу же вспомнил все и беззвучно, ибо понял, что в этой ситуации звук необязателен, произнес:

— Конечно, кроме констатации своего тщеславия, мой родной брат, агрессивный мистик, не имеет ничего мне сообщить.

— Хи-хи... — Сквозь зеленоватую прозрачность асии Алексей Васильевич увидел маленькое, тонконогое и большеголовое существо с заостренными ушами, с кисточками волос на кончиках и с напоминающей перевернутый месяц усмешкой на морщинистом лице. — Я так рад, что тебя высекли демиурги, уродец. У меня даже появилась надежда на то, что ты поумнеешь. Хочешь, выпрошу для тебя новую оболочку у лазурных лам?

Не удержавшись, Алексей Васильевич похвастался:

— Я сумел перехватить душу умершего. Понимаешь? Сумел.

Урок, как оказалось, впрок не пошел. К Алексею Васильевичу уже начала возвращаться его обычная и наглая самоуверенность.

— Ого. — Лицо собеседника приблизилось вплотную к трепетной оболочке асии. — Браво, браво, то есть ты окончательно решил нагадить поверхностным людям? Ты задержал душу, венную энергию, существа которой не в состоянии объяснить даже ЛПЛ, даже элохимы? И что дальше? Ты так и будешь держать ее в баллоне или в какой-нибудь бутылке, как джинна? В кармане на цепочке? В тумбочке? Мне стыдно, что ты мой брат, оказавшийся негодяем. Оправданием может быть лишь твоя беспрозветная глупость. Ты впал в ересь научного открытия, не задумываясь о последствиях. Впрочем, хи-хи, думаю, бледные демиурги тебе все объяснили лучше меня.

— Как вы здесь оказались? — хмуро перебил его Алексей Васильевич.

— Я тебе сейчас все расскажу. — Тронув задрожавшую капсулу асии, карлик без усилий, словно воздушный шарик, понес ее перед собой. — И покажу тоже.

Промежуточный мир

Многокилометровая хоруллитно-лунитная оболочка, защищающая огненный семиачный мир демиургов, лемурианцев, олисов и атлантов от душной, ежесекундно рожающей разнообразные формы жизни плоти земли, до определенного уровня не была бесповоротно монолитной. Ее внешняя, в сторону Луны и Солнца, сторона по всему объемному периметру земного шара являлась вотчиной лазурных лам, а околовприлегающее пространство густо заселялось качественным и самостоятельным человече-

ством. Здесь, как бы отфильтрованные прошлыми эрами, цивилизациями, эпохами и мировоззрениями, жили уникальные представители рода человеческого, притянутые глубинным миром поближе к себе, обласканные демиургами, обладающие завораживающей гениальностью в обрамлении многочисленных и неизвестных для людей поверхности талантов. Здесь уже много поколений проживает народ арийни, ушедший в промежуточный мир много тысячелетий назад, народ агрессивных мистиков, умеющих изменять земное притяжение по своей прихоти. Когда возник этот народ, а возник он в результате геноселекционных манипуляций демиургов и лемурианцев с жизнью, оказалось, что самый крупный представитель этого народа не превышает десяти сантиметров роста, и демиурги в спешке притянули их к защитному пространству хорузлитно-лунитной оболочки. Абсолютно дезориентированная память об этом народе осталась на поверхности земли в виде сказок и легенд о гномах, эльфах, домовых и т.д. и т.п. Надо сказать, что промежуточный мир населяли в основном люди, чье геноформирование и входящий в эти формы код создавались демиургами, лемурианцами, в какой-то малой степени олисами и еще, в виде исключения, атлантами. Сильное проявление атлантизма считалось в промежуточном мире болезнью. Прямые потомки атлантов остались на поверхности земли, и глубинный мир, беря в посредники промежуточный, опекал и контролировал поверхностное, бракованное человечество. Тем не менее, прямые потомки атлантов все-таки попадали в промежуточную страну великих ученых, но попадали лишь избранные, благодаря колоссальному усилию воли и жесткой дисциплине интеллекта. Это были мрачные жрецы племен майя, приблизившиеся к тайне смерти жрецы древнего Египта, индуистские йоги, маги и пророки Иудеи, племя волхвов ведического проникновения, ранее живших на Северном полюсе, гардариические племена, некогда обитавшие на территории нынешнего Урала, кровавые интеллектуалы-информационщики Африки (там когда-то жило племя йотс) и Румынии (на этой территории обитало великое племя вурдал и жуткое, но мудрое племя вампи). На всем пространстве промежуточного мира действовал грозный и неумолимый запрет на совокупление. Ошибочность фаллосовагинального размножения стала очевидной после деятельности атлантов. Увеличение количества генов вело к вырождению, что особенно заметно по людям поверхности, которые носят в себе более десяти тысяч генов и, следовательно, столько же информации из прошлого. Если в начале атлантского генетворения новые особи несли в себе не более ста генов и проживали семьсот-девятьсот лет, то по мере увеличения количества генов срок жизни сокращался, а энергетика души становилась более уязвимой.

Промежуточная страна жила в режиме клонирования. Прямое руководство ЛПЛ делало это клонирование почти совершенным. Маг древней Иудеи, попавший в промежуточный мир три

тысячи лет назад, в начале XXI века был точно таким же, как и три тысячи лет назад, — великим ученым...

Когда-то, пытаясь облагородить и остановить вырождение поверхностного человечества, атланты семиличного мира, чувствуя свою вину и ответственность, предложили ученым промежуточного государства склонировать эталонные экземпляры для подражания и отправить на поверхность. Ученые взялись это осуществить и, приложив титанические усилия, выполнили заказ. Склонированные эталонные экземпляры устремились в конвульсивный мир поверхности, с негодованием отвергнув мнение глубинных миров о бракованности поверхностного человечества. Глубинный мир стал более снисходителен к статик-рабам, но эталонное клонирование внес в шкалу бесперспективности. Сами бледные демиурги не очень-то интересовались экспериментами оправдывающими перед самими собой атлантов. Они были равнодушны к поверхности, хотя и заинтересованы в более чистой, душевной энергетике умирающих статик-рабов, которые отлично понимали обновляющую энергетику смерти, хотя и не понимали природу ее возникновения. Смерть была тайной для всех на Земле.

— Зачем тебе нужна душа человеческая, почему ты решил захватить ее?

Сознание Алексея Васильевича уже полностью овладело мыслью, капсула асии вполне подходила ему. Не обращая внимания на оскорбления, он сразу же, еще не видя собеседника, стал защищаться:

— А почему я не должен этого делать? Закон эксперимента еще никто не отменял.

— Задерживая на поверхности энергию умершего, ты ослабляешь мир демиургов, а следовательно, и нас, — проговорил один из арийни. — Если ослабнем мы, то у поверхностных людей исчезнут все шансы на спасение, они попадут в тупик мучительного бессмертия. Ведь ты посягнул на тайну, перед которой трепещут все, включая глубинный мир и прицепившихся к нашему полету элохимов. Ты ведь наших знаний не можешь помнить, а опираясь на канализационные знания поверхности науки, только навредишь...

— Тихо! — оборвал собеседника окончательно обнаглевший Алексей Васильевич и, подозвав к себе карлика, спросил у него: — Чем вы сейчас занимаетесь, над чем работаете?

— Хи-хи, глобализацией поверхностного человечества.

Арийни, ничуть не обидевшись, покинул пещеру по одному из примыкавших к ней коридоров, а остальные, их было около десяти, с самого начала не обращали на капсулу никакого внимания.

— Я догадался об этом сам, даже со стертой памятью, — довольно хмыкнул Алексей Васильевич. — А кто сейчас управляет поверхностью, МОАГУ?

— В основном, элохимы, есть они и в руководстве МОАГУ, но им скучно этим заниматься, власть довольно-таки тоскливо вре-

мяпрепровождение. Они сговорились с иудейскими магами, и те сейчас занимаются кадровыми вопросами, подбирая среди статиков подходящие особи и настраивая их на стремление к власти и лидерству.

— Интересно, зачем демиургам понадобилась глобализация на поверхности?

— Меня не интересует, для чего нужна глобализация статиков, — забликовал полумесяцем улыбки карлик. — Меня лишь интересует, как ее осуществить. Конечную цель знает лишь Ад, лазурные ламы из хорузлитно-лунитной оболочки, ну и, конечно, элохимы.

— Откуда они вообще взялись, эти элохимы? — спросил Алексей Васильевич. — Не пойму их природу.

— Это разведчики из блуждающего межгалактического планетарного облака Рааай.

— Это... — начал было Алексей Васильевич, но карлик резко прервал его:

— Все, время закончилось, возвращайся в свое мясо, урод, и выпусти душу человеческую. Она должна попасть в Ад.

— Зачем? — успел спросить Алексей Васильевич, начиная растекаться блестками по внутренней стороне начавшей вращаться капсуле асии.

— Чтобы ее смог принять Рааай. Пройдя муки, она сможет попасть в Первоисточник радостного созидания ВСЕГО.

— ААААа!!! — И Алексей Васильевич потерял контроль над своим сознанием.

Глава пятнадцатая

Российская делегация силовиков вернулась из Техаса на родину слегка удрученной. Ничего “новеньского” у коллег из других стран выяснить не удалось. Лишь Тарас Веточкин не казался огорченным, да и то это отнесли за счет его относительной молодости, по сравнению с другими, и склонности к оптимизму. Борис Власенко, руководитель делегации, тоже почему-то не казался расстроенным, и постепенно у Игоря Анушева и Геннадия Вельтова из СВР росло подозрение, что ФСБ все-таки узнало что-то интересное и новенькое. Это подозрение усиливалось еще и тем, что Бортников, штатный уфолог ФСБ, почти весь полет проспал, и, судя по лицу, ему снились хорошие сны, он всю дорогу улыбался.

Анушев и Вельтов еще не знали, что неприятный инцидент на ранчо напрямую касается их ведомства, но, вполне возможно, они этого никогда и не узнают.

— Ну как, Тарас, интересный у тебя разговор получился с Чигиринским? — нехотя спросил у Веточкина Игорь Анушев.

— Да так, — столь же нехотя ответил ему Тарас Веточкин. — Я бы не сказал, что его рецепт приготовления фаршированного гуся чем-то отличается от моего рецепта по фаршированной утке, но кое-что все-таки было для меня новеньким.

— Да ты что? — подсели к ним Геннадий Вельтов. — Вот уж никогда не поверю, что тебе можно сообщить что-то новенькое о фаршированной утке.

— Гусь, — Веточкин лениво повернул голову в сторону Вельтова, — он говорил о гусе. Его месяц нужно кормить грецкими орехами, поить молодым вином, размешанным с водой, и не давать двигаться.

— Это не гусь, — грустно произнес Игорь Анушев, глядя на Веточкина, — это все та же фаршированная утка.

— Конечно, — согласился Веточкин. — Кто же вам гуся, вот так, за здорово живешь, отдаст?

— А ведь мы в одной команде и служим одному государству, Веточкин, — встал на путь угроз и взываний к совести Геннадий Вельтов. — Ты обязан поделиться с нами информацией.

— Ну, ты даешь, Гена, — искренне удивился Тарас, глядя на Вельтова. — Я же тебе все по полочкам разложил: берешь гуся, сажаешь в корзину, подвешиваешь, чтобы он не двигался, кормишь орехами и поишь вином с водой, затем запекаешь и съедаешь...

— Что? — неожиданно проснулся Бортников и ясными глазами посмотрел на Бориса Власенко.

— Да тут Тарас внешней разведке пытаются объяснить, что фаршированный гусь — это всего лишь слегка модифицированная фаршированная утка.

— А, — успокоенно покивал головой Бортников, готовясь снова заснуть. — Тарас это умеет, он им сейчас все по полочкам разложит.

— На дне океана есть все, что есть на суше: горы, равнины, леса, пустыни, болота, дикие звери и тщательно замаскированная от любопытства человека первозданность. Океана много, его в два раза больше суши. Даже на обжитых людьми пространствах он всегда может преподнести человеку сюрприз такого качества, что как-то скептически начинаешь смотреть на всякие батискафы, батисферы, подводные лодки и прочие суперкрейсера. Океан принимает от человека лишь дерево, весло и парус. Разучившись видеть, опираясь на костили сложнейших приборов и бороздя просторы насмешливого монстра в ортопедической обуви круизных теплоходов, мы как бы уже и пошли по водам аки по суху...

— Стойте, Стронгин, — остановил академика РАН глава МВД. — Я не академик, но и вы совесть имейте, не считайте меня глупым, с утра до вечера стреляющим по преступникам, ментом. Мне нужно то, что можно пощупать руками, войти, поговорить, увидеть. А вы мне вот уже два часа рассказываете, как на дне Марианской впадины в лепешку раздавливает атомную подлодку и все подряд, сделанное руками человека, и что там же живут все возможные рыбы, вплоть до драконообразных, и что на дне мирового океана существует цивилизация, превосходящая цивилизацию суши.

— Да, — кивнул головой академик, — мы тут все второсортные, а они хозяева, они спасли свою ведическую суть, уйдя на дно океана. Они же понимали, что мы будем рваться лишь в небо, а на океаны будем обращать внимание лишь постольку-поскольку, поплавать там, рыбки наловить, искусство подпитать и...

— Интересно. — Министр потерял терпение и нажал на кнопку вызова адъютанта: — Хромова ко мне.

Хромов, ожидавший в приемной, тут же появился на пороге кабинета.

— Это академик Стронгин, а это полковник Хромов, знаменитый сыщик. Будете работать вместе по "УЖАС"у, там много чего интересного можно узнать для океанологии, — представил их друг другу министр.

— Так точно, господин генерал! — Хромов решил не отступать от установок субординации.

— Не ори, — поморщился министр, — ты с господином академиком хотя бы раз разговаривал?

— Да, с виднейшим океанографом, ведущим ученым и руководителем нашего исследовательского судна "Академик Келдыш", членом всех океанографических обществ земли, замгендиректора ЮНЕСКО и руководителем комитета по экологии океана в ООН Львом Аксеновичем Стронгиным я долго, часто и плодотворно разговаривал.

Министр молча встал, обошел стол, подошел к Хромову, пожал ему руку, затем взглянул на Стронгина и серьезно произнес:

— Будете, Лев Аксенович, в группе Хромова работать. Он у нас не только с океаном на ты, но уже и до сатаны добирается.

— Кстати, сатана как явление, — начал Стронгин, — не является вымыслом.

— Все, — положил ему на плечо руку министр, — в коридор, там все и объясните полковнику.

После того, как делегации ФСБ и СВР вернулись с провалившимся с треском конференции в штате Техас, в среде силовиков началась повальная мода на представителей научного мира. Ученые, в принципе, всегда были под крыльшком у спецслужб, потому что наука, разведка и армия не мыслят себя друг без друга. Но это отвлечение от темы...

— Значит так, Бортников, — директор ФСБ строго посмотрел на громадного уфолога, — прикрепляю тебя к Веточкину, и вы хоть об землю расшибитесь, но должны создать наш, ведомственный, филиал РАН. Семь академиков, — он почесал висок и решительно продолжил: — как минимум, должны служить нам верой и правдой, днем и ночью.

— А деньги? — осторожно напомнил Веточкин.

— Дадим задание нашим ребятам, — отмахнулся директор ФСБ, — по всему миру насобирают. Смотри, какую интересную штуковину прислал наш агент из Китая. — Он достал из ящика

стола фигурку Будды, целиком выточенную из большого сапфира со странным и завораживающим прекрасным черным отсветом внутри. — Самый редкий и дорогой самородок мира. Сначала нашли этот кусок в устье Желтой реки, а затем обнаружили, что внутри него небольшая пустота, в которой находится черный алмаз величиной с голубиное яйцо. Китайцы за этого Будду готовы отказаться от коммунизма, пользоваться тройными презервативами и уйти с нашего Дальнего Востока.

— Это Будда-птица, у нас он называется птица Сирин, — заявил Бортников. — Об этой статуэтке упоминалось в легендах тувинского народа эгере, ушедшего тысячу лет назад в джунгли Амазонки и затерявшегося в них. С помощью этого сапфира можно расшифровать НЕКРОНОМНИК, книгу мертвых. Он бесценен и страшен, этот Будда.

— Вот и я говорю, — согласно кивнул головой директор ФСБ, заворачивая Будду в газету и засовывая в ящик стола. — Создавайте группу и начинайте брать под контроль весь этот «УЖАС» на территории России и все непонятные тайны внутри земли и на поверхности.

— Шеф, — Веточкин слегка смущился, — давай я с Хромовым в контакте буду работать.

— Ничего себе! — возмутился глава ФСБ. — Конечно, работай. Они там какого-то психо-океанолога завели, Стронгина, и ходят вокруг него в приплясе, как дураки с писаной торбой.

— Стронгин крупный специалист, — рассеянно проговорил Бортников, все еще думая о Будде-птице. — Это нам его стоило бы в группу к себе привлечь.

— Ну, а я что говорю? — вновь возмутился глава ФСБ. — Я вам только что о чем говорил? Кстати, ты меня слушаешь, Бортников, или мечтаешь о должности главного уфолога в районном управлении ФСБ Ивановской области?

— Шеф, ну вы скажете, — удивился словам начальника Бортникова. — У меня этот Будда из головы не выйдет. С ним мы многое достигнем или вообще с белого света сгинем. Меня одно лишь удивляет, как такая ценность, хранимая китайцами в сто раз сильнее, чем американцами Форт-Нокс, оказалась у нас?

— Ну и что? — в свою очередь удивился директор ФСБ. — Я же сказал в начале разговора, что это наш агент из Китая прислал оказией.

Глава шестнадцатая

— Ты еще долго будешь там прохладиться? — удивил вопросом Сашу Старикова Хромов и уточнил: — Ерундой, в смысле, заниматься?

— Да тут дело такое интересное. — Саша смущенно почесал затылок. — Сплошная мистика.

— Да, — Хромов переложил из одной руки в другую трубку телефона, — этого добра и в Москве хватает. Вчера, например, на

твоей, кстати сказать, территории, бабку пришлось за убийство задерживать.

— Бабку?

— Ага, — Хромов слегка развеселился, — девяносто четыре года, проживает на Мясницкой. Выпрыгнула из окна шестого этажа, жить старушке надоело, и прямо на голову двадцатисемилетнего парня, мастера спорта по спортивной ходьбе. Парень от перелома шейных позвонков умер сразу, а у старушки даже синяков на теле нет, жива-здорова.

— И впрямь мистика, — поразился Саша и на всякий случай уточнил: — Это не мой, а Лаптева участок.

— Да какая разница, — отмахнулся Хромов. — Но если через неделю тебя не будет в Москве, ты у меня полгода на бумагах простишь.

— Я, наверное, сегодня и выеду, — деловито сообщил Саша. — Тут и без меня во всем разберутся, ребята грамотные.

— Я же сказал, через неделю, — остудил его пыл Хромов, — значит, через неделю, а то ты до моей пенсии нескорой будешь бумагами заниматься. И вот еще что, постарайся узнать, известно ли кому в Таганроге о ресторане "Первая скрипка". Мы его скоро бомбить начнем, а то они слишком много ценных продуктов питания всяким темным личностям скармливают.

— Понял, — ответил Саша Стариков. — Опять мистика со всех сторон.

Николай Стромов делал вид, что смотрит телевизор, а сам не заметно наблюдал за женой, которая вернулась к нему сразу же после ареста Найденова, дочка по-прежнему жила у ее родителей. Валентину Стромову нельзя назвать красавицей с ногти-шибательного типа, но ее груди, ягодицы и бедра были такими рельефными, что Николаю постоянно хотелось припасть к этим частям тела щекой и замереть, поглаживая, надолго. Слегка курносый нос, темные и влажные глаза, пухлые губы, красивая шея, а прическу она носила под Лайзу Минелли. Николай Стромов чуть ли не мычал от счастья, когда Валентина входила в комнату. Лишь одно мешало его счастью — недавнее прошлое. От одной только мысли, что совсем недавно ее обнимал, раздевал, целовал Виктор Найденов, Николай приходил в такую ярость, что она его даже пугала. Он готов был встать, взять служебный пистолет, застрелить Валентину и застрелиться сам. А пугало его то, что он получал удовольствие от этих мыслей. "Надо все-таки показаться врачу, — уже не первый раз говорил самому себе Николай, — а то заболею окончательно".

Во всем, что не имело отношения к Валентине, Николай Стромов был волевым и смелым человеком. Он сумел проанализировать свое поведение, странные мысли и странное возбуждение во время полнолуния и пришел к выводу, что его психика требует разговора с врачом.

— Валя. — Николай Стромов зашел к жене на кухню, Валентина, стоя у стола, раскатывала тесто для пирожков. — Валечка, — он погладил ее по бедру, — Валюшечка, я люблю тебя.

— Дорогой, — выдохнула Валентина, опершись руками о стол, — я тебя тоже люблю.

Она одной рукой поправила на столе кружочек теста, придав окончательному решению делать пирожки с творогом и повидлом, а не с картошкой, как предполагала до начала сексуального действия на кухне.

Нет, все-таки есть в солнечности юга некая странная одержимость. В полной мере это относится и к югу России. Если миновать Ростовскую область и посетить Краснодарский край, можно найти там станицу Георгиевскую. Когда-то, дабы создать красивое племя русских людей и оstepенить казаков, Екатерина Великая первый и наивный генетик России, отбирала самых красивых стройных девушек и отправляла в качестве невест в граничащие с мятестью Черкесией, казацкие поселения. Казаки от таких жен не отказывались, но не избегали и прекрасных горянок, тем самым продолжая и усовершенствуя селекционные начинания императрицы. Постепенно на Кубани появились женщины необычайно броской красоты и с не менее необычайными физическими данными: высокие, сильные и любвеобильные.

В 1974 году в станице Георгиевской родилась Анастасия Гансовна Величковская, которая к пятнадцати годам вызывала странное, слегка настороженное восхищение даже у видавших виды станичников, не говоря уже о приезжавших из Краснодара начальников, те просто теряли голову от восторга.

Настя родилась в семье с довольно-таки сложными родословными корнями. Отец, Ганс Муслимович Величковский, был немцем с примесью польской и азербайджанской крови, а мать, Лидия Петровна Величковская, в девичестве Шатова, — чистокровной казачкой с обычным для Кубани черкесским присутствием в генах. За Настей замечались некоторые странности. Например, помогая по хозяйству матери, она всегда с охотой соглашалась отрубить голову курице, утке или индюшке, но головы не отрубала, а откручивала, с интересом наблюдала, как из них хлещет кровь. Сама она мясо почти не ела, предпочитая довольствоваться фруктами, молоком и орехами, благо этого добра в доме хватало. Ганс Муслимович был председателем райпотребсоюза, и семья Величковских считалась зажиточной. Второй странностью красавицы Нasti была необыкновенная для девушки ее лет физическая сила и продуманная хладнокровность. Однажды пылко влюбленный в нее молодой станичник, кумир местной молодежи, силач и весельчик Егор Бороденко, провожая ее к дому после фильма в клубе, не выдержал и страшно, хотя и нежно, обнял Настю. Настя повернулась к нему лицом, поцеловала, отчего у Егора закружила голова, а затем методично и деловито сломала ему обе руки,

сначала одну, а затем другую. Об этом случае по станице сплетничали долго, но дальше сплетен дело не пошло, Егор Бороденко помалкивал, а позже совсем исчез из станицы, уехав в один из вузов Краснодара.

В шестнадцать лет Настя закончила десять классов и поступила, благодаря материальным контактам Ганса Муслимовича с приемной комиссией, в ростовский мединститут, где уже в конце первого курса проявила неподдельный интерес к патологоанатомии, чем завоевала сердца и симпатии специалистов этого направления, а известнейший в своих кругах патологоанатом, профессор Торосов Семен Алексеевич, просто-напросто влюбился в нее. На третьем курсе за Анастасией Величковской числилось столько расчлененных трупов, что ими можно было бы заполнить чуть ли не половину территории средних размеров городского кладбища. Именно в это время Семен Алексеевич и предложил ей руку, сердце и предполагаемое семейное счастье. Настя немного подумала и согласилась, ее родители с радостью одобрили этот брак, а через год счастливого супружества Анастасию Гансовну Торосову выводили в наручниках из устроенного ею в подвале дома морга. Она работала над диссертацией под названием "Особенности строения тела у человека с извращенным понятием об интимной жизни", и бедный профессор пострадал из-за любви к оральному сексу, столкнувшись с неадекватным негодованием своей супруги, сельское мировоззрение которой не было подготовлено к уже явившейся в Россию сексуальной революции. Несчастный патологоанатом был мгновенно задушен и профессионально расчленен руками любящей Анастасии. Следователь пожал в огорчении плечами и немедленно отправил Торосову на психиатрическую экспертизу. "Похоже на шизофрению", — не совсем уверенно высказались психиатры области и передали Анастасию Торосову в институт судебной психиатрии имени Сербского. "Врожденная шизофрения", — поставили диагноз в Москве. "Великолепно! — обрадовался время от времени навещающий институт Алексей Васильевич Чебрак. — Просто уникальный экземпляр!".

Радость Алексея Васильевича имела последствия. Через некоторое время пациентка Торосова исчезла из спецбольницы, ее родители с облегчением перекрестились и забыли о ней, а через три года в группе "солнечных убийц" появилась эмансипированная, элегантная "Малышка", обученная по системе "Черная вдова". Она стала любимицей всей группы и Ивана Селиверстовича в частности.

"Дейли телеграф" опубликовала статью с кричащим заголовком "Прекрасная амазонка на "феррари". В ней говорилось: "...Полиция штата Аризона попыталась остановить мчавшийся на недопустимо высокой скорости "феррари" при въезде в столицу штата, за рулем автомобиля находилась красавица, в сравнении с которой Шарон Стоун выглядит, как пожилая вдова ферме-

ра, не умеющая пользоваться косметикой. Когда сержант полиции Стив Комен подошел к остановившемуся "феррари" и потребовал у красавицы водительское удостоверение, он раз и навсегда понял, что красота страшная сила, но воспользоваться этим пониманием ему уже не суждено. Сексапильный монстр в женском образе схватила его через открытое стекло за горло и сразу же на большой скорости тронулась с места. Напарник сержанта, полицейский Дэвид Лонг, прия в себя от изумления, бросился в погоню за "феррари", в смысле, совершил один из тех идиотских поступков, которыми славится наша полиция. Как можно угнаться за "феррари", если нет другого "феррари"? Дэвида Лонга поразило то, что девушка держала сержанта одной рукой на весу, а другой управляла скоростной машиной. Полицейский видел, как через несколько сотен метров тело его напарника было без заметных усилий отброшено к обочине окружного шоссе. Только здесь Дэвид Лонг пришел в себя окончательно и, остановившись, доложил о происшествии всем постам, сообщив, в какую сторону направилась очаровательная убийца. А направилась она в сторону федеральной трассы, ведущей к аэропорту. Вернувшись к незадачливому напарнику, Дэвид обнаружил его мертвым, с вырванным кадыком. Лонг готов присягнуть, что чудовищная обаяшка держала Стива за горло двумя пальцами, большим и указательным. В связи с этим редакция задает вопрос сенату, конгрессу и президенту США, не один ли это из тех синтезированных клонов, которых выращивают в некоей секретной лаборатории Окриджа, где базируется не известная обществу структура "Оса"? Впрочем, редакция газеты уверена, что если в США происходят гадости такого рода, значит, где-то рядом торчат уши ФБР, ЦРУ и, по видимому, Пентагона"...

Этим же вечером все информационные каналы США передали: "...Захвачен пассажирский авиалайнер компании "Пан-Америкэн", направляющийся в Индию. На борту находится 120 пассажиров. Поражает то, что лайнер был захвачен на земле, и захватила его в одиночку девушка, подозреваемая в убийстве полицейского и владельца "феррари", известнейшего американского ученого. Девушка необычайно красива и, что потрясает воображение, необычайно профессиональна. Прибывший на место происшествия вместе с антитеррористической группой эксперт ЦРУ Соул Клинг порекомендовал не осуществлять захват и отправить самолет туда, куда требует террористка — в Россию. И вот только что пришло сообщение нашего корреспондента, что девушка привязала к горлу каждого третьего заложника гранату и соединила эти гранаты суперпрочным конструктивным шнуром "У", применимыми взрывниками спецназа. Шнур пропущен через чеку гранат особым способом, и при малейшей опасности девушка успеет взорвать лайнер с заложниками. Президент США принял решение не препятствовать требованиям террористки. Нам же остается только гадать, рука ли это Москвы или метастазы некоей жут-

кой опухоли под именем "Оса" и ее лаборатории по выращиванию киборгов в Лос-Анджелесе и Окридже? Вопрос остается открытым"...

Она летит ко мне, и я встречаю ее с цветами. Мы с нею изменим этот мир. Он слишком уныл, суеверен и многолюден, надо его сделать более пустынным. Массовая смерть народов, вот что нужно человечеству. Только на этом пути можно прийти к настоящему пониманию индивидуальности. Господи, до чего же я умен, Господи, как велико твое вхождение в меня и как сладостно! Фу, какой противный запах! Что за кощунство, рядом с самым роскошным и дорогим салоном Москвы продают яблоки, мерзкий плод. Впрочем, вначале я войду в салон и куплю цветы. Мне вот эти и эти, и еще вот эти, напоминающие приоткрытые для поцелуя губы молоденького и сладострастного азиатского мальчика. Для кого? Для моей невесты, превратившейся в богиню. Почему такие мрачные расцветки? Ты все равно ничего не понимаешь, простушка-цветочница. Вот твои тысячи у.е., дурочка. Опять этот гадкий запах и гадкий старикиашка с погаными плодами. Ну ладно, поешь свежего, мой малыш в тельняшке. Никто и не обратил внимания, что старик уже мертв и уже счастлив. Чем больше людей вокруг, тем меньше внимания на человека, лежащего на мокром асфальте. Это еще один довод в пользу сокращения человечества. Я иду навстречу любви, мы подарим людям настоящую индивидуальность, взорвем все их атомные станции и ядерные ракеты, выпустим джинна войны, а затем, когда люди в массовом порядке будут встречать свое личное счастье смерти, мы, боги, сольемся в экстазе и создадим наше дитя. Эти идиоты хотят посадить авиалайнер на военном аэродроме в Чкаловске, как будто это им поможет, как будто они смогут нас остановить, как будто могут понять замыслы двух любящих друг друга богов. Ооо! Что за чудный зад у этой дамы, выходящей перед ювелирным магазином из пошлого "кадиллака", зад шедевр, зад произведение искусства, таким задом обладают лишь великие оперные певицы и профессиональные поварихи. Я улыбаюсь...

Глава семнадцатая

Поль Нгутанба опустил босые ноги на мозаичный пол и сел на краю ложа мараджи под балдахином из голубоватого шелка. Он взглянул на двух смуглых и юных индианок, крепко спавших на необъятных просторах живописно смятого белья из тончайшего батиста. Среди белоснежного батистового хаоса они были похожи на статуэтки из темного радунита, высеченные гениальным, но слегка помешанным на сладострастии мастером. Тринадцатилетняя Вирия лежала поперек ложа, слегка согнув ногу, и ее филигранно выточенные природой ягодицы даже во сне требовали любовного танца. Пятнадцатилетняя Ялика, высший дар жреца розового храма уходящего начала, наполовину затерялась ниж-

ней частью тела в покрываалах. Она только что, перед ночью с Поль Нгутанбой, перестала быть образом богини Баст, избираемой из восьмилетних девочек монахами пещерных монастырей древнеегипетского, смешанного с буддийским, культа и прекращающей быть ею после семилетнего поклонения верующих в лореизм индусов. Все семь лет богиню Баст каждую ночь обучали искусству любви самые глубокомудрые и посвященные в тайну чувственности жрицы и жрецы розовой ночи, знаяшие все изгибы, завитушки и тончайшие виньетки наслаждения, в котором не присутствует даже намека на разврат: таинственная изощренность — да, европейская извращенность — нет. Ялика поразила всю суть Поля Нгутанбы, примадонной ночи была она, Вирия исполняла лишь роль "подтанцовки", искусно заполняя короткие паузы. Это было восхитительно. Девочку, бывшую образом богини Баст, укладывают лишь в постель элохимов, то есть, пришедших с неба... Индуистско-ламаистский и иудаистский миры, в отличие от не знающего ничего остального мира, знали о присутствии нелюдей в мире. Элохимы, в отличие от демиургов, пришедших из клио-вселенных, не стали создавать новый порядок, обживать толщу хорулитно-лунитной оболочки, хотя и получили любезное приглашение от семияичного мира, они остались на поверхности, но послали туда часть своей субстанции, дабы не оставлять Ад без контроля. Оставшиеся на поверхности элохимы, видоизменяющиеся и вечные, тем не менее стали заражаться основными пороками человечества, словно врачи во время эпидемии, и были вынуждены иногда лечиться.

В данный момент Поль Нгутанба прошел курс лечения от тяжелейшего недуга — сладострастия.

Он встал, надел халат, подошел к высокому окну розового храма и стал смотреть на виднеющийся вдалеке купол Тадж-Махала. Поль знал, что Ялику и Вирию скоро заберут монахи. Лечение было мгновенным, как и всякое наслаждение, но весьма тяжелым по действию. "Прощайте, женщины и секс, — вздохнул он, — меня от вас оградили". Поль понимал, что после ночи любви с бывшей богиней Баст все остальные женщины будут казаться ему в постели липкими, холодными и неприятными рептилиями. "Жестокое, надо сказать, лечение", — подумал он, глядя на серебристую туманность, поднимающуюся над куполом мавзолея.

Поль Нгутанба прибыл в Индию по приказу лазурных лам не только для лечения от сладострастия, а, главное, для общения с белым зеркалом, самым необъяснимым зеркалом Земли. Он слышал о загадочности этого зеркала и из разговоров с лазурными и хранителями буддийских пещерных храмов знал, что оно каким-то образом было окном в Алую Вселенную, но объяснить появление этого окна на земле не мог. Поль Нгутанба знал, что он не-людь, элохим, прибывший когда-то на Землю с планетарной обличностью Рааай, что таким же, как он, был и Клосс Воргман, но

далее его знание о своем происхождении путалось, туманилось и обрывалось. Поль считал себя человеком и думал, что все люди — нелюди. Единственным, да и то неубедительным, отличием от людей было его полное равнодушие к смерти и посвящение в таинство глубинных миров, хотя ему всегда казалось, что и в таинство его посвятили не полностью. Это были не отличия, а, скорее, сходства. Среди людей полно равнодушных к смерти, да и допущенных к тайне внутри Земли тоже немало. Поль решительно во всем запутался. У него были мать, отец, ныне покойные, и он их любил, было немного детства, все как у людей. “Черт побери, — подумал он, — ничего не понимаю”.

Бывшую образом богини Баст и жрицу розового храма давно уже увели. “Увели мою любовь к женщинам”, — тоскливо подумал Поль Нгутанба. В данное время он ожидал проводника, который будет сопровождать его в Непал, затем в горы на территорию блуждающей Шамбалы, чей прототип астрономы видят на Юпитере, но по неведению называют это “красным пятном”. Именно там, в Шамбалае, Поль должен был предстать перед Белым зеркалом, и он надеялся, что многое для него прояснится.

“Как тело, самый главный грех души, и как святыни Катманду в Непале, так и вход в Шамбалу не поддаются объяснению. Истина чаще всего кроется в ошибочных и напрочь отвергнутых умозаключениях. Ничего так не уводит от познания истины, как путь к ней”, — думал Поль Нгутанба, разглядывая величественное достоинство Гималаев. Где-то здесь, рядом, лежало насмешливое пространство Шамбалы, которой придали совершенно комические формы ее земные апологеты. “Буддийский мир всегда был насмешлив, а Будда был великим юмористом, но поверхностные люди так и не поняли, что юмор — самый драгоценный и самый серьезный дар неба”.

Полю Нгутанбе пришлось прервать свои размышления, хрустально-серебристо-призрачно-нежный звон окружил его. Шамбала как всегда оказалась неожиданной в своем появлении. Продовник облегченно вздохнул и, указав на черный прямоугольный столб, сказал:

— Белое зеркало, иди к нему, меня оно не допустит к себе, убьет.

Поль подошел к обелиску, черный цвет которого, вопреки общему мнению, радовал и ласкал взгляд. Он стал в шаге от него и, подняв голову, услышал: “...Элохимы, оставшиеся на поверхности земли, были сформованы по образу и подобию человека живущего и стали ими. Те, кто ушел в хорузлитно-лунитную оболочку, остались самими собою, они хранили информацию об оставшихся на земле и были связаны с ними серебряными нитями целого. Если умирал статик-раб поверхности, то его душа со всхлипом втягивалась в безжалостное, жуткое, но надежное хранилище семиличного мира. Когда “умирал” элохим, серебряные нити притя-

гивали его первообраз, живущий в теле, в хорузлитно-лунитную оболочку и тотчас же отпускали обратно. С душами людей происходило то же самое, но гораздо страшнее и дольше. Все статик-рабы и все люди промежуточного мира после смерти попадают в Ад, откуда редко возвращаются, но, не в пример статикам, промежуточные люди гораздо приспособленнее к нему. Возвращение в жизнь людей поверхности это милость Ада, ибо жизнь — мягкая форма проявления алогичной действительности. Таким способом демиурги как бы извиняются за свою вину перед поверхностным человечеством. Элохимы должны исправить положение. Задача посланцев из планетарного облака Рааай в направленно движущееся и сформулированное построение солнечной системы — это проведение спасательно-ликвидационных работ. Само собой, подразумевается спасение семияичного мира и всего, что он так свое-вольно сотворил на этой планете, а затем лучом апокалипсиса ликвидируется вся солнечная система. Формула системы уже давно устарела и требует других решений. Тебе, Поль, нужно развалить полностью систему МОАГУ, но можешь не заботиться о болезненности или безболезненности этого развала в периферийной части, будь лишь деликатен к Тибету и другим большим концентрациям тонких энергий, они облегчат вам работу на заключительном этапе. Сейчас ты элохим, но когда начнешь разговаривать с нами, находясь внутри осанна, станешь просто человеком и... Впрочем, ты все равно не будешь помнить об этом..."

Было тепло. Колокольчики Шамбалы исчезли, утихли, растворились. Непоседливое, информационно-параллельное пространство переместилось в другие места. Вполне возможно, что оно сейчас парит где-нибудь в неуютном и холодном районе Тихого океана, вполне возможно, что Шамбала "разгуливает" где-то между Москвой и Санкт-Петербургом, но, вероятнее всего, она сейчас дремлет на своем излюбленном месте между первым и вторым дном Азовского моря.

— Все зеркала изобрел дьявол, он не желает, чтобы человек оставился один на один с собой. — Невозмутимый индус, проводник Поля Нгутанба, решил усладить обратный путь философской беседой.

— Вы правы, — блеснул Поль своим европейским образованием, ввернув в беседу фразу Кокто. — Зеркалам, прежде чем отразить что-нибудь, следовало бы минуточку подумать.

Поль уже ничего не знал и по-прежнему подвергал сомнению свое элохимство, но ему неожиданно пришла в голову мысль, что человечество не заслуживает такого стабилизирующего мир фактора как МОАГУ, и поэтому "Карфаген должен быть разрушен", и еще он подумал, что нужно помириться с далай-ламой.

Глава восемнадцатая

Таганрог пребывал в состоянии потрясения из-за двух обстоятельств. Первое было привычным и касалось всех горожан — на

город обрушился ветер, визитная карточка начавшейся осени. Впрочем, южный ветер довольно-таки беспорядочный парень и свои визитные карточки обрушивает на головы горожан, не считаясь с временами года, то под видом осени заявляется весною, то под видом весны разгуливает по улицам почти всю зиму. Второе потрясение настигло город на уровне административного руководства. Прокурора Миронова забрали в Генпрокуратуру и назначили куратором по Южному округу, столицей которого был Ростов-на-Дону.

— Я доволен, — высказался по этому поводу мэр города. — Он хоть и со странностями, но наш кровный земляк.

— Порядка больше будет, — сделал неожиданное заявление гендиректор металлургического завода Сергей Видаш. — А то всякие там “Сильверы”, “Альфы” и прочие фирмы московские хотят на наш завод наехать и оттяпать кусок на столичные нужды. — Еще неожиданнее для всех Видаш скрутил кукиш и, показав его какому-то неизвестно-невидимому в небе за окном, добавил: — Вот вам, а не завод.

— Не прокурор, а козел какой-то, этот Миронов, — буркнул еле слышным голосом Самсонов.

— Что вы там бормочете себе под нос, Семен Иосифович? — поинтересовался мэр Рокотов.

— Наркотики, — бодро сказал Самсонов, — полкилограмма мои ребята изъяли у курьера на Старом вокзале. Это для нашего города что атомная бомба для Хиросимы. Конопля прёт изо всех дыр, и самая большая дыра со стороны Кавказа, ну и, конечно, возле всей отравы торчат их носы, а вы не можете денег хотя бы на ремонт автопарка выделить, я уже не говорю о новых патрульных машинах.

— Завал, Иосифович, — сразу же потерял интерес к разговору мэр. — Школы до конца не отремонтированы, зима на носу. Строительство, ремонт жилого сектора, опять-таки ремонт дороги, посевная, третье кольцо автодороги вокруг города строить надо, северный завоз... — Тут мэр пришел в себя и, взглянув на Самсонова, строго закончил: — Нету, одним словом, денег, Иосифович, вот смотри. — Он достал из кармана бумажник и показал Самсонову: — Ни копейки.

— Да ладно, для милиции найду средства, — успокоил присутствующих Видаш. — Еще чего не хватало, город наркотикам сдавать. Вот им! — И он снова показал невидимому оппоненту кукиш в окно.

— А что у нас в городе муроевец в компании с вашими Басенком и Савоевым по улицам шастает? — спросил главный редактор газеты “Таганрогская правда”. — Вам есть что сказать для прессы?

— Они нефть ищут, — охотно поделился своими “секретами” полковник. — А то ни у вас, ни у них машины заправлять нечем.

Дело даже не в том, что Италия глубоко и впервые в жизни задумался о смысловом значении существования на Земле, это можно было бы списать на регулярные в последнее время травмы головы. И даже не в том, что он все чаще и чаще стал думать о Боге. Бог популярен среди граждан тюремной ориентации. Редко какой киллер отправится на свою первую работу без имени Бога, и уж перед тем, как всадить пулю в несчастную жертву, он неизменно перекрестится в мыслях, разве только фиксируя контрольным выстрелом завершение работы, киллер забудет на мгновение о Его существовании, ибо законы профессионализма требуют особой сосредоточенности в эти секунды. Нет, у Геннадия Кныша, по кличке "Италия", все было по-другому. Он как-то вдруг и сразу решил покаяться, но не перед Богом, а перед оперативником из Орджоникидзевского района.

— Что вам от меня надо? — устало спросил он у Степы Басенка и присутствующего здесь же, в кабинете для допросов СИЗО, Саша Старикова.

— Вообще-то все, что мы не знаем о твоей преступной деятельности и что тебе удалось скрыть от следствия в прошлые судимости. Но ладно, — снисходительно махнул рукой Степа Басенок, — черт с ним. Ты вот нашему гостю из Москвы, — Степа каким-то торжественным жестом указал на Сашу Старикова, — расскажи о Хонде, Клунсе и похищенном из его квартиры антиквариате, а после поможешь мне разобраться в некоторых вопросах, связанных с криминальным миром нашего города.

— Вербуете, да? — угрюмо проговорил Италия.

— Вербуем, — охотно согласился Степа Басенок. — Работа такая, людей от людей защищать.

— Я все расскажу. — Италия неожиданно почувствовал даже какой-то душевный подъем. — И в дальнейшем буду рассказывать, и...

— И мы сделаем так, что твоим адвокатам, хотя и с трудностями, удастся доказать твою невиновность и добиться освобождения, — хмыкнул Степа. — Хотя у нас на тебя доказательств воз и маленькая тележка.

— Я выйду на свободу, и меня застрелят возле ворот СИЗО, да?

— Может, и застрелят, — не стал отрицать такой возможности Степа, — а может, и не застрелят, может, у тебя инфаркт будет, или ты под машину попадешь... Тут ты, Италия, сам решай, от нас никакая информация не уйдет на сторону. — Степа на мгновение задумался и уточнил: — Во всяком случае, мы будем стараться, чтобы не ушла, а ты уж сам плавай в этих водах, в конце концов, ты акула, а не малек.

— Ладно, — буркнул Италия. — Что надо?

— В первую очередь — Клунс, — начал Саша Стариков.

— Кто его повесил, я не знаю, и никто из наших не знает. На его хату навел Хонда. Я с ним в оренбургской зоне года три сидел, а Калифорния с ним пару раз на этапе встречался. Когда взяли ха-

ту, Хонда сказал, что ему доли не надо, а лишь какой-то свиток, НЕКРОНОМНИК. Я, кстати, сразу заподозрил, что дело нечистое — рукопись надо, а доли не надо. Сую Комбату рукопись и говорю — посмотри. Тот вытащил ее из футляра металлического и стал смотреть. Вижу, мандраж его давит, запихнул все обратно и говорит, ты вор, а я старик, послушай меня, отдай это Хонде, с узкоглазым лучше не ссориться, ну и... — Италия замолчал, отвернувшись, стал смотреть на стену. Оперативники не торопили его, понимали, набивает себе цену. Наконец, после длительной паузы, разочарованный Италия сказал: — Я свиток не отдал, конечно, забрал себе, это Комбат не справится, а я уж как-нибудь бы разобрался. Вырвал листы, штук восемь, из арабской книги XVI века, какой-то Хабибул-чучмек писал, уже два года толкнуть их не могу, и сунул в футлярчик этот. Крышку закрутил, парнишка один рукастый ее запаял и пайку кислотой под цвет футляра в идеале подогнал, кстати, футляр не золотой, но я такого металла не знаю. Отдал я его Хонде, и он свалил с концами, но Клунса он не убивал, зачем ему это нужно? Он бы его тогда сразу убил и забрал этот футляр, с нами хаты не бомбил бы.

— И где этот свиток? — Сашу Старикова вдруг охватило сильное волнение. Так было с ним всегда, когда он чувствовал, что идет по правильному следу.

— Свиток? — самодовольно переспросил Италия, поняв, что его акции растут в глазах оперативников. — Свиток-то... — Он откинулся немного назад, и в это время забитую железом массивную дверь, открывающуюся внутрь, кто-то резко толкнул, и она со всего маху ударила Италию по затылку. Тот сразу же, как мешок с песком, свалился с табуретки на пол.

— Кравчук! — в кабинет заглянул молодой, усатый, с явной печатью деревенского мировоззрения на лице, прапорщик-контролер СИЗО. — Кравчука тут не было? — испуганно спросил он у мрачно смотревших на него сыщиков.

— Кравчука, говоришь? — Саша пощупал пульс у Италии и, не обнаружив его, заорал: — Молнией врача сюда! Если его через секунду не будет, то я и тебе, и Кравчуку яйца поотрываю!

Самые лучшие специалисты-балыковеды села Петрушино изготавливали сто пятьдесят килограммов разнообразнейшего филейного балыка из осетра, белуги, сазана и нежнейшей сомятины. Два недавно выловленных осетра плавали в фонтане бывшего пионерлагеря "Дружба", который по окончании сезона отдыха служил садком для местных рыбаков, там же резвилась стая из тридцати стерлядей и невесть как попавший в эту высокородную компанию заполошный черномазый бычок весьма крупных размеров. А в другом фонтане, другого, соседствующего с "Дружбой", пионерлагеря "Солнечный", по дну меланхолично променядали отборнейшие, устрашающих размеров, раки. А в селе Покровское, чаще всего называемом несведущими людьми Нек-

линовкой, потомственный мастер гнал знаменитый на всю страну самогон "Неклиновский перцовый". Ростовская область без этого самогона — как Марья без Ивана, Волга без Руси, молоко без коровы, счастье без несчастья. Если бы правительство России обратило свои взоры на технологию изготовления и качество "Неклиновского перцового" и запустило его в промышленное производство под контролем местных умельцев, где бы было шотландское виски, золотая текила, куда бы скрылась столичная водка завода "Кристалл"? Не буду говорить, где бы они оказались. Да! Одновременно с рыбаками Петрушино, мастерами Покровского бастурмоведы Мокрого Чалтыря, что рядом с южной столицей региона Ростовом-на-Дону, потеряли покой и сон, дабы триста килограммов заказанной бастурмы были того же армянского качества, какого у грузин бывает вино, определяемое ими оценкой "для себя". Поверьте, это совсем другое, чем "для продажи". И четыре двухсотлитровые бочки вина "для себя" уже транспортировались в сторону Таганрога. И это были не просто вина, это были "Киндзмарули" — одна бочка, "Саперави"! — одна бочка, "Алозанская долина"! — одна бочка и, наконец, "Хванчкара"! — одна бочка. Наряду с этим в сторону Таганрога, через Москву из Франции, двигались четыреста ящиков бордо урожая 1951, 1953, 1957 и, для особо капризных, 1949 года. Что, конечно, чистейшей воды пижонство при наличии вина "для себя" из Грузии. Куры, утки, гуси, индошки, юные и задорные пороссята уже были собраны в одном месте и ждали своего смертного часа. Да! Тысячи бутылок разноцветного шипучего донского вина охлаждались в подвале и ждали своего решительного, целебного, утреннего наступления на похмельные головы. Да что же это такое?! Да! Глория Ренатовна Вышук и Савел Тер-Огюнесян готовились к свадьбе.

Даже далай-лама был слегка потрясен, несмотря на тысячелетия мудрости, выглядывающие из-за его спины. Хорузлитно-лунитная оболочка, внутрь которой попал правитель Тибета, позволяла видеть небо. Толщи земли как бы и не существовало, более того, небо из хорузлитно-лунитного пространства выглядело совсем другим, сильно отличающимся от неба, рассматриваемого с поверхности земли. У далай-ламы, получившего великолепное светское образование и посвященного в самые сокровенные знания Индии, Китая и своей страны, прекрасного астронома, даже закружилась голова от восторга и благоговейного трепета. Он кое-что начинал понимать, увидев, как сама вселенная приблизила к нему свое лицо. Небо из хорузлитно-лунитной оболочки было гораздо насыщеннее доселе не известными далай-ламе звездами и планетами, звезды не походили на звезды, видимые с поверхности, далай-лама увидел даже звезды черного цвета. При этом звезды и планеты окружали его со всех сторон, как будто он стоял на стекле в середине мироздания. Хорузлитно-лунитная оболочка отрицала преграды в контактах с небом, и поэтому куда бы

далай-лама ни взглянул, он везде натыкался взглядом на вселенную. Луна казалась огромной и близкой, протяни руку, и дотронешься. Он увидел семь спутников, сопровождающих Юпитер, и пульсирующее красное пятно, передвигающееся от полюса к полюсу, да и сам Юпитер как бы пульсировал, как бы дышал, сжимаясь и разжимаясь. Далай-лама вдруг понял, что Юпитер опасная и грозная планета, основная в небольшой солнечной системе. Отсюда из хорузлитно-лунитного мира как-то лучше понималась и виделась ее миниатюрность, более того, она казалась даже искусственной.

“Как примитивны мысли в сравнении с чувствами”, — усмехнулся про себя далай-лама и услышал:

— Это астрономический зал, без навыков в нем нельзя находиться долго. Пойдемте с нами, правитель Тибета, в зал вашей страны, посмотрите Гималаи изнутри, а заодно и объясните нам вашу заинтересованность во встрече с демиургами, ради которой вы применили тяжелую артиллерию, рекомендацию от ламы Го-ры. — Далай-лама увидел слегка угадываемый и бликующий контур человека, внутри которого клубился серебристый туман. — На поверхности нас иногда называют призраками и страшно пугаются. К счастью, мы бываем там чрезвычайно редко.

За далай-ламой стояла вся мощь ламаистского и индуистского знания. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Он лишь поклонился и тихо произнес:

— Я ваш покорный ученик.

Глава девятнадцатая

Ефим Яковлевич Чигиринский все-таки сделал копию бумаг, которые он виртуозно забрал у погибшего псевдоангличанина на ранчо в Техасе, и отдал Тарасу Веточкину, мотивируя свой поступок далеким от интересов разведки доводом:

— Помнишь, Тарас, как мы девушек на Тверской кадрили?

— Допустим, не на Тверской, — усмехнулся Веточкин, — а на улице Горького.

— Эх, — смахнул весьма условную слезу Чигиринский и, протянув Веточкину пакет, добавил: — Вообще-то это предназначалось вашей службе внешней разведки, джентльмен, оказывается, с двойным дном, но им не повезло, повезло тебе, и совсем немножко — мне. Даже не знаю, что можно у англичан узнать новенько-го, кроме сплетен из Букингемского дворца?

— Спасибо, Фима, — взял пакет Веточкин. — А может, не надо? Тебя по головке за это не погладят.

— А кто вообще гладит по головке бедного еврея? — печально проговорил Чигиринский. — А то, что я тебе сейчас отдал, копия вахтенного журнала с английского линкора “Принц Чарльз”, увлекательнейшее чтение для разведки...

Разведка разведкой, а дружба дружбой. То, что должна была получить служба внешней разведки, получила ФСБ, видимо, у

СБР среди сотрудников не было любителей джаза и девушек с улицы Горького.

— Занято, — сделали вывод в ФСБ, — даже есть немного новенького, остается только выяснить, не впарил ли нам МОССАД фальшивку?

— С какой стати? — пожал плечами секретарь СБ. — Они с нами в такие игры не играют, это же МОССАД, а не ЦРУ.

Анатолий Валентинович, директор ФСБ, вместе с секретарем Совбеза сидели в его кабинете и, как это ни покажется странным, пили чай.

— Это вы мне говорите, — удивился директор ФСБ, — или просто размышилете вслух?

— Размышил, — подтвердил его догадку сухощавый секретарь СБ. — Думаю, нам тоже нужно вплотную заняться этими аномальными явлениями в океане.

— Представляю, — изумился глава ФСБ, — прямо вижу, как нам выделяют деньги из бюджета для проверки акватории Тихого океана силами ВМФ России на предмет обнаружения аномалий, напоминающих НЛО.

— Думаешь, не дадут? — спросил у него генерал и сам же ответил: — Конечно, не дадут. А одного "Келдыша" нам хватит?

— Кого? — слегка испуганно взглянул директор на секретаря Совбеза.

— Научное океанографическое судно "Академик Келдыш" нас устроит?..

Из вахтенного журнала линкора "Принц Чарльз":

"00.20. 25 июня 2000 года.

...Непонятное свечение на поверхности океана. Напоминает хаотично мелькающие, идеально круглые пятна света, как будто бы кто-то светит из глубины огромным фонарем. Доложено командованию.

Вахтенный офицер Рэй Стивенсон".

"00.52. 25 июня 2000 года.

...Глубина 8 миль. Служба слежения и оповещения линкора, а также других кораблей сопровождения не фиксирует подводных лодок противника в этом районе. То же самое подтверждает и спутниковая разведка НАТО. Хаотичные пятна света, идеальные круги диаметром около ста метров продолжают периодически появляться на поверхности. Объявлена полная боевая готовность на линкоре и всех кораблях ВМФ Ее Величества, находящихся в этом квадрате.

Командир линкора, контр-адмирал Эдвард Льюисингтон".

"1.30. 25 июня 2000 года.

...Потрясающее!!! Я вижу, как море на несколько миль расцвело!!! Мы все на линкоре, хвала Господу, что я служу на флоте, видим чудо!!! Чудо!!! Это НЛО!!! Это..."

“1.35. 25 июня 2000 года.

...Я отстранил за чрезмерную эмоциональность вахтенного офицера от вахты. По всей видимости, мы имеем дело действительно с представителями другой цивилизации. Дискообразная полусфера, диаметром около пятидесяти-семидесяти метров, возникла из океана совершенно беззвучно и почти мгновенно, был слышен лишь легкий хлопок, потом взмыла в небо и исчезла из вида. Точно такой же феномен несколько лет назад был отмечен кораблем шестого флота США в Атлантике.

Контр-адмирал Эдвард Льюисингтон”.

ГРУ опять все подслушало. Эппель Артур Саркисович, довольно потирая руки, ходил по своему кабинету в здании “аквариума” на Хорошевском шоссе и настынивал мелодию вальса “Сказки Венского леса”, когда зазвонил телефон.

— Да! — весело откликнулся Артур Саркисович и, так как телефон был городским, пошутил: — Президент Соединенных Штатов Армении на связи.

— Эппель! — раздался голос директора ГРУ. — Я сейчас приеду и тебя застрелю, жди меня в приемной.

— А что случилось-то? — всполошился Артур Саркисович.

Через пятнадцать минут прибыл директор ГРУ, и Артур Саркисович вошел к нему.

— Ты зачем прослушиваешь Совет Безопасности? — напрямик спросил у него генерал-полковник. — Тебе больше заняться нечем?

— Я? — по привычке удивился Эппель, но на всякий случай решил изменить тактику: — А вы откуда узнали?

— Ну все, — тихим голосом произнес Николай Олегович Дождь, глава ГРУ, — ты меня ухайдокал, Эппель. Вот тебе бумага, пиши рапорт об отставке. Генерал-лейтенант, а ведешь себя, как курсант-первогодок. Это ты мне должен докладывать, что собираешься жучки в СБ ставить, а не я где-то на стороне узнавать.

— Не буду писать, — безапелляционно отказался от такой перспективы Артур Саркисович.

— Правильно делаешь, — успокоил его генерал-полковник. — Я бы и не подписал его. И все-таки, зачем ты забросил “ухо” в СБ?

— Но ведь надо быть в курсе всего, — удивленно посмотрел на начальника Эппель, — контроль.

— Понятно. Из ФАПСИ передали, что хотели тебе все уши отрывать через пять минут после того, как ты их закинул, но секретарь СБ отговорил.

— Правильный парень, — похвалил секретаря Эппель. — А ФАПСИ нам сплошной ущерб по технической части приносит, одних “ушей” уже на два миллиона долларов пообрывали.

— На сколько?! — возмутился генерал-полковник и тут же ошарашил Артура Саркисовича вопросом: — Ты Азию хорошо знаешь?

— Более или менее, — с удивлением ответил Эппель и тут же откорректировал: — Превосходно знаю, я же восемь лет в Афганистане прослужил.

— Тогда будешь рад назначению на должность руководителя всей разведслужбы в Таджикистане.

— Понял! — И в глазах генерал-лейтенанта вспыхнул огонь действия и радости. Не надо быть психологом, чтобы понять, что Эппель Артур Саркисович уже напрочь забыл Москву и ее климат, потому что, глядя в окно кабинета генерал-полковника Дождя, он видел не дождь, моросящий на улице, а знойное пространство вокруг берегов реки Пяндж.

Полковник Хромов и Тарас Веточкин вот уже второй раз приезжали на квартиру Стефана Искры, но не заставали его дома. А телефона у Стефана Искры по принципиальным соображениям никогда не было.

— Загулял генерал-майор, — озабоченно, с нотками тревоги в голосе, пошумил полковник Хромов. — Вдову, видимо, тридцатилетнюю нашел.

Полковник Хромов, начиная с двадцати одного года, когда его обожгла неуемная страсть тридцатисемилетней Арнольдине Васнецовой, терапевта из школы милиции, непоколебимо уверовал, что женщины младше тридцати лет в постели занимаются не любовью, а каким-то непонятным спортом с элементами мечтательного мазохизма.

— Слушай, — повернулся к полковнику Тарас Веточкин, — помнишь, я тебе о засущенной кобре, гардеробщике из Большого театра, рассказывал? Так он погиб, сам себе горло разорвал во время премьеры "Жизели".

— Неужели такая плохая постановка была? — отстраненно пошумил Хромов и добавил: — Неспокойно что-то в королевстве "УЖАС".

— Надо принимать меры, — решительно перебил его Веточкин, — и начать с поисков Стефана Искры.

— Поискать-то надо, — задумчиво согласился Хромов. Они расположились на заднем сиденье милиционского "форда", направлявшегося в сторону Нового Арбата. — Но ты ведь знаешь возможности этих летающих крокодилов, у них же сплошная фантастика, а не жизнь.

— Крокодилы? — недоуменно уставился на него Тарас.

— Да это я к слову, — махнул рукой полковник. — Ты слышал из информационных программ или у себя на Лубянке, что в Америке самолет с заложниками захватила одна дамочка, топ-модель, в смысле, тощая, глупая, но, говорят, красивая? Не глупая, конечно, если в одиночку захватила, заставила правительство США считаться с собой так, что они не смогли ей препятствовать. Сейчас самолет летит в Россию.

— Ты хочешь сказать, — Веточкин заинтересованно посмотрел на Хромова, — что это “УЖАС”?

— Именно это и хочу сказать.

— А ты знаешь, — согласился с Хромовым Тарас, — в Техасе мустанг взмыкнул не вовремя, — он задумался, — или вовремя, неважно, и убил англичанина, который на самом деле не англичанин, работал на СБР и имел какое-то, — Веточкин опять задумался, — то есть прямое отношение к “УЖАС”у. Во всяком случае, у него в глазах просматривалось сдерживаемое волевым усилием безумие, точно такое же, как у гардеробщика и того, с кем мы встретились у Стефана Искры. Помнишь ощущение его взгляда, словно циркульная пила в миллиметре от лица вращается?

— Помню, — кивнул Хромов. — А я тебе так и сказал, летающие крокодилы. Но откуда ты знаешь, что он, этот убитый копытами, на СБР работал? Если это они сами сказали, то врут, с ними вообще нельзя разговаривать, правду все равно не услышишь. Я недавно встретил одного приятеля. В армии вместе служили, а сейчас он в СБР служит. Поговорили, выпили, спрашивала, давно ли он стал очки носить, а он их снимает, кладет в карман и на голубом глазу заверяет, что никогда в жизни очки, даже солнечные, не носил.

— Да ты что? — удивился Веточкин. — Тебе еще легкий случай попался. Но мне не в СБР это сказали, а один раввин из Хайфы, моссадовец, друг молодости.

— Так это Чигиринский, я его помню. Для того, чтобы соединить “друг”, “моссадовец”, “еврей”, “раввин”, недостаточно быть просто евреем, надо сначала пожить в Одессе, перебраться в Киев и устроиться в Москве директором планетария. Как он там? И что рассказывал о СБР?

— Я слегка опоздал, и он первый вытащил у погибшего секретную документацию, вахтенный журнал с линкора “Принц Чарльз”, а также зашифрованное спецкодом СБР письмо. Шифр сложнейший, Чигиринский при мне минут сорок бился над дешифровкой, прежде чем прочитал. Парень в письме, если коротко излагать, посыпает всех в нужном направлении и объявляет себя Богом. Мне Чигиринский копии отдал, а вообще-то у него ностальгия по родине.

Хромов нажал на кнопку, и звукоизоляционная стеклянная перегородка опустилась вниз.

— Анатолий, — попросил он водителя, — тормозни у ресторана “Японская кухня”.

— Да ты что, полковник? — вскинулся перепуганный Веточкин. — Какая там к черту, Япония, осьминогов и треску мороженую сырьми жевать, да теплой водкой сакэ запивать, что ли?

— А куда? — флегматично спросил Хромов. — В “Савой”?

— В “Савой”, — кивнул головой Веточкин и уточнил: — Ко мне домой, в смысле.

На улице уже стемнело, Москва расцветилась огнями, становясь в одних местах уютной, в других красивой, в некоторых доброй и умной, но в большинстве мест высокомерной, быдловатой и жестокой.

— Это хотя и милицейская машина, — сказал Хромов, обводя рукою салон “форда”, — но не милицейская. На ней хорошо по прямой трассе за преступниками во время съемок фильма гнаться или перед начальством погарцевать, а в оперативном деле она никакая, дрянь, одним словом.

— Ну да, — хмыкнул Веточкин, — “шестерка” в этом деле не заменима.

— Жена дома? — спросил Хромов у Веточкина, когда они поднимались в лифте. — Или как?

— Дома.

— Аньюточка, — голубем заворковал Хромов, войдя в комнату. — Сколько лет, сколько зим я тебя не видел. А ты все прекрасна, как не знаю кто. — Хромов был мастером на комплименты.

— Леонид, — весело рассмеялась Аньота Веточкина, красавица с уютными чертами лица. — Проходи. Между тобой и комплиментами нет ничего общего. Ты, похоже, с таким же лицом спрашивала у бандитов, куда они спрятали награбленное.

— Аньота, — укоризненно проговорил Хромов, — я с ними вообще на эти темы не разговариваю, они мне без слов всю душу нараспашку выворачивают.

Вскоре Хромов и Веточкин сидели за столом на просторной кухне. Перед ними дымились тарелки с горячим пюре и бифштексом в обрамлении зеленого горошка. А также тонко нарезанные лимоны, грибы под названием “опята домашней засолки”, нарезанная ветчина, соленые огурцы, салат “оливье” в красивой салатнице и классический запотевший графин с водкой. Аньота Веточкина еще раз пытливым взглядом обвела стол, затем не спеша оделась и стала похожа на “Незнакомку” с картины Крамского.

— Вы тут общайтесь, — произнесла она, — а я поехала в Лужники. Сегодня соревнования ответственные. Часов в одиннадцать мы с Сережей приедем.

— Возьми машину, — заботливо посоветовал Тарас жене, — но будь осторожна на дороге.

— Ну, Тарас, — опять расхохоталась Аньота, — спасибо. Я уже десть лет даже в булочную пешком не хожу, до того привыкла к своей машине.

Она чмокнула мужа в щеку, помахала рукой Хромову и ушла.

— Вот это, я понимаю, жена. — Хромов с удовольствием обвел глазами стол и налил по первой рюмке. — Приготовила, накрыла и ушла к сыну на соревнования, чтобы не мешать мужчинам отыхать. И где таких выращивают, скажи, Тарас?

— На Украине, — улыбнулся Тарас Веточкин, поднимая рюмку. — В городе Северодонецке Луганской области.

Глава двадцатая

Урок не пошел впрок. Алексей Васильевич как был наглым, гениальным и безнравственным, так и остался им. Правда, он иногда задумывался, пытаясь что-то вспомнить, но это длилось недолго. Ни о демиургах, ни о своем зависшем в промежуточном мире родственнике он не думал, его память об этих встречах была полностью вычищена. Первым делом по возвращении он зашел к Ивану Селиверстовичу Марущаку и потребовал объяснений.

— Почему вы аннулировали "солнечных", не дожидаясь моего выздоровления?

— Не твое дело, — возмутился Иван Селиверстович, — тем более, что ты до сих пор не выздоровел.

— Ну хорошо, хорошо. — Алексей Васильевич пошел на попятную. — А все-таки нужно было подождать.

— Как же, — усмехнулся Иван Селиверстович, — подождать. — Он недобро взглянул на Алексея Васильевича. — Подождать, пока половина земного шара окажется в руинах. В данный момент ни тебе, ни мне уже не подконтрольны "Улыбчивый" и "Малышка", самые совершенные. Сегодня ночью в Чкаловском совершил посадку захваченный "Малышкой" в Соединенных Штатах пассажирский лайнер с заложниками, 120 человек. Что прикажешь делать?

— А что делать? — равнодушно отстранился от проблемы Алексей Васильевич. — Сделать ничего нельзя, а если они собираются ее арестовать, то это их головная боль, не наша. У них все равно ничего не выйдет, "солнечные" этого класса имеют одинаковое шизоидное поле с телепатическими проявлениями, которые усилило наше обучение. Они чувствуют и понимают себе подобных. Уверен, "Улыбчивый" будет подстраховывать "Малышку", а тогда все эти спецназы государственные и антитеррористические группы бесполезны, как современный авианосец в эпицентре ядерного взрыва.

— Ну хорошо, — кивнул головой Иван Селиверстович. — Меня, допустим, это радует в какой-то мере. Не то, что они погубят много парней из спецподразделений, это меня как раз огорчает, а то, что они непременно придут и убьют, в первую очередь — вас, а потом, возможно, и меня. Если Стефан Искра их не остановит.

— Да вы что?! — сразу же всполошился Алексей Васильевич. — Так что мы здесь сидим? Надо спуститься в лабораторию, вызвать немедленно ассистентов, блокировать и работать. У меня там два психа в боксах содержатся. К тому же есть идея спаренного клона и есть один сюрпризик, я его недавно добыл, не отдал ни Богу, ни черту, новая, кстати, энергия, такой на Земле ни у кого нет. Через год, два, а то и целых три "суперсолнечные" будут готовы, а мы надежно защищены. Комфортное жизнеобеспечение лаборатории рассчитано на пять лет, а там они нас не достанут.

— А хо, не хо кукареку? — В гневе и сильном возмущении Иван Селиверстович облекал свою мысль в колючую броню фило-

логического изыска, спаренного с взлохмаченной, "сеновальной" метафорой.

— Это что там у тебя за сюрпризик? Эти сюрпризики у меня уже всю печенку разъели. — Он резко развернулся во врачающемся кресле к холодильнику, открыл его, достал бутылку "Столичной" и граненый стакан, наполнил его до краев и выпил, не закусывая и не морщаась. Секунду подумав, опять налил и в том же темпе выпил, после чего прямо из вазочки, стоящей в холодильнике, набрал полную ложку черной икры и закусил. Слегка успокоившись, повернулся к Алексею Васильевичу и сказал: — Я ваш пропуск в лабораторию аннулировал на месяц. Вы после болезни ослабли, вам нужен отдых. За порядком в лаборатории будут следить самые опытные ассистенты. Насчет агрессии против нас оставшихся "солнечных" не беспокойтесь, я запросил в МОАГУ "лунных бабочек".

— Запросить "лунных бабочек", — неприязненно посмотрел на Ивана Селиверстовича Алексей Васильевич, — еще не значит получить их. Они ведь сами принимают решения, над ними власти нет.

— Следовательно, судьба у нас такая, — окончательно впал в добродушное состояние Иван Селиверстович. — Чему быть, того не миновать, — назидательно поднял он палец кверху и, благостно махнув рукой, добавил: — Иди ты... Алексей Васильевич, не мешай работать.

Алексей Васильевич раздраженно встал и, покинув кабинет Ивана Селиверстовича, направился к проходной. Его сопровождали три телохранителя обычного, хотя и высокого класса.

После того как Алексей Васильевич ушел, Иван Селиверстович прикрыл глаза и заснул в кресле. Ему снилась река Маныч, и еще он сам, только ребенком. Он подсек удочкой какую-то крупную рыбку, и она мощными рывками дергалась в глубине, но почему-то не он ее вытаскивал на берег, а она его втягивала в воду...

Стефан Искра, отпущеный на выходные Иваном Селиверстовичем, на своем видавшем виды "ниссане" ехал по Ярославскому шоссе в сторону Чкаловского военного аэродрома. Он знал, что сегодня поздно вечером сюда прибудет захваченный "Малышкой" пассажирский самолет с заложниками, и то, что ее непременно будет встречать "Улыбчивый". Стефан Искра любил "Малышку" заботливой любовью первого учителя, то есть совсем не так, как любили ее другие представители мужского пола. По негласной традиции "солнечные" не применяли друг к другу гипнотические возможности систем, по которым их обучали. "Малышка" обучалась по системе "Черная вдова", в эту систему входили занятия по манипуляционно-аккордным элементам психологического воздействия на окружающих. "Малышка" действовала на мужчин как удав на кролика, как вода на огонь, как смерть на жизнь, устоять не мог никто. Своей любовью она уничтожила в США сорок

человек, среди которых было четыре сенатора, они скончались от сердечного приступа, три конгрессмена, начальник агентурного отдела ЦРУ и много ученых. "Малышка" осуществляла параллельную охрану одного из высокопоставленных чиновников МОАГУ, элохима, а те, кого она убила, в той или иной мере угрожали или могли угрожать его политической линии, ну а ученые работали над новыми видами оружия, способного нарушить охраняемый "Малышкой" ход событий. МОАГУ иногда ворчало на "УЖАС" по поводу методов работы созданного ими "Солнечного", но в принципе не особо обращало на это внимание, лишь передало для "Малышки", через Ивана Селиверстовича, список лиц, трогать которых категорически запрещалось. "Малышка" помнила их поименно, всего-то пять тысяч человек...

...Стефан Искра не хотел, чтобы "Малышка" и "Улыбчивый" погибли, он знал, что на этот раз с ними ничего не случится, вряд ли сработают методы захвата. Захват самолета с заложниками для "солнечных" просто шалость. Если бы "Малышка" была подконтрольной, ей влепили бы выговор и отстранили от заданий, наказав бездельем, самым тяжелым наказанием для "солнечных убийц", которым для достижения цели совсем не нужно захватывать самолеты, хотя как это делается, знали все. Эти знания входили в общую физическую спецподготовку, осуществляющую Святым Николаем Борисовичем, старшим инструктором всего личного состава "УЖАС"а. Но "Малышка" не была подконтрольной и не был подконтрольным "Улыбчивый". "Ну и шороху они сегодня здесь наведут!" — подумал Стефан Искра, медленно двигаясь по шоссе вдоль бетонного забора военного аэродрома. Он свернулся на охраняемую бетонку, ведущую к территории аэродрома, и через несколько метров был остановлен широкоплечим капитаном.

— Ваши документы?

— Возьмите, — протянул ему удостоверение заместителя директора ФСБ Стефан Искра.

— Проезжайте, — козырнув капитан, с недоумением косясь на потрепанный "ниссан".

Стефан Искра въехал на аэродром и уже через полчаса выяснил качество сил, прибывших на встречу захваченного авиаляйнера. Качество было очень высоким, но явно недостаточным для встречи "Малышки" и где-то рядом находящегося "Улыбчивого".

На выезде Стефан Искра притормозил у поста. На этот раз его остановил другой офицер-спецназовец и тоже, пропуская, взял под козырек. "Безобразие, — огорченно думал, возвращаясь в Москву, Стефан Искра. — Фамилия первого заместителя директора ФСБ Власенко, а я показываю удостоверение с фамилией Тайрыкурдюмов, и хотя бы кто ухом повел. Ох, не я их командир, они бы у меня быстро поняли, что такое служба".

Диспетчерская служба Шереметьево испытала небольшой шок, точно так же, как диспетчерская служба военного аэродро-

ма Чкаловский, ожидающая самолет с заложниками. "Малышка" потребовала от командира экипажа совершил посадку в Шереметьево, независимо от того, будет дано разрешение или нет. Командир экипажа, не долго думая, именно так и сообщил на диспетчерский пульт: "Даете или нет разрешение на посадку, я все равно сажусь, — и, помедлив немного, добавил: — Как Бог на душу положит". Сразу же возникла легкая сумятица, и разрешение на посадку дали. Единственными, кто не испытал при этом неудобств, были антитеррористическая группа "Альфа", мобильное отделение "Молния" ФСО и та часть ФСБ, которая занимается угонами самолетов, — они все просчитали. Изучив уровень профессионализма угонщика, исходя из данных, полученных из США, в ФСБ сразу же поняли, что лайнер совершил посадку не там, куда ему разрешат с земли, а там, где захочет угонщик, и поэтому силы распределились поровну, часть была готова к выезду в Шереметьево, а часть расположилась на аэродроме в Чкаловске. Остальные аэропорты хотя и брались во внимание, но по какой-то неясной причине не серьезно.

Почти одновременно с группами захвата прибыли журналисты. При этом никто из них не мог объяснить, откуда они добыли информацию, что угнанный самолет приземлился именно на неожиданном Шереметьево, а не на официально объявленном для СМИ аэродроме в Чкаловске. В группе "Альфа" и среди специалистов "Молнии" присутствовало легкое оживление. Все примерно представляли, как выглядит террористка: альфовцы склонялись к варианту "слегка красивее и моложе Шарон Стоун", а бойцы "Молнии" были склонны к миниатюрной японичке, у которой груди, как у "Бриджит Бордо в молодости". Поэтому как гром среди ясного неба прозвучало сообщение командира экипажа, что "террорист выпрыгнул из самолета при заходе на посадку, предварительно избавив заложников от гранат на шее". Действительно, гранаты и шнур "У" оказались сложены в хвостовой части, а дверь лайнера была открыта. Немедленно бросили все силы для прочесывания местности в поисках трупа...

— Нет, не трупа, — отрицательно покачал головой министр МВД. — Нужно искать живую, здоровую и очень красивую женщину, при обнаружении которой нужно ложиться на землю, закрывать глаза и спокойно ждать, когда тебя унесут на кладбище.

— Интересная женщина, — восхитился замминистра генерал-майор Егоров. — Вот бы жену такую.

Шикарный "мерседес" с затемненными и звуконепроницаемыми стеклами мчался, вызывая восхищение и зависть владельцев других автомобилей, по направлению к Москве со стороны Шереметьево. В салоне "мерседеса" находились трое молодых мужчин. Их лица, одежда и то, как они общались друг с другом, говорили о том, что это люди богатые, жестокие и достаточно развращенные.

Алимар Бекетов, тридцатилетний владелец семидесяти заправочных станций Москвы и Подмосковья, и его компаньон и двоюродный брат Рафик Гурджанов только что встретили в аэропорту киллера Юрия Ивановича Ноту, бывшего биатлониста, прилетевшего из Франции, где он месяц отдохнул в Ницце, транжирия, в основном на женщин, деньги, полученные за убийство крупного предпринимателя из Якутии, приезжавшего, на свою голову, по каким-то своим делам в Москву. Разговор мужчин был легким, непринужденным и совсем не касался серьезных тем. Салон "мерседеса" это целый мир: раздельная система кондиционирования, электрическое регулирование задних сидений, бар, ДВД-плеер с телевизором.

— Я ей говорю, — захлебываясь от смеха, рассказывал Рафик Гурджанов, — а ты можешь шпагат сделать прямо на мне? А она отвечает, надо попробовать. Ну, я скажу, класс!..

— Серьезно, что ли? — оживился Юрий Нота, развалившийся на заднем сиденье со стаканом красного вина в руке. — Шпагат во время секса — это оригинально. Надо сегодня вызвать девочку в сауну.

— Ну и как тебе француженки? — поинтересовался Рафик.

— Знаешь, — усмехнулся Нота, — слухи о сексапильности француженок сильно преувеличены, мне там негритоска одна понравилась, а не француженки. Это было нечто. А вообще самые красивые женщины, которые умеют все, живут в Москве. Вот уж мастерицы...

— Как эта, — оборвал их беседу Алимар Бекетов, сидевший за рулем. — Таких во Франции не встретишь. — И он плавно притормозил у обочины возле голосующей девушки.

— Мне в Москву, — улыбнулась девушка Алимару, и тот мгновенно по-настоящему влюбился.

— Пожалуйста, садитесь. — Алимар открыл заднюю дверь и, повернувшись к Ноте, резко бросил: — Сядь нормально и не вздумай руки распускать, поотрываю. — О, женщины, извечное яблоко раздора среди мужчин. С Юрием Ивановичем Нотой нельзя было так разговаривать в принципе, но Алимар Бекетов, понимая, что совершает ошибку, все же продолжал: — И разговаривай при dame без сальностей и матов.

— Спасибо, — улыбнулась девушка, садясь сзади, и воскликнула: — Как у вас здесь красиво!

“Я женюсь на ней, чего бы это мне ни стоило”, — подумал Алимар Бекетов, трогаясь с места. “Я бы на такой женился, — подумал Рафик, не в силах отвести восхищенного взгляда от лица девушки, — и всю бы ее в меха, шелка и драгоценности укутал”. “Ни хрена себе шлюха, — зло и потрясенно пульсировал желанием Юрий Нота. — Зацеловать бы такую до смерти”.

Ни одно из этих желаний не осуществилось. Их убили так быстро, что даже выражение лиц на трупах не успело измениться: у Алимара Бекетова было умиленное и слегка сосредоточенное, как

у всех водителей, у Рафика Гурджанова — восхищенное, а у Юрия Ноты — похотливое. "Мерседес" все так же величественно ехал по направлению к Москве. Но вот в его движении появилась нервозность, и он резко остановился перед стоящим прямо на шоссе человеком. Дверца распахнулась, и девушка медленно покинула водительское место. Нежно улыбаясь, она выпрямилась, почтительно-восторженно глядя в глаза мужчине. Он смотрел на девушку так же влюбленно и нежно. Мимо них проносились автомобили, водители сигналили, чуть ли не сворачивали себе шеи пассажиры, настолько колоритными выглядели мужчина и женщина рядом с "мерседесом".

— Я шел навстречу тебе, богиня! — сказал мужчина.

— А я летела навстречу тебе, мой бог.

Грустная улыбка осени наиболее заметна в парках, и Таганрог в этом случае не исключение. Парк и осень. Мокрые скамейки, желтые листья, моросящий дождь. Опять осень. Всегда осень. Весна где-то там, в абстрактном. В это время она всегда и навсегда в прошлом...

На плавучем понтоне, покачивающемся на волнах, стоял высокий человек в хорошо спитом длинном кашемировом пальто. Это был городской прокурор Миронов, он прощался с городом и потому пришел к морю...

Дело совсем не в том, что Миронову не хотелось уезжать из города, нет, ему этого хотелось и даже очень. Куратор Генеральной прокуратуры по Северо-Кавказскому округу — это серьезное повышение в должности, и пренебрегать этим то же самое, что пре-небречь жизнью вообще. Его тревожило другое. После операции в "Склифе" он стал чувствовать в себе чью-то постороннюю, совершенно незнакомую ему самостоятельность. Одним словом, Миронов столкнулся с тем, что в психиатрии называют "раздвоением личности", но в его случае эти "личности" как бы работали в паре, не давая друг другу совершать ошибки на пути к вершинам карьеры. Эта инородная самостоятельность слегка пугала Миронова, более того, он напрямую это связывал с той операцией и с тем невысоким человеком, который задавал ему вопросы о смерти...

Миронов созвонился с Тарасом Веточкиным.

— Привет, прокурор, — Веточкин не дал ему рта раскрыть, — поздравляю с повышением, ну ты даешь, молодец.

— Откуда ты знаешь? — флегматично удивился Миронов. — Я сам только вчера узнал.

— Я же не грибами в переходах торгую, — возмутился Веточкин. — Кстати, Хромов тоже передает тебе свои поздравления.

— А Стефан Искра? — поинтересовался Миронов. — Я хотел позвонить, но, оказывается, у него нет телефона.

— Стефана пытаемся найти, — сразу же стал серьезным голос Веточкина. — Но давай не будем говорить об этом по телефону.

...Ни Миронов, ни Веточкин, ни Хромов не могли знать, что в данный момент Иван Селиверстович получил на свой тщательно закодированный, личный электронный адрес послание с одним лишь словом: "Точка".

— Что это означает? — спросил стоящий рядом с ним Стефан Искра.

— Смотри сам, — ответил Иван Селиверстович, — и увидишь.

Сразу же после этого послания была отключена — мгновенно! — спецсвязь и погасла светящаяся точка в районе тибетской Поталы на электронной карте в кабинете Ивана Селиверстовича.

— Все, — развел он руками и посмотрел на Стефана Искру. — МОАГУ исчезло, самоликвидировалось.

Алексей Васильевич Чебрак, несмотря на свою гениальность, был очень предусмотрительным человеком. Иван Селиверстович Марущак совершенно зря пугал его опасностью, исходящей от не-подконтрольных "Улыбчивого" и "Малышки". Алексей Васильевич лишь делал вид, что пугался. На самом деле все "солнечные", кроме Стефана Искры, были сотворены из шизофреников одного с ним "демиургового поля". То есть они могли не испытывать перед ним благородства, но и причинить вред тоже не могли в силу непонимаемой ими самими принадлежности к одному виду. Алексей Васильевич по некоторым признакам, а также благодаря потрясающему инстинктивному чутью, в какой-то момент почувствовал, что вся структура МОАГУ в общем, и "УЖАС" в частности, будет ликвидирована по инициативе самого МОАГУ. Это говорило о том, что глубинный мир меняет стратегию и стиль общения с поверхностью миром. Поэтому Алексей Васильевич был рад предоставленному отпуску, ему совсем не хотелось участвовать во всей этой ликвидационной суматохе и тем более не хотелось столкнуться с "лунными бабочками", которые были для него непостижимы и, в отличие от "солнечных", опасны. Кто знает, в чем заключена ликвидация такой глобальной структуры, как МОАГУ?

Сразу же после ухода от Ивана Селиверстовича, Алексей Васильевич приехал в свой загородный дом, переоделся, взял небольшой, но достаточно тяжелый саквояж с деньгами, 300.000\$ и 150.000 рублей, спустился в подвал дома и по низкому, но хорошо укрепленному лазу, незаметно для находящейся во дворе охраны, покинул дом. А ровно через три часа он уже сидел в плацкартном вагоне поезда "Москва-Одесса" и вел, разворачивая про-масленную бумагу с завернутой в ней жареной курицей, беседу с женщиной, возвращающейся домой в село Троицкое Ростовской области от сына, лежащего в госпитале имени Бурденко после ранения в голову.

— Врачи хорошие, вылечили, даже инвалидности не будет. Говорят, через месяц домой вернется. Слава тебе, Господи. Жену его, может, и внуков понянчу. Плохо только, что с работой на селе сейчас трудно. Хотя главное, что жив, а там все образуется.

— Да, — печально вздохнул Алексей Васильевич Чебрак, подаяя курицу, — трудно народ живет. За какие только грехи нам такое наказание?..

Старенький плащ и фуражка Алексея Васильевича висели у изголовья нижней полки, саквояж стоял под полкой, в кармане пиджака лежали давно подготовленные идеальные документы на имя Лутошникова Василия Алексеевича, хирурга с десятилетним стажем, и ехал он в Ростов-на-Дону для работы и жительства, ибо по состоянию здоровья ему было строго противопоказан московский климат и московская суэта...

Глава двадцать первая

Иван Селиверстович Марущак задумался. После получения сигнала "Точка" с него как бы сняли присягу на верность и сняли ответственность — он сразу же вспомнил, что он бывший генерал КГБ... Нет, определенно, то, что заложено профессионалами в молодости, к старости лишь укрепляется, поэтому так неизбытна и так остра проблема "отцов и детей". Преемственность долговечна лишь на уровне личного куска хлеба, а на идеологическом она комична. Впрочем, мир и люди в нем — это не всегда одно и то же, но данное определение не поддается объяснению.

Иван Селиверстович набрал хорошо ему известный номер телефона директора ФСБ.

— Приемная, — раздался голос секретарши. Видимо, тут же вспомнив о профессиональных обязанностях, она добавила: — Говорите, я вас с удовольствием слушаю.

Иван Селиверстович молча положил трубку и позвонил по "кремлевке". Спецсвязь с Тибетом была отключена, но все местные наработки остались с "УЖАС"ом.

— Директор ФСБ у телефона, — доложили ему на том конце провода.

— Раз у телефона, — медленно начал Иван Селиверстович, — тогда слушай внимательно. Больше ты такого никогда не услышишь.

Игорь Баркалов и Алексей Ласточкин получили команду "полная боевая готовность" почти одновременно, хотя и в разных местах: Ласточкин в это время выводил свое такси на маршрут, а Игорь раздраженно протирал половинкой лимона серебряные вилки...

— Слава тому, кто наверху, — пробурчал вслух Игорь, увидя, как на его пейджере зажглась надпись "Не забывай надевать теплые носки. Мама". — Короче, всему небесному коллективу слава.

— Машина сломалась, — заявил Ласточкин уже занявшим места в салоне обескураженным пассажирам. — Прошу получить деньги обратно и покинуть салон.

— А что случилось? — спросил у него хмурый и, судя по лицу, невыспавшийся мужчина. — Я автослесарь, могу помочь.

— Мотор украли, — доверительно сообщил ему Ласточкин. — Открываю капот, а там пусто, лишь записка лежит “Мотор”.

— Умник, — буркнул мужчина и добавил для убедительности: — Хренов.

Профессор права и юридической независимости МГУ Суланов Лотар Гаврилович оборвал на полуслове беседующего с ним ректора университета потрясающей фразой:

— Все, ваше время кончилось, я должен срочно идти в ресторан.

— Чего? — простодушно удивился ректор, но вспомнив об интеллекте, добавил: — Можете там и оставаться, я расторгаю с вами договор...

Биочип “Верность” внушал мысль и заставлял следовать этому внушению. Применялось это только в экстраординарных случаях и только по воле Ивана Селиверстовича Марущака...

— О Господи! — схватился за голову министр во время заседания правительства. — Елки-палки!

— В чем дело? — встревоженно посмотрел на него премьер-министр России. — Утюг забыли выключить?

— Да нет, — смущаясь министр, — выйти надо часиков на пять.

— Идите, — махнул рукой премьер, — от вас все равно никакого толку нет...

Именно этим и занимался Иван Селиверстович Марущак, сидя перед манипуляционным пультом отдела “ЧЕТЫРЕ”. Он посыпал на биочипы приказы...

— Зачем нужны эти опыты?! — возмутился трижды лауреат Государственной премии и лауреат Нобелевской, академик РАМН, вирусолог, бросая в стерильную камеру со штаммами редких и опасных вирусов окурок. — Пойду лучше в кабак и выпью как следует...

— И сколько у вас этих чипоносителей? — осторожно спросил у Ивана Селиверстовича директор ФСБ, с любопытством наблюдавший за его действиями у пульта.

— В Москве сто человек, — хмуро сообщил низложенный глава некогда могущественного “УЖАС”а.

— Всего-то, — скептически хмыкнул стоящий тут же начальник академических разработок СВР и обратился к своему боссу: — Я пойду?

— Куда? — равнодушно поинтересовался у него глава СВР.

— Мне в ресторан, в “Первую скрипку” надо...

— Всё, — отошел от операционного стола Михаил Лутоненко, — будет жить.

— Вы сейчас куда, Миша? — кокетливо поинтересовался у Лутоненко ассистент, талантливейший, но по всем признакам “голубой” его ученик. — Вам попутчик нужен?

— Я на гулянку, — строго, но не грубо одернул его Лутоненко. — В смысле в ресторан и без попутчиков тоже, в смысле...

— Почему вы решили раскрыть нам все карты? — продолжал “допрашивать” Ивана Селиверстовича директор ФСБ,

— Устал я, — буркнул Иван Селиверстович, — на Маныч, домой хочу...

— Ну, приступайте к работе, — пожал руку Миронова Генеральный прокурор. — Будьте неотвратимы как перст судьбы для нарушителей.

— Буду, — вполне искренне заверил его Миронов, которому почему-то захотелось выпить водки в каком-нибудь ресторане...

Такого москвичи еще не видели, хотя кто-то, а москвичи столько всего перевидали, что уже — и давно — видеть ничего не хотят... Между кинотеатром “Россия” и рестораном “София”, после невзрачных железных ворот с надписью “АО Ферминмет” стояла странная очередь машин и людей. Поражала не столько очередь, сколько ее контрастность: за невзрачной “копейкой” пристроился роскошный “кадиллак” с двигателем “Норштарт В8” мощностью 452 л.с., системой ночного видения и бортовым компьютером, а за “кадиллаком” скромно грустила робкая “ГАЗ-24”, в хвост которой пристроился вальяжный “роллс-ройс”, этакий сибарит среди бедных и богатых хамов. Люди “безлошадные”, медленно двигающиеся в очереди в самый престижный ресторан Москвы категории “Герцог” под названием “Первая скрипка”, были известными и высокодуховными. Известный поэт, изобретатель видеоматики, стоял за уже достаточно выпившим секретарем МИДа, а впереди грустно и понуро высился куратор Генеральной прокуратуры Миронов, которого, к счастью, заметил выехавший для визуального осмотра странной очереди Хромов.

— Миронов, — окликнул его полковник, — ты что здесь делаешь?

Хромов, хорошо знакомый с рестораном “Первая скрипка”, находившимся в оперативной разработке МУРа, сразу почувствовал в позе Миронова какую-то неестественность, будто друг находился под влиянием неподконтрольного ему насилия. “Неужели и здесь “УЖАС”? — подумал Хромов и почему-то сразу же вспомнил об операции в “Склифе”, ибо увидел в этой очереди Михаила Лутоненко.

— О! — обрадовался Миронов, выходя из очереди. — Леонид! Здравствуй, а я вот решил водки хорошей выпить в ресторане, но не думал, что здесь такая очередь.

— Конечно, — задумчиво предположил Хромов, — водки. Да ты садись ко мне, Сергей Анатольевич, я тебя отвезу в то место, где водка в сто раз лучше, чем здесь.

— Не-е, — протянул Миронов, опасливо поглядывая, как бы не заняли его место в очереди. — Я лучше здесь.

— Понятно, — неизвестно кому сообщил Хромов и махнул рукой находившимся рядом с его "фордом" патрульным. Когда те подошли, он указал на Миронова и приказал: — В наручники этого и в КВЗ до моего приезда.

Глава двадцать вторая

ПРОСТИ МЕНЯ, МОЙ ЧИТАТЕЛЬ! Леня Светлогоров ровно через два дня после возвращения в психиатрическую больницу повесился по-настоящему! Почему он это сделал, я не знаю. Судьба, видимо. Кто может дать ответ на этот вопрос? Никто! А кто попытается, тот и солжет. Дорога в великую созидательную ПУСТОТУ пролегает через АД, затем через Рааай. Других путей нет, и этими путями мы все пройдем. Сорока дней мучений после смерти не избежать даже святому...

НИКТО НЕ МОЖЕТ И НЕ ДОЛЖЕН ПРОЧИТАТЬ НЕКРОНОМНИК!

А Саша Стариков нашел эти свитки. Несмотря на то, что вор в законе Италия после последнего удара по голове стал окончательным и беспросветным идиотом, Саше удалось выяснить, где находятся так сильно интересующие его древние рукописи. Почему они его интересуют, Саша объяснить не мог, но и не желал этого объяснения. Степа Басенок, закончив беседу-допрос свидетельницы Кныш Светланы Анатольевны, пожал плечами и обратился к Саше:

— Прямо не знаю, что и сказать. Тайник у Италии, предположительно, исходя из показаний его супруги, где-то на металлургическом заводе, ориентировочно в цехе, где стоят мартеновские печи. Ты веришь в эту лабуду? — Степа хмыкнул. — Мартеновский цех, полно народа, и вдруг тайник вора в законе... Это же не фильм Хичкока.

— Я не верю, — ответил Саша Стариков, доедая бутерброд с домашней сметаной, огурцом и помидором, приготовленный Варварой Егоровной, матерью Степы Басенка. — Но проверить надо.

"Рыши!" — неожиданно вскинулся спавший у его ног Пуаро и с тревогой посмотрел на хозяина.

— Вот, — рассмеялся Саша Стариков, — устами младенца глаголет истина.

— "Рыйигаа!" — отмахнулся от этого утверждения сенбернар, но его, как и всех в мире собак, никто из людей не понял...

Мартеновский цех металлургического завода — жаркое и огненное место.

— Ну, — протянул Саша Стариков, — вряд ли мы здесь что-нибудь найдем.

Но они нашли. В раздевалке цеха, в шкафчике рабочего Григорьева под номером шестнадцать. Григорьев не выходил на рабо-

ту уже больше месяца, был на больничном: зацепившись за сток воды на кафельном полу в душе, он в результате падения сломал ногу. Свитки лежали — как бы в подтверждение истины “самое незаметное место это самое заметное” — в кармане его рабочей робы. Григорьев был двоюродным братом Кныша. Он спрятал свитки по его просьбе, абсолютно не ведая об их ценности и криминальности. Светлана Кныш слышала обрывки разговора Италии с Григорьевым и сообщила о тайнике Степе Басенку.

Саша Стариков развернул рукопись... Но вдруг Пуаро, находящийся рядом с оперативниками и всюду сующий свой любопытный нос, выхватил ее из рук Саши и, зажав в зубах, бросился из раздевалки.

— Стой! — закричал Саша. — Будь другом, отдай!

Пуаро всей тяжестью тела обрушился на дверь раздевалки, открыл ее и побежал в цех к доменной печи.

— Стой! — Саша уже почти догонял пса. — Не будь собакой!

Но Пуаро остался собакой. Он прыгнул вместе с рукописью прямо в раскрывшиеся створки мартеновской печи и мгновенно растворился в огне... НЕЛЬЗЯ, — гласит древняя мудрость, — ЖИВЫМ ЗНАТЬ ТАЙНУ МЕРТВЫХ... Как жаль, что уже давно вымер на земле человек породы СЕНБЕРНАР.

Иван Селиверстович Марущак сдал в руки России весь человеческий арсенал своего ведомства. Это не было предательством, это было обязанностью, которая вполне ясно выражена в параграфе его договора с МОАГУ: “Если поступил сигнал “Точка”, вы обязаны сообщить о своем присутствии в мире правительству страны, в которой базируетеся...”

Арестовали всех толпящихся возле входа в ресторан “Первая скрипка”, а спустя несколько часов всех и выпустили — слишком громкими были имена. Мир, окружающий Россию, не стал мириться с этим и возмутился... Но Игорь Баркалов был вполне доволен операцией. Ему удалось задержать управляющего рестораном с десятью килограммами героина. Нормальный ход событий. Он получил звание капитана, не напрягаясь на курсах по повышению, и вернулся в Таганрог “отличником”.

— Может, останешься в Москве? Прописку и жилплощадь гарантирую, — спросил у него министр внутренних дел, вручая денежную премию и благодарность от министерства.

— Да нет, — улыбнулся Игорь. — Я лучше домой.

— Молодец, — не мог сдержать ответной улыбки министр. — Буду о тебе помнить...

Оказывается, Земля видится голубой не только из космоса, но и изнутри.

Бликующий и алогичный контур в зеркальном исполнении не удивил далай-ламу. Он был чужд удивлению.

— Пойдем, — сказал лазурный лама, — в конце концов ты должен знать, что знал всегда, во все свои реинкарнации.

Понятие “пойдем” в толще хорузлитно-лунитной оболочки в корне отличалось от такого же понятия на поверхности земли. Лазурный лама как бы отобразил в своей зеркальности нужное пространство, и у далай-ламы создалось ощущение, что они остались на месте, а пространство хорузлита стало двигаться им навстречу. Ощущение было бы полным, но интенсивность бликования лазурного ламы показывало, что движутся все-таки они. Неожиданно для самого себя далай-лама понял, что он уже не телесен, а как и лазурный лама, контурен и зеркален...

Необъяснимое словами действие хорузлитно-лунитной оболочки можно охарактеризовать одной фразой — Безмятежность. Этого никогда не понять людям поверхности. Представьте, что вы абсолютно защищены от суеты, от забот о хлебе на-сущном, от страха, тревоги, неудовлетворенности. Вы точно знаете, что вас не обижают, не ударят и не убьют. Знаете, что вас любят и ждут. Вы не ведаете о скуче, не терзаетесь думами о смерти. Вам не приходится задумываться о здоровье, ибо вас не облегает со всех сторон самый коварный и подлый предатель — тело человеческое. Вы... в общем, представили и теперь забудьте — это грубая профанация сути.

...В хорузлитно-лунитной оболочке все по-другому, никаких аналогов на поверхности земли подобрать невозможно.

— Зеркала — чарующие и главные соглядатаи земли, — сказал лазурный лама далай-ламе. — Человек, взглянувший на себя в зеркало, передает о себе и своем мировоззрении информацию нам. Одним словом, мы контролируем мир и уважаем тибетское учение. Вы единственные, кто запрещает своим последователям смотреться в зеркала. Раньше это запрещали все религии мира, но они слишком быстро потеряли нить истины.

— Зеркала? — переспросил далай-лама.

— Да, — вспыхнул в его мыслях ответ, — и кошки, самые умные агенты поверхности.

— Что будет с Землей? — Далай-лама не был бы далай-ламой, если бы не умел задавать точные и важные вопросы.

— Мы переведем человечество в режим клонирования, — услышал он в ответ бликующее откровение. — С каждой копией оно будет избавляться от интересующей нас энергетики высшего созидания. Примерно на третьем повторении клонирования поверхности человечество станет бездуховно-футлярным, и мы сбросим оболочку земли для увеличения скорости на пути к Апокалипсису. Ведь мы должны спасти не людей, а их души и АД, в котором они временно хранятся. Впрочем, все это грустно для вас, правитель Тибета, лучше взгляните, как красивы Гималаи изнутри...

Гималаи изнутри были великолепно и многоцветно красивы...

Хроника современности (мировая клон-эпопея)

Начало 50-х. В Америке получена первая в мире лягушка из ядра клетки раннего лягушачьего зародыша.

1981-й. В Колумбийском университете получены три клонированных человеческих эмбриона. Впоследствии их развитие было приостановлено.

1987-й. В Университете имени Дж. Вашингтона разделили клетки человеческого зародыша и клонировали их до стадии 32 клеток. Однако зародыши были уничтожены.

1997-й. Появление овечки Долли.

1997-й. Чикагский ученый Ричард Сид объявляет о намерении открыть клинику по клонированию людей.

1998-й. Разработана европейская конвенция о правах человека и биомедицине, запрещающая проведение опытов по клонированию людей.

1998-й. В Японии "способом овечки Долли" клонировано два теленка-близнеца.

1998-й. Доктор Сид ведет переговоры о создании лаборатории по клонированию человека в Японии, где нет запрета на эту деятельность.

1999-й. Американская частная биотехническая компания объявила, что ей удалось клонировать человеческий эмбрион, который до уничтожения прожил 12 дней.

2000-й. В Великобритании снимаются законодательные ограничения на клонирование человека с целью производства запасных органов...

Эпилог

Самвел Тер-Огонесян был одет в светло-серый, классического стиля, костюм, дополненный крапчатым галстуком в тон и белой рубашкой. А Глория Ренатовна Выщух была в платье из французской тафты, купленном на Елисейских полях, — нежнейшего цвета чайной розы, на тонких бретельках, струящееся до пола и изредка открывающее узкие туфли, на тон темнее. Загорелые плечи покрывала накидка, время от времени спадающая и обнажающая красивую спину, а колье из серого жемчуга мелким дождем рассыпалось вокруг шеи невесты, в руках она держала небольшой букет из роз и ромашек...

Я был на этой свадьбе, стоял в стороне и придерживал за полу кителя представителя военкомата, который принес Глории Ренатовне Выщух повестку с отнюдь не праздничным текстом:

"Ваш сын, Вячеслав Александрович Кракол, сержант, пал геройской смертью, спасая свой взвод в бою под Урус-Мартаном. Он представлен к званию Героя России — посмертно".

Все?..

Р. С. "Малышка" и "Улыбчивый" где-то совсем рядом с нами и, поверите мне, это очень опасно.

Себя приговори

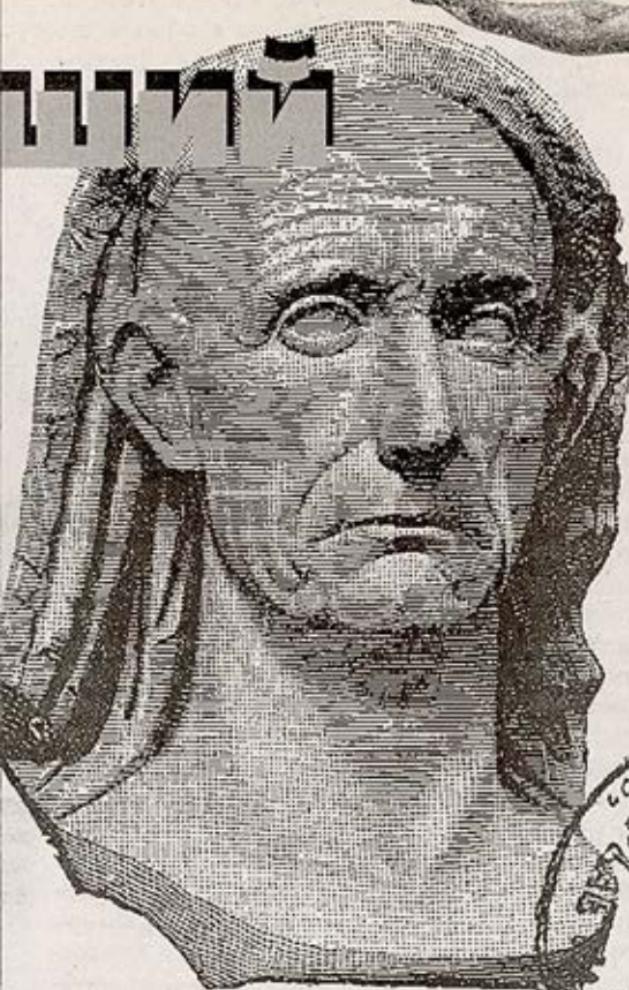
Иван ЗЮЗЮКИН

Странно: два основных жизнеописания Гая Юлия Цезаря — грека Плутарха и римлянина Светония — дойдут до наших дней обрублеными в одном и том же месте: без первоначальных глав, посвященных рождению и детству героя. Лишь из косвенных источников узнаём, что Цезарь или, как когда-то писали, Кесарь появился на свет то ли в 100-м, то ли в 101-м году до н.э., причем нетрадиционным способом — с помощью “кесарева сечения” — в месяце квинтилии, переименованном впоследствии в честь него, Юлия, в июль. У Светония он предстает уже шестнадцатилетним юнцом, а у Плутарха и того старше: молодым женатым человеком...

Зато остальная жизнь Цезаря хорошо известна и так расписана по годам и месяцам, словно он жил совсем недавно. Это объясняется тем, что он, едва оперившись, уже заметно влияет на дела и события в Риме. Но с чего он начнет вхождение в большую политику? Как ни странно для отпрыска знатного рода и будущего императора — с элементарного спасения собственной шкуры. Переодетый в тряпье, юный патриций бродит по горам и долам Италии, спасаясь от солдат того, кто хочет убить его — диктатора Корнелия Суллы. Этот правитель Рима преследует всех, кто имеет хоть какое-то отношение к покойному консулу Марию, когда-то вынудившему Суллу бежать из Италии и долго прозябать в изгнании. А Цезарь — племянник вдовы Мария. Именно Сулла первым распознает в подростке великого властолюбца. Как пишет Светоний, когда Суллу уговорят сменить по отношению к Цезарю гнев на милость, диктатор в сердцах воскликнет: “Ваша взяла, получайте его! Но знайте: в том, о чём спасении вы печетесь, таится смерть Мария!”

Однако напрасно стареющий Сулла тратит порох: Цезарь и без него знает себе цену. И — какую цену! “Род моей тетки Юлии восходит к царям, — гордо заявляет он на похоронах своей именистой родственницы, — по отцу же к бессмертным богам... Вот почему наш род неприкосновенен, как цари, как боги, которым подвластны самые цари”. Выросший в богатстве, впитавший в себя утонченную культуру своей среды, взращенный на убеждении, что такие, как он, не просто призваны, а обязаны править миром, Цезарь словно бы заранее знает, что ему уготована за-

ЦЕЗАРЬ

главная роль в истории, и носит в себе эту миссию так уверенно и бережно, как носит в себе ребенка здоровая, счастливая в браке женщина...

Не поверив в доброту и милосердие Суллы, молодой Цезарь уедет в Малую Азию и вернется в Рим, лишь когда диктатор умрет. Едва оглянувшись на родине, он организует судебные процессы и выступит с обвинительными речами против взяточников и казнокрадов из числа высокопоставленных чиновников,

чем сразу приобретет популярность среди простых граждан республики. Свою напористость он гибко сочетает, как выражается Плутарх, с "ласковой обходительностью". Занимая в долг большие деньги, молодой аристократ устраивает игры и гладиаторские бои для простонародья. Когда в Риме освободится пост верховного pontифика (что-то вроде языческого папы римского), молодой Цезарь будет избран pontификом! И далее, на какие должности он ни претендует, в конечном счете, занимает их. Ему не исполнится сорока лет, когда в паре с другим политиком он займет высший пост в республике — пост консула.

Что же помогает Гаю Юлию, перепрыгивая через ступени иерархической лестницы, неодолимо продвигаться вверх? Одно лишь убеждение, что он из числа избранных? Да, Цезарь и не скрывает, что снедаем честолюбием. Но, право же, на одних амбициях далеко не уедешь. Чтобы стать первым в Риме, нужен, как минимум, ум. А у нашего честолюбца не просто хорошая голова, она у него — гениальная! На руке не хватит пальцев, чтобы счесть все таланты Цезаря. Уже в молодости он проявил себя блестящим оратором. В этом искусстве он уступит лишь своему современнику, сенатору Цицерону. Да и то, как пишет Плутарх, "первенствовать в красноречии он отказался, чтобы стать первым благодаря власти и силе оружия". Кроме того, Цезарь обладал редким литературным даром. Его перу принадлежат (увы, не дошедшие до нас) поэмы, трагедии, философские трактаты, а сохранившиеся "Записки" о галльской и других войнах считаются образцом военной мемуаристики.

Ну, скажите, для чего столь богато одаренной личности власть? Зачем тому, кто и без того кумир толпы, еще и должность? Но обходительный, улыбчивый Цезарь ведет себя как мифический сфинкс, который отвечает на все вопросы и в то же время ни на один — впрямую. Он сочувствует бедным, но не собирается особо обижать богатых, и тем самым обретает друзей среди тех и других. Первым, кто усмотрит в его поступках намерение покончить в Риме с властью аристократов и завладеть ею самолично, будет тот же сенатор Цицерон, сам аристократ и сторонник республиканских порядков. Но даже он, умнейший человек эпохи, иногда не в силах преодолеть гипнотическое обаяние Цезаря, и однажды скажет: "Когда я вижу, как тщательно уложены его волосы и как он почесывает голову одним пальцем, мне всегда кажется, что этот человек не может замышлять такое преступление, как ниспровержение римского государственного строя". Запомним эти слова! Сомнения, одолевавшие Цицерона, не развеяны и по сей день. Действительно ли Цезарь с самого начала политической карьеры стремится совершить государственный переворот или он, несмотря на всю значительность своей личности и универсальный гений, в стремительном потоке времени окажется такой же уткой щепочкой, что и все остальные

люди?.. Чтобы разобраться, где же истина, давайте посмотрим, чем еще удивит мир избранный нами персонаж истории...

Чем популярнее становится Цезарь, тем все более косо посматривает на него правящая элита Рима. Ее тревожит, конечно, не множество его талантов, а то, что он, подружившись с двумя известными полководцами республики Крассом и Помпейем (с последним даже породнившись), готов разделить с ними власть "на троих". (Выходит, не так уж и безграничны были его аппетиты?) Отцы Рима, от греха подальше, решают услать энергичного Цезаря куда-нибудь от кормила власти. Его назначат наместником сначала в Испании, затем в Галлии с наказом расширить границы той и другой провинции. И вот тут господа сенаторы здорово промахнутся! На их беду Цезарь ко всему прочему окажется еще и гениальным, каких мало, полководцем. С тридцати тысячным войском (по нынешним меркам — одна дивизия) он осуществит крупнейшую в истории военную операцию — завоевание Западной Европы. В общей сложности армия Цезаря захватит 800 городов, приведет к ноге Рима триста народностей, перебьет миллион варваров и столько же обратит в рабство.

По существу вся галльская кампания — это цепь неминуемых поражений римлян, в решительный момент благодаря полководческой прозорливости Цезаря превращаемых в сокрушительные победы. И дело не только в его военном гении. Он сам покажет образцы безумной (но не безрассудной) отваги. Не зная, что такое страх (или умело его скрывая), Цезарь часто первым с мечом в руке бросается на неприятеля, увлекая за собой свои когорты.

Победы обеспечиваются еще и тем, что военачальник нешибко уповаает на сознательность солдат. Он сам непрочь поживиться за счет грабежа захваченных городов и селений и не мешает заниматься тем же легионерам. Не устает повторять, что по окончании кампании вознаградит их земельными наделами, деньгами и навсегда освободит от воинской обязанности. И солдаты не остаются перед ним в долгу. Перед каждой битвой они сомкнутыми рядами проходят мимо полководца и, выражая ему свою беспредельную преданность, кричат: "Идущие на смерть, приветствуют тебя, о, Цезарь!" Их любовь к нему, доходящая до обожания, так велика, что, потерпев в каком-то бою неудачу, они являются к нему всем легионом и просят наказать их...

Тем временем дела складываются так, что Цезарю все чаще приходится поворачивать голову в сторону Рима. В войне с парфянами погибнет его союзник Красс. Этим воспользуется Помпей и приобретет всю власть в республике. Цезарю это не нравится: он завоевал полмира, а статуи славы повсюду расставля-

ются в честь Помпея! Покоритель Европы хочет вернуться в Рим. Пожалуйста! — говорят ему Помпей и его сторонники (Цицерон, Катон, Гай Кассий, Марк Брут и другие), но — без легионов. Нет, Цезарь не клюнет на эту удочку. Хотя голова у него гениальная, но ведь она и у него — одна...

Прежде, чем перейти знаменитый Рубикон, маленькую речку, отделявшую Галлию от Италии, Цезарь пребывает в тяжких раздумьях. Он знает историю Рима, и эта история говорит: самая страшная из войн — гражданская! И все-таки Цезарь со своими когортами идет на Рим. Для чего? Почти все историки сходятся в одном: чтобы поговорить с Помпеем на равных и предотвратить кровавую разборку. А Помпей не найдет ничего лучшего, как сбежать из столицы. И Цезарь понимает: то ли его бывший друг хочет уйти в политическое небытие (но для чего он прихватил с собой несколько легионов, весь флот и сенат почти в полном составе?), или он отступает, чтобы потом окружить и уничтожить его, Цезаря, уставшие от десятилетней кампании когорты вместе с их предводителем? Не встретив почти никакого сопротивления, полководец входит в Рим. Оставшиеся здесь сенаторы провозглашают его диктатором республики. Чего еще надо ему, честолюбцу? Сверкающие пятки Помпея говорят сами за себя: твоя взяла, Цезарь! Нет, он идет следом за соперником. Вдогонку шлет послов, все еще надеясь договориться по-хорошему. Но Помпей, продолжая бег, уплывает в Грецию. Тогда Цезарь круто поворачивает и ведет свои легионы в Испанию, где сосредоточены главные силы Помпея, наголову разбивает это, как сам выражается, “войско без полководца”, затем переправляется в Грецию и без особого труда побеждает “полководца без войска”.

Итак, дело сделано — теперь можно вернуться в Рим и всласть искупаться в море торжества и всенародной любви. Но что-то победителя туда не тянет. Вместо триумфального возвращения в столицу он направится в Египет, где вмешается в раздоры тамошних правителей и возведет на престол Клеопатру, женщину демонической красоты и истинно восточного лукавства. С ней он, позабыв обо всем на свете, почти целый год крутит роман...

По правде говоря, Цезарь боится возвращаться в Рим. Какие там торжества, какая всенародная любовь?! Случится именно то, чего он боялся, переходя Рубикон: страна пребывает в развалинах, на полях войны полягут десятки тысяч граждан. В одном только Риме население поубавится вдвое. И все из-за того, что Помпей и сенат когда-то непочтительно обошли с Цезарем? Нет, он не настолько глуп и черств, чтобы не чувствовать вины за происшедшее. Победы в этой войне не радуют его, о них он даже не сообщает ни сенату, ни народу. Но для чего помпеянцы, проиграв все главные сражения, теперь навязывают ему то

там, то здесь мелкие, недостойные великого полководца стычки? «Вот чего они хотели, вот до какой крайности меня довели!» — со стоном воскликнет он однажды, проходя по равнине, усеянной трупами своих и вражеских солдат.

Все годы, которые уйдут на ту кровавую разборку, он обуреваем двумя несовместимыми желаниями: поскорее покончить с помпеянцами и поскорее помириться с ними. Ради того, чтобы успеть захватить своего заклятого врага Катона живым, он заставит собственные легионы чуть ли не бегом продвигаться к городу, где мятежный сенатор укроется с горсткой сторонников республики. Но Цезарь все равно не успеет: Катон покончит с собой. Это приведет Цезаря в отчаяние — ведь он и спешил для того, чтобы даровать старому упрямцу жизнь! А тот, окажется, потому и покончил с собой, что не хотел быть помилованным Цезарем... Да что Катон? Вернувшись, наконец, в Рим, диктатор Цезарь первым делом распорядится поставить на место сваленные на землю (наверное, в угоду ему) статуи Помпея. Он просит всех своих приближенных в его присутствии отзываться о Помпее с почтением. Восстановливая властную вертикаль, Цезарь уговаривает Цицерона вновь занять место в сенате, и считает его согласие за честь, оказанную лично ему. В особенности диктатор рад тому, что молодые помпеянцы Гай Кассий, Децим Брут, Марк Юний Брут (последний, утверждала мольба, был внебрачным сыном Цезаря), доставившие ему немало хлопот на фронтах войны, остались в живых. Он разрешит им возвратиться в Рим, вернет имущество и станет всячески выражать им свое благоволение. Это и понятно: ведь они сделаны из того же теста, что и он — рафинированные аристократы. Общаясь с ними, он может отводить душу после угары междуусобной схватки. Так отрадно, когда собеседники понимают тебя с полуслова. А вот со своими соратниками, которых он обретет во время галльской кампании, не расслабишься. У них на уме одно — война, женщины, лошади. А поэзия, философия для них пустой звук. Вон Марк Антоний, его друг и правая рука, детина двухметрового роста, совершенно опустился. Присвоил себе дом Помпея, перестроил его под свой, солдафонский, вкус и превратил в место для грубых попоек, дошел, грязная скотина, до того, что завел гарем, состоящий из мужчин!..

Самое ужасное даже не в том, что истреблен цвет нации, а в том, что оставшиеся в живых теперь мало похожи на людей. Прежде гордые, выдержаные, римляне бросаются друг на друга, точно дикие звери, строчат, чего не было прежде, доносы. В Народном собрании, где превыше всего ценилось красноречие, теперь пускаются в ход кулаки и ножи. Антоний и в этом отношении превзошел всех — несогласных с ним он сбрасывает со скалы. Неужели это и есть то, ради чего римляне столько лет уничтожали друг друга, а, Цезарь?

Угнетает и другое: армия, его любовь и слава, уже не смотрит на него как на бога. Уже находясь в Риме, он узнает, что в столицу входят несколько мятежных легионов. Антоний и другие приспешники советуют ему немедленно бежать. Как бы не так! Он встретит легионы на Марсовом поле и произнесет одну из самых вдохновенных речей. Признав правоту солдат, пообещает им в скором времени выдать денежное довольствие...

К счастью, не все солдаты горазды бунтовать. Терпят, ждут лучших времен? Когда ему осточертеет заседать в сенате, он приезжает в один из легионов — по старой памяти поесть с солдатами из общего котла. Многих из них он знает по имени, и они обращаются с ним как с другом на "ты". Бывает даже, подначивают, любя называют "лысым развратником" или еще как-нибудь. И они имеют на это право: молодость свою отдали верной службе, положили у его ног сначала Европу, а потом и сам Рим. А он? Обещает им... выполнить обещанное. Никто из легионеров не говорит о главном вслух. Но их глаза — страшнее любого мятежа! "Мы тебе, лысый развратник, поверили, а ты оказался болтуном", — вот что говорят их глаза.

Нет, нет, он не Цезарь, если не расплатится с ними сполна. Только вот чем? Чтобы расплатиться, ничего не остается другого, как заглянуть в государственную казну — осталось ли в ней хоть что-то? Один молоденький народный трибун (была такая должность в древнем Риме) встанет у дверей кладовой с золотом и скажет, что никого, даже императора, не пропустит вовнутрь. За противодействие ему Цезарь пригрозит смельчаку смертью. "Знай, юнец, — побелев, коротко скажет император, — мне труднее сказать это, чем сделать". Лишь после этого трибун отступит. Но все, кто присутствовал при взломе кладовой, отметят про себя: прежде невозмутимый и великодушный Цезарь стал злым и вспыльчивым...

А как ему быть спокойным и добрым, если люди, как этот трибун-сосунок, стали жить без понятий? В годы войны роль закона играл меч. А сейчас — власть безвластия. Еще при Помпее завелось такое: лица, домогающиеся выборных (считай, хлебных) должностей, сидят неподалеку от Капитолия за столиками и подкупают чернь, чтобы она голосовала непременно за них. Этому бесстыдству надо положить конец! Пусть Рим по-прежнему называется республикой, ему все равно, пусть остаются сенат, Народное собрание со всеми их демократическими прибарабасами. Но это должна быть республика, в которой нет места воровству и беззаконию, не оставляющим людям надежды на честную и достойную жизнь...

Увы, сенат и прочие учреждения находятся в жалком состоянии. Это и понятно: почти все государственные мужи стали добычей стервятников — кто в Испании, кто в Греции. Что ж, Цезарю приходится назначать сенаторами, трибунами людей из близкого ему круга. Другими словами, таких, как Антоний, и

даже хуже. Среди них есть неглупые люди, но все они по-настоящему умеют только воевать и грабить. А политическая культура у них на нуле. Позарез нужны образованные, искушенные в законотворчестве люди. И он найдет их в том же сословии, к которому принадлежит сам. Да, он знает, что почти все патриции — его вчерашние враги, и он не так наивен, чтобы не догадываться, какие чувства они питают к нему. Но ничего:стерпит-ся-слюбится. Взять, к примеру, Цицерона. Еще не так давно он Цезаря называл “падшим разбойником”, а теперь — “богоравным”. Так и хочется великому оратору напомнить его же слова: “О правы! О времена!”. У Кассия, Брута и других (что значит молодость!) чувство достоинства повыше, они не лебязят. Но он и их приручит! (Кого-то, вопреки советам Антония и иже с ним, назначит сенаторами, кого-то преторами.) В конце концов они сами уразумеют, что Цезарь — выше Помпея и что жесткая диктатура лучше продажной и расхлябанной демократии. Когда в стране будет наведен порядок, он поведет их завоевывать Кавказ, Скифию, и они еще попросят у него прощения за ошибки молодости. (“Цезарь явно поворачивал на сближение с высшими слоями общества, — так оценит современный историк перемены в его настроении. — Вопреки предостережениям своих старых приверженцев... он мирился со всеми помпейцами, готовыми сложить оружие. Какое-то непонятное чувство влекло диктатора к Марку Бруту, несмотря на всем известный упорный, недоступно-мрачный республиканизм последнего”. От себя добавим: Цезарь идет на сближение как раз с теми, кто уже точит на него ножи. Гений-то гений, но и он часто ошибается в людях.

Однако расставляя повсюду нужных людей, он и сам не должен оставаться в тени. Пусть потомки знают, что Цезарь умел не только разрушать, но и строить. Стремясь поскорее осчастливить римлян, он снижает некоторые налоги, проведет несколько хлебных и денежных раздач, прикажет восстановить некоторые города (например, разрушенный по требованию предка Катона Карфаген), изобретет новый календарь и т. д. Но более всего его привлекают грандиозные планы, они связаны с поворотом течения рек, прорытием каналов, возведением колоссальных плотин. Вот только треклятый вопрос: на какие шиши все это осуществлять? Когда он со своими легионами отхватывал для Рима одну страну за другой, сенат, не скучаясь, давал деньги. А теперь он сам — сенат. И денег в казне не просто нет, а нет — с минутом. Что же делать? Ждать, когда страна придет в себя, подрастут и встанут за плуги дети убитых на войнах отцов, а подвластные Риму народы устыдятся и начнут посыпать в Италию корабли с данью? Да пока такое время наступит, римляне возненавидят Цезаря!..

Парфия — вот что спасет Рим. Огромное, сказочно богатое царство на востоке, которое безуспешно пытался завоевать несчастный Красс. Но он, Цезарь, как-нибудь доведет начатое де-

ло до конца и вернется в Рим с тысячами повозок, груженных золотом, драгоценными камнями, благовониями. У него уже было четыре триумфа — за победы в Испании, Галлии, Азии и Африке. А этот, пятый, за покорение Парфии — ты слышишь, громовержец Юпитер?! — затмит все предыдущие!..

Одна загвоздка. В древней книге пророчеств сказано, что это могучее царство может сокрушить лишь человек в звании царя. И как ему, Цезарю, с этим быть? Провозгласить себя царем, когда он, пожизненный диктатор Рима, уже и без того — царь?.. Не стоит, наверное, обращать внимания на то, что говорится в книге пророчеств, но во время триумфа он оценит преимущества, какие мог бы ему дать царский сан. Цезарь восседал на высокой колеснице, увенчанный лавровым венком, благодаря чему на ярком итальянском солнце не сверкала его плешь. А ведь царская корона в этом отношении еще надежнее!.. И вот порочный, но, ничего не скажешь, догадливый Антоний все чаще призывает своего патрона пренебречь условностями и объявить себя царем. Не осмеливаясь впрямую напялить на него корону, он... коронует статуи, установленные в честь императора. (Чудак, Антоний! На статуях твой патрон не лыс.) Два народных трибуна по этому поводу поднимут страшный шум. Короны будут сняты со статуй, но и трибуны со своих должностей — тоже.

Но, как бы там ни было, а тоска по сильной руке в народе чувствуется. Не говоря уж об откровенных прихлебателях, и простые граждане открытым текстом предлагают ему называться царем. Такое, к примеру, произошло, когда он с загородной виллы возвращался в Рим. Кто-то из приветствовавших его людей крикнул: «Живи и здравствуй, царь!» Пришлось сделать замечание: «Это какое-то недоразумение. Меня не царем, а Цезарем зовут». Да, звание императора Цезарю больше ласкает слух, чем царское. А вот против царских одежд и регалий он бы не возражал. А то ведь когда он заседает в сенате, внешне его не отличишь от сенаторов: одет в тогу, голова не покрыта ничем. Разве только на стуле сидит, отлитом из чистого золота...

Величие царского сана римляне по-настоящему ощутят, когда в Рим по его приглашению прибудет старая (но еще очень молодая!) подруга Клеопатра. Такого великолепного кортежа вечный город за всю историю не видал. Официальные беседы с Клеопатрой (перемежаемые тайными свиданиями) наведут его на сладкую для сердца мысль — что, если узаконить их отношения? Причем совсем не обязательно ему разводиться с верной и терпеливой Кальпурнией. Можно поступить проще: предложить сенату издать закон, разрешающий ему иметь столько жен, сколько необходимо для произведения на свет законного наследника.

И с этим нельзя медлить, ибо никто лучше самого императора не знает, что он — стареет. С ним, чего давно не было, снова

бываю припадки падучей. Когда-то он был абсолютным трезвенником, а теперь — только наливай. Злые языки говорят, что даже его заново вспыхнувшая страсть к Клеопатре — тоже признак старости. А ведь ему всего лишь пятьдесят шесть. Но такое ощущение, что прожил все триста — столько всяких лишений перенес, стольких любил женщин, столько пережил разочарований... Иной раз на него наваливается такая усталость, что к той, сладкой, мысли прибавляется нестерпимо горькая: может, вместо вина выпить то, что помогает заснуть навсегда? ("У некоторых друзей осталось подозрение, что Цезарь сам не хотел дальше жить, а оттого не заботился о слабеющем здоровье..." — пишет в заключение своего жизнеописания Светоний.)

Но еще чаще, чем усталость, его одолевает болезнь, называемая у греков мизантропией. Ни с того, ни с сего вдруг все люди кажутся глупыми и пошлыми. В особенности это относится к сенаторам. Многие из них, он знает, уже успели провороватьсья, кое-кто, доносят ему, посещает гарем Антония. И вот этих слизняков он, император, согласно ритуалу, должен встречать стоя! В конце концов ему это надоест — и однажды он не встанет. Вернее сказать, уже упрется руками в подлокотник кресла, чтобы соблюсти обычай, как вдруг один из его наследников шепнет на ухо: "Ты же Цезарь! Как высшему существу, тебе не пристало вставать!" Ах, как потом господа сенаторы (но, конечно, за глаза) будут возмущаться попранием вековой традиции! Но скоро приутихнут и сами начнут вставать при его появлении в сенате... В другой раз, когда кто-то из них при нем станет на все лады восхвалять республиканский строй, он не сдержит своего раздражения и скажет: "Республика — ничто, пустое имя без тела и облика". Его выслушают молча, никто не возразит. Лишь Кассий и Брут как-то странно переглянутся...

15 марта 44 года до н.э. (в Риме только-только начнется празднование мартовских ид) в дом к Цезарю явится Децим Брут, его "второй наследник". Он сообщит: сенат хочет видеть своего императора. Цезарь поначалу откажется: ему что-то не здоровится. Да и Кальпурния — она накануне видела зловещий сон — просит, умоляет мужа остаться дома. Но Брут, уговаривая Цезаря пойти с ним, чуть из кожи не лезет. Сенаторы ждут императора! Вопрос, обсуждаемый ими, впрямую касается его. Сегодня великий Цезарь будет провозглашен царем заморских территорий, ему будет разрешено за пределами Италии носить корону! Это известие несколько приободрит Цезаря. Он скажет плачущей Кальпурнии, что скоро вернется. Брут возьмет его как маленького за руку и поведет на заседание сената. Цезарь, Цезарь...

Не счесть литературы, живописующей, что произойдет 15 марта. Выслушаем хотя бы двух авторов — Светония и Плутар-

ха. Жившие в эпоху, близкую к Цезарю, и тот, и другой, как и сам он, язычники, эти историки предельно верны духу своего времени не только в описании того дня, но и в передаче фантастических явлений, ознаменовавших его.

“...за несколько дней до смерти Цезарь узнал, что табуны коней, которых он при переходе Рубикона посвятил богам и отпустил пасть на воле, без охраны, упорно отказываются от еды и проливают слезы... А в последнюю ночь перед убийством ему привиделось во сне, как он летает под облаками, и потом как Юпитер пожимает ему десницу”. (Светоний)

“При входе Цезаря сенат поднялся с мест в знак уважения. Заговорщики же, возглавляемые Брутом, разделились на две части: одни стали позади кресла Цезаря, другие вышли навстречу, чтобы с Туллием Кимвром просить за его изгнанного брата; с этими просьбами заговорщики провожали Цезаря до самого кресла...” (Плутарх)

“Он сел, и заговорщики окружили его, словно для приветствия”. (Светоний)

“Цезарь, сев в кресло, отклонил их просьбы, а когда заговорщики приступили к нему с просьбами еще более настойчивыми, он выразил каждому из них свое неудовольствие. Тут Туллий (Кимвр) схватил обеими руками туго Цезаря и начал стаскивать ее с шеи, что было знаком к нападению. Каска первым нанес удар мечом в затылок...” (Плутарх)

“Когда же он (Цезарь) увидел, что со всех сторон на него направлены обнаженные кинжалы, он накинул на голову туго и левой рукой распустил ее складки, чтобы пристойнее упасть укрытым до пят; и так он был поражен двадцатью тремя ударами, только при первом испустив не крик даже, а стон, — хотя некоторые и передают, что бросившемуся на него Марку Бруту он сказал: “И ты, дитя мое?”” (Светоний)

“Либо убийцы сами оттолкнули тело Цезаря к цоколю, на котором стояла статуя Помпея, либо оно там оказалось случайно. Цоколь был сильно забрызган кровью. Можно было подумать, что сам Помпей явился для отмщенья своему противнику, распостертому у его ног, покрытому ранами и еще содрогавшемуся...” (Плутарх)

Воскресни Цезарь в ту минуту и увидь себя у ног каменного Помпея, он, наверное, тут же захотел бы снова умереть. Все — и враги, и друзья — бросили его и разбежались кто куда. Лишь через несколько часов за ним придут трое рабов, посланных Кальпурнией. Об этом нам сообщит другой историк древности Аппиан: “Из всех, кто обычно сопровождал Цезаря — должностных лиц, городских и приезжих, рабов и вольноотпущенников, — осталось теперь только трое этих рабов... Они несли домой того, кто еще несколько часов назад был властелином вселенной”.

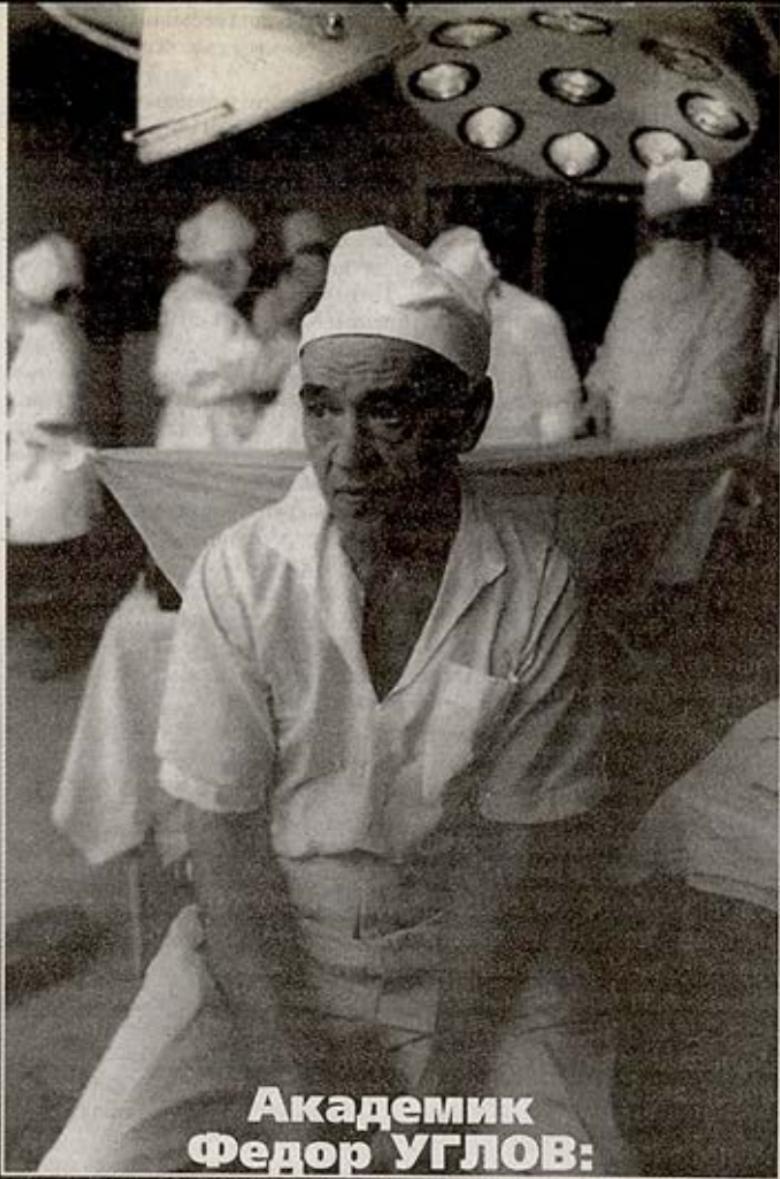
Так свершится убийство Цезаря... Но было ли оно — только убийством?

Известно, что в античные времена предзнаменованиям придавалось такое же (а, может, даже более важное) значение, как сегодня логически и математически обоснованным прогнозам на будущее. Древние римляне из-за разного рода примет назначали или, наоборот, откладывали военные походы, переносили дни свадеб, заключали или, напротив, отменяли рискованные сделки. Подобным образом всю жизнь поступает и Цезарь. Так, лишь увидев на противоположном берегу Рубикона неведомого человека огромного роста и дивной красоты, игравшего на свирели, он воскликнет: "Жребий брошен!" Но в канун своей гибели он всеми предостережениями и тревожными видениями пренебрежет. Почему?.. Перед наступлением мартовских ид известный гадатель Рима Спуринна предупредит, чтобы в эти дни император остерегался за свою жизнь. Нет, направляясь на встречу с сенаторами 15 марта и встретив по пути Спуринну, Цезарь напомнит ему: "Мартовские иды пришли", на что гадатель резонно заметит: "Пришли, но еще не прошли"... Уже перед тем, как войти в курию Помпея, где заседал сенат, Цезарь из рук одного римлянина, чем-то сильно возбужденного и испуганного, примет записку. В ней содержалось предупреждение о готовящемся покушении. Но Цезарь не удосужился прочитать ее. Почему?..

А, может, он не знал о заговоре против него? Неужто?! Еще задолго до наступления мартовских ид те, кто был недоволен медлительностью заговорщиков, оставляют на стенах вечного города надписи: "Ты спиши, Брут!", "Ты не Брут!", намекая на то, что далекий предок императорского любимчика Марка Юния, когда-то покончивший с монархией в Риме, был смелее своего мрачного потомка. Цезарь, ведь не слепой же он, читает эти надписи, но делает вид, будто они его не касаются. Хотя некоторые его слова и поступки говорят об обратном. К примеру, однажды он с усмешкой спросит у сопровождавших его людей: "Как вы думаете, чего хочет Кассий? Мне не нравится его чрезмерная бледность".

Приверженцы императора тоже о чем-то догадываются. Опасаясь за жизнь патрона, они проведут в сенате решение о том, чтобы подле императора всегда и везде находились испанцы-телохранители с мечами. Но Цезарь откажется от этой привилегии. Почему? Ведь именно охраны ему и не хватит, когда убийцы окружат его со всех сторон...

Да, многое говорит за то, что убийство Цезаря одновременно станет и его самоубийством. Сорок лет, отдавая лучшие годы и лучшие силы, он идет к высшей безраздельной власти. Но лишь обретя ее и самоочевидно став тираном, Цезарь — на то он и гений! — поймет, что она не столько радость, сколько тяжкое бремя, не столько честь, сколько его позор и могила. Отнять у себя и эту власть, и самое жизнь он не решится. И поэтому убьет себя — чужими руками.

**Академик
Федор УГЛОВ:**

**“Злые люди
долго
не живут”**

Имя академика медицины Федора Григорьевича Углова занесено в Книгу рекордов Гиннесса. Он — старейший в мире практикующий хирург. В свои 95 лет он два раза в неделю проводит сложнейшие операции в клинике госпитальной хирургии Медицинской академии Санкт-Петербурга.

— Федор Григорьевич, вы давно работаете в медицине и можете сравнить нынешний уровень здоровья населения с тем, что было лет 30-50 назад. Как вам кажется — вырождаемся мы или нет?

— То, что идет вырождение, несомненно. Причем это выражается не только в том, что у нас миллионы ненормальных в умственном отношении людей, а и в том, что на ми подчас руководят люди, которые имеют резкое снижение умственного уровня. О народе нужно больше думать. Очень плохо, что не стало профилактических осмотров на предприятиях. Профилактическая медицина должна развиваться как можно активнее. Но и самому человеку нужно сознательнее подходить к своему здоровью. Ведь век человека значительно больше, чем средняя продолжительность жизни. Отдельные примеры долголетия, когда люди доживали до 160-180 лет, говорят о колоссальных возможностях человеческого организма. Но тяжелые условия жизни, отсутствие чистого воздуха, хорошего питания, различные трудности, перенапряжения сказываются на продолжительности жизни. А больше всего сокращают жизнь вредные привычки — переедание, употребление алкоголя и табака.

Вот мне уже 95 лет, а я и сегодня продолжаю оперировать, руки мои не дрожат. Пишу. Написал почти 600 статей, 10 монографий, около 10 книг художественно-публицистического характера. В том числе книгу "Сердце хирурга", которая была переиздана несколько раз в России и за границей. Сейчас заканчиваю новую книгу, которая называется "Пути к долголетию".

— Феномен навязчивого долголетия объясняют хорошим горным воздухом, обилием фруктов, наконец, спокойным ритмом жизни. А в чем заключен секрет вашего долголетия?

— Чем объяснить мое долголетие? Что, думаете, я такой богатырь? Нет, не богатырь. Жизнь у меня была трудная, я родился в семье, где было шесть детей. Жили в глухой Сибири, за 1100 километров в сторону от железной дороги, где и дороги обычных не было. Жили очень бедно. Отец — простой рабочий, с 12 лет на заводе слесарем, в 17 был сослан за чтение запрещенной литературы, прошел через каторгу. Мама — обычная русская крестьянка. Но она была достаточно умна и хотя ей было очень трудно, всем нам дала образование — одной сестре среднее, остальным детям — высшее. Среди нас есть один профессор, и вот я — академик.

Никогда не поверю тем родителям, кто говорит, что они жили трудно, поэтому не воспитали детей, не дали им образование. По моему, труднее тех условий, в которых находилась наша семья, не бывает. После женитьбы мать с отцом почти 25 лет не имели собственной квартиры, снимали углы. Мама лето проводила в деревне с детьми. Зимой отец ехал на заработки. Где отец зимует, там мы снимали квартиру, там все и жили. Скажем, пароход зимовал в Витиме, мама едет с нами в Витим, чтобы готовить отцу пищу. Поэтому что отец работал по 12 часов, и она знала, что если она не будет с ним, он с голоду умрет. Летом она опять ехала в деревню с детьми. На следующий год паро-

ход зимует в Чечуйске, она отправлялась с нами туда.

— Да уж, такую жизнь не дай Бог никому. Но у шведов есть пословица: северный ветер породил винингов...

— Совершенно верно. Никаких предпосылок от рождения к долголетию у меня не было. Кроме того, я переболел брюшным и сыпным тифом с осложнениями. У меня было общее заражение крови, и я полгода пролежал в больнице. В чем же причина того, что я дожил до таких лет? Прежде всего я не переедал. Мама, простая русская женщина, говорила: "Надо выходить из-за стола немножечко голодным, не переедать". Сегодня очень многие люди переедают, а переедание, даже если человек и не полнеет, все равно вредно. Поэтому что организм пропускает через себя, через сосуды все то, что всасывается из желудка, и все это оседает в нем и старит его. Поэтому, если говорить о глубоких старцах, то все они удивительно мало ели, и уж никогда не переедали. Переедание очень сокращает жизнь. Надо знать, что чем больше у человека лишних килограммов, тем скорее он умрет.

Попробуйте, как я, выходить из-за стола немножечко голодным. Через пять минут желание есть пропадает и возникает легкость. От обеденного стола я сразу без передышки всегда садился за рабочий стол. И голода никакого, и тяжести нет — очень приятное ощущение.

— Черт возьми, с завтрашнего дня перестану обедаться...

— Вам-то, уважаемый журналист, надо сначала спустить лишних килограмм десять. То есть по-голодать, а потом уж перейти на

такое питание, чтобы и не худеть, но и не переедать. Это, кстати, делается легко. Кроме того, очень важно — отказаться от алкоголя. Поверьте, я в жизни не выпил ни одной рюмки водки. Причем в кампаниях всегда принимаю активное участие, пою, танцуя, а если мне нальют водки, я подниму, подержу и поставлю. Сколько меня не собирались спойти, не удавалось. Если человек не захочет, то он не напьется. И еще очень важно знать, что по статистике пьющий человек сокращает свою жизнь на 20 лет.

— Федор Григорьевич, а ведь есть мнение, дане среди врачей, что умеренные дозы алкоголя полезны для здоровья?

— Чепуха. Алкоголь сокращает сосуды мозга. Эритроциты перестают туда попадать, и клетки мозга через наное-то время погибают. В результате дане после умеренного потребления спиртного в мозгу человека остается целое кладбище из погибших нервных клеток. А через несолько лет мозг у него сморщивается, уменьшается в объеме — это уже установлено с помощью компьютера. После умеренного потребления спиртного мозг приходит к норме только через 20 дней. Все это время человек работает "пьяным" мозгом. А смертельная доза алкоголя — 8 граммов на килограмм веса.

И, наконец, третий враг нашего здоровья — табак. Он, по статистике, сокращает жизнь на 7-8 лет. Курение отрицательно сказывается на сердце, сосудах, печени и, самое главное, на головном мозге. Клетки мозга разрушаются под воздействием никотина. Вот вам три основные причины сокращения жизни — переедание, алкоголь и табак.

— Получается — ни наесться от пуз, ни выпить, ни покурить, а что же остается из плотских удовольствий — только секс?

— Эта сторона жизни, конечно, очень важна. Причем важно, чтобы не только мужчина получал удовлетворение от секса. Он должен сделать все для того, чтобы и его жена была удовлетворена. Он должен думать прежде всего о женщине, чтобы ей было достаточно. Ведь хороший, регулярный секс для женщины — это ее здоровье. Плохие в семье интимные отношения — у женщины возникают всякого рода застойные явления, воспалительные процессы. Это может привести и к тому, что женщина найдет себе такого, который будет ее удовлетворять.

Если жена начинает изменять мужу, не всегда можно ее в этом винить, нужно прежде всего узнать о мужчине. Некоторые мужчины говорят: а меня это вообще не интересует. Ну что тут можно сказать: дурак, если он так отвечает. Если его интересует только он сам, что же это за любовь? Что же это за интимные отношения, где он только о себе думает? Мужчина прежде всего должен думать о жене, он активный и всегда сумеет достичь удовлетворения.

Я отношусь к женщинам с огромным уважением. Они и в мирных, и в военных условиях показали себя лучше, чем многие мужчины. Я оперировал и на фронте, и в блокаду, у нас было много раненых женщин. И ни одна из них не выпала раньше времени — все досрочно. Ей еще надо лечиться, а она говорит: если не отпустите, сбегу все равно. Более самоотверженных женщин, чем наши, нет на свете. Когда ребенок подвергается опас-

ности, она закроет его грудью, она жизнь свою отдаст. И эта самоотверженность распространяется не только по отношению к ребенку. На ней ведь и в домашнем хозяйстве лежит огромная нагрузка — больше, чем у мужчины. Поэтому взваливать на нее тяжелую работу — это просто безобразие, недопустимое для культурной страны. У женщины есть свое предназначение — быть женой, матерью. А мы, мужчины, должны ей в этом всячески способствовать, освобождая от всех трудностей и давая возможность рожнать детей.

— Но современные женщины давно не связывают секс с деторождением, и многие, чтобы избежать беременности, прибегают к специальным таблеткам...

— Вред от этих таблеток для здоровья женщины огромный. Это сказывается и на продолжительности жизни, и на потомстве. И смертность у тех, кто пользовался таблетками, предупреждающими беременность, значительно выше. Лучше всего предохраняться мужчине — это безопаснее. А уж если женщина забеременела, надо рожнать.

— Тем не менее в нашей стране количество абортов растет, а численность населения катастрофически сокращается...

— Делать аборт недопустимо ни с какой точки зрения. Во-первых, аборт — это убийство человека, потому что уже на 21 день у зародыша есть душа, появляются реакции. Поэтому аборт — это тяжкий грех и перед Богом, и перед людьми. И против абортов надо категорически возражать. И второе — государство должно создать все условия, чтобы женщина хотела быть матерью. Ин-

стинкт материнства у женщины заложен от Бога, и она не должна его отвергать. Чаще всего женщина это осознает уже тогда, когда она не может иметь детей. Она стремится наравне с мужчинами заниматься карьерой и забывает, что ее призвание — быть матерью.

У меня есть одна знакомая, профессор, преподаватель академии. Я ей давал рекомендации в члены-корреспонденты, потом — в действительные члены академии. С первого раза не прошла, выбрали другого. Она страшно перенимала, чуть не в обморок падала. Наконец прошла и в академики, потом стала членом международных академий, нороче говоря, достигла всего, чего хотела. И вот когда моя жена защищала диссертацию, мы пригласили ее оппонентом. А после защиты все вместе приехали к нам на дачу. Моему сынишке было тогда 5 лет. Она увидала его, приласкала, и так грустно говорит: "Я бы отдала все свои звания, все свои научные достижения за то, чтобы иметь такого. Дура была, добивалась всяких степеней, а сейчас вину, что мне это не нужно, а ребенка иметь уже поздно".

Так что, дорогие женщины, не надо бояться рожать. В семье должно быть, как минимум, 5-6 детей. Семья — это семья: пять детей, жена и я.

— Федор Григорьевич, читателям было бы интересно узнать о вашей семье — о жене, детях, внуках?

— Сейчас у меня вторая жена. От первой жены у меня три дочери, внук уже тоже академик, есть и правнуки. От второй жены один сын, он заканчивает дирижерское

отделение консерватории. То есть всего у меня четверо детей. Мало, конечно. Но я тоже дурной был, тоже думал, что главное — надо больше работать. А когда немножко отойдешь от работы, начинаешь понимать, что ничего более здорового и правильного, чем нормальная семья с детьми, нет. Семью ничто не заменит. И с женой у нас хорошие отношения. Вообще у нас с ней все нормально, в том числе и как у мужа с женой.

— Серьезно? Но ведь с годами сексуальная функция у мужчины угасает?

— А у меня до сих пор сохраняется. И частота сношений тоже нормальная. Главное — знать меру. Я и раньше не злоупотреблял этим. Потому что, будучи еще в средней школе, читал книги Фрейда, где обсуждались половые вопросы. Там сказано, что сексом нельзя злоупотреблять, что в среднем сближения мужчины и женщины должны быть не чаще, чем два раза в неделю. Если чаще, то это приводит к тому, что мужчина в молодом возрасте становится импотентом. От этого расстраивается и его личная жизнь, и жизнь жены. А у меня всегда все было нормально — и с первой женой, и со второй.

— Вы до сих пор оперируете, недавно сделали сложнейшую операцию на сердце пятилетней девочки. Она продолжалась несколько часов и завершилась благополучно. Что вам помогает выдерживать такие нагрузки?

— Конечно, физические упражнения очень полезны, но, по моим наблюдениям, лучше всяких оздоровительных комплексов — ходьба и работа в огороде. Любая домашняя физическая работа —

чрезвычайно полезна. Физический труд продлевает жизнь человека.

Очень важно обливаться холодной водой. В нашей семье все обливаются. Я стал обливаться 20 лет назад. И до сих пор два ведра холодной воды по утрам — для меня как закон.

— Значит, ледяная вода обладает целебными свойствами?

— Конечно, это же малая шоковая терапия. У нас в семье обливаются даже детишки, внучата маленькие. Причем малыши очень быстро к этому привыкают. Жена моя обливается, сын обливается по утрам. Это очень полезно. С тех пор как я стал обливаться, я забыл о лекарствах. Раньше, бывало, то пирамидончик, то аспиринчик, то еще что-нибудь купиши, а сейчас я даже не знаю, где ближайшая аптека находится.

— А что вы думаете о нетрадиционной медицине, народных целителях?

— Вы знаете, мы не должны отрицать опыт тех знахарей, которые лечат больных травами. Целебное воздействие некоторых трав не идет ни в какое сравнение с теми химическими препаратами, которыми наполнены аптеки. Сейчас травы получили широкое распространение, но надо правильно ими пользоваться. И доверять себя только людям, знающим народную медицину, а не каким-то халтурщикам. Например, если у меня что-то заболит, я иду к моему знакомому врачу-мануологу Копылову. Он делает мне несколько массажей — и боль проходит. Это не просто мануальная, это болевая терапия. Болевой фактор вызывает быструю реакцию организма. Ведь когда человек ушибет руку

или ногу, он трет это место, и боль проходит. На этом и основан метод болевой терапии. Копылов очень хороший специалист, он лечит людей официально и делает это блестяще. Ему удается — я сам это видел — ставить на ноги даже детей с врожденной патологией, с ДЦП.

— В какой степени физическое здоровье связано с духовным?

— Они теснейшим образом взаимосвязаны. Я верующий человек, соблюдаю посты, причащаюсь, и убежден, что без религии не может быть высокой нравственности и духовного здоровья. Вера поддерживает человека в трудную минуту, позволяет ему оставаться верным самому себе, не утрачивать внутренний стержень. Православие — добрая вера, она учит любить людей. Профессия врача дает возможность помогать людям. Конечно, и врач может относиться к больному по-казенному, но мой принцип таков: я должен полюбить больного, прежде чем он пойдет на операцию. Поэтому я с ним общаюсь, узнаю его и к какому больному подхожу как к родному человеку.

Главное — стараться делать людям добро. Не делать зла. Дело в том, что зло действует разрушающим образом на нервную систему и разлагает прежде всего того, кто его совершает. Человек сделал зло, у него возникает чувство злорадства. Тот, кому он сделал зло, отвечает ему тем же. В результате он живет в атмосфере зла, и это сокращает ему жизнь. Совершенно точно известно: злые люди долго не живут.

Беседу вели
Игорь Логвинов.

**С прискорбием
Извещаем...**

Рекс Старт

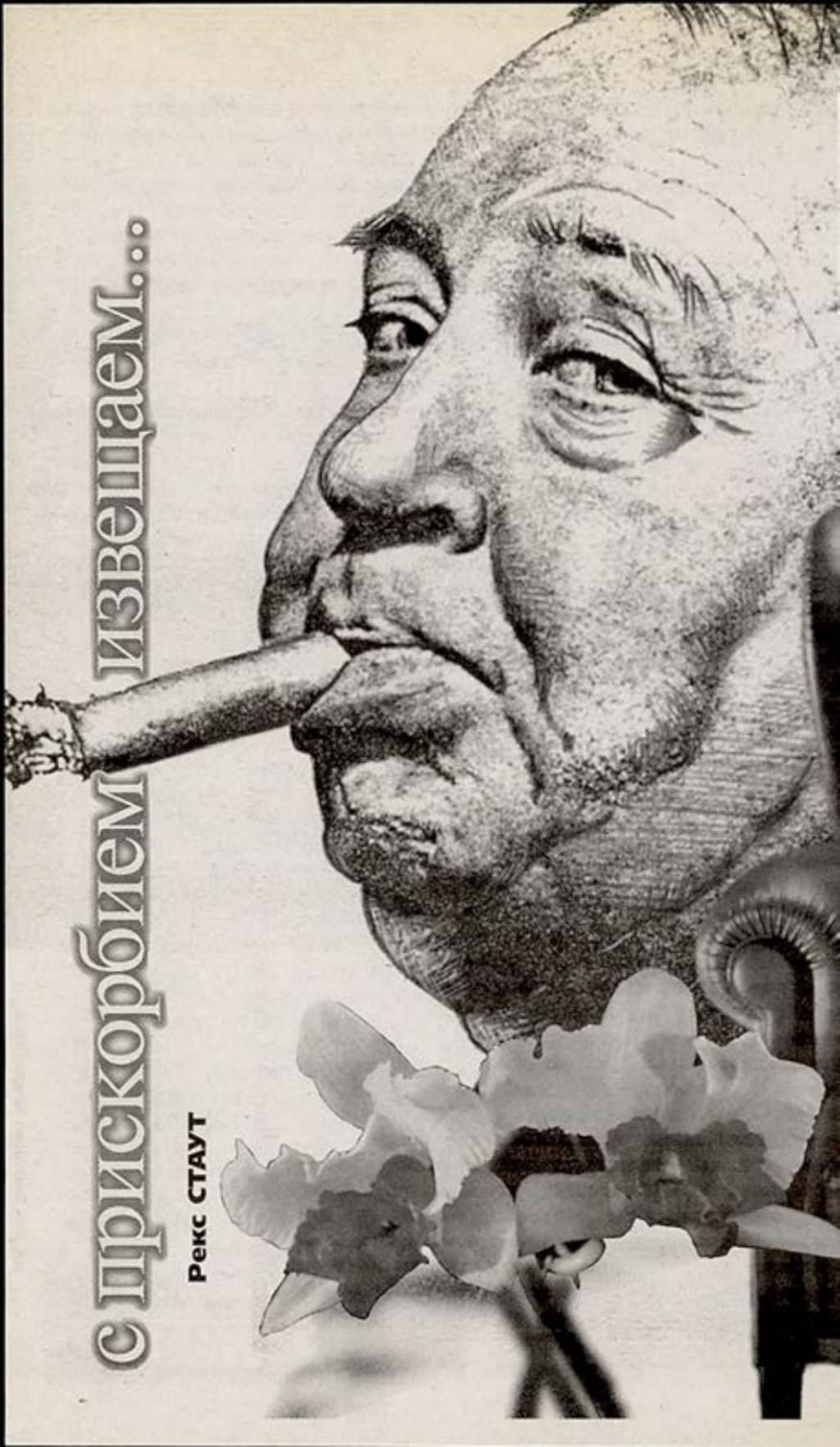

рисунок Виталия Федорова

Встреча с Бесс Хадлстон была не первой.

Как-то раз вечером, года два назад, она позвонила и сказала, что ей надо поговорить с Ниро Вульфом, а когда Вульф взял трубку, кротким голосом попросила его приехать к ней на Ривердейл для деловой встречи. Естественно, он осадил ее. Во-первых, если он и выбирался из дома, то только к старому другу или хорошему повару, а во-вторых, то, что какой-либо мужчина или женщина могли этого не знать, было серьезным уколом для его тщеславия.

Не прошло и часа, как она сама появилась в его офисе — комнате, которую он использовал в качестве кабинета в своем старом доме на Западной Тридцать пятой улице возле набережной, — зачем последовали пренеприятнейшие пятнадцать минут.

Я никогда не видел его взбешенным до такой степени. Лично мне предложение показалось заманчивым. Она пообещала ему две тысячи долларов, если он придет на праздник, который она устраивала для миссис Какой-то, и будет сыщиком в игре в убийство. Она также предложила пятьсот долларов мне, если я приду с Вульфом и буду работать на подхвате. Видели бы вы, как он оскорбился! Можно было подумать, что он Наполеон, а она попросила его развернуть войско оловянных солдатиков в детской.

Когда она ушла, я осудил его позицию. В конце концов, она почти так же знаменита, как он, — самая удачливая в Нью-Йорке устроительница праздников для представителей высшего общества. Сочетание талантов таких двух мастеров своего дела, как он и она, оставило бы о себе долгую память, не говоря уже о том, сколько радости доставили бы мне эти пять сотен зелененьких. Но он только надулся.

Описанные события имели место два года назад. И вот, жарким августовским утром (особенно жарким в силу отсутствия в нашем доме кондиционера, так как Вульф не доверял технике), она позвонила и попросила его безотлагательно приехать к ней на Ривердейл.

Вульф подал мне знак отдалиться от назойливой клиентки и повесил трубку. Немного позже, когда он удалился в кухню, чтобы проконсультироваться с Фрицем относительно какой-то проблемы, возникшей у них в связи с приготовлением ланча, я отыскал в справочнике номер ее телефона и перезвонил.

Прошел почти месяц с тех пор, как мы покончили с делом Нойхема, в доме было скучно, как в склепе, так что даже выслеживание мальчишки из прачечной, заподозренного в краже бутылки шипучки, стало бы для меня желанным занятием. Поэтому я перезвонил Бесс Хадлстон и сказал, что если она обдумывает возможность визита к нам на Западную Тридцать пятую улицу, то я хотел бы напомнить, что Вульф занят наверху своими орхидеями утром с девяти до одиннадцати и с четырех до шести после полудня, но в любое другое время он будет рад ее видеть.

Однако, должен признаться, что Вульф не особенно обрадовался, когда в три часа того же дня я ввел ее к нему в кабинет. Он даже не извинился, что не поднялся из своего кресла поздороваться с ней, хотя, надо заметить, ни один здравомыслящий человек, взглянув на его габариты, не стал бы ожидать от него подобной попытки.

— А, так это вы предлагали мне однажды деньги, приглашая меня на роль клоуна? — проворчал он обиженно.

Бесс Хадлстон уселась в пододвинутое мной красное кожаное кресло, достала из большой зеленой сумки носовой платок и вытерла им лоб и шею. Она принадлежала к числу тех людей, которые мало похожи на свои фотографии в газетах, потому что самыми примечательными в ее внешности были глаза, и эти глаза, стоило в них взглянуть, заставляли вас забыть обо всем остальном. Они были черными, искрящимися и производили впечатление, будто она смотрит на вас даже тогда, когда на самом деле этого быть не могло. Глаза делали ее моложе своего возраста — вероятно, сорока семи или сорока восьми лет.

— Боже, как здесь жарко, — произнесла она. — Странно, что вы почти не потеете. Я очень тороплюсь, так как должна еще увидеться с мэром по поводу сценария шествия, устройство которого он хочет мне поручить, и поэтому не имею возможности пускаться с вами в пререкания. Но ваше заявление, будто я собиралась покуситься на вашу честь, — совершеннейшая глупость. Да, глупость! С вами в роли сыщика получился бы чудеснейший праздник. А так мне пришлось раздобыть полицейского инспектора, но он только и делал, что хрюкал. Вот так! — и она хрюкнула.

— Если вы пришли, мадам, для того, чтобы...

— Нет, не для того. На этот раз вы мне нужны не для праздника. К сожалению. Дело в том, что кто-то пытается меня погубить.

— Погубить вас? В каком смысле? Физически, в финансовых делах...

— Просто погубить. Вам известно, чем я занимаюсь. Я организовываю праздники для...

— Я в курсе, — оборвал ее Вульф.

— Тем лучше. Мои клиенты — люди влиятельные и богатые. По крайней мере, они себя таковыми считают, и, не вдаваясь в детали, скажу, что для меня важно поддерживать с ними хорошие отношения. Поэтому вы можете себе представить, какойывает эффект, когда... Подождите, я вам сейчас покажу...

Она открыла сумочку и принялась в ней рыться, словно террер. На пол упал листок плотной бумаги, и я было поднялся, чтобы вернуть его ей, но она лишь скользнула по нему взглядом и произнесла:

— Не беспокойтесь, в мусорное ведро. — И я, распорядившись им, как было указано, вернулся на свое место.

Наконец Бесс протянула Вульфу конверт.

— Взгляните, что вы об этом думаете? — спросила она.

Вульф осмотрел конверт с обеих сторон, вынул из него листок бумаги, прочитал и передал мне.

— Это конфиденциально, — встрепенулась Бесс Хадлстон.

— Мистер Гудвин нам не помешает, — сухо произнес Вульф.

Я обследовал предложенные экспонаты. Конверт с маркой и почтовым штемпелем был разрезан по краю. Адрес написан на пишущей машинке:

“Миссис Джервис Хоррокс

902 Восточная Семьдесят четвертая улица

Нью-Йорк”

На листке бумаги имелась надпись, также машинописная:

“Что побудило доктора Брейди неправильно выписать лекарство для Вашей дочери? Невежество? А может, что-то еще? Спросите Бесс Хадлстон. Если захочет, она расскажет Вам, как рассказала мне”.

Подпись отсутствовала. Я вернул листок и конверт Вульфу.

Бесс Хадлстон вновь отерла лоб и шею носовым платком.

— Это письмо не единственное, — произнесла она, глядя на Вульфа глазами, которые, как мне казалось, смотрели на меня.

— Было и другое, но, к сожалению, у меня его нет. Это, как вы видите, было отправлено во вторник, 12 августа, то есть шесть дней назад. А то, другое, днем раньше. Оно было тоже отпечатано на машинке. Я его видела. Его послали одному очень богатому и известному человеку, и в нем содержалось дословно следующее: “Где и с кем ваша жена бывает по вечерам? Ответ окажется для вас крайне неожиданным. За более подробной информацией рекомендую обратиться к Бесс Хадлстон”. Тот человек показал мне письмо. Его жена — одна из моих самых близких подруг.

— Позвольте. — Вульф направил на нее указательный палец. — Вы пришли, чтобы со мной посоветоваться или чтобы напять меня?

— Я нанимаю вас, — ответила она. — Нанимаю, чтобы вы выяснили, кто распространяет подобные вещи.

— Дело довольно сложное, никаких гарантий. Пожалуй, приняться за него меня может заставить только алчность.

— Ну, конечно! — нетерпеливо воскликнула Бесс Хадлстон. — Я и сама умею заламывать цены. И сейчас готова к тому, что буду выжата как лимон. В противном случае, что со мной станет, если все это не прекратится и как можно скорее?

— Замечательно. Арчи, блокнот!

Я достал блокнот и принялся за дело. Пока она выкладывала мне факты, Вульф позвонил, чтобы принесли пива, и теперь сидел, откинувшись в кресле и закрыв глаза. Впрочем, когда она рассказывала мне о бумаге и пишущей машинке, один глаз он все-таки приоткрыл. Дело в том, что бумага и конверты обоих

анонимных писем, сообщила она, были точно такими же, какие использовались для деловой переписки девушкой по имени Джанет Николс, которая работала у нее ассистенткой по организации праздников, причем и письма, и конверты отпечатаны на машинке, принадлежавшей ей самой, Бесс Хадлстон. Машинка эта находилась в ведении другой девушки, Мариэллы Тиммс, работавшей у нее секретаршей. Конечно, при сравнении Бесс Хадлстон микроскопом не пользовалась, но для неискушенного взгляда шрифт машинки и писем казался совершенно одинаковым. Обе девушки жили в ее доме на Ривердейл, и большая коробка с бумагой, конвертами и прочими канцелярскими принадлежностями хранилась в комнате Джанет Николс.

Следовательно, если это не одна из девушек... А может быть, это действительно одна из девушек? "Факты, Арчи!" — проворчал Вульф. Слуги? Нет, их не стоит принимать во внимание, сказала Бесс. Ни один слуга у нее долго не задерживался, а значит, ни один не мог успеть проникнуться к ней достаточной ненавистью. Услышав эту фразу, я понимающе кивнул, так как читал в газетах и журнальных статьях об аллигаторах, медведях и других беспокойных обитателях ее дома. Жил ли в доме кто-нибудь еще? Да, племянник, Лоренс Хадлстон, также получавший жалованье как ассистент, но, согласно мнению тетушки Бесс, никоим образом не попадавший под подозрение. Больше никого? Нет, больше никого. Лица, достаточно близкие к дому, чтобы иметь доступ к пишущей машинке и канцелярским принадлежностям Джанет Николс?

Конечно! Такую возможность имели многие.

Вульф неподумительно хмыкнул. На всякий случай я спросил, как насчет достоверности содержащейся в анонимках информации. Как насчет неверно назначенного лекарства и вечеров в сомнительном обществе? Черные глаза Бесс Хадлстон впились в меня. Нет, об этих вещах ей ничего не известно. И вообще, какое это имеет отношение к делу? Какой-то негодяй пытается погубить ее добре имя, распространяя о ней по городу неприглядные слухи, а ее еще, видите ли, спрашивают, правда ли то, что в них говорится. Какая наглость! Хорошо, сказал я, давайте забудем о миссис Толстый Кошелек и о том, где она проводит свои вечера. Пусть на бейсболе. Но ответьте хотя бы, есть ли у миссис Джервис Хоррокс дочь, была ли она больна и лечил ли ее доктор Брейди? Да, нервно ответила Бесс, у миссис Хоррокс была дочь. Она умерла всего месяц назад, и доктор Брейди наблюдал ее во время болезни. От чего она умерла? От столбняка. Как она им заразилась? Расцарапав руку о гвоздь в конюшне школы верховой езды.

— От столбняка не бывает неправильных лекарств... — проворчал Вульф.

— Да, это было ужасно, но к делу не имеет никакого отношения, — перебила Бесс Хадлстон. — Ой, я, кажется, опаздываю

на встречу с мэром! Понимаете, все ведь предельно просто. Кто-то захотел меня погубить и избрал для этого такой мерзкий и грязный способ, как клевета. Это необходимо прекратить, и если ваши умственные способности соответствуют вашим гонорарам, вы сумеете это сделать. Кроме того, я ведь готова назвать вам имя человека, который всем этим занимается.

Глаза Вульфа широко раскрылись.

- Как?! Вы знаете, кто это?
- Знаю. Или, во всяком случае, думаю, что знаю.
- Тогда какого черта, мадам, вы меня беспокоите?
- Потому что я не могу этого доказать. А сама она все отрицает.

— Похоже, — Вульф метнул в нее испепеляющий взгляд, — вы менее разумны, чем кажется, раз додумались обвинять человека, не имея доказательств.

— Разве я сказала, что кого-то обвиняла? Ничего подобного. Я просто поговорила по очереди со всеми: с ней, с Мариэллой, со своим племянником, с доктором Брейди и с братом. Я задавала им вопросы, я сопоставляла. И, наконец, поняла, что не смогу сама с этим справиться. Поэтому и пришла к вам.

— Методом исключения, преступница — мисс Николс?

— Да.

Вульф нахмурился.

— Но у вас нет доказательств. Что же у вас есть?

— У меня есть... ощущение.

— Основанное на чем?

— Я знаю ее.

— Знаете... — по-прежнему хмурясь, повторил Вульф. Губы его выпячивались и снова втягивались обратно. — Вы ясновидящая? Прорицательница? Какие специфические проявления ее характера вы заметили? Она что, способна вытаскивать стулья из-под людей?

— Не кипятитесь, — осадила его Бесс Хадлстон, хмурясь в ответ. — Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. Просто я достаточно изучила ее. Ее глаза, ее голос, ее поведение...

— Понимаю. Мягко выражаясь, вы невзлюбили ее. Она должна быть либо невероятно глупа, либо чрезвычайно умна, чтобы использовать для анонимных писем канцелярские принадлежности, за которые сама же отвечает. Вы подумали об этом?

— Конечно. Она умна.

— И даже зная, что она сделала, вы продолжаете держать ее у себя на работе, в своем доме?

— Естественно. Думаете, если бы я ее уволила, это бы ее остановило?

— Нет. Но вы говорите, что она виновна, потому что вы ее знаете. Это означает, что вы знали ее неделю назад, месяц назад, год назад, знали, что она была человеком, способным на такого рода вещи. Тогда почему вы не избавились от нее раньше?

— Потому что я... — Бесс Хадлстон заколебалась. — А какое это имеет значение?

— Для меня — огромное, мадам. Вы наняли меня, чтобы выявить источник анонимных писем. Сейчас я этим и занимаюсь. Я исследую вероятность того, что вы посыпали их сами.

Ее глаза сверкнули.

— Сама? Но ведь это бессмыслица!

— Тогда отвечайте, — невозмутимо повторил Вульф, — почему, зная о дурных наклонностях мисс Николс, вы ее не выгнали?

— Потому что она была мне нужна. Она лучшая помощница из всех, какие у меня работали. Ее идеи просто великолепны... Возьмите хотя бы Участного Карлика и Праздник Великанов... Это все она придумала. Скажу по секрету, некоторые из моих самых удачных затей...

— Понятно... Как давно она работает у вас?

— Три года.

— Ее жалованье соответствует ее заслугам?

— Да. Раньше — нет, но теперь я плачу сполна. Десять тысяч в год.

— Тогда зачем ей губить вас? У нее не все дома? Или вы все же дали ей повод?

— У нее есть... вернее, она думает, что у нее есть повод для обиды.

— Какой?

— Дело в том, что... — Бесс Хадлстон помотала головой. — Впрочем, неважно. Это личное. Это никак вам не поможет. Мне нужно лишь, чтобы вы отыскали источник анонимных писем и представили доказательства. Счет я оплачу.

— Иными словами, вы заплатите мне за то, что я докажу виновность мисс Николс?

— Вовсе нет. Любой, кто в этом повинен.

— Независимо от того, кто это?

— Конечно.

— Хотя лично вы уверены, что это мисс Николс?

— Нет, не уверена. Я только сказала, что чувствую это. — Бесс Хадлстон встала, взяла сумочку со стола Вульфа и поправила прическу. — Ну, мне пора. Вы сможете прийти ко мне сегодня вечером?

— Нет. Мистер...

— А когда вы сможете прийти?

— Никогда! К вам придет мистер Гудвин... — Вульф оборвал себя. — Хотя нет. Раз уж вы обсуждали происшествие со своими домочадцами, я хотел бы их увидеть. Сперва девушек. Пришли-те их сюда. Я освобожусь в шесть. Вы навязали мне отвратительное дельце, и мне не терпится с ним поскорее покончить.

— Боже мой, — умиленно проговорила она, — с вами можно было бы устроить замечательную вечеринку! Если бы ее удалось запродать Кроутерсам, я смогла бы получить четыре тысячи...

Только, похоже, если письма не прекратятся, скоро этих вечеринок будет не так уж много. Я позвоню девушкам.

— Вот телефон, — сказал я.

Она набрала номер, дала инструкции той, которую назвала Мариэллой, и поспешно удалилась.

Когда, проводив посетительницу до двери, я вернулся в кабинет, кресло Вульфа оказалось пустым. В этом не было ничего тревожного, так как стрелки часов показывали без одной минуты четыре, и, следовательно, ему было пора подняться наверх к своим орхидеям. Но тут я буквально осталбенел, увидев своего шефа согнувшимся, сложившимся почти вдвое, с рукой, запущенной в корзину для мусора.

Он распрямился.

— Вы не ушиблись? — заботливо осведомился я.

Проигнорировав вопрос, Вульф придвигнулся ближе к окну, чтобы рассмотреть предмет, который держал между большим и указательным пальцами. Я подошел, и он передал его мне. Это была фотокарточка девушки (на мой вкус — ничего особенного), вырезанная в форме шестиугольника, размером с пятидесятиценовую монету.

— Хотите поместить ее в свой альбом? — спросил я.

Это Вульф тоже проигнорировал.

— На свете нет ничего, — сказал он, глядя на меня так свирепо, словно это я занимался рассылкой анонимок, — ничего столь же неистребимого, как человеческое достоинство. Эта особа делает деньги, придумывая, как дуракам лучше убивать свое время. Ими она платит мне, чтобы я рылся в ее грязном белье. Половина моего гонорара уходит на налоги, используемые для производства бомб, которые убивают людей. И все же у меня есть достоинство! Пусть спросят Фрица, моего повара. Пусть спросят Теодора, моего садовника. Пусть спросят тебя, моего...

— Премьер-министра.

— Нет.

— Правую руку.

— Нет.

— Товарища.

— Нет!

— Соучастника, лакея, военного секретаря, наймита, друга...

Он был на пути к лифту. Я бросил фотокарточку к себе на стол и отправился на кухню выпить стакан молока.

— Вы опоздали, — укоризненно сказал я девушкам, пропуская их в кабинет. — Мистер Вульф ждал вас к шести часам, в это время он спускается из оранжереи. А сейчас уже на двадцать минут больше. Теперь он удалился на кухню и занялся операциями с солониной.

Они сели, и я принял их рассматривать.

— Вы имеете в виду, что он ест солонину? — спросила Мариэлла Тиммс.

— Нет. Это будет позже. Он ее готовит.

— Во всем виновата я, — сказала Джанет Николс. — Я вернулась только к пяти и была в одежде для верховой езды, поэтому мне пришлось переодеваться. Извините.

Она не слишком походила на прекрасную амазонку. Не то чтобы она была плохо сложена, нет. У нее было довольно красивое маленькое тело. Но ее бледное лицо скорее наводило на мысль о подземке, нежели о верховой прогулке. Не скрою, но так или иначе я ожидал чего-то неординарного, ведь Бесс Хадлстон подозревала, что эта девушка была автором анонимных писем и, кроме того, она придумала Участого Карлика и Праздник Великанов. Я был сильно разочарован. Она выглядела как школьная учительница... Или, точнее сказать, как заурядная школьная учительница без будущего.

Вид Мариэллы Тиммс, напротив, никак не разочаровал меня. Она меня бесила. Ее волосы начинались далеко над изгибами бровей, что делало брови еще выше и шире, чем они были, и придавало всему лицу вид возвышенный и одухотворенный. Но ее глаза были страшно застенчивы, и это ей ужасно не шло. Если у вас вид возвышенный и одухотворенный, вам нет нужды чего-то стесняться, если, конечно, в ваших мыслях не содержится ничего постыдного. Кроме того, у нее был сильный южный акцент. *Саланина*. Поверьте, я не брежу по ночам баталиями Гражданской войны, и уж во всяком случае моя сторона победила, но эти южные красотки... Их акцент звучит как намеренный вызов. Это задевает. Да, и еще раз да, я родился и вырос на Севере!

— Пойду посмотрю, не удастся ли его вызволить, — сказал я и двинулся через холл на кухню. Надежда заполучить Вульфа, чтобы он пришел и занялся делом, еще теплилась, покуда он не успел погрузить свои руки в мясо. Фрикасе, вернее, то, что должно было им стать, лежало в блюде на столе, а Фриц и Вульф стояли по обе стороны и что-то обсуждали. При моем появлении они посмотрели на меня так, словно я ввалился на заседание Кабинета министров в Белом Доме.

— Они здесь, — объявил я. — Джанет и Мариэлла.

Взглянув на лицо Вульфа в тот момент, можно было ставить сто против одного, что сейчас он прикажет мне передать девушкам, чтобы они приходили завтра. Он уже открыл рот, но в этот момент за моей спиной распахнулась дверь, и через кухню проплыло:

— А-а, так это здесь готовят фрикасе из солонины...

Воспроизвести акцент я больше не пытаюсь.

Вслед за голосом мимо меня пронеслась обладательница. Она подошла прямо к Вульфу и наклонилась, чтобы взглянуть на блюдо с мясом.

— Извините, — произнесла она так, как я все равно не смогу передать на бумаге, — но фрикадельки из солонины — это мой конек. Тут ничего нет, кроме мяса, да?

— Как видите, — буркнул Вульф.

— Оно нарезано слишком мелко.

Вульф окинул ее хмурым взглядом. Я чувствовал, что его раздирают противоречивые чувства. Присутствие особы женского пола на кухне было кощунством. Женщина, критикующая его или Фрица кулинарное искусство, была оскорбительницей вдвойне. Но солонина являлась в жизни Вульфа одной из самых сложных проблем, доселе так и не разрешенной. Как смягчить соленый привкус, сохранив ее уникальный букет; как уничтожить вечный крест ее сухости, не сделав раскисшей, — теории и эксперименты длились годами. Он насупился, но не указал ей на дверь.

— Это мисс Тиммс, — представил я. — Мистер Вульф. Мистер Брениер. А мисс Николс находится сейчас в...

— Нарезано слишком мелко — в каком смысле? — свирепо спросил Вульф. — Это не нежное свежее мясо, которое может потерять сок...

— Только, пожалуйста, успокойтесь. — Ладонь Мариэллы легла на его руку. — Оно еще не погублено, просто было бы лучше нарезать его чуть покрупнее. Но на такое количество мяса картофеля, пожалуй, многовато. К тому же, если у вас нет требухи, вам не удастся...

— Требухи? — проревел Вульф.

Мариэлла кивнула.

— Да, да, свежей свиной требухи. В этом-то весь секрет. Слегка обжаренной в оливковом масле, с луковым соком...

— Силы небесные! — Вульф стоял, уставившись на Фрица. — Ничего подобного я прежде не слышал. Это никогда не приходило мне в голову. Фриц, а?

Фриц задумчиво наморщил лоб.

— Не исключено, что в этом что-то есть, — согласился он. — Можно попробовать. В качестве эксперимента.

— Позвольте, я вам помогу, — сказала Мариэлла. — Здесь требуется некоторая сноровка...

Так случилось, что мое первое и довольно близкое знакомство с Джанет состоялось в тот же день. Я решил, что для поездки на рынок за требухой было бы неплохо взять с собой компанию, и так как Мариэлла прилипла к Вульфу, а он, во всяком случае на время эксперимента, — к ней, я прихватил Джанет. Когда мы вернулись домой, я окончательно утвердился в мысли, что она невиновна. Хотя, впрочем, и с самого начала я не был склонен считать ее в чем-либо виновной, поскольку не мог поверить, что кто-то, кто не является очевидным монстром, способен на авантюру с рассылкой анонимных писем. Признаюсь также, что она не поразила меня живостью ума и была рассеянна в разговоре,

что, однако, при данных обстоятельствах было неудивительно, ибо она, по всей вероятности, знала, чем обязана своим приглашением к Вульфу.

Я вручил засевшим на кухне виртуозам по изготовлению солонины требуху и поспешил вернуться в кабинет, где оставил Джанет. На обратном пути с рынка я рассказывал ей о гибридизации орхидей и теперь подошел к столу, чтобы взять пачку садоводческих фотографий, которые собирался показать ей, как вдруг заметил, что со стола что-то исчезло. Поэтому, предоставив ей разглядывать карточки, я вернулся на кухню к Вульфу и спросил, был ли кто-нибудь в кабинете в мое отсутствие. Он стоял возле Мариэллы, наблюдая за ее манипуляциями на разделочной доске, и я услышал в ответ лишь рычание.

— Никто из вас не покидал кухню? — не отступал я.

— Нет, — произнес он коротко. — А что?

— Кто-то умыкнул мой леденец, — ответил я и, оставив его с друзьями по песочнице, вернулся в кабинет.

Джанет сидела, разложив на коленях карточки и внимательно их разглядывая. Я встал перед ней и дружелюбно осведомился:

— Что вы с ней сделали?

Она подняла глаза. В таком ракурсе, с поднятым вверх лицом, она казалась почти симпатичной.

— Что я сделала... что?

— С карточкой, которую взяли с моего стола. Это единственный имеющийся у меня ваш портрет. Куда вы ее дели?

— Я не... — она осеклась. — Я не брала! — наконец произнесла она с вызовом.

Я сел и укоризненно покачал головой.

— Выслушайте меня внимательно. Не стоит лгать. Мы ведь друзья. Мы плечом к плечу преследовали дикую кабанью требуху в ее логове. Снимок — моя собственность, и он мне нужен. Может быть, он случайно соскользнул в вашу сумочку? Взглядите.

— Его там нет. — С новой ноткой гнева в голосе и с новым приливом краски к щекам она сделалась еще лучше. Левой рукой она прижимала лежавшую на стуле сумочку.

— Позвольте, я проверю. — Я направился к ней.

— Нет! — воскликнула она. — Его там нет! — И положила ладонь на живот. — Он здесь.

На мгновение я замер, решив, что она его проглотила. Затем вернулся в кресло и сказал:

— Ладно. В любом случае вам придется его вернуть. Есть три варианта — выбирайте. Или вы достанете его сами, или это сделаю я, или я позвоню Мариэллу и буду держать вас, пока она будет вас обыскивать. Первое кажется мне наиболее приемлемым для леди. Я отвернусь.

— Пожалуйста, не надо. — Она еще крепче прижала ладонь к животу. — Ну, пожалуйста. Это моя фотокарточка.

— На этой фотокарточке действительно изображены вы, но отсюда не следует, что это непременно ваша фотокарточка.

— Ее вам дала мисс Хадлстон.

Я не видел причины отрицать очевидное.

— Да, ее дала мне она.

— И она сказала вам... она... она думает, что это я рассыпала эти ужасные письма! Я знаю, она уверена!

— Это, — твердо ответил я, — уже другое дело, и им занимается мой шеф. Меня же интересует только фотокарточка. Возможно, она действительно примечательна лишь тем, что на ней изображена девушка, которая придумала Ушастого Карлика и Праздник Великанов. В таком случае, если я попрошу мистера Вульфа, он, скорее всего, ее вам отдаст. Я даже допускаю, что мисс Хадлстон могла эту фотографию украсть, — почем знать? Она не сказала, откуда ее взяла. Но в данный момент вы стащили ее с моего письменного стола, и я хочу, чтобы вы ее вернули. Вы можете сделать себе другую, а я — нет. Итак, мне позвать Мариэллу? — Я повернул голову и сделал вид, что готов завопить.

— Нет! — воскликнула она, встала со стула и, повернувшись ко мне спиной, принялась проделывать странные телодвижения.

Когда она протянула мне фотографию, я сунул ее под пресс-папье на столе Вульфа и стал помогать ей подбирать с пола карточки растений.

— Посмотрите, что вы наделали, — сказал я. — Вы все перепутали. Чтобы привести их в порядок, придется теперь изрядно повозиться...

На какое-то мгновение мне показалось, что сейчас польются слезы, но этого не произошло. Мы провели вместе час не так чтобы весело, но довольно мирно. Я избегал заговаривать о письмах, потому что не знал, какую линию расследования собирается избрать Вульф.

Когда же он, наконец, принялся за дело, выяснилось, что линии попросту нет. Когда, успешно расправившись с фрикасе и гарниром, мы собрались в кабинете, минуло уже девять часов. С фрикасе все оказалось в порядке. Оно получилось на славу. Вульф уничтожил три порции и, разговаривая с Мариэллой, чем занимался большую часть трапезы, был не только снисходителен, но и выражал определенное уважение. Вначале, правда, произошел один неприятный эпизод, когда Джанет не захотела положить себе фрикасе, и Фрицу было велено нарезать для нее ветчины.

— Ты не ешь, потому что это готовила я, — обиженно произнесла тогда Мариэлла.

Джанет запротестовала, уверяя, что просто не любит солонину.

Позже, в кабинете, стало ясно, что секретарша и ассистентка по организации праздников не питали друг к другу особо нежных чувств. Нет, они не обвиняли друг друга в написании злона-меренных писем. Открытой враждебности не было, но несколько взглядов, которые я приметил, отрываясь от записной книжки, и интонации, с которыми они обращались друг к другу, свидетельствовали, что достаточно поднести спичку — и произойдет вспышка. Вульфу, насколько я мог судить, не удалось выяснить ничего, кроме набора несущественных фактов. Обе девушки вели себя, мягко говоря, не болтливо. По их словам, Бесс Хадлстон была весьма удовлетворительной патронессой. Они признавали, что ее прославленная эксцентричность временами усложняла им жизнь, но увольнение им не грозило. Джанет работала у нее три года, Мариэлла — два, и обе девушки не имели ни малейшего представления о том, кто бы мог рассыпать эти страшные письма. О врагах Бесс Хадлстон им ничего не было известно... Да, конечно, ее выходки задевали некоторых за живое, и за последние месяцы к канцелярским принадлежностям Джанет имели доступ многие люди, но чтобы кто-то мог посметь, чтобы кто-то мог решиться... и т.д. и т.п.

Да, они знали Элен, дочь миссис Джервис Хоррокс, она была близкой подругой Мариэллы. Ее смерть была страшным потрясением. И они достаточно хорошо знали доктора Алана Брейди. Он преусмывал, был приятен в общении и имел прекрасную репутацию. Он частенько совершал верховые прогулки вместе с одной из них или с Бесс Хадлстон. Школа верховой езды? Нет, Бесс Хадлстон держала лошадей в конюшне у себя на Ривердейл, и доктор Брейди нередко заглядывал к ним по пути из Медицинского центра. Это всего в десяти минутах езды.

Нет, Бесс Хадлстон никогда не была замужем. Существовал еще ее брат, Дэниел, кажется, химик, человек совершенно не светский, который показывался в доме раз в неделю к обеду. Еще Ларри, ее племянник, молодой повеса, живший у своей тетушки и получавший деньги неизвестно за что. И больше вроде бы никаких других родственников или настоящих близких друзей, если, конечно, не принимать во внимание, что у Бесс Хадлстон были сотни друзей и знакомых обоих полов и всех возрастов...

Это тянулось почти два часа.

Проводив девушек к машине — я заметил, что за руль села Мариэлла, — я вернулся в кабинет и стал свидетелем того, как Вульф залпом выпил стакан пива и налил себе новый.

— Фотография обвиняемой, если она вам нужна, там, под пресс-папье, — сказал я. — Девушке очень хотелось заполучить ее обратно. Пока меня не было, она даже стащила ее и спрятала в место, пожалуй, слишком пикантное, чтобы упоминать его в вашем присутствии. Мне удалось вернуть фотографию, каким образом — неважно. Я ожидал, что она попросит ее у вас, но это-

го почему-то не произошло. Кстати, если вы предполагаете, что сможете распутать дело, занимаясь...

— К черту дело! Дернуло меня за него взяться. — Вульф сожалением вздохнул, определенно из-за пива, которое только что проглотил. — Завтра отправляйся туда и осмотрись. Думаю, во всем повинны слуги. Проверь пишущую машинку. Далее, племянник. Поговори с ним и реши, есть ли надобность мне с ним встречаться; если да, — привези его. И доставь сюда доктора Брейди. Лучше всего после ланча.

— Будет исполнено, — отозвался я.

— Около двух, — уточнил он. — А теперь, пожалуйста, возьми блокнот. Я продиктую письмо. Отправь его сегодня же вечером, заказным. Профессору Мартингейлу из Гарвардского университета.

“Дорогой Джозеф! Я сделал замечательное открытие или, вернее, провел о таковом. Ты наверняка помнишь состоявшуюся между нами прошлой зимой дискуссию относительно возможности использования свиной требухи в связи с...”

2

С того самого происшествия в феврале 1935 года, когда Вульф отправил меня выполнять свое очередное поручение, собираясь куда-нибудь по делам, я всякий раз задаюсь вопросом: брать ли пистолет? Я это делаю редко, но, окажись он у меня под рукой в тот вторник, ему бы нашлось применение. Клянусь, я пристрелил бы эту гнусную тварь, этого орангутанга, или меня зовут не Арчи!

В прежние времена, чтобы добраться от Тридцать пятой улицы до Ривердейл, приходилось тратить добрых три четверти часа, но теперь, когда есть Восточная магистраль и мост Генри Гудзона, это можно сделать всего за двадцать минут. Бывать у Бесс Хадлстон дома мне раньше не доводилось, но я ничуть не удивился при виде окружавшей ее владения хитроумной ограды, так как благодаря прессе имел некоторое представление о ее жилище. Я оставил машину на обочине дороги и, миновав калитку, направился через лужайку к дому. Участок был обильно засажен деревьями и кустарником, справа поодаль виднелся овальный плавательный бассейн.

В двадцати шагах от дома я внезапно остановился. Откуда он взялся — ума не приложу, но вот он стоял на тропинке прямо передо мной, большой и черный, и скалил зубы в дурацкой улыбке, если, конечно, это так можно назвать. Я переминался с ноги на ногу и смотрел на него. Он не двигался. Мысленно помянув недобрым словом его предков, я шагнул вперед, но стоило мне приблизиться, как он издал какой-то непонятный звук, и я снова остановился. Черт с тобой, подумал я, если это твоя личная тропинка, так бы сразу и сказал, и, заметив по противоположную сторону от бассейна еще один проход, направил стопы туда.

При этом я двигался бочком, — мне очень хотелось посмотреть, что же он предпримет. Вскоре это выяснилось: он припустил за мной на всех четырех. И так получилось, что, глядя на него и пытаясь назад, я зацепился ногой за нечто, похожее на бревно и лежавшее у края бассейна, и, растянувшись на земле, едва не угодил в воду. Когда я снова принял вертикальное положение, "бревно" уже медленно ползло в мою сторону. Это был один из аллигаторов Бесс Хадлстон. Орангутанг сел на траву и начал смеяться. Конечно, звук, который он издавал, едва ли можно было назвать смехом, но, судя по выражению его морды, он был в восторге. Вот тут бы я его и пристрелил. Обогнув бассейн, я выбрался на дорожку и уже в который раз направился к дому, но он снова был там — легок на помине — в десяти метрах от меня, преграждая путь, со своими кретинскими ужимками. Я остановился.

— Он хочет поиграть в пятнашки, — послышался мужской голос.

До того момента я был слишком занят, чтобы заметить появившегося в дальнем конце террасы человека. Оглянувшись, я заметил, что он был приблизительно одного возраста со мной, одет в зеленую рубашку и кирпичного цвета брюки и смотрел на меня несколько свысока.

— Он хочет поиграть в пятнашки, — повторил мужчина.

— А я — нет, — ответил я.

— Если вы его рассердите, он укусит. Идите по траве к дому, а когда он попытается до вас дотронуться, увернитесь. Сделайте так три раза, затем дайте ему возможность вас запятнать и скажите "Мистер" восхищенным голосом. Вот и все. Мистер — это его имя.

— Мне проще развернуться и поехать домой.

— Я не стал бы этого делать. Он возмутится.

— Но ведь он может и схлопотать от меня.

— Может. Хотя сомневаюсь. Если вы сделаете ему больно, и вас поймают, моя тетя... Вы ведь, насколько я понимаю, Арчи Гудвин? Меня зовут Ларри Хадлстон. Я не рассыпал этих писем и не знаю, кто бы мог заниматься подобными вещами. Тетя спустится позже. Она сейчас наверху, ругается с братцем Дэниелом. Я не могу пригласить вас в дом, пока вас не пропустит Мистер.

— Вы хотите сказать, что каждый, кто сюда приходит, обязан поиграть в пятнашки с этим бандитом? Неужели орангутанг...

— Мистер не орангутанг. Он шимпанзе. Он редко заигрывает с незнакомыми. Вы, должно быть, ему понравились.

Пришлось покориться. Я зашагал по траве, был остановлен, трижды увернулся, сказал "Мистер" так восхищенно, как только сумел, и, наконец, был пропущен. Мистер довольно вззвизгнул, промчался галопом к дереву и повис на ветке. Осмотрев тыльную сторону ладони, я обнаружил на ней кровь.

— Он вас укусил? — поинтересовался племянник.

— Нет. Должно быть, я поранился, когда упал.

— А-а, вы споткнулись о Моисея. Сейчас принесу йод.

Я сказал, что не стоит беспокоиться из-за пустяка, но он провел меня через террасу в дом, где в просторной гостиной с большими окнами и камином стояло множество кресел, диванов и пуфиков, достаточных для проведения вечеринки средних размеров. Когда Ларри открыл дверцу висевшего возле камина шкафчика, взгляду представилась батарея расположенных в полном боевом порядке медикаментов: перекись, бинт, йод, пластырь и всевозможные мази.

Я смочил ранку йодом и, чтобы не молчать, сказал:

— Удобное место для аптечки. Все всегда под рукой.

Он кивнул.

— Это из-за Мистера. Сильно он не кусается, но оцарапать может. Потом есть еще Лого и Лулу. Они тоже любят повозиться.

— Лого и Лулу?

— Медвежата.

— Ах, медвежата... Понимаю. — Я опасливо оглянулся по сторонам и, поставив бутылочку обратно на полку, закрыл дверцу. — А где они сейчас?

— Дрыхнут где-нибудь. Они всегда спят после обеда. Вы увидите их позже. Может, выйдем на террасу? Вы что предпочитаете: виски, водку, бурбон?

Терраса оказалась очень приятной. Она находилась на теневой стороне и была выложена большими каменными плитами неправильной формы, промежутки между которыми заполняли полоски плотного дерна. Мы провели там больше часа, но вся польза, которую мне за это время удалось извлечь, — это три стакана виски с содовой. Ларри не пришелся мне по душе. Он говорил как актер; из его нагрудного кармана торчал зеленый, под цвет рубашки, платок; меньше чем за шестьдесят минут он успел трижды упомянуть Светский календарь; и, наконец, его часы имели шестигранную форму, хотя все приличные часы могут быть только круглыми. Что касается невзыскательной болтовни, он показался мне довольно остроумным, но, должен признаться, в компании он выглядел бы достаточно блекло. Секретами он не разбрасывался. Тема анонимных писем вызвала у него взрыв негодования. Еще я узнал, что он умел пользоваться пишущей машинкой, что Мариэлла отправилась в центр города с какими-то поручениями, а Джанет была с доктором Брейди на верховой прогулке. К доктору Брейди он, похоже, относился несколько неуважительно, хотя я и не смог уловить, почему именно.

Когда пробило пять, а тетя так и не появилась, он пошел разузнать и, вернувшись через минуту, сказал, что я могу подняться наверх. Он проводил меня по лестнице, показал нужную дверь

и исчез. Я переступил через порог и очутился в кабинете. Там никого не было. Повсюду царил беспорядок. В кресле горой лежали телефонные книги. Листки промокательной бумаги на столе использовались, очевидно, еще со временем подписания Декларации Независимости. Пищущая машинка пылилась без чехла. Я стоял и невесело глядел по сторонам, когда, наконец, в комнату вбежала Бесс Хадлстон, за которой трусил тощий субъект. Его глаза были такими же черными, как у нее, но в остальном он казался усохшим и выцветшим.

— Извините. Здравствуйте. Мой брат. Мистер Голдин, — произнесла она, прошмыгнув мимо меня.

— Гудвин, — твердо поправил я и пожал руку, протянутую ее братом.

Я с удивлением обнаружил, что у него было крепкое рукопожатие. Тем временем Бесс Хадлстон уже села за стол и выдвинула ящик. Она достала чековую книжку, взяла ручку, выписала чек, развела несусветную грязь при попытке промокнуть чернила и протянула чек своему брату. Он скользнул по нему взглядом и сказал:

— Нет.

— Да, — отрезала она.

— Послушай, Бесс, но ведь это не...

— Придется потерпеть, Дэн. По крайней мере, эту неделю. Ничего не поделаешь. Я тебе тысячу раз говорила, что...

Она замолчала, посмотрела на меня и перевела взгляд на брата.

— Ладно, — сдался Дэниел, засунул чек в карман и опустился в кресло, задумчиво мотая головой.

— Итак, — Бесс повернулась ко мне, — что у вас?

— Похвастать пока нечем, — ответил я. — На письме и конверте уйма отпечатков пальцев, но поскольку вы их показывали брату, племяннику, девушкам и доктору Брейди, я полагаю, все они к ним прикасалась, верно?

— Да.

Я пожал плечами.

— Еще Мариэлла научила мистера Вульфа готовить фрикадес из солонины. Весь фокус заключался в требухе. Помимо этого, никаких новостей. Кстати, Джанет знает, что вы ее подозреваете. И ей очень хотелось заполучить фотографию.

— Какую фотографию?

— Тот самый ее снимок, который я, по вашему распоряжению, отправил в мусорное ведро. Он случайно попался ей на глаза. Вы не возражаете, если она его получит?

— Конечно, нет.

— Вы ничего не можете добавить по этому поводу? Вдруг существует какая-то связь...

— Нет, карточка не имеет к делу ни малейшего отношения. Она вам никак не поможет.

— Мистер Вульф приглашал доктора Брейди заглянуть к нему сегодня около двух, но доктор ответил, что слишком занят.

Бесс Хадлстон подошла к окну, выглянула и вернулась обратно к столу.

— Однако он не слишком занят, чтобы кататься на одной из моих лошадей, — заметила она едко. — Они с Джанет должны скоро вернуться. Я, кажется, слышала шум в конюшне.

— Он зайдет в дом?

— Зайдет. Чтобы выпить коктейль.

— Ясно. Мистер Вульф просил передать, что существует некоторая вероятность того, что отпечатки удастся найти на втором письме. На том самом, которое получил ваш богатый знакомый.

— Оно недосягаемо.

— Вы не могли бы попросить его на время?

— Нет.

— Ваш знакомый передал его в полицию?

— Господи, как вам такое пришло в голову!

— О'кей. Я уже поиграл в пятнашки с Мистером и переговорил с вашим племянником. Теперь я хотел бы посмотреть, где хранятся канцелярские принадлежности Джанет, и взять образец шрифта пишущей машинки. Это она?

— Да. Но сперва давайте зайдем в комнату Джанет. Я провожу вас.

Я пошел за ней. Комната оказалась на том же этаже в противоположном конце коридора — приятное маленькое жилище, уютное и аккуратное. Но канцелярские принадлежности меня разочаровали. Они находились не в коробке. Они лежали в выдвижном ящике стола, который не запирался и имел ручку в виде тонкого металлического кольца — на нем едва ли могли оставаться отпечатки, — так что любой желающий имел возможность спокойно открыть его и взять бумагу или конверты, словом, то, что нужно, абсолютно без всякого риска. Бесс Хадлстон ушла, предоставив мне изучать обстановку, и, осмотревшись там, где осматривать было в общем-то нечего, я вернулся в кабинет. Дэниел по-прежнему сидел в кресле, в той самой позе, в какой мы его покинули. Заправив в пишущую машинку взятый из ящика Джанет листок, я отстучал несколько пробных строк и уже собрался сунуть его в карман, когда Дэниел произнес:

— Вы сыщик.

Я кивнул.

— По крайней мере, считаюсь таковым.

— Вы ищете того, кто распространял эти анонимки?

— Да. — Я щелкнул пальцами. — Что-то вроде.

— Каждый, кто занимается подобными мерзостями, заслуживает быть погруженным до подбородка в десятипроцентный раствор плавиковой кислоты.

— Это что, неприятно?

Дэниел передернулся.

— Неприятно. Я задержался, потому что решил, что вы, возможно, захотите задать мне какие-нибудь вопросы.

— Очень признателен. Какие вопросы?

— В том-то и беда. — Он негромко вздохнул. — Мне нечего вам рассказать. Видит Бог, я был бы рад. Но у меня нет даже подозрений. Могу предложить лишь комментарий. Непредвзятый. Вернее, два комментария. И прошу довести их до сведения мистера Вульфа.

— Непременно. — Я сделал заинтересованное лицо. — Итак, комментарий номер один?

Дэниел окинул меня взглядом и поджал губы.

— Только что в разговоре с сестрой вы упомянули пятерых человек: ее племянника Ларри — моего тоже, мисс Николс, мисс Тиммс, доктора Брейди и меня. Хочу заметить, что удар, направленный против Бесс, заденет четверых из этих пяти. Я как брат пытаю к ней давнюю и глубокую привязанность. Девушки состоят у нее на службе, за что получают хорошее жалованье. Ларри она тоже платит приличные деньги. Откровенно говоря — я его дядя и имею право судить, — слишком приличные. Не будь Бесс, он смог бы зарабатывать себе на жизнь разве что разгружая баржи с углем за четыре доллара в сутки. Во всяком случае, я не знаю другого занятия, которое не перенапрягало бы его умственные способности сверх предела. Как видите, благополучие Ларри целиком зависит от благополучия его тети. Таким образом, мы четверо можем быть безболезненно вычеркнуты из списка подозреваемых.

— Допустим, — согласился я. — Остается один.

— Один?

— Совершенно верно. Доктор Брейди. Я перечислил пять человек. Исключив четверых, вы тем самым указали прямо на него.

— Нет, нет, я совсем не это имел в виду. — Лицо Дэниела сделалось печальным. — Я довольно плохо знаю доктора Брейди. Впрочем, так получается, что мой второй комментарий касается непосредственно его. Повторяю, это всего лишь комментарий. Вы читали письмо, полученное миссис Хоррокс? Если да, то вы, вероятно, заметили, что оно никоим образом не угрожало репутации доктора Брейди. Оно было столь откровенно абсурдным, что просто не могло ему повредить. В самом деле, дочь миссис Хоррокс умерла от столбняка. Но от столбняка не существует неправильного лекарства, равно как не существует и правильного, когда токсин уже достиг нервных центров. Антитоксин может защитить организм, но никогда или почти никогда не вылечит уже начавшуюся болезнь. Поэтому содержащийся в письме выпад против доктора Брейди по сути таковым не являлся.

— Интересно, — произнес я. — Вы сами врач?

— Нет, сэр. Я химик-исследователь. Но в любом медицинском учебнике...

— Конечно. Я загляну туда. Но какие могут быть у доктора Брейди причины строить козни вашей сестре?

— Насколько мне известно, никаких.

— Следовательно, он вне подозрения. Поскольку все остальные также исключены из списка подозреваемых, то получается, что анонимные письма ваша сестра рассыпала сама.

— Бесс?

Я кивнул:

— Больше некому.

Это вывело его из равновесия. Он буквально вскипал. Как я смею шутить на такую серьезную тему! Я срочно изобразил учтивость, чтобы успокоить его. Но он оставался мрачнее тучи. Прозившись с ним безо всякого результата еще десять минут, я решил, что пора двигаться дальше, и мы пошли на террасу, откуда доносились оживленные голоса.

Если открывшееся моему взору зрелище было образцом тех милых семейных вечеринок, которые устраивала Бесс Хадлстон, то, пусть даже мой приход застал их немного врасплох, я снимаю шляпу. Хозяйка дома полулежала на широких качелях. Легкое, развевавшееся от ветра платье открывало для обозрения ноги в красных домашних туфлях. Лично я терпеть не могу, когда обувь надевают прямо на босу ногу, и дело тут вовсе не в том, кому эти ноги принадлежат. Возле Бесс на земле, привалившись к качелям, сидели два средних размеров черных медвежонка, которые лизали леденцы на палочке и время от времени порыкивали друг на друга. Мариэлла Тиммс пристроилась на подлокотнике кресла, в котором развалился Ларри Хадлстон, при этом рука девушки небрежно покоялась на его плече. Джанет Николс в костюме для верховой езды сидела в соседнем кресле. Разгоряченное лицо и румяные щеки, обычно так портящие внешность людей, делали ее определенно красивее. По другую сторону качелей, также в костюме для верховой езды, стоял сухощавый тип со скучающим лицом.

Бесс Хадлстон познакомила нас — меня и доктора Брейди, но едва я сделал шаг, чтобы пожать протянутую им руку, как оба медвежонка устремились в моем направлении, словно я был лакомством их мечты. Подпрыгнув, я отлетел на несколько метров в сторону, и они по инерции пронеслись мимо, но когда я обернулся, готовый отразить их следующую атаку, сзади на меня ринулся еще один большой темный объект, и прыгать пришлось уже наугад. С двух кресел раздался смех, с качелей — голос Бесс Хадлстон:

— Погоня была не за вами, мистер Голдвайн. Просто медвежата учуяли приближение Мистера, а они его боятся. Он их дразнит.

И впрямь медвежат как ветром сдуло. Орангутанг попытался запрыгнуть на качели и свалился на землю.

— Моя фамилия Гуленвангель, — рассвирепев, сказал я.

— Не сердитесь на неё, мистер Гудвин, — с усмешкой произнес доктор Брейди, пожимая мне руку. — Это поза. Бесс делает вид, что не способна запомнить ни одной фамилии, которой нет в Светском календаре. Поскольку снобизм клиентов — залог ее процветания...

— Лучше на себя посмотрите, — фыркнула Бесс Хадлстон. — Выскочкой были, выскочкой и остались. И давайте не будем в который раз... Мистер, дрянь ты такая, не смей щекотать меня!

Мистер и ухом не повел. Он уже снял с нее туфли и теперь принял щекотать подошву ее правой ноги. Бесс взвизгнула и отпихнула его. Тогда он принял за другую ногу и вновь заработал пинок, чего ему, видимо, оказалось достаточно, ибо он оставил хозяйку в покое и двинулся прочь. Но следующая проделка получилась у него явно случайно. Как раз в этот момент к качелям приближался слуга с подносом, полным бутылок и стаканов, и Мистер со всего размаха налетел на него. Слуга вскрикнул, потерял равновесие, и все принесенное им хозяйство загремело на пол, и хотя доктор Брейди успел поймать одну бутылку, а я налету подхватил другую, остальное разлетелось вдребезги о каменные плиты. Мистер описал в воздухе дугу и, приземлившись в кресло, сидел теперь там и хихикал. Слугу трясло.

— Только умоляю, Хаскелл, не покидайте нас сейчас, когда на ужин вот-вот явятся гости, — сказала Бесс Хадлстон. — Лучше идите в свою комнату, выпейте чего-нибудь, прилягте и успокойтесь. Мы все уберем.

— Меня зовут Хоскинс, — произнес он голосом как из бочки.

— В самом деле? Да, конечно. Ну, ступайте, ступайте.

Слуга удалился, и мы принялись за уборку. Сообразив, что нужно делать, Мистер немедленно проковылял к нам на подмогу, и, следуя отдать ему должное, он оказался самым проворным собирателем осколков, какого я когда-либо видел. Джанет ушла за орудиями труда и скоро вернулась с двумя вениками, однако подметать ими было практически невозможно, так как мешали находившиеся в промежутках между плитами полоски дерна. Ларри отправился за новой партией спиртного, а проблема изъятия осколков из травы вскоре разрешилась благодаря Мариэлле, которая догадалась притащить пылесос. Доктор Брейди отнес мусор в помойное ведро, и наконец все мы вновь спокойно расположились на террасе с бокалами в руках — все, включая Мистера, правда, его напиток был безалкогольным, в противном случае я бы попросту не рискнул остаться. Смотреть, что учудит эта тварь, когда под его шкурой начнет циркулировать парочка "martини", я бы предпочел с самолета.

— Сегодня какой-то странный день — все колотится, — произнесла Бесс Хадлстон, пригубив содержимое своего стакана. — Утром кто-то разбил в моей ванной флакон с ароматической солью, да так и оставил. Осколки валялись повсюду.

— Может, Мистер? — предположила Мариэлла.

— Не думаю. Он туда никогда не заходит. А прислугу я допрашивать не решилась.

Все же, видимо, в доме Бесс Хадлстон попросту не имели представления о том, что значит провести полчаса за размежеванной светской беседой. И был Мистер пьян или трезв, следующий инцидент произошел не по его вине. Правда, и до этого атмосфера не была сердечной, ибо, к моему удивлению, участники разговора практически не пытались скрывать свои чувства по отношению друг к другу. Я плохо разбираюсь в нюансах человеческого поведения, но не нужно было родиться Ниро Вульфом, чтобы заметить, что Мариэлла строила глазки Ларри Хадлстону, что от этого зрелища у доктора Брейди начинали подергиваться мышцы лица, что Джанет смущенно отводила взгляд и притворялась, будто не видит происходящего, и что Дэниел рассеянно пил рюмку за рюмкой, будучи, очевидно, чем-то сильно озабочен. Бесс Хадлстон напрягла слух, чтобы узнать, о чем я разговариваю с доктором Брейди, но я всего лишь уговаривал его прийти к Вульфу. Нет, сегодня вечером он никак не может. Возможно, завтра.

Это случилось, когда Бесс сказала, что, пожалуй, ей стоит пойти посмотреть, ожидается ли вообще какой-нибудь ужин и остался ли в доме хоть один человек, способный подать его на стол. Она села, благополучно надела одну туфлю, сунула ногу во вторую, но вдруг вскрикнула и выдернула ногу обратно.

— Ой! Там, кажется, осколок! — воскликнула она. — Я порезала палец!

Мистер подбежал к качелям, и мы столпились вокруг. Доктор Брейди взялся за дело. Оказалось, ничего страшного не произошло. Просто неглубокая ранка около сантиметра длиной на подушечке большого пальца. Но, заметив кровь, Мистер принялся жалобно выть, и заставить его замолчать было уже невозможно. Дэниел принес из гостины медиикаменты, и доктор Брейди, щедро обработав ранку йодом, прикрыл ее кусочком марли и аккуратно закрепил повязку пластырем.

— Все в порядке, Мистер, — ободряюще произнесла Бесс. — Ты тут совсем не... Эй!

Утащив под шумок бутылочку с йодом, Мистер откупорил ее и теперь осторожно, капля за каплей, выливал содержимое на одну из полосок дерна. Он не пожелал вернуть йод ни доктору Брейди, ни Мариэлле, и отдал лишь после настоятельного требования в руки своей хозяйке.

Шел седьмой час, и поскольку меня не пригласили остаться на ужин, а зоологии на сегодняшний день было предостаточно, я спешил откланяться. Выведя машину на шоссе и вновь оказавшись среди себе подобных, я с наслаждением вдыхал запах бензина и пыли.

Когда я вошел в кабинет, Вульф, делавший пометки на недавно приобретенной большой карте Европы, сказал, что заслушает

мой отчет позже, поэтому, сравнив добытый мной образец шрифта пишущей машинки Бесс Хадлстон с письмом миссис Хоррокс и убедившись, что они абсолютно идентичны, я поднялся к себе, чтобы принять душ и переодеться. После ужина, когда я снова оказался в его кабинете, Вульф затребовал от меня самое подробное изложение событий. Это означало, что он так и не сдвинулся с мертвой точки и не составил о деле определенного мнения. Я ответил, что лучше подам отчет в письменной форме, так как при устном пересказе он меня постоянно сбивает, делая гримасы, а это нервирует. Но он лишь откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и скомандовал начинать.

Когда я закончил, была уже почти полночь. Все из-за его дурацких вопросов. Когда речь идет о подробном отчете, ему ничего не стоит вдруг спросить: "А какой лапой обезьяна держала пузырек с йодом — правой или левой?" Будь он транспортабельным объектом и занимайся разъездами самостоятельно, мне бы не пришлось столько сотрясать воздух, хотя, в конечном счете, за это он мне и платил. В том числе.

Он встал, потянулся, и я зевнул.

— Ну? — задиристо осведомился я. — Дело в шляпе? Злодей разоблачен, улики найдены?

— Я хочу спать, — сказал он и двинулся прочь из комнаты. В дверях Вульф остановился. — Разумеется, ты, как всегда, допустил массу ошибок, но единственной действительно серьезной, вероятно, была та, что ты не стал выяснить относительно разбитого в ванной мисс Хадлстон флакона.

— Ха! — отозвался я. — И это все, что вы можете сказать? Между прочим, флакон был не с анонимными письмами, а с солью для ванной.

— Здесь налицо нелепость. Неправдоподобие. Разбить фланк и просто уйти, оставив осколки на полу? Так не поступают.

— Вы не знаете этого орангутанга.

— Он не орангутанг, а шимпанзе. Да, он мог это сделать. Поэтому ты и должен был провести расследование. Если животное невиновно, тогда тут что-то нечисто. Крайне подозрительно. Если доктор Брейди явится завтра до 8:59, я приму его прежде, чем поднимусь в оранжерею. Спокойной ночи.

3

Все это произошло во вторник, 19 августа. В пятницу, 22-го, Бесс Хадлстон заболела столбняком. В понедельник, 25-го, она умерла. Вульф всегда утверждал, что все в нашей жизни зависит от погоды. Стоит отметить, что если бы в период с 19-го по 26-е в окрестностях Ривердейл прошел сильный дождь, то ни доказать сам факт убийства, ни тем более разоблачить преступника оказалось бы невозможным. Не могу сказать, что Вульф сделал какое-то великое открытие... Впрочем, ладно.

В среду, 20-го, к Вульфу приходил доктор Брейди, а на следующий день заглянули Дэниел и Ларри. Из этих встреч удалось выяснить единственное: ни один из мужчин не отзывался о другом положительно. Тем временем, согласно инструкции Вульфа, я опутывал любовными щупальцами Джанет, завлекая ее в свои смертельные объятия. Работа была не слишком в тягость. В среду я пригласил ее на бейсбол и очень удивился, обнаружив, что она оказалась способна отличить биту от ловушки, а в пятницу вечером мы отправились в "Крышу фламинго", где выяснилось, что она умела танцевать почти так же хорошо, как Лили Роэн. Правда, она была не из тех, кто прижимается к партнеру всем телом, и держалась несколько скованно, но двигалась в такт и не путалась в фигурах. В субботу я представил Вульфу следующий отчет:

1. Если Джанет действительно имела зуб на Бесс Хадлстон, то для установления причин этого требовался кто-то более проницательный, нежели я.

2. Никаких существенных отклонений я у нее не заметил, разве что она предпочитала городу жизнь в деревне.

3. Она совершенно не подозревает, кто мог рассыпать анонимные письма, а также у кого для этого могли быть достаточные мотивы.

— Теперь попробуй пообщаться с мисс Тиммс, — сказал Вульф.

Так как я знал от Джанет, что девушки собрались съездить на уик-энд в Саратогу, то не пытался назначить Мариэлле свидание ни в субботу, ни в воскресенье. Утро понедельника, по моим представлениям, мало подходило для начала романа, поэтому я дождался обеда и лишь потом позвонил Мариэлле, которая сообщила мне скорбную весть. Я поднялся в оранжерею, где Вульф в одной нижней рубашке — зрелище не для слабонервных — обрезал макушки с предназначенных для разведения растений.

— Бесс Хадлстон умерла, — сказал я.

— Оставь меня в покое, — произнес он брюзгливо. — Я делаю все, что могу. Скоро кто-нибудь получит очередное письмо, и тогда...

— Нет, сэр. Писем больше не будет. Я констатировал факт. В пятницу вечером у мисс Хадлстон появились первые признаки болезни — очевидно, столбнячные бациллы попали в организм через ранку на большом пальце ноги. Около часа назад она умерла. Я разговаривал с Мариэллой, ее голос дрожал от горя.

— Столбняк? — Вульф мрачно уставился на меня.

— Да, сэр.

— Мы упустили гонорар в пять тысяч долларов.

— Мы не упустили бы его, если бы вы соблаговолили вовремя пошевелить пальцем, вместо того чтобы...

— Я был бессилен, и ты это знаешь. Я ждал следующего письма. Отложи дело в архив. Я рад, что от него избавился.

Я не разделял его настроения. Просматривая в кабинете материалы дела, состоявшие из письма миссис Хоррокс, фотокарточки Джанет, двух представленных мной отчетов и нескольких надиктованных Вульфом примечаний, я чувствовал себя так, словно покидал бейсбольный матч при ничейном счете. Но, видимо, так уж все получилось, и изводить Вульфа было бессмысленно. Я позвонил Джанет, спросил, не могу ли оказаться чем-то полезен, и она ответила слабым уставшим голосом, что нет.

Согласно объявлению, появившемуся в "Таймс" на следующее утро, траурная церемония должна была состояться в среду после обеда в Белфордской мемориальной капелле на Семьдесят третьей улице. Там собираются родные, близкие, знакомые Бесс Хадлстон — большая толпа, даже несмотря на август, собирается на ее последнее чествование. С прискорбием извещаем... Я решил пойти. Насколько я себя знаю, вовсе не для того, чтобы по любопытствовать или еще раз взглянуть на Джанет. Ходить на траурные церемонии глазеть на девушки — не в моих правилах, даже если эти девушки неплохо танцуют. Назовите это предчувствием. Нет, я не увидел там ничего криминального. Я увидел непостижимое. Я проследовал мимо гроба в веренице людей, потому что, заметив их издалека, отказался верить глазам. И лишь подойдя вплотную, убедился, что все было действительно так. Восемь черных орхидей. Восемь черных орхидей, которые не могли взяться больше ниоткуда на свете, и карточка с инициалами, как он имел обыкновение их нацарапывать: "Н.В."

Когда я вернулся домой и в шесть часов Вульф спустился из оранжереи, я не стал заводить с ним разговор на эту тему. Я решил, что пока не стоит. Требовалось поразмыслить.

Вечером того же дня в дверь позвонили, и, отправившись открывать, я обнаружил, что на крыльце стоит не кто иной, как мой давний коллега инспектор Кремер из отдела по расследованию убийств. Изобразив на лице неописуемый восторг, я поздоровался и проводил его в кабинет, где Вульф расставлял на карте Европы очередные пометки. Они обменялись приветствиями, после чего Кремер уселся в красное кожаное кресло, достал носовой платок, отер им выступившие на лице капельки пота, сунул в рот сигару и впился в нее зубами.

— У вас появились седые волосы, инспектор, — заметил я. — Очевидно, организму не хватает физических упражнений. Такой интеллектуальный работник, как вы, обязательно должен...

— Ей-Богу, Вульф, не понимаю, почему вы его до сих пор держите. — Кремер кивнул на меня.

— Однажды он спас мне жизнь, — проворчал Вульф.

— Однажды! — возмутился я. — Да я ежедневно...

— Помолчи, Арчи. Чем могу быть вам полезен, инспектор?

— Тем, что расскажете, какое поручение выполняли для Бесс Хадлстон.

— Вот как? — Брови Вульфа приподнялись. — А почему это интересует вас, сотрудника отдела по расследованию убийств?

— Потому что все управление уже буквально воет от одного назойливого типа — ее братца. Он утверждает, что Хаддстон была убита.

— В самом деле?

— Да.

— И он располагает уликами?

— Отнюдь.

— Тогда зачем морочить мне голову? И себе заодно?

— Затем, что от него не так-то просто отделаться. Он уже ходил к комиссару. И хотя у него нет никаких доказательств, все-таки есть один аргумент. Изложить?

Вульф откинулся на спинку кресла и вздохнул:

— Да, пожалуйста.

— Итак, он принял за нас в прошлую субботу, четыре дня назад. Столбняком она заболела днем раньше. Полагаю, мне нет необходимости рассказывать о том, как она поранила ногу, поскольку Гудвин при этом присутствовал и...

— Да, я в курсе.

— Так я и думал. Дэниел утверждает, что столбнячная палочка не могла попасть в организм его сестры через этот порез. Осколок стекла, завалившийся в ее туфлю, когда поднос со стаканами ударился об землю, был совершенно чистым. Туфли — новыми. А босиком она не разгуливалась. Он говорит, что в такой ситуации просто непостижимо, как бацилла могла проникнуть в кровь, да еще в количестве, вызывающем такой скорый и тяжелый приступ. В субботу я отправил туда человека, но доктор не позволил ему повидать больную...

— Доктор Брейди?

— Совершенно верно. Однако братец не оставил нас в покое, а после смерти сестры даже удвоил активность, поэтому вчера утром я послал туда двоих ребят, чтобы во всем разобраться. Скажите, Гудвин, как выглядел осколок — тот самый, который оказался в ее туфле и стал причиной трагедии?

— Я не сомневался, что истинная цель вашего прихода — пообщаться со мной, — произнес я, потупясь. — Это был осколок толстого голубого стакана. Их разбилось несколько.

Кремер кивнул.

— Все сходится. Мы отослали туфли в лабораторию, но никаких столбнячных палочек на них обнаружить не удалось. Конечно, существовали другие возможности: скажем, инфекция проникла через йод или марлю. Поэтому заодно мы отправили в лабораторию все медикаменты из аптечки, но марля оказалась стерильной, а йод — самым обыкновенным, и никакие микробы, естественно, в нем существовать не могли. В подобной ситуа...

— Последующие перевязки, — пробормотал Вульф.

— Исключено. Когда доктора Брейди вызвали к заболевшей в пятницу вечером, повязка, наложенная им во вторник, была нетронутой.

— Постойте-ка. Знаю! Честное слово, знаю! — вмешался я. — Орангутанг. Он щекотал ей ногу и мог занести...

Кремер помотал головой.

— Мы проверили. Один из опрошенных — племянник — высказал такое предположение. Лично мне оно показалось притянутым за уши. Но версия есть версия. Доктор Брейди...

— Прошу прощения, — перебил Вульф. — Вы беседовали со всеми. Неужели мисс Хадлстон ничего не сказала им перед смертью? Хоть одному?

— Практически ничего. Вам известно, что делает с человеком столбняк?

— В общих чертах.

— Отвратительное зрелище. Он действует как стрихнин, только еще хуже, потому что не отпускает ни на минуту и мучения тянутся дольше. Когда в пятницу вечером туда приехал Брейди, лицевые мышцы уже были скованы судорогой. Чтобы облегчить страдания, он ввел ей авертин и продолжал делать инъекции до самого конца. Мой человек побывал там в субботу вечером, к тому времени больную скрутило почти вдвое. В воскресенье она объяснила сквозь зубы, что хочет со всеми попрощаться. Брейди подводил их к ней по одному. Я собрал показания. Ничего существенного из того, что можно было бы ожидать. Всего несколько слов каждому. Дэниел порывался сказать сестре, что причина ее смерти — не трагическая случайность, что это убийство, но сиделка и доктор Брейди увеличили его.

— А у нее самой такого подозрения не возникло?

— Кто знает? Вы же понимаете, в каком она была состоянии. — Кремер переместил сигару в противоположный угол рта. — Брейди говорит, что одна пятидесятитысячная грамма токсина для человека смертельна. В той или иной степени бациллы и споры столбняка присутствуют всюду, но особенно много их вблизи лошадей. Конюшни буквально кишат ими. Я спросил Брейди, не мог ли он сам случайно занести столбнячную палочку в рану, ведь незадолго до этого он катался верхом, но он ответил, что, вернувшись, сразу же вымыл руки, и мисс Николс подтвердила его слова. Он согласен с Дэниелом, что наличие на осколке, туфле, пальце мисс Хадлстон или лапе животного столбнячной палочки в количестве, достаточном, чтобы вызвать такой сильный приступ болезни, представляется маловероятным, но, как он выразился, столь же маловероятным кажется, что человек, переходя улицу на зеленый сигнал светофора, может попасть под машину. Тем не менее, случается и такое. Он очень сожалеет, что не вернулся во вторник или в среду сделать ей укол антитоксина, но нисколько не чувствует себя виноватым, потому что на его месте такое не пришло бы в голову ни од-

ному врачу. Когда Брейди приехал в пятницу, яд уже достиг нервных центров, и вводить антитоксин было слишком поздно. На всякий случай он это сделал. Мы попросили специалиста проанализировать действия доктора Брейди, и он признал их совершенно правильными.

— Мне не нравится аналогия, — произнес Вульф. — Человек, переходящий улицу, имеет величайший шанс угодить под машину. Именно поэтому я никогда этого не делаю. Впрочем, компетентность доктора Брейди мое замечание не оспаривает. Я вынужден повторить свой вопрос, мистер Кремер. Зачем вы морочите мне голову? И зачем вы морочите ее себе?

— Для выяснения этого я сюда и явился.

— Вы ошиблись адресом. Обратитесь к содержимому своей черепной коробки.

— О, с ним все в порядке, — заверил Кремер. — Видите ли, лично я готов допустить, что произошел обыкновенный несчастный случай. Но этот чертов братец не желает оставить нас в покое! И существует громадная вероятность того, что, прежде чем я с ним разберусь, он заработает от меня в ухо. Поэтому я решил первым делом переговорить с вами. Если в сердце одного из домочадцев Бесс Хадлстон зрело преступное намерение, вы должны об этом знать. Не можете не знать. Ведь она наняла вас. Мелкими пакостями вы не интересуетесь, следовательно, подвернулось что-то покрупнее. Поэтому я хочу выяснить, в чем заключалась ваша задача.

— А разве вам не сообщили об этом во время допроса? — спросил Вульф.

— Нет.

— Никто?

— Нет.

— Тогда откуда вам известно, что мисс Хадлстон вообще была моим клиентом?

— Дэниел случайно упомянул о визите Гудвина, и это натолкнуло меня на мысль. К сожалению, он, видимо, не знает, в чем заключалась ваша миссия.

— Я тоже.

Кремер вытащил сигару изо рта и возбужденно произнес:

— Послушайте, но ведь это никак не может вам повредить! Хоть раз оставьте ненужные запирательства. Мне необходимо заполнить пробел. Я лишь хочу выяснить...

— Минутку! — оборвал его Вульф. — Вы сказали, что готовы отнести смерть за счет несчастного случая. У вас нет ни единой опровергающей это улики. Мисс Хадлстон наняла меня для проведения сугубо конфиденциального расследования, и ее смерть не освобождает меня от обязательства молчать. Она лишь освобождает от необходимости предпринимать дальнейшие действия. А для вызова меня в суд основания отсутствуют. Хотите пива?

— Нет, — буркнул Кремер и мрачно посмотрел вокруг.

— Эта игра в благородство вам на руку. Но ответьте хотя бы на элементарный вопрос: вы считаете, что Хадлстон была убита?

— Нет.

— Следовательно, вы считаете, что в ее смерти повинно роковое стечание обстоятельств?

— Нет.

— Тогда что же вы, черт возьми, думаете об этом?!

— Ничего. Меня абсолютно не интересует данное дело. Женщина умерла — все женщины рано или поздно умирают. Мир праху ее, и прощай мой гонорар. Почему вы не спросите: стал бы я, находясь на вашем месте и располагая той информацией, которой располагаю о деле сейчас, утверждать, что обстоятельства смерти Бесс Хадлстон требуют дальнейшего расследования?

— Хорошо, я спрашиваю.

— Отвечаю: нет! Потому что вы не обнаружили ни одного подозрительного обстоятельства. Хотите пива?

— Да, пожалуй.

Он осушил бутылку и, так и не выяснив ничего нового, покинул нас.

Проводив его до двери и вернувшись в кабинет, я заметил:

— Похоже, с годами старая ищейка набирается опыта. Конечно! Ведь он имеет возможность наблюдать мои методы. На сей раз он переворотил там все почти так же хорошо, как это сделал бы я.

Вульф отодвинул поднос, чтобы освободить место для карты.

— Не могу не согласиться с тобой. Да, почти так же хорошо. Но и у него не хватило ума выяснить, что произошло тем утром в ванной мисс Хадлстон. Он упустил прекраснейшую возможность вытащить на свет преступление, если, конечно, таковое имело место. Ведь за последние семь дней дождя не было? То-то же, не было.

Я уставился на Вульфа.

— Ни слова больше! Сколько попыток на отгадывание?

Но он не обратил внимания на мой вопрос и занялся картой. Это был один из тех многочисленных случаев, когда я с наслаждением столкнул бы его с крыши небоскреба, если бы, конечно, существовал способ его туда заманить. Впрочем, не исключалось, что он решил просто подразнить меня. Но я в этом сомневался. Я достаточно изучил его интонации.

Ночь прошла ужасно.

Вместо того чтобы заснуть через тридцать секунд, я тридцать минут ломал голову над тем, что же он все-таки имел в виду, а потом дважды просыпался от кошмара.

В первый раз мне приснилось, что сквозь крышу на меня льется дождь и что каждая капля представляет собой огромную бациллу столбняка, а во второй — что я оказался в пустыне, где уже сто лет не было дождя.

На следующее утро, когда в девять часов Вульф поднялся в оранжерею, меня охватило упрямство. Я сидел за столом и в который раз секунда за секундой прокручивал в мозгу тот последний свой визит на Ривердейл.

И вдруг — эврика!

Все стало на свои места.

Оставалась одна деталь.

Чтобы уточнить ее, я позвонил жившему через дом от нас доктору Воллмеру и выяснил, что смертоносный столбняк обладал тремя качествами: он мог существовать в виде токсина, в виде бацилл и в виде спор. Попадая в организм, бациллы или споры вырабатывали токсин, который и делал свое черное дело, причем путешествуя по телу не с кровью, а по нервным стволам. Бациллы и споры были анаэробны, но могли жить на поверхности почвы многие годы.

Что же дальше? Забыть обо всем, как это сделал Вульф? Но, в отличие от него, мне это не удавалось. К тому же, добыв результат, я преподал бы ему хороший урок. Стрелки часов показывали почти одиннадцать, и так как я хотел уйти из дома прежде, чем Вульф спустится из оранжереи, то позвонил ему наверх предупредить, что отправляюсь по делам, и зашагал к гаражу на Десятой авеню, где взял машину. По дороге я остановился у магазина скобяных изделий на Сорок второй улице и купил большой кухонный нож, узкую садовую лопатку и четыре бумажных пакета. Затем, отыскав на углу телефонную будку, набрал номер Бесс Хадлстон.

Ответила Мариэлла, и я спросил мисс Николс. Когда через минуту Джанет взяла трубку, я сказал, что звоню узнать ее новый адрес, так как, по моим предположениям, она должна скоро куда-нибудь переехать.

— Это вы... Какая приятная неожиданность, — проговорила Джанет. — А я уж подумала, что, покончив с обязанностями сыщика, вы совершенно забыли...

— Не притворяйтесь. Чтобы девушка, которая так прекрасно танцует, восприняла телефонный звонок как неожиданность! Впрочем, сейчас вам, видимо, не до танцев.

— Это точно.

— Так вы скоро переезжаете?

— Пока неизвестно. Мы помогаем мистеру Хадлстону приводить в порядок дела.

— Вы пришлете мне свой новый адрес?

— Конечно, раз вам этого хочется.

— Как вы посмотрите, если я подъеду на Ривердейл? Просто чтобы сказать "привет".

— Когда? Сейчас?

— Вот именно. Я смогу быть у вас через двадцать минут. Ужасно хочется повидаться.

— Но... — Пауза. — Хорошо, приезжайте. Если, конечно, это вас не затруднит.

Я ответил, что меня это нисколько не затруднило, повесил трубку и помчался в сторону Сорок шестой улицы, где находился выезд на Западную магистраль.

Признаюсь, я выбрал не самое удачное время. Появясь я на Ривердейл между половиной первого и часом, я застал бы обитателей дома за трапезой и, сказав, что уже пообедал, смог бы отправиться дожидаться Джанет на террасу, что мне, собственно, и требовалось. Конечно, такое поведение выглядело бы несколько странным, но выбирать не приходилось. В действительности же получилось так, что, оставив машину у калитки, я, с ножом в одном брючном кармане, садовой лопаткой в другом и свернутыми бумажными пакетиками в боковом кармане пиджака, пересек лужайку и наткнулся на Ларри, который стоял возле бассейна и угремо смотрел на воду. Заслышив шаги, он перевел хмурый взгляд на меня.

— Привет, — произнес я как можно дружелюбнее. — Что, высматриваете аллигаторов?

— С ними пришлось расстаться.

— И с Мистером? И с медвежатами тоже?

— Тоже. Какого черта вы здесь делаете?

Следовало бы его как-то утешить, ободрить, но, право же, он вел себя слишком вызывающе. Этот тон, этот взгляд... Поэтому я ответил:

— Я пришел поиграть в пятнашки с Мистером, — и направился к дому, но как раз в этот момент на тропинке показалась Джанет.

Она выглядела симпатичнее, чем запомнилась мне по последней встрече, или, вернее, не столько симпатичнее, сколько интереснее. Кажется, у нее были иначе уложены волосы. Она сказала мне: "Привет", позволила пожать руку и обратилась к Ларри:

— Мариэлла просит тебя помочь ей разобраться со счетами от Корлисса. Некоторые из них относятся к тому времени, когда она еще здесь не работала, а моей памяти она, похоже, не доверяет.

Ларри согласно кивнул и, переместившись на несколько шагов, оказался напротив меня.

— Чего вы хотите? — спросил он.

— Ничего особенного, — ответил я. — Свободы слова, свободы вероисповедания, свободы...

— Если речь о счете, отправьте его по почте. И больше трех процентов получить не надейтесь.

Я подавил всплеск возмущения и помотал головой.

— Счета у меня нет. Я пришел повидать мисс Николс.

— Ах, вот как! Вы пришли, чтобы вынюхивать...

Джанет коснулась его руки.

— Ларри, пожалуйста, не надо. Мистер Гудвин позвонил и попросил разрешения встретиться со мной. Не надо, хорошо?

Я предпочел бы вмазать ему. Меня раздражало, что она держит ладонь на его руке и смотрит на него снизу вверх этим своим особенным взглядом, но когда он развернулся и зашагал к дому, я взял себя в руки и позволил ему уйти.

— Какая муха его укусила? — спросил я Джанет.

— Вы ведь сыщик. А если учесть, что его тетя умерла совсем недавно... Ужасно, это было ужасно...

— Понимаю. Только его состояние едва ли можно назвать скорбью. А что это еще за шуточка насчет трех процентов?

— Ларри... — Она замялась. — Впрочем, видит Бог, тут нет никакого секрета. Финансовые дела мисс Хадлстон были сильно запутаны. Все думали, что она богата, но на самом деле она спускала деньги почти так же быстро, как зарабатывала.

— И даже быстрее, если судить по тому, что кредиторам предполагается выплачивать лишь три процента. — Я двинулся в сторону террасы, и она пошла следом за мной. — В таком случае брату и племяннику сильно не повезло. Я извинюсь перед Ларри. У него действительно есть повод для скорби.

— Нехорошо так говорить! — запротестовала она.

— Тогда беру свои слова обратно, — ретировался я. — Давайте поговорим о чем-нибудь еще.

Я прикинул, что лучше всего было бы сесть на террасе, а потом под каким-нибудь предлогом отослать ее на несколько минут — большего мне не требовалось, — но жаркие лучи полуденного солнца лились почти вертикально, и Джанет, не замедляя шага, прошла в дом. Она предложила мне опуститься возле нее на диван, но, памятуя об инструментах в карманах брюк, я предпочел расположиться напротив, в кресле. Началась беседа.

Конечно, проще всего было честно рассказать ей о цели своего визита, а потом пойти и сделать то, что хотел, но если я так не поступил, то вовсе не потому, что подозревал ее в сочинении анонимных писем, причастности к убийству или в чем-либо еще. Мне просто не хотелось травмировать Джанет признанием, что на Ривердейл меня привело вовсе не желание ее повидать. Никто не знал, как будут дальше развиваться события, поэтому торопиться терять союзника не следовало. И я трещал без умолку. Наконец, решив, что пора приниматься за дело, я уже начал посыпывать ей поручение — по возможности наверху, что наверняка задержало бы ее минут на пять, — как вдруг в изумлении уставился в окно.

На террасе с газетным свертком под мышкой, длинным ножом в одной руке и садовой лопаткой в другой появился Дэниел Хадлстон!

Я приподнялся с кресла, чтобы лучше видеть.

— Что там? — спросила Джанет и тоже встала.

Я шикнулся на нее и произнес в самое ухо:

— Первая заповедь сыщика: не производить ни малейшего шума.

Братец Дэниел остановился посреди террасы возле качелей, опустился на колени и, положив возле себя сверток и лопатку, воткнул нож в полоску дерна между плитами. Он не таился, не оглядывался через плечо, но работал быстро. Вынув при помощи лопатки из промежутка между плитами полоску дерна длиной примерно пятнадцать сантиметров и толщиной около семи, он завернул ее в газету, затем извлек вторую, справа от первой, и еще одну — слева, после чего также завернул их в газету, каждую по отдельности.

— Интересно, что он такое задумал? — прошептала Джанет. Я сжал ее руку.

У Дэниела дело близилось к концу. Развернув принесенный сверток, он достал три полоски дерна точно такой же формы и размера, как те, которые только что выкопал, вставил их в ямку между плитами, утрамбовал ногой и, взяв под мышку сверток с тремя только что вырытыми полосками, торопливо куда-то направился.

Я взял пальцы Джанет в свои руки и пристально посмотрел ей в глаза.

— Знаешь, крошка, единственный мой недостаток — это любопытство, — сказал я. — В остальных отношениях я безупречен. Помни это и не опоздай к обеду.

Она попыталась что-то возразить моей спине, но я был уже на пути к двери. Я осторожно выбрался из дома, проскользнул через террасу и, оказавшись возле живой изгороди, раздвинул ветви кустарника. Дэниел был шагах в сорока, однако он шел совсем не к калитке, где была запаркована моя машина, а куда-то вправо. Я решил, что дам ему еще двадцать шагов форы, а затем перелезу через кустарник, и правильно сделал, потому что внезапно надо мной раздался чей-то голос:

— Эй, дядя Дэн! Куда это вы направились?

Дэниел замер на месте и обернулся.

Я изо всех сил выкрутил шею и сквозь листву различил торчащую из окна верхнего этажа голову Ларри, а рядом — голову Мариэллы.

— Вы нам нужны! — прокричал Ларри.

— Увидимся позже! — бросил в ответ Дэниел.

— Но ведь пора обедать! — напомнила Мариэлла.

— Увидимся позже! — Дэниел развернулся и зашагал прочь.

— Какой-то он странный, — произнесла Мариэлла.

— По-моему, он ку-ку, — констатировал Ларри.

Головы скрылись. Опасаясь, что они по-прежнему могут смотреть в окно, я прокралялся, прижимаясь к стене, до угла дома, описал большой крюк вокруг зарослей чего-то вечно зеленого и только тогда двинулся в том же направлении, что и Дэниел. Но Дэниела уже не было видно. Эта половина участка была для меня незнакома, и не успел я сообразить, что происходит, как с трехком впечатался в стоявший посреди зеленых дебрей забор. Про-

бивать сквозь него дорогу показалось мне занятием слишком шумным, поэтому я отступил назад и, двинувшись вдоль края зарослей, довольно скоро набрел на тропинку. Никаких признаков Дэниела. Тропинка привела меня на небольшой холмик, забравшись на который по аккуратным земляным ступенькам, я, наконец, увидел его. В тридцати метрах прямо по курсу в заборе имелась калитка, и он как раз закрывал ее, очевидно, намереваясь пересечь лежавшую за ней усаженную низенькими деревьями лужайку. Сверток был по-прежнему у него под мышкой. В действительности, этот сверток интересовал меня куда больше, чем сам Дэниел. А что, если он бросит его в канализацию? При этой мысли я прибавил ходу и значительно сократил дистанцию между нами по сравнению с той, какую использую, занимаясь обычной слежкой. Добравшись до края лужайки, он остановился, и я нырнул за дерево.

Дэниел стоял на обочине асфальтированной дороги. Судя по потоку проносившихся мимо машин, это была одна из главных транспортных магистралей. Вскоре мое предположение подтвердилось: напротив Дэниела остановился двухэтажный рейсовый автобус, он сел в него и был таков.

Я припустил за автобусом. На углу я затормозил. Это была Марбл-авеню. Автобус отъехал уже слишком далеко, чтобы можно было различить его номер, и ни в том, ни в другом направлении на улице не виднелось ни одного такси. Я шагнул на проезжую часть, повелительно подняв руку, и преградил дорогу первому попавшемуся автомобилю. К несчастью, в нем оказались две женщины, каких обычно использует Хелен Хокинсон для показа своих моделей. Но времени капризничать и выбирать не было. Я прыгнул на заднее сиденье, махнул у них перед носом лицензией детектива и коротко бросил:

— Полиция. Нужно догнать едущий впереди автобус.

Женщина, сидевшая за рулем, по-детски взвизгнула. Ее подруга сказала:

— Вы не похожи на полицейского. Вылезайте немедленно. Иначе мы отвезем вас в участок.

— Как вам угодно, мадам. Но пока мы будем сидеть и разговаривать, самый опасный гангстер Нью-Йорка уйдет от преследования. Он в автобусе.

— О! Он станет стрелять в нас!

— Не станет. Он не вооружен.

— Тогда почему же он опасен?

— О Боже! — я потянулся к дверной ручке. — Лучше я оставлю машину с мужчиной за рулем.

В этот момент автомобиль тронулся с места.

— Еще чего, — обиженно произнесла первая женщина. — Я вожу машину ничуть не хуже любого мужчины.

Это оказалось правдой. Уже через квартал стрелка спидометра добралась до пятидесяти, и вскоре мы поравнялись с тем авто-

бусом. Вернее, с каким-то автобусом. Когда он остановился у перекрестка, я попросил ее подъехать поближе, что она сделала великолепно, и, прикрыв ладонью лицо, стал рассматривать пассажиров. Дэниел был там!

— Я веду за ним слежку, — объяснил я леди. — По имеющимся данным, он сейчас направляется на встречу с одним продажным политиком. Как только попадется свободное такси, можете меня высадить, хоть это и нежелательно, потому что такси возбудит его подозрение, в то время как машина с двумя такими приятными и элегантно одетыми женщинами — нет.

Хозяйка машины сурово посмотрела на меня.

— В таком случае, это наш долг, — объявила она.

И она тащилась за этим автобусом добрых три четверти часа через весь Ривердейл-драйв, затем до Бродвея и дальше, в центр. Чтобы сделать поездку веселее, я развлекал их байками про гангстеров, похитителей и прочую нечисть. Когда мы достигли Сорок второй улицы, а Дэниел был все еще в автобусе, я с отвращением подумал, что он, по всей видимости, направляется в полицейское управление. Я принял выискивать способ предотвратить это и так замечтался, что чуть не проморгал, когда он выпрыгнул на тротуар на Тридцать четвертой улице. Расплатившись с леди при помощи "спасибо" и сердечной улыбки, я вылез из машины и стал продираться сквозь плотную полуденную толпу шатающихся по магазинам. На какое-то время я потерял его, но вскоре заметил вновь, шагающим по Тридцать четвертой улице.

На Восьмой авеню он повернулся от центра. Я следовал в двадцати метрах позади.

На Тридцать пятой улице он вновь повернулся на запад.

И тут у меня в мозгу зародилась догадка. Естественно! Так вот куда он направлялся, прямехонько, словно пуля! Когда, по-прежнему бодро шагая, он пересек Девятую авеню, сомнения рассеялись окончательно. Я сократил дистанцию. Он начал взглядыватьсь в номера домов, то останавливаясь, то снова пускаясь в путь. Э, парень, от меня еще никто не уходил — это тебе говорю я, Арчи Гудвин! У меня мертвая хватка. Я шел по следу этого типа через весь город, словно бульдог. Через весь Нью-Йорк — до самых дверей Ниро Вульфа.

4

Когда до дома осталось два квартала, я принял лихорадочно думать.

Однако все три пришедшие мне в голову варианта, как сделать так, чтобы Вульф ни о чем не догадался, я отверг. Каждый из них был по-своему хорош, но ни один не был хорош в достаточной степени. Да и вообще Вульфа не проведешь, как ни выкручивайся. Поэтому, обогнав Дэниела на последних метрах пу-

ти, я взбежал на крыльце, отпер дверь своим ключом и, пригласив его войти, проводил в кабинет.

Вульф хмуро взглянул на нас из-за стола.

— Как поживаете, мистер Хадлстон? Арчи, где тебя носило?

— Зная, сколь неумолимо приближается время обеда, буду краток, — произнес я. — Но сперва взгляните вот на это. — Я вытащил из карманов и разложил на столе нож, лопатку и бумажные пакеты.

На лице Дэниела появилось изумленное выражение.

— Что это за ерунда? — спросил Вульф.

— Это не ерунда, — поправил я. — Это инструменты. Минувшей ночью дождя по-прежнему не было. Поэтому я решил съездить на Ривердейл и взять в том месте, куда орангутанг пролил йод, кусочек дерна для экспертизы. Очевидно, та же идея пришла в голову мистеру Хадлстону. И он опередил меня. Дери у него в газете. Опасаясь, что он может выбросить сверток в реку, я проследил за ним, и он привел меня сюда. Я рассказал это, потому что предпочитаю выглядеть скорее нелепым, нежели тупым. Теперь можете смеяться.

Вульф не смеялся. Он смотрел на Дэниела.

— Мистер Хадлстон, в вашем свертке действительно то, что сказал Арчи?

— Да, — ответил Дэниел. — Я хочу...

— Почему вы пришли с этим ко мне? Химик не я, а вы.

— Я хочу, чтобы все было сделано официально.

— Обратитесь в полицию.

— Ни за что! — Вид и тон Дэниела свидетельствовали о решимости. — Там меня считают обычным докучливым человеком. Допускаю, что так оно и есть. Но произведи я экспертизу сам, без чьего-либо присутствия, и они...

— А зачем? Не производите. У вас ведь есть коллеги, друзья?

— Я не хотел бы им доверяться.

— А вы уверены, что принесли именно тот кусок дерна, на который попал йод?

— Совершенно. Об этом свидетельствовали пятна на краю плиты. Для сравнения я взял еще две пробы по обе стороны от первой.

— Разумно. Кто подкинул вам эту мысль?

— Никто. Она пришла мне в голову сегодня утром, и я немедленно...

— Ах, так? Мои поздравления. Обратитесь в лабораторию Фишера. Вы слыхали о ней?

— Конечно. — Дэниел залился краской. — Но так случилось, что сейчас у меня совершенно нет при себе денег. А там дорого.

— Откройте кредит. Под залог состояния вашей сестры. Вы ведь ее ближайший родственник?

— Никакого состояния не существует. Оставшиеся после Бесс долговые обязательства значительно превышают стоимость имущества.

Вульф озабоченно поерзал.

— С вашей стороны очень непредусмотрительно не захватить наличных. Не может же у вас их совсем не быть, черт возьми! Видите ли, сэр, дело вашей сестры меня нисколько не интересует. Оно меня не касается. А время обеденное. Следовало бы с вами рас прощаться, но вы, похоже, способны шевелить мозгами, а это явление нынче столь редкое, что его надлежит поощрять. Арчи, позвони в лабораторию Фишера, спроси мистера Вейнбаха. Скажи, пусть примет от мистера Хадлстона срочный заказ, а счет отошлет мне. Я готов принять от вас вексель, сэр.

Дэниел замялся.

— У меня привычка... Я оплачиваю векселя с большим запозданием...

— С этим векселем такого не произойдет. Я позабочусь. Что такое аргирол?

— Аргирол? Ну... это соединение серебра с белком.

— Он оставляет пятна, похожие на пятна от йода. В нем могут жить столбнячные палочки?

Дэниел задумался.

— Полагаю, что могут. Он значительно слабее...

Вульф нетерпеливо помотал головой.

— Скажите мистеру Вейнбаху, чтобы проверил его наличие в дерне. — Он поднялся. — А теперь мне пора обедать.

Разделавшись с телефонным звонком и выпроводив Дэниела с его свертком за порог, я присоединился к Вульфу в столовой. Поскольку во время еды всякие разговоры о делах считались недопустимыми, я дождался, пока мы вернулись в кабинет, и сказал:

— Между прочим, Джанет видела, как он выкапывал дерн, а Мариэлла и племянник...

— Напрасно стараешься. Меня это не интересует. — Он указал пальцем на нож и садовую лопатку, которые по-прежнему лежали на столе. — Где ты это взял?

— Купил.

— Пожалуйста, убери их куда-нибудь. И не вздумай включить в графу "деловые расходы".

— Тогда я отнесу их в свою комнату.

— Ради Бога. На здоровье. А теперь возьми блокнот. Я продиктую письмо мистеру Хоену.

Тоном он давал понять: дела Хадлстонов больше не существуют. Не существует для стен этого кабинета, для тебя, для меня.

Нет сомнения, что так бы оно и было, если бы не его тщеславие. Впрочем, возможно, тщеславие тут ни при чем, и он позволил братцу Дэниелу вновь нарушить свой покой, только чтобы напомнить, что не советует затягивать с оплатой векселя. Так или

иначе, но когда некоторое время спустя, около семи, Дэниел опять появился у нас на крыльце, Фрицу было сказано проводить его в кабинет. С первого же взгляда — по глазам, по выпяченной челюсти — я понял: у Дэниела есть новости. Он подошел строевым шагом к столу Вульфа и объявил:

— Моя сестра была убита.

Затем достал из кармана конверт, суетясь, дрожащими пальцами вынул из него и развернул листок бумаги. Он покачнулся, ухватился за край стола, поискав глазами кресло и сел.

— Кажется, я немного ослаб от волнения, — виновато произнес он. — Вдобавок я сегодня позавтракал одним яблоком и с тех пор ничего не ел.

Если на свете существовала фраза, способная удержать в этот момент Вульфа от совета обратиться в полицию и просьбы выставить назойливого посетителя вон, то Дэниел произнес ее. Единственным человеком, которому в этом доме никогда не указывали на дверь, был человек с пустым желудком. Вульф наступил, взглянул на Дэниела — не с симпатией, с негодованием! — нажал кнопку и, когда на пороге появился Фриц, спросил:

— Как долго еще ждать суп?

— Он почти готов, сэр. Грибы на подходе.

— Принеси кастрюльку супа, хлебцы, брынзу и горячий чай.

Дэниел попытался протестовать, но Вульф не пожелал даже слушать. Он издал глубокий вздох, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Человек, который за последние двадцать четыре часа не съел ничего, кроме одного яблока, был для него слишком тяжелым зрелищем. Когда Фриц принес поднос, я уже поставил перед Дэниелом небольшой столик. Он жадно вцепился зубами в хлебец, зачерпнул ложкой суп, подул на него и отправил в рот.

Я взял вынутый им из конверта листок бумаги и принялся читать. Это было заключение из лаборатории Фишера. Проглотив несколько ложек супа, Дэниел заговорил:

— Я так и знал. Я не сомневался. Ничего иного просто не...

— Ешьте! — сурово приказал Вульф.

— Спасибо, спасибо. Очень вкусно. Вы оказались правы насчет аргирола. Прекрасная догадка. Чистейший аргирол! — Кусок брынзы исчез у него во рту. — Йода нет и в помине. Зато миллионы, сотни миллионов столбнячных палочек! Вейнбах сказал, что в жизни не видел ничего подобного. И все это на одном куске дерна. Два другие абсолютно чистые. Ни аргирола, ни палочек. Вейнбах считает...

В дверь позвонили, но поскольку никаких нежелательных посетителей не предвиделось, я остался на своем месте, предоставив Фрицу пойти открывать. Выяснилось, однако, что вторжение относилось к числу тех, которые Вульф ненавидел больше всего. Страховой агент или домашняя хозяйка, желающая выследить мужа, — просто комар, от которого достаточно отмах-

нуться (отмахиваться, понятно, приходилось мне), но на этот раз все оказалось серьезнее. Из холла донесся негодящий и протестующий голос Фрица, затем дверь распахнулась, и в кабинет огромными шагами вошел инспектор Кремер. Его взгляд тут же уперся в меня, и этот взгляд был испепеляющим. Затем, увидев затаившегося в кресле Дэниела, он издал победное сопение и, широко расставив ноги, проскружетал:

— Пойдемте-ка со мной! Да, да, вы! — И далее вашему покорному слуге: — И ты тоже, приятель!

Я изобразил улыбку.

— Если бы у вас, инспектор, нашлось время заглянуть в интереснейший документ, именуемый Конституцией Соединенных...

— Замолчи, Арчи, — вмешался Вульф. — Мистер Кремер, скажите на милость, что стряслось?

— Ничего. Абсолютно! — ответил он едко. — Стряслось? У меня? Чертова с два! — Я впервые видел его раздраженным и раздражающим до такой степени. — Послушайте, вы! — Он шагнул к столу Вульфа и стукнул по нему коротким толстым пальцем, издав звук, как от удара молотка. — Что вы сказали мне вчера вечером, сидя за этим самым столом? В чем вы уверяли меня?

На лице Вульфа появилась гримаса отвращения.

— Ваш тон и ваше поведение, мистер Кремер...

— Так вот, напомню, если забыли: вы заявили, что смерть Бесс Хадлстон вас совершенно не интересует! Что вы ничего о ней не знаете! И не ведете никаких расследований! — Кремер продолжал долбить пальцем стол.

— А сегодня утром одному из моих людей пришла в голову мысль. Знаете, случается у нас такое время от времени. И я отправил на Ривердейл полицейского. Но когда молодой Хадлстон показал ему то место, куда обезьяна пролила йод, и он собрался взять на исследование кусочек дерна, выяснилось, что дерн там уже был кем-то выкопан! Выкопан и аккуратно заменен другим куском такой же формы. Отличалась только трава. Мой человек стал расспрашивать, и ему сказали, что все это дело рук Дэниела Хадлстона, который забрал дерн и куда-то ушел, а вместе с ним ушел Гудвин, также побывавший сегодня утром на Ривердейл.

— Не вместе, — поправил я. — А следом за ним.

Кремер проигнорировал мои слова.

— Мы отправились за Хадлстоном, но не смогли его отыскать. Тогда я решил повидать вас. Вернее, вас и Гудвина. Прихожу — и что же я вижу? Хадлстона! Хадлстона, который сидит и как ни в чем не бывало уплетает за обе щеки. Итак: изъятие вещественного доказательства с места происшествия, уничтожение улики...

— Ерунда, — бесстрастно произнес Вульф. — Прекратите кричать. Если вам угодно знать цель прихода мистера Хадлстона...

— Знать — да, но только не от вас! А от него самого! И от Гудвина! Причем по отдельности! Я забираю их с собой.

— Нет, — отрезал Вульф. — Только не из моего кабинета.

Здесь-то и была зарыта собака. Двадцать минут назад пустой желудок Дэниела оказался единственным, что помешало Вульфу отправить его в полицию. Он отправил бы заодно и меня, без всякого ущерба для собственного аппетита. Но тут было дело иное. Уводить человека силой из этого дома, при наличии у полицейского ордера на арест или без такового, иначе как с его, Вульфа, благословения, являлось недопустимым посягательством на достоинство, честь и моральные принципы великого детектива. Поэтому, как и следовало ожидать, он реагировал взрывом энергии, граничившим с буйством. Он выпрямился.

— Садитесь, мистер Кремер, — сказал он.

— Ни за что! — Кремер был настроен решительно. — На сей раз вам не удастся провести меня при помощи ваших дурачков...

— Арчи, покажи мистеру Кремеру заключение из лаборатории Фишера.

Я сунул бумажку ему под нос. Его первым импульсом было отшвырнуть ее прочь, но ни один полицейский, пусть даже он инспектор, еще ни разу не отказался взглянуть на письменный документ. Поэтому он схватил ее и хмуро уставился в строчки. Дэниел что-то забормотал, но Вульф шикнул на него, и тот, покончив с брызгой и последним хлебцем, опустил сахар в чай и принялся его размешивать.

— И что? — рявкнул Кремер. — Откуда я знаю...

— Иногда я сомневаюсь, знаете ли вы вообще что-нибудь, — сухо произнес Вульф. — Повторяю: я никогда не интересовался и не интересуюсь обстоятельствами смерти Бесс Хадлстон, хотя и вы, и Арчи, и мистер Хадлстон продолжаете докучать мне по этому поводу. У меня нет клиента. Мой клиент умер. Вас взбесило, что вы обнаружили здесь обедающего мистера Хадлстона? Но если он голоден, ему что, черт возьми, нельзя поесть? Когда сегодня в час дня он появился в моем кабинете с дерном под мышкой, я посоветовал ему обратиться в полицию. Он ответил, что там с ним не хотят иметь дела. Почему он вернулся сюда, получив заключение лаборатории, я не знаю. Я только знаю, что он был голоден. Если вас сердит отсутствие гарантий, что исследованный в лаборатории кусок дерна — действительно тот самый, на который обезьяна вылила часть жидкости из бутылочки, предположительно содержащей йод, то тут я ничем не могу вам помочь. Почему вы не вырыли его сами, когда мистер Хадлстон обратился к вам впервые пять дней назад? Ведь это же было так очевидно!

— Тогда я еще не знал, что шимпанзе...

— А должны были знать. При тщательном опросе свидетелей такая деталь не могла ускользнуть. Надо либо расследовать как

следует, либо не расследовать вообще. Кстати, заключение можете забрать. Сохраните его. Счет из лаборатории Фишера получите позже. Арчи, пометь это себе в блокноте. Итак, бутылочка, о которой идет речь, содержала не йод. В ней был аргирол и ценные полчища бацилл столбняка. Подобный трюк требует незаурядного ума. Я никогда не слышал о более коварном, но вместе с тем более легком и простом способе совершения убийства. Полагаю, сэр, вы арестуете виновного. Теперь это достаточно просто, ибо круг подозреваемых сузился до пяти человек — тех пятерых, которые, не считая Арчи, находились на террасе, когда...

— Постойте, постойте, — запротестовал Дэниел. — Вы ошибаетесь. Ведь бутылочку могли поставить туда в любое время...

Вульф помотал головой.

— Нет. Только в тот день. Чисто логически нетрудно доказать, что, появившись она в шкафчике на длительный срок, ею мог бы воспользоваться любой. Но в этом нет необходимости. Еще в четыре часа того дня бутылочка содержала обычновенный йод.

Кремер нахмурился.

— Откуда вам это известно? — спросил Дэниел.

— Именно в это время йодом пользовался еще один человек — Арчи. Он споткнулся об аллигатора и расцарапал руку.

— Боже, — проговорил Кремер и опустился на стул.

Дэниел вопросительно посмотрел на меня, и я кивнул. Он перевел взгляд на Вульфа. У него отвисла челюсть, лицо сделалось серым.

— Но этого н-не может б-быть... — произнес он, заикаясь.

— Не может быть что?

— Не может быть... Неважно. — Дэниел слабо потряс головой, словно отгоняя неприятную мысль. Внезапно его охватило возбуждение: — Я не могу в это поверить! Чтобы кто-то из них!.. Одна из девушек, Ларри или доктор Брейди?..

— Или вы, сэр, — сухо добавил Вульф. — Ведь вы тоже там были. А что касается ваших стараний навести полицию на след, то вы можете оказаться коварнее, нежели кажетсяесь. Оставьте эмоции. Успокойтесь. В противном случае ваш пищеварительный тракт не справится с супом и брынзой. Итак, мистер Кремер, теперь дело за вами. Убийство было совершено экспромтом. Но не под воздействием минутного порыва — наоборот. Оно было тщательно подготовлено: пузырек с йодом опорожнен, промыт и наполнен аргиролом с армией столбнячных палочек. — Вульф пожевал губами. — Отвратительно. Такой замысел, не говоря уж о его исполнении, мог прийти в голову только крайне не-привлекательного субъекта. И этот замысел был осуществлен. Думаю, убийца предполагал подстроить ситуацию, требующую использования йода. Есть даже основания считать, что определенные шаги в этом плане им были предприняты, однако происшествие на террасе породило возможность слишком благоприят-

ную, чтобы ею не воспользоваться. С точки зрения техники, преступление было исполнено и скрыто великолепно. Убийце требовалось сделать лишь две вещи: подложить осколок в туфлю мисс Хадлстон, что не составляло особого труда, так как в тот момент все были заняты собиранием разбитых стаканов, и подменить стоявшую в шкафчике бутылочку йода на поддельную. Без всякого риска. Если бы мисс Хадлстон вытряхнула осколок из туфли, прежде чем ее надеть, если бы она по какой-то причине не порезалась, бутылочки можно было легко поменять обратно. Существует, правда, одно "но": бутылочка в шкафчике могла иметь другую этикетку...

— Этикетки на бутылочках с йодом были одинаковыми, — прогромыхал Кремер.

— На всех?

— Да. В доме было семь бутылочек йода, считая ту, что в кухне, и все они имели одинаковый размер, форму и этикетки.

— Их закупали оптом, — пояснил я. — По причине Мистера и медведя.

— Да-а, тут вы постарались, мистер Кремер, — произнес Вульф. — Ишь ты. Семь. Не восемь, а семь! И, конечно, вы отослали их все на экспертизу, и в них оказался самый обыкновенный йод.

— Верно. Кстати, мне непонятна ваша ирония. Итак, с одним "но" мы разобрались. Однако есть и другое: чтобы подменить бутылочку с йодом, убийце требовалось покинуть террасу и войти в дом после того, как был уронен поднос, но еще до того, как мисс Хадлстон порезала ногу.

Вульф покачал головой.

— Ваше "но" ничего не проясняет. В названный промежуток времени в доме побывали все. Мисс Николс ходила за веником и совком. Племянник — за новой партией спиртного. Мисс Тиммс — за пылесосом. А доктор Брейди выносил мусор.

Кремер раздраженно уставился на него.

— И он еще говорит, что ничего не знает! Что ему ничего не известно!

— Все, кроме меня, — уточнил Дэниел. — Я не покидал террасу в этот промежуток.

— Верно, — согласился Вульф. — Но на вашем месте я бы этим не хвастался. Вы ходили за йодом. Это вы принесли доктору Брейди ту бутылочку, содержимым которой он обработал рану мисс Хадлстон. У вас снова отвисла челюсть. Вы переходите от ярости к негодованию с завидной быстротой. Откровенно говоря, я не склонен подозревать вас в убийстве сестры. Но если вы это сделали, то ваши актерские способности выше всякой похвалы. Оставайтесь ужинать, и к концу трапезы я смогу дать относительно вас окончательное заключение. Куропатки в маринаде. — Его глаза сверкнули. — Они ждут нас. — Вульф отодвинул кресло и встал. — Итак, мистер Кремер, похоже, что круг подо-

зреваемых сузился до четырех. Это упрощает вашу задачу. А теперь, надеюсь, вы извините меня...

— Угу, — промычал Кремер. — С удовольствием. — Он тоже поднялся. — Но вам придется наслаждаться куропатками в одиночестве. Я забираю Хадлстона и Гудвина с собой. Пойдемте.

— Но я же расчистил для вас дебри, — обиделся Вульф. — Если вы хотите повидать Хадлстона и Гудвина непременно сегодня вечером, они могли бы заглянуть в управление, скажем, к десяти часам.

— Нет. Они пойдут сейчас.

Вульф выпятил подбородок. Его рот открылся и снова закрылся. Зрелище было занятное, в особенности для меня, знающего, как тяжело, почти невозможно, вывести его из себя. Не доставляло мне удовольствия лишь то, кто это делал. Поэтому я произнес:

— Лично я остаюсь есть куропаток. Что касается десяти часов, то я могу зайти в управление, а могу и не зайти, в зависимости от...

— Ну и черт с вами, — прогрохотал Кремер. — С вами я разберусь позднее. Пойдемте, мистер Хадлстон.

Вульф сделал шаг вперед. Его голос дрожал от ярости:

— Мистер Хадлстон — мой гость.

— Что ж, погостили — и хватит. Пойдемте, мистер Хадлстон.

Вульф повернулся к Дэниелу.

— Мистер Хадлстон. Я пригласил вас к своему столу. Вы не имеете никакого обязательства, юридического или морального, следовать за этим человеком, как он того требует. Он петушился, рассчитывая взять вас на испуг. После ужина мистер Гудвин...

Но Дэниел твердо сказал:

— Пожалуй, я все-таки пойду с ним, мистер Вульф. Я потратил столько времени, уговаривая их приняться за дело, что теперь...

Куропатки получились отменные, и я съел почти столько же, сколько Вульф. В остальном ужин был одним из скучнейших на моей памяти. Вульф не проронил ни слова до самого кофе.

5

Я описал предыдущую сцену во всех подробностях, потому что, не случись ее, сомневаюсь, что убийца Бесс Хадлстон был бы когда-либо найден. Возможно, кто-нибудь из команды Кремера и смог бы докопаться до сути, но добить достаточные для ареста доказательства — ни в жизнь. Что касается Вульфа, то, оставшись без клиента и, следовательно, не имея никаких обязательств, он уже забросил дело, и забросил бы окончательно, если бы Кремер не похитил у него сотрапезника прямо из-под носа, чем взбесил до такой степени, что в тот вечер ему дважды пришлось принимать лекарство.

Дважды. Первый раз — вскоре после ужина, когда он отправил меня за ним наверх в свою комнату. Второй — поздно ночью, когда я вернулся, наконец, домой от инспектора Кремера. Я тихонько проскользнул по двум лестничным пролетам в свою комнату и уже начал раздеваться, когда на столе зажужжал внутренний телефон и, сняв трубку и получив указания, я пошел к Вульфу. В его комнате было темно, кровать пуста, поэтому я проследовал в ванную, где застал его отмеряющим вторую дозу лекарства с выражением лица, способным обратить в бегство короля ринга Джо Льюиса. Вульф, облаченный в десять метров желтого шелка, именовавшихся пижамой, — это было зрелище!

— Ну? — спросил он.

— Ничего особенного. Как обычно. Вопросы и подпись под показаниями.

— Он мне за это заплатит. — Физиономия Вульфа очень напоминала сейчас маску разъяренной горгульи. Затем он поставил бутылочку обратно в шкафчик. — Я не принимал эту гадость с весны, с того самого эксперимента с угрями. Он дорого мне заплатит. Рано утром отправляйся на Ривердейл. Расспроси конюха и...

— Сомневаюсь, что таковой там остался. Лошади распроданы. Кредиторам выплачиваются по два процента.

— Найди его. Хоть из-под земли. Мне нужно знать, брал ли кто-либо в последнее время из конюшни какой-либо материал — все равно какой. В идеале это небольшой бумажный пакетик с конским навозом. Расспроси как следует. Будет отмалчиваться — привези сюда. А также... Остался там кто-нибудь из слуг?

Я кивнул.

— Старший лакей. Вероятно, он околачивается на Ривердейл в надежде получить причитающееся ему жалованье.

— Разузнай у него насчет бутылочки, которую мисс Хадлстон обнаружила разбитой в своей ванной. Все, что только известно. Если в то время в доме был еще кто-то из слуг, расспроси их. Главное — детали...

— А остальных? Мариэллу, Джанет, Ларри — их тоже расспросить?

— Нет. Только слуг. Прежде чем возвращаться, позвони. Перед уходом оставь на моем столе номера телефонов: Ривердейл, мистера Хадлстона, доктора Брейди. Броде все. Он мне заплатит за это. Спокойной ночи.

Так мы вновь принялись за расследование. У нас не было ни клиента, ни задатка, ни гонорара, но зато появилось дело, а это, во всяком случае, лучше, чем отсиживать с утра до вечера копчик и слушать радио.

Я ограничился шестью часами сна и уже к восьми был на Ривердейл. Я не стал спрашивать разрешения приехать, так как

все равно нужно было забрать машину, оставленную накануне на обочине перед калиткой. Встретивший меня у дверей Хоскинс сообщил, что конюх от них ушел, но у Мариэллы, возможно, сохранился его адрес. Лично я предпочел бы беседовать на эту тему с Джанет или даже с Ларри, но Хоскинс сказал, что они оба любители спать по утрам, а Мариэлла уже встала и приступила к завтраку, поэтому пришлось узнавать адрес у нее. По счастью, это не оказался Бакиус, штат Огайо, а всего лишь Бруклин. Можете говорить о Бруклине все, что угодно — я присоединяюсь, — однако у него есть одно крупное преимущество. Он рядом.

Моя задача оказалась простейшей, в особенности после того, как я нашел адрес, а по адресу — конюха. Его звали Тим Лавери, и когда он не улыбался, шрам на щеке придавал его лицу злодейское выражение. Я заговорил с ним осторожно, делая вид, что интересуюсь чем-то совершенно иным, но вскоре понял, что юлить нет необходимости, и задал вопрос в лоб.

— Конечно, — ответил он. — Около месяца назад, может, чуть больше, док Брейди приносил пустую коробку из-под леденцов, чтобы набрать навоза. Я помог. Он сказал, что это нужно для опыта. Его пациентка умерла от столбняка... черт, имя запамятовал...

Я притворился, что не нахожу в его рассказе ничего особенного.

— Откуда он брал навоз? Из стойла?

— Нет, из кучи. По его просьбе мне пришлось разворотить ее до самого центра.

— С ним был кто-нибудь? Например, одна из девушек?

Тим помотал головой.

— Он был один. Они покатались верхом, ушли в дом, и уже после этого Брейди вернулся и сказал, что ему нужно.

— Вы помните, какой был день? Число?

Последняя неделя июля — вот самое точное, что он смог вспомнить. Я записал подробности, удостоверился, что в случае необходимости его можно будет найти, после чего попрощался и, выйдя на улицу, позвонил Бульфу из первой же телефонной будки. Сняв трубку в оранжерее, и, следовательно, находясь в состоянии совершенно отрешенном, он не выразил буйного восторга по поводу моих открытий, чего, впрочем, не произошло бы ни при каких обстоятельствах, и сообщил, что вторая половина моего задания остается в силе.

Когда в начале десятого я вновь очутился перед особняком Хадлстона, удача все еще сопутствовала мне. Вместо того чтобы остановиться у главных ворот, я проехал дальше и через несколько метров затормозил перед небольшой калиткой, дорожка от которой вела к заднему крыльцу дома. Хоскинс сидел на кухне и разговаривал с подавленного вида женщиной в одежде горничной. Мой приход они восприняли сдержанно, но не враждеб-

но. Хоскинс даже предложил выпить чашку кофе, и я согласился. Опасаясь, как бы нам не помешали, я провел беглую инвентаризацию и выяснил, что Ларри и Мариэлла куда-то ушли, Дениел в то утро еще не появлялся, никаких полицейских в доме не было, а Джанет только что затребовала завтрак в постель. Горизонт был чист, но чувство, что делегация из ведомства Кремера может показаться в любую минуту, не отпускало, поэтому я, не теряя времени, перешел к делу.

Хоскинс и горничная отлично помнили интересовавший меня эпизод. Во вторник, вскоре после ланча, Хоскинс был вызван наверх, в комнату мисс Хадлстон, где ему предложили заглянуть в ванную. Осколки валялись повсюду: на полу, в раковине, в самой ванне. Стекло было даже на высокой полочке, где прежде хранился большой флакон с ароматической солью. Мисс Хадлстон его не разбивала. Хоскинс его не разбивал. Горничная, будучи допрошенной, также заявила, что ничего не разбивала, после чего они с Хоскинсом принялись за ликвидацию беспорядка. Я спросил, как насчет орангутанга. Возможно, ответили они; эта тварь была способна на что угодно, однако Мистеру запрещалось подниматься наверх, чего он почти никогда не делал, и в тот день никто его в доме не видел.

Я записал их рассказ как можно подробнее и даже спросил, нельзя ли взглянуть на осколки флакона, который, по их словам, был из толстого кремово-желтого стекла, но осколки уже давно перекочевали в помойку. Я попросил Хоскинса показать мне ванную мисс Хадлстон. Когда мы стали подниматься по лестнице, навстречу нам попалась служанка, что-то пробормотавшая о подносе с завтраком для мисс Николс. Комната Бесс Хадлстон больше походила на музей, нежели на спальню: все стены покрыты окантованными фотографиями с автографами и подписями, каждый сантиметр пространства захламлен чем угодно — от женского манекена в эскимосском костюме до груды китайских фонариков. Но меня интересовала только ванная. Она была размалевана всеми мыслимыми цветами, на манер камуфляжной окраски времен мировой войны. Голова у меня закружилась, поэтому я не смог провести обследование надлежащим образом, но основные детали, например, расположение полочки, на которой стоял злополучный флакон с солью, я все же заметил. Теперь на его месте красовалась почти полная новая бутылка, и я уже потянулся, чтобы получше ее рассмотреть, как вдруг отдернул руку, отошел к двери и прислушался. Хоскинс стоял посреди комнаты в настороженной, нерешительной позе спиной ко мне.

— Кто кричал? — спросил я.

— В том конце холла... — ответил он, не оборачиваясь. — Там только мисс Николс...

В крике не было ничего душераздирающего; откровенно говоря, я его едва слышал, но крик есть крик.

Я обогнул Хоскинса и, выйдя из комнаты, решительно пересек холл.

— Последняя дверь направо, — произнес он мне вслед.

Я знал это, так как бывал у Джанет прежде. Дверь оказалась открыта. Я повернул ручку и вошел. В комнате никого не было, в глубине через распахнутую дверь виднелся угол ванной.

Я сделал несколько шагов, но тут послышался голос служанки:

— Кто там?

— Арчи Гудвин. Что...

Она возникла на пороге, лицо ее было взъерошено.

— Вам нельзя сюда! Мисс Николс не одета!

— О'кей. — Понимая деликатность ситуации, я остановился. — Но я слышал крик. Джанет, вам нужна помощь?

— Нет, — почти беззвучно ответила невидимая неодетая Джанет. — Спасибо, все в порядке! — Голос был не только слабым, он дрожал.

— Что случилось? — спросил я.

— Ничего страшного, — сказала служанка. — Небольшая ранка. Она порезала руку осколком стекла.

— Она... что?! — Я сделал большие глаза. Не дожидаясь повторного ответа, я отодвинул служанку и вошел в ванную.

Джанет, не одетая в полном смысле этого слова и совершенно мокрая, сидела на табурете. Не обращая внимания на протесты и стряхнув с себя сделавшуюся вдруг красной, словно свекла, служанку, чья девичья скромность была глубоко травмирована бесцеремонностью моих действий, я снял с крючка полотенце и протянул его Джанет.

— Возьмите. Это защитит устои цивилизации.

Я обследовал ее руку. Порез приблизительно трех сантиметров длиной посередине между запястьем и локтем выглядел из-за смеси крови и йода куда хуже, чем был на самом деле. Он, конечно, не стоил того, чтобы лишаться чувств, но глядя на лицо Джанет, можно было подумать, что она вот-вот хлопнется в обморок. Я взял у нее бутылочку с йодом и заткнул пробкой.

— Я вовсе не кричала, — сказала Джанет, придерживая край полотенца у самого подбородка. — Честное слово, я никогда не кричу. Просто мне стало не по себе... Порезаться осколком... всего через несколько дней после смерти мисс Хадлстон... Я не кричала, когда порезалась. Не такая уж я глупенькая. Я закричала, когда увидела на щетке осколок. Это показалось мне так...

— Вот он, — сказала служанка.

Я положил осколок на ладонь. Это был кусочек кремово-желтого стекла с неровными краями, размером чуть больше монеты.

— Он похож на осколок бутылки, разбитой в комнате мисс Хадлстон. Вы о ней спрашивали, — сказала служанка.

— Я оставил его себе на память, — произнес я, опуская осколок в карман, где уже лежал пузырек с йодом, и подобрал с пола

щетку для мытья. — Итак, вы сели в ванну, намылились, стали тереть себя щеткой, порезались и, обнаружив запутавшийся в щетине осколок, закричали. Верно?

Джанет кивнула:

— Понимаю, кричать было глупо...

— Я как раз убирала в комнате, — вмешалась служанка. — Вбежала и...

— С этим позже, — перебил я. — Лучше принесите марлю и бинт.

— Они там, в шкафчике, — сказала Джанет.

Я аккуратно обработал ей руку, подложив побольше марли, потому что ранка все еще кровоточила. А вот в лице девушки крови явно не хватало. Оно было по-прежнему бледным и испуганным, хотя она и пыталась улыбаться, благодаря меня за помощь.

Я легонько похлопал ее по красивому круглому плечу.

— Не за что, детка. Я подожду внизу. Одевайтесь. Полотенце вам очень идет, но, думаю, разумнее всего нам сейчас отправиться к доктору и сделать укол антитоксина. Я отвезу, когда будете готовы...

— Антитоксина? — Она глотнула ртом воздух.

— Конечно. — Я снова похлопал ее по плечу. — Элементарная мера предосторожности.

Узнав от меня, что ничего страшного не произошло и надо лишь дать мне кусок бумаги, чтобы завернуть щетку, маячивший все это время в коридоре Хоскинс вздохнул с облегчением. Оставшись один, я вытащил из кармана бутылочку с йодом, откупорил, понюхал. Все что угодно, только не йод. Я вставил пробку обратно, плотно и старательно заткнул ею горлышко, после чего, вымыв руки, отыскал телефон и позвонил Вульфу.

К телефону подошел он сам. И я старательно выложил новостями.

— Забери ее оттуда! — сказал он тревожно, когда я закончил.

— Да, сэр. У меня...

— Немедленно, будь все проклято! Мог бы и не звонить. Если мистер Кремер заявится...

— Позвольте, — возразил я. — Но она же голая. Как только она оденется, мы уедем. Я хотел предложить вам позвонить доктору Воллмеру, чтобы он подготовил дозу антитоксина. Мы будем у него приблизительно через полчаса. Или мне позвонить отсюда самому?

— Нет. Я позвоню. Уезжайте как можно скорее.

— Слушаюсь.

Я поднялся и, подойдя к двери Джанет, крикнул, что буду ждать ее у боковой калитки. Затем спустился, развернул машину и подогнал ее к условленному месту. Я уже раздумывал, как действовать, если в поле зрения покажется полицейский автомобиль, но тут на дорожке, слегка покачиваясь на высоких шпиль-

ках, появилась она, не сказать чтобы элегантная, но в плаще, застегнутом на все пуговицы. Я помог ей забраться в машину и рванул с места так, что из-под колес полетел гравий.

Настроения разговаривать у нее, видимо, не было. Я рассказал, что док Воллмер наш давний друг, что его дом находится в том же квартале, где живет Ниро Вульф, поэтому я везу ее к нему. Несколько пристрелочных вопросов из серии, каким образом осколок мог оказаться на щетке для мытья, результата не дали. Похоже, она не имела на этот счет никаких соображений. Что ей сейчас действительно требовалось, так это ухватиться за надежную мужскую руку, но я вел машину. Бедняжка перепугалась до беспамятства.

Мне не пришлось давать объяснения доктору Воллмеру, так как Вульф уже переговорил с ним по телефону, и мы пробыли там не более двадцати минут. Он тщательно промыл рану, обработал своим собственным йодом, сделал Джанет в руку укол антитоксина, после чего отвел меня в соседнюю комнату и попросил дать ту бутылочку, которую я прихватил в ванной мисс Николс. Я дал. Он откупорил ее, понюхал, отлил часть содержимого в стеклянную пробирку, снова, еще туже, заткнул пробкой и вернулся.

— За девушку можете не беспокоиться, — произнес он. — Что за дьявольский трюк! Передайте мистеру Вульфу, что я позвоню при первой же возможности.

Мы спустились и сели в машину. До дома Вульфа оставалось не более ста метров, но я обнаружил, что не могу проехать последние десять из них, так как перед нашим фасадом стоят два автомобиля. Джанет даже не спросила, почему я везу ее к Вульфу. Очевидно, она предоставила мне действовать на свое усмотрение. Я ободряюще улыбнулся, отпер дверь и пригласил ее в дом.

Не зная, кем могут оказаться посетители, которым принадлежат припаркованные возле крыльца машины, я не повел Джанет сразу в кабинет, а проводил в гостиную. Но один из них находился именно там — сидел, развалившись в кресле. При виде его у Джанет вырвался удивленный возглас. Это был Ларри Хадлстон. Мы поздоровались, я предложил Джанет сесть и, решив, что лучше не пользоваться дверью, которая вела из гостиной прямо в кабинет, обошел через холл. Вульфа в кабинете не оказалось, зато там были еще двое посетителей: доктор Брейди и Дениел Хадлстон, которые, судя по напряженным позам, явно не коротали время за беспечной болтовней.

Ого, подумал я, кажется наклевывается вечеринка. И пошел в кухню. Вульф был там.

Он стоял возле длинного стола, наблюдая, как Фриц натирает смесью пряностей телячью печенью, а рядом с ним, ближе, чем какая-либо женщина или девушка приемлемого возраста, держась за его локоть, стояла Мариэлла. Такого на моей памяти не бывало.

Вульф скользнул по мне взглядом.

— Уже вернулся, Арчи? — Он наклонился, посмотрел на печенку, выпрямился и вздохнул всей своей богатырской грудью. — А где мисс Николс?

— В гостиной. Док Воллмер взял образец жидкости из бутылочки и обещал позвонить, как только сможет.

— Отлично. На самую холодную полку, Фриц. За временем следи сам. И предоставь входную дверь Арчи. Арчи, мы заняты, и нас ни для кого нет. Без исключений. Пойдемте, мисс Тиммс.

Мариэлла не смогла держать его под руку, когда они покидали кухню.

Дверной проем оказался узок для двоих.

6

— Я жду уже больше получаса, — недовольно проговорил доктор Брейди. — Сколько это еще продлится? К часу мне нужно быть в офисе.

Я сидел за своим письменным столом, а он рядом, на стуле с высокой спинкой. По одну сторону от него, в вертящемся кресле, где я любил читать, расположилась Мариэлла, по другую — Ларри. Затем Дэниел Хадлстон. И, наконец, замыкала полукруг Джанет в красном кожаном кресле, ссутулившаяся и, казалось, наполовину отсутствующая. Впрочем, никто из них не чувствовал себя в своей тарелке, даже Мариэлла, которая украдкой поглядывала то на Вульфа, то на собравшихся, покусывала губы и периодически покаливала.

Полузакрытые глаза Вульфа остановились на Брейди.

— Боюсь, что вам придется немножко опоздать к своим пациентам, доктор. Очень сожалею...

— Что это за спектакль? По телефону вы сказали...

— Позвольте, — резко перебил Вульф. — Все, что я сказал, я сказал исключительно с целью заполучить вас сюда. С тех пор ситуация изменилась. Каждому из присутствующих я сообщил, что считаю факт убийства мисс Хадлстон доказанным и неоспоримым. Теперь я продвинулсь несколько дальше. Я знаю, кто убил ее.

Они все уставились на него. Мариэлла, широко раскрыв глаза, машинальными движениями разглаживала складки на платье. Джанет вцепилась в подлокотники кресла и, казалось, перестала дышать. Дэниел наклонился вперед, выпятив подбородок, словно полузащитник, ожидающий свистка. В горле у Брейди забулькало. Единственным, кто произнес что-то членораздельное, оказался Ларри.

— Черта с два! — сказал он грубо.

Вульф наклонил голову.

— Знаю. Это первое изменение в ситуации. И второе: кто-то предпринял попытку убить мисс Николс... Спокойствие! Оснований для тревоги уже нет. Попытка провалилась.

— Когда? Что за попытка? — спросил Брейди.

— Убить Джанет? — недоверчиво воскликнула Мариэлла.

Вульф нахмурился.

— Мы потеряли меньше времени, если вы не будете перебивать. Я постараюсь быть краток, насколько возможно. Уверяю вас, у меня нет желания растягивать эту непривлекательную процедуру. Тем более, что мне самому неприятно присутствие здесь одной крайне отталкивающей личности. Назовем этого человека Икс. Как вам известно, Икс сперва попытался навредить мисс Хадлстон, рассыпая анонимные письма.

— Ничего подобного! — возмутился Ларри. — Откуда нам знать, что анонимные письма рассыпал сдин из нас? И откуда это знать вам?

— Давайте договоримся так, мистер Хадлстон. — Вульф ткнул в его сторону пальцем. — Я излагаю версию. Можете ничего не принимать на веру. В конце будет приговор, и ваше право согласиться с ним или нет. Итак, Икс рассыпал анонимные письма. Кстати, если я буду дальше говорить "он", то это вовсе не означает, что Икс — мужчина. Он либо остался не удовлетворен результатом, либо что-то случилось — значения не имеет. Так или иначе, Икс решился на нечто более серьезное и кардинальное. Убийство. Техника его выполнения была, вне всякого сомнения, подсказана недавней смертью от столбняка мисс Хоррокс. Небольшое количество добытого в конюшне органического материала, будучи растворенным в воде, дало необходимую эмульсию. Ее профильтровали, смешали с аргиролом и наполнили ею бутылочку с этикеткой "Йод", которой, в свою очередь, заменили аналогичную бутылочку в ванной мисс Хадлстон. Однako...

— В ванной? — в голосе Мариэллы вновь слышалось недоверие.

— Именно, мисс Тиммс. Однако Икс был не из тех, кто станет сидеть сложа руки, дожидаясь, когда мисс Хадлстон ненароком порежется. Он решил поторопить события, разбив в ее ванной флакон ароматической соли и поместив один из осколков в щетину щетки для мытья. Замечательно просто. Будто осколок случайно туда попал. Если бы мисс Хадлстон заметила его и вынула — ничего страшного, попытку можно повторить. Если нет, тогда она бы порезалась, а порезавшись, наверняка воспользовалась бы пузырьком йода...

— Черт возьми! — взревел Ларри. — Неужели вы и впрямь...

— А почему нет? — оборвал его Вульф. — Арчи, будь добр...

Я вынул осколок из кармана, передал Вульфу, и он продемонстрировал его собравшимся, держа между большим и указательным пальцем.

— Вот он. Тот самый осколок.

Они вытянули шеи. А Брейди — так даже привстал со своего стула, пробормотав:

— Ради всего святого, но как...

— Сядьте, доктор. Как я его заполучил? Что ж, до этого мы еще доберемся. Итак, я поведал о приготовлениях. Но вмешался случай, и все упростилось. Как раз в тот день на террасе разился поднос со стаканами, и осколков было хоть отбавляй. Икс блестящее сымпровизировал. Помогая собирать осколки, он не заметно подложил один из них в туфлю мисс Хадлстон, после чего, отправившись в дом по какому-то поручению, что пришлось сделать всем вам в связи с этой маленькой катастрофой, сбежал наверх, извлек из щетки осколок и прихватил бутылочку поддельного йода. Затем поставил ее в висевший в гостиной шкафчик, подменив ею хранившуюся там бутылочку настоящего йода. Для подвижного человека тридцати секунд, самое большее минуты, для этого было достаточно. — Вульф вздохнул. — Как вам известно, затея удалась. Мисс Хадлстон сунула ногу в туфлю, порезалась, ее брат принес йод, доктор Брейди обработал им рану, после чего она заболела столбняком и умерла. — Его взгляд остановился на Брейди. — Между прочим, доктор, сам собой напрашивается вопрос. Как могло получиться, что вы не заметили отсутствия характерного для йода запаха? Это интересно.

Брейди помрачнел.

— Коли на то пошло, — сказал он едко, — то требуется еще доказать, что бутылочка содержала не йод и, следовательно...

— Глупости. Я же объяснил по телефону. Кусок дерна, на который шимпанзе пролил находившуюся в бутылочке жидкость, был подвергнут анализу. Аргирол, йода нет и в помине, зато есть полчища бацилл столбняка. Заключение в полиции. Уверяю вас всех, что сколь ни неприятным вам может показаться дознание, которое я сейчас провожу, оно было бы неизмеримо неприятнее, если бы его проводила полиция. Выбирайте...

Звонок в дверь заставил меня отлучиться. Не желая пропустить кульминационные события, я помчался открывать, однако, прежде чем отпереть замок, принял необходимые при существующих обстоятельствах меры предосторожности, отодвинул занавеску и выглянул на улицу. И правильно сделал. Никогда прежде я не видел на нашем крыльце такого количества официальных лиц одновременно. Инспектор Кремер, лейтенант Роуклифф и сержант Стеббинз! Я приблизился к двери, щелкнул замком, повернул ручку и сказал в образовавшуюся щель:

— Они здесь больше не живут.

— Послушай, ты, выскочка, — невежливо произнес Кремер. — А ну-ка немедленно открой дверь!

— Не могу. Петлю заело.

— Открывай, говорю! Мы знаем, что они здесь!

— Врите больше! Знаете, да не все. Кое-чего не хватает... Что? Нет? Нет ордера? Какая жалость, судья-то сейчас на обед...

— Черт возьми, неужели ты думаешь...

— Упаси Боже. Думает мистер Вульф. Мое дело — грубые физические усилия. Например, такие...

Я захлопнул дверь, убедился, что замок защелкнулся, после чего сходил на кухню, где, встав на стул, отвинтил молоточек звонка. Затем взял засов, запер на него заднюю дверь, попросил Фрица ничего не трогать и вернулся в кабинет. Вульф умолк и вопросительно посмотрел на меня. Я кивнул и, направляясь к своему стулу, пояснил:

— Три разъяренных мужа. Очевидно, они вернутся с необходимыми документами.

— Кто конкретно?

— Кремер, Роуклифф и Стеббинз.

— Ха. — На лице Вульфа появилось удовлетворенное выражение. — Отключи звонок.

— Сделано.

— Запри заднюю дверь.

— Тоже сделано.

— Прекрасно. — Он обвел взглядом присутствующих. — Инспектор, лейтенант и сержант полиции взяли здание в осаду. Поскольку они занимаются расследованием убийства, а все замешанные в деле лица находятся здесь, и им это известно, запертые двери моего дома доведут их до белого каления. Я позволю им войти, но только тогда, когда сочту нужным. Не раньше. Если кто-либо желает уйти сейчас, мистер Гудвин выпустит его на улицу. Итак, есть желающие?

Никто не двигался, не говорил, не дышал.

Вульф кивнул.

— В твоё отсутствие, Арчи, доктор Брейди заявил, что при наличии на террасе ветерка изменение характерного для йода запаха могло легко остаться незамеченным. Верно, доктор?

— Да, — коротко ответил Брейди.

— Очень хорошо. Я совершенно с вами согласен. — Вульф окинул взглядом собравшихся. — Таким образом, импровизация нашего Икса увенчалась успехом. Позднее он, конечно, забрал из шкафчика бутылочку поддельного йода и поставил обычную. С его точки зрения, все сошло гладко. И это действительно могло оказаться идеальным убийством, не подлежащим никакому расследованию, если бы шимпанзе не прорвал часть содержимого бутылочки на траву. Я не знаю, почему Икс оставил данную деталь без внимания; времени было достаточно, несколько дней и ночей. Возможно, он не заметил этой шалости обезьяны или же не осознал таящейся в ней опасности. Впрочем, он любил рисковать. Не избавился же он, к примеру, от бутылочки поддельного йода и извлеченного из щетки мисс Хадлстон осколка, когда в них минула нужда. Он...

— Откуда вы знаете? — поинтересовался Ларри.

— Это просто. Он не мог не сохранить их, потому что воспользовался ими еще раз. Вчера бутылочка поддельного йода появилась в шкафчике ванной мисс Николс. А осколок оказался в ее щетке для мытья.

Я наблюдал, вернее, старался наблюдать за всеми сразу, но, очевидно, убийца был для меня слишком крепким орешком. Тот, для кого эта весть не явилась неожиданностью, сыграл роль так хорошо, что я не продвинулся ни на шаг в своих умозаключениях. Вульф тоже разглядывал собравшихся — неподвижно, полузакрыв веки и опустив подбородок на узел галстука.

— И, — продолжал он, — трюк сработал. Сегодня утром мисс Николс, начав мыться, порезала руку, достала из шкафчика йод и обработала им рану...

— Боже мой! — Брейди вскочил со своего места. — Но ей же необходимо...

Вульф остановил его взмахом ладони.

— Успокойтесь, доктор. Ей сделали укол антитоксина.

— Кто?

— Квалифицированный специалист. Сядьте, пожалуйста. Спасибо. В настоящий момент мисс Николс не нуждается в ваших услугах, но я хотел бы воспользоваться вашими профессиональными знаниями. Во-первых... Арчи, щетка у тебя?

Она лежала в моем столе, все еще завернутая в принесенную Хоскинсом бумагу. Я развернул ее и протянул Вульфу. Но он лишь спросил меня:

— Ты ведь умеешь обращаться со щеткой для мытья, не так ли? Покажи, как ты ею манипулируешь. На своей руке.

Давно привыкнув ко всевозможным странностям со стороны шефа, я повиновался. Начав с запястья, я энергичными взмахами повел щетку к плечу.

— Достаточно, спасибо. Несомненно, все вы, если, конечно, пользуетесь щетками для мытья, обращаетесь с ними аналогичным образом, то есть перемещаете не круговыми и не поперечными движениями, а вдоль руки, вверх-вниз. Кстати, и порез на руке мисс Николс, как мне описал его мистер Гудвин, расположен вдоль, приблизительно между запястьем и локтем. Это верно, мисс Николс?

Джанет кивнула, кашлянула и негромко сказала:

— Да.

Вульф повернулся к Брейди.

— Теперь вопрос к вам, сэр. Нам потребуются ваши профессиональные знания. Дабы получить отправную точку, на которую нельзя будет посягнуть. Почему мисс Николс повредила руку порезом длиной целых три сантиметра? Почему она не отдернула щетку сразу, как только почувствовала, что ранит себя?

— Почему? — Брейди уставился на Вульфа. — Но это же очевидно, просто она сперва ничего не почувствовала.

— В самом деле?

— Конечно. Не знаю, какую отправную точку вы желаете получить, но, натирая руку щеткой, она едва ли могла почувствовать в щетине острие осколка. Более того, очевидно, только увидев кровь, она поняла, что порезалась.

— Да-а... — Вульф выглядел разочарованным. — И вы в этом уверены? Вы готовы присягнуть?

— Готов. Не раздумывая.

— Как и любой другой врач на вашем месте?

— Конечно.

— Выходит, придется принять ваши слова к сведению. Факты штука упрямая. Что ж, я закончил. Теперь настал черед говорить вам. Каждому из вас. Я понимаю, что давать показания вот так, всем сразу — несколько непривычно, но на то, чтобы обставить эту процедуру надлежащим образом и допросить вас поодиночке, требуется слишком много времени.

Он откинулся на спинку кресла и соединил кончики пальцев на животе.

— Начнем с вас, мисс Тиммс. Пожалуйста, говорите.

Но Мариэлла молчала. Она смотрела Вульфу в глаза, не произнося ни слова.

— Итак, мисс Тиммс?

— Я не знаю... — Она кашлянула, чтобы голос не был хрипловатым. — Я не знаю, что вы хотите от меня услышать.

— Глупости, — рявкнул Вульф. — Отлично знает. Вы умная женщина. Вы прожили в доме Бесс Хадлстон два года. Разве могло случиться так, что страх, неприязнь или любое другое чувство, возникнув в сердце одного из окружавших вас людей, достигли такой степени, что толкнули его на убийство, а вы ничего не заметили? Ни за что не поверю. Я хочу, чтобы вы сами рассказали сейчас то, что мне удалось бы вытянуть из вас, продержав здесь весь вечер и обстреливая вопросы.

Мариэлла покачала головой.

— Из человека нельзя вытянуть то, чего он не знает.

— Вы не будете говорить?

— Как я могу, если мне нечего вам сказать... — Вид у Мариэллы был определенно несчастным.

Взгляд Вульфа оставил ее.

— Мисс Николс?

Джанет тряхнула головой.

— Мисс Николс, я не люблю повторяться. Сказанное в адрес мисс Тиммс относится и к вам.

— Я понимаю. — Она слегкотнула и тихо продолжила: — Но я ничего не могу вам сообщить. Честное слово, ничего.

— Даже того, что кто-то покушался на вас? Вы хотите сказать, что не имеете представления, кто пытался убить вас сегодня утром?

— Нет... не имею. И это испугало меня больше всего. Я не знаю, кто мог...

Вульф фыркнул и повернулся к Ларри.

— Мистер Хадлстон?

— Ни черта я не знаю, — отозвался тот.

— Ясно. Доктор Брейди?

— Мне кажется, вы оборвали свой рассказ, так и не дойдя до конца, — холодно произнес Брейди. — Ведь вы заявили, что знаете, кто убил Бесс Хадлстон. И если...

— Я предпочитаю действовать так, как считаю нужным, доктор. Вы ничего не можете мне сообщить?

— Нет.

— Ничего, имеющее пусть даже отдаленное отношение к какому-либо аспекту расследуемого дела?

— Нет.

Взгляд Вульфа переместился на Дэниела.

— Мистер Хадлстон, вы уже беседовали со мной и с полицией. Вам есть что добавить?

— Пожалуй, нет, — медленно проговорил Дэниел. Сейчас он казался еще несчастнее, чем прежде. — Я согласен с доктором Брейди, что если вы действительно...

— Так я и думал, — проворчал Вульф, обведя взглядом собравшихся. — Предупреждаю вас всех — конечно, с одним исключением, — что полиция в любом случае выжмет из вас информацию, и для большинства это будет печальный опыт. Там не станут проводить различия между существенным и несущественным. К примеру, там приладут значение тому факту, что мисс Тиммс пыталась плениТЬ мистера Хадлстона своими чарами...

— Неправда! — возмущенно воскликнула Мариэлла. — Что бы ни говорили...

— Нет, пытались. Во всяком случае, еще во вторник. Вы сидели на подлокотнике его кресла. И строили ему глазки.

— Не строила. И ничего я не пыталась...

— Вы любите его? Жаждете его? Восхищаетесь им?

— Конечно, нет!

— Тогда подозрительность полицейских удвоится. Они решат, что вы стремились завладеть его сердцем из-за денег его матери. Кстати, раз уж речь зашла о деньгах, присутствующие не могли не знать, что брат мисс Хадлстон периодически получал от нее финансовую поддержку и был недоволен количеством отпускаемых средств. Однако вы отказались сообщить мне...

— Я не был недоволен, — вмешался Дэниел. Его щеки пылали, голос поднялся до крика. — Вы не имеете права распространять подобные инсююации...

— Это не инсююации, — сухо сказал Вульф. — Я просто показываю, за какого сорта детали полицейские ухватятся в первую очередь. Они вполне способны предположить, что вы шантажировали свою сестру...

— Шантажировал! — взвизгнул Дэниел. — Она оплачивала мои исследования...

— Исследования? — с усмешкой вставил племянник. — Исследования! Эликсир жизни! Снимите шляпы, господа...

Дэниел вскочил на ноги, и на какую-то секунду мне показалось, что он собирается изувечить Ларри, но оказалось, что он поднялся, чтобы произнести речь.

— Это гнусная ложь! — сказал он, пытаясь справиться с дрожью в голосе. — Цели моих исследований и используемые мною методы носят чисто научный характер. Эликсир жизни — романтическое и неверное название. Правильный научный термин — «католикон». Моя сестра, будучи женщиной с воображением и интуицией, смогла оценить значимость моих идей и на протяжении ряда лет щедро финансировала...

— Католикон! — Вульф уставился на него с недоверием. — А я-то решил, что вы способны работать мозгами!

— Уверяю вас, сэр...

— И не пытайтесь. Сядьте. Меня не интересует, на что вы транжирили деньги своей сестры, но все вы отлично знаете, что существует ряд чрезвычайно интересных обстоятельств, и с вашей стороны просто глупо скрывать их. — Он погрозил пальцем в направлении Брейди. — Вам, доктор, должно быть стыдно за себя. Бессмысленно утаивать факты, которым рано или поздно суждено выйти на свет. Вы заявили, что не можете сказать ничего, имеющего пусть даже отдаленное отношение к какому-либо аспекту расследуемого дела. А как насчет коробочки, которую вы наполнили в конюшне органическими отходами с целью последующего выделения из них спор столбняка?

Дэниел издал непонятный звук и повернулся, чтобы пронзить Брейди испепеляющим взглядом. Брейди оказался застигнутым врасплох, однако не настолько, насколько этого можно было ожидать. Он поднял глаза на Вульфа и негромко произнес:

— Каюсь, мне следовало вам об этом сказать.

— И это все, что вы можете ответить в свое оправдание? Почему вы не поставили в известность полицию, как только они взялись за расследование?

— Потому что я думал, что расследовать нечего. Я оставался при своем мнении вплоть до сегодняшнего утра, пока вы мне не позвонили. Я не видел смысла...

— Что вы сделали с содержимым коробочки?

— Отнес в свою лабораторию, где я и еще двое моих коллег провели с ним ряд опытов. Нам требовалось разрешить спор. Затем мы все уничтожили. Полностью.

— И кто-нибудь из присутствующих знал об этом?

— Я... — Брейди нахмурился. — Да, помнится, мы обсуждали данную тему. Я рассказывал, сколь опасен может быть в подобной ситуации даже самый ничтожный порез.

— Только не мне, — мрачно произнес Дэниел. — Если бы я знал, что вы...

Они уставились друг на друга. Дэниел еще что-то пробормотал и сел.

Зазвонил телефон, я дотянулся и снял трубку. Звонил доктор Воллмер. Я передал трубку Вульфу. Закончив разговор, он обратился к собравшимся:

— Жидкость, которой мисс Николос сегодня утром обработала рану, содержала достаточно спор столбняка, чтобы уничтожить население целого города. — Его взгляд остановился на Брейди. — Можете себе представить, доктор, как полиция расценит этот эпизод, в особенности учитывая, что вы его утаили. Вашим неприятностям не будет конца. В таких случаях скрытие информации никогда не следует осуществлять без консультации со специалистом. Кстати, как долго вы знали мисс Хадлстон?

— Несколько лет. Но это было шапочное знакомство.

— А близко?

— Я не могу сказать, что был с ней близко знаком. Просто пару месяцев назад я завел привычку появляться на Ривердейл довольно часто.

— Чем это было вызвано? Вы полюбили ее?

— Кого?

— Мисс Хадлстон.

— Конечно, нет! — Брейди был не только поражен, но и задет. — Она годилась мне в матери.

— Тогда почему вы вдруг зачастили туда?

— Но... нужно же человеку где-то бывать.

Вульф тряхнул головой.

— Только не там, куда его ничто не влечет. Может, это была сквердность? Прижимистость? Страсть к бесплатным верховым прогулкам? Не думаю; у вас, вероятно, вполне приличные доходы. Простое удобство? Нет, это вам было не по пути, солидный крюк. Лично я склоняюсь к другой догадке. Используя общепринятый эвфемизм, это любовь. Вы полюбили мисс Хадлстон?

— Нет.

— Тогда какова же причина? Уверяю вас, доктор, я веду себя куда более тактично, нежели это станет делать полиция. Итак, что это было?

На лице Брейди появилось странное выражение. Вернее, цепкая гамма чувств. Сперва протест, затем неуверенность, затем смущение и, наконец — была не была! — решимость. Все это время его глаза смотрели прямо на Вульфа.

— Я влюбился в мисс Тиммс. Безумно, — произнес он внезапно громче, чем все предыдущие фразы.

— О-о! — возбужденно воскликнула Мариэлла. — Но вы же никогда...

— Попрошу не перебивать, — сказал Вульф с раздражением. — Вы уведомили мисс Тиммс о своем душевном состоянии?

— Нет. — Брейди держался молодцом. — Я боялся. Она... Я не... Она была такой легкомысленной...

— Неправда! Вы отлично знаете...

— Позвольте! — властно оборвал Вульф. Его взгляд обежал собравшихся и вернулся к Брейди. — Выходит, вы все, кроме одного, знали о том, что доктор Брейди взял из конюшни коробочку органических отходов, и, однако, утаили от меня этот факт. Случай безнадежный. Что ж, возьмем другой эпизод, более конкретный. В тот день, когда мисс Хадлстон обратилась ко мне за помощью, она упомянула, что подозревает мисс Николс в рассылке анонимных писем, так как считает, что та затаила на нее обиду. Я спрашиваю всех, включая вас, мисс Николс, в чем заключалась эта обида?

Никто не сказал ни слова.

— Хорошо. Я повторю вопрос индивидуально. Мисс Николс?

Джанет потрясла головой. Ее голос был едва слышен:

— Ни в чем. Обиды не было.

— Мистер Хадлстон?

— Не имею понятия, — быстро ответил Дэниел.

— Мисс Тиммс?

— Я не знаю, — произнесла Мариэлла, и по тому, как взгляд Вульфа на мгновение задержался на ее лице, я понял: он уверен, что она солгала.

— Доктор Брейди?

— Знал бы, так сказал. Но не знаю.

— Мистер Хадлстон?

Ларри приготовился заранее, натянув улыбку, перекосившую уголок его рта.

— Я уже заявлял, что мне ни черта не известно, — сказал он хрипло. — Какие еще могут быть вопросы?

— Конечно. Простите, не согласились ли вы на минутку дать мне свои часы?

Ларри уставился на него, вытаращив глаза.

— Тот шестигранный механизм, что на вашем запястье, — пояснил Вульф. — Можно мне на него взглянуть?

На лице Ларри сменилась серия выражений, как незадолго до этого на лице Брейди. Он был явно озадачен, потом решил взбунтоваться, затем самодовольно хмыкнул и проворчал:

— Зачем вам понадобились мои часы?

— Я хочу взглянуть на них. Сделайте это маленько одолжение. До сих пор вы не слишком стремились помочь.

Ларри снова скривил губы в усмешке, расстегнул ремешок, поднялся и передал часы через стол Вульфу, который тут же закрыл их своей лапищей и коротко бросил:

— Арчи, папку с делом Хадлстон.

Я покинул свое место, отпер дверцу шкафа, вынул из него папку и протянул ему. Вульф взял ее, раскрыл и произнес:

— Останься здесь, Арчи. В качестве бастиона и свидетеля. Двое свидетелей даже будет лучше. Доктор Брейди, не могли бы вы стать рядом с мистером Гудвином и следить за моими действиями. Благодарю вас.

Взгляд Вульфа устремился в пространство между Брейди и мной и остановился на Ларри.

— Вы очень глупый молодой человек, мистер Хадлстон. Неискушенный до крайности. Вы держались так уверенно и самодовольно, потому что думали, будто я надеюсь найти в футляре ваших часов фотографию мисс Николс и буду чрезвычайно огорчен, не обнаружив ее там. Вы ошиблись. Арчи, доктор, смотрите, пожалуйста, внимательно. Вот задняя крышка часов. А вот фотография мисс Николс, обрезанная в форме шестигранника такого же размера. Окончательно соответствие можно установить, если открыть корпус часов, но я не стану этого делать. Его откроют позже, дабы сравнить под микроскопом с фотографией и доказать, что он ее действительно содержал... Арчи!

Бастион выстоял. Своим отвратительным поведением Ларри уже давно напрашивался на затрещину, однако он избежал ее и на этот раз, когда, разинув рот, попытался нырнуть между Брейди и мной, чтобы выхватить у Вульфа часы. Я лишь преградил ему путь рукой и, отшвырнув обратно в кресло, снова встал наготове.

— А теперь, — невозмутимо продолжал Вульф, — я помешу часы и фотографию для сохранности в отдельные конверты. Вот так. Если у вас, мистер Хадлстон, вызывает недоумение, как ко мне попала эта фотография, отвечу: ее здесь оставила ваша тетя. Я думаю, сейчас вам самое время немного помочь следствию. Начнем с вопроса, ответ на который я могу проверить. Когда Бесс Хадлстон забрала у вас фотографию?

Ларри собрался презрительно усмехнуться, но это у него не очень-то получилось. Он не смог придать лицу нужного выражения.

— Что ж, тогда, вероятно, пора впускать полицейских, — сказал Вульф. — Думаю, они разберутся с вами быстрее, чем...

— Жирный ублюдок! — голос Ларри сорвался на визг.

Вульф поморщился.

— Попробуем еще раз, сэр. Вам все равно придется ответить на эти вопросы, если не мне, то кому-нибудь менее жирному, но более настойчивому. Или вы предпочитаете, чтобы сведения выкачивали из слуг, из ваших друзей и знакомых? Дело и так приняло неприглядный оборот, а это его только ухудшит. Когда Бесс Хадлстон забрала у вас фотографию?

Челюсть Ларри задвигалась, но он по-прежнему молчал. Вульф подождал десять секунд, затем решительно сказал:

— Арчи, впускай.

Я сделал шаг в сторону двери, но прежде чем сделал второй, Ларри заговорил:

— Черт вас всех подери! Вы же прекрасно знаете, когда она ее забрала! В тот же день, когда приходила сюда!

Вульф кивнул.

— Так-то лучше. Это было не впервые, когда она выразила неудовольствие по поводу ваших отношений с мисс Николс?

— Нет.

— Она руководствовалась какими-то моральными соображениями?

— Чертова с два! Просто она не хотела, чтобы мы поженились. Она приказала мне расторгнуть помолвку. Мы держали помолвку втайне, но она что-то заподозрила, допросила Джанет, а когда та ей все рассказала, заставила меня ее расторгнуть.

— Чем, естественно, привела вас в ярость. — Голос Вульфа был мягким, почти бархатным. — Вы воспылали жаждой мести...

— Ну, нет! — Ларри подался вперед. Он с трудом контролировал свои слова. — Выкиньте эту идею из головы, и немедленно! Вам ничего не удастся на меня повесить! Я никогда понастоящему не хотел жениться на Джанет... Я даже не собирался! Это может подтвердить мой друг!

— В самом деле? — Глаза Вульфа были почти закрыты.

— У такого человека, как вы, есть друзья? Предположим. Но ведь после того, как тетя заставила вас расторгнуть помолвку, фотография по-прежнему оставалась в часах?

— Да. Иначе было нельзя. Понимаете, мне приходилось как-то общаться с Джанет, это представляло известные трудности — мы все жили в одном доме. Я боялся ее. Вы ее не знаете. Однажды я нарочно открыл часы в присутствии тети, чтобы она забрала у меня эту чертову фотографию. Джанет, похоже, считала, будто фотография для меня что-то значит, и я решил: если ей станет известно, что ее у меня больше нет...

— Вы знали, что мисс Николс рассыпала анонимные письма?

— Нет, не знал. Догадывался, но не знал.

— А вы ничего не заподозрили, когда ваша тетя вдруг...

— ПРЕКРАТИТЕ! ПРЕКРАТИТЕ СЕЙЧАС ЖЕ!

Это сказала Джанет.

Нет, она не повысила голос. В этом не было необходимости. Одной интонации хватило бы, чтобы вокруг прекратилось все и вся. Такое ожидаешь услышать из старой заброшенной могилы, если, конечно, ты из тех, кому такие ожидания свойственны. Она сидела неподвижно, шевелились лишь губы. В ее взгляде, устремленном на Вульфа, читалась такая мука, что я отвел глаза. Очевидно, тот же эффект этот взгляд произвел и на остальных, ибо они последовали моему примеру. Мы уставились на Вульфа.

— Ха, — сказал он негромко. — Похоже, для вас это оказалось несколько чересчур, мисс Николс?

Она глядела на него, не отвечая. Он продолжал:

— Как я и ожидал, вы сдались. Еще бы. Все вдребезги. Предлагаю самый простой путь: я диктую признание, вы его подписываете. Затем я отсылаю его своему приятелю, редактору "Газетт", и сегодня же вечером оно будет на первой полосе. Он также с удовольствием получил бы исключительное право на публикацию вашей фотографии. Снимок может сделать мистер Гудвин. Вам понравится.

Ого, подумал я, кажется, он собирается не только утереть Кремеру нос, но и наградить отменным синяком! Дэниел что-то забормотал, Брейди подхватил, но Вульф сделал им обоим знак замолчать.

— Дабы польстить вам, мисс Николс, — продолжал он, — хочу отметить, что ваша виновность была отнюдь не очевидна. К окончательному выводу я пришел лишь сегодня утром, после того как мистер Гудвин позвонил мне с Ривердейл, хотя, конечно, еще девять дней назад, во время визита сюда мистера Хадлстона, заметил его шестигранные часы и заподозрил, что в них могла храниться ваша фотография. Однако сегодняшний спектакль был верхом идиотизма. Вероятно, вчера вы просто оцепенели от ужаса, когда увидели, что мистер Дэниел Хадлстон выкапывает дерн, и, поняв, какими могут оказаться последствия, решили инсценировать покушение на себя. Надеюсь, теперь понятно, к чему я клонил, когда некоторое время назад спрашивал доктора Брейди, почему вы не отдернули щетку сразу, как только почувствовали, что осколок ранит вам руку, и он, как ожидалось, ответил, что вы этого попросту не заметили?

Она молчала.

— В том-то и дело, — продолжал Вульф, — что вы отдернули щетку, не проведя ею по руке и трех сантиметров, именно поэтому, что знали: в щетине находится осколок и он вас режет. Знали, так как сами его туда поместили. В противном случае, порез оказался бы значительно длиннее, приблизительно в половину руки. Вы видели, как мистер Гудвин манипулировал щеткой. Так ею пользуются все. И уж, конечно, никто не перемещает ее на три сантиметра и тут же останавливается. Но даже без этого ваша инсценировка чьей-то попытки убить вас была неправдоподобной. После всего случившегося каждый знал, что, даже обработав рану поддельным йодом, вы наверняка сделаете затем укол антитоксина, чем обречете преступный замысел на полнейшее фиаско. Да и сами вы, инсценируя покушение, были уверены, что доза антитоксина избавит вас от возможной опасности. Вы действительно...

— Прекратите! — произнесла Джанет все тем же голосом.

Я не мог смотреть на нее.

И это было ошибкой. Потому что безо всякого предупреждения она вдруг превратилась в молнию. Все произошло так быстро и неожиданно, что когда она схватила осколок со стола Вульфа, я еще сидел на своем стуле, а когда поднялся, она уже не слась на Ларри, нацелив ему в лицо зажатый в пальцах осколок. Остальные тоже пришли в движение, однако никто не смог это сделать достаточно быстро, даже сам Ларри. Наконец Дениелу удалось обхватить Джанет, прижав ее правое запястье к туловищу, а я вцепился в другую руку, но на щеке Ларри уже виднелась красная полоска, начинавшаяся под глазом и спускавшаяся почти до самого подбородка.

Все, за исключением Джанет, стали издавать звуки, некоторые из которых были словами.

— Замолчите! — рявкнул Вульф. — Арчи, если ты уже кончил дремать...

— Идите к черту, — ответил я. — Не все же такие гении, как вы. — Я чуть сильнее сдавил запястье Джанет.

— Брось бяку, детка.

Она уронила осколок на пол и стояла теперь неподвижно, наблюдая. Брейди обследовал щеку Ларри.

— Рана поверхностная, — констатировал он, разворачивая носовой платок. — Вот, приложите-ка.

— О Боже, — простонал Ларри, — неужели останется шрам...

— Это была неправда, — произнесла Джанет. — Ты солгал!

— Что? — Ларри уставился на нее.

— Она имеет в виду, — пояснил Вульф, — что вы солгали, сказав, будто никогда не хотели и не собирались на ней жениться. Я согласен с мисс Николс, что атмосфера здесь и без того была достаточно мерзкой. Вы питали ее страсть, ее надежды. Она обожала вас, одному Богу известно — за что. Когда ваша тетя стала у нее на пути, она ударила. Чтобы взять реванш? Да. Чтобы предостеречь: «Отдай его мне, или я тебя уничтожу»? Вероятно. Или чтобы погубить ее, а потом спасти вас из-под обломков? Возможно. Или все вместе, мисс Николс?

Джанет стояла к нему спиной, смотрела на Ларри и не отвечала. Я был начеку.

— Однако, — продолжал Вульф, — ваша тетя предпочла обратиться ко мне, и это ее напугало. Более того, побывав тем же вечером здесь и обнаружив у меня фотографию, которую вы обычно носили в часах, она не только испугалась, но и пришла в ярость. Будучи девушкой очень сентиментальной...

— Бог мой! — вырвалось у Брейди. — Сентиментальной!

По телу Джанет прошла дрожь. Я взял ее за руку и подвел к красному кожаному креслу, в которое она упала точно подкованная.

— Арчи, блокнот, — рявкнул Вульф. — Хотя, нет... сперва фотоаппарат.

— У меня нет больше сил это терпеть! — закричала Мариэлла, вставая. Она потянулась, чтобы за что-нибудь ухватиться, и так было угодно судьбе, чтобы это оказалась рука Брейди. — Я не могу!

Вульф нахмурился.

— Доктор, отведите ее в оранжерею, пусть посмотрит орхидеи. Три пролета вверх. Да прихватите с собой этого раненого и хорошенеко заштопайте. Фриц принесет все необходимое. Йод советую сначала понюхать.

В шесть часов вечера я сидел за своим столом. В кабинете царили тишина и покой. Вульф все обстряпал блестящие. Кремер вломился, словно лев, с отрядом полицейских и ордером, а удалился, как ягненок, с ворохом показаний, признанием, убийцей и апоплексией. Но, даже учитывая эти заслуги и ту любовь, какую я питал к инспектору Кремеру, услышав звук спускающегося из оранжереи лифта, в котором ехал Вульф, я решил притвориться слишком увлеченным своей писаниной и не поднимать головы. Будто я его не замечаю. Решение предложить Мариэлле остаться он мотивировал тем, что при сложившихся обстоятельствах ей нет никакой возможности вернуться на Ривердейл, а больше податься ей было некуда. Фу!

Однако мне так и не удалось сразить его своим ледяным презрением, ибо, выйдя из лифта, они направились прямиком на кухню. Я остался верен письменному столу. Время шло, я злился, и работа не клеилась. Около семи в дверь позвонили, и, пойдя открывать, я обнаружил на крыльце доктора Брейди. Он сказал, что приглашен, и я проводил его на кухню.

Там было тепло, светло и витали аппетитные запахи. Фриц нарезал ломтиками спелый ананас. Вульф сидел на стуле возле окна, дегустируя содержимое дымящейся кастрюльки. Мариэлла, скрестив ножки, пристроилась на краешке длинного стола и потягивала ментоловый джулен. Она приветственно помахала Брейди кончиками пальцев. Он замер как вкопанный и теперь, мигая, смотрел на нее, на Вульфа, на Фрица и вновь на нее.

— Что ж, — наконец выдавил он, — я рад, что у вас у всех такое праздничное настроение. В теперешней ситуации...

— Глупости, — оборвал Вульф. — Тут нет ничего праздничного. Мы готовим пищу. А мисс Тиммс нашла занятие получше. Вам что, необходимы истерики? У нас состоялась дискуссия относительно приготовления подового хлеба, и вот сейчас в духовке две партии: замешанная на двух яйцах — и на трех; на молоке комнатной температуры — и на кипящем. Мисс Тиммс протягивает вам джулен, возьмите. Арчи, джулен?

Брейди взял у Мариэллы джулен, осторожно поставил на стол, обвил ее руками и крепко обнял. Она не вырывалась и не царапалась. Вульф, притворившись, что ничего не замечает,

мирно снимал очередную пробу с кастрюльки. Фриц нарезал ананас.

— Кажется, мне надо взда-ах-нуть, — судорожно произнесла Мариэлла.

— Джулеп, Арчи? — любезно спросил Вульф.

Я не ответил, развернулся и вышел в холл. Отыскав шляпу, я хлопнул дверью с наружной стороны и зашагал к находившемуся на углу заведению Сэмма, где взгромоздился на табурет возле самой стойки. Вероятно, я что-то бормотал, потому что Сэм спросил из-за стойки:

— Подовый хлеб? Что это за чертовщина — подовый хлеб?

— Молчи, пока с тобой не заговорят, — сказал я ему. — И дай-ка бутерброд с ветчиной и стакан токсина. Если нет токсина, сойдет молоко. Старое доброе орангутанье молоко. Мне довелось играть в пятнашки с обнаженной убивицей. Знаешь, как распознать убивицу, если встретишь? Надо замочить ее на ночь в йоде, затем слить через марлю, добавить фунт свиной тряпки... Что? А-а, ржаную водку и никаких маринадов. Кажется, мне надо взда-ах-нуть.

О некоторых вещах я ему никогда не напоминал и не собираюсь. Однако на их счет у меня есть десяток собственных теорий. Вот несколько:

1. Он знал, что я пойду на похороны, и послал букетик орхидей, просто чтобы меня подразнить.

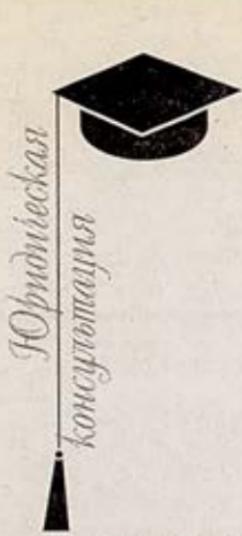
2. Объяснение в его прошлом. Когда он был молодым и стройным, а Бесс Хаддстон ему под стать, они могли... м-м... водить знакомство. Относительно того, что она его не узнала, то я сомневаюсь, что его узнала бы теперь и родная мать.

3. Он оплачивал долг. В первый же день, по какой-то детали, по оброненному кем-то слову, он понял, что ее попытаются убить, но был слишком ленив или увлечен приготовлением фрикаде из солонины, чтобы этому воспрепятствовать. Затем, когда она умерла, он осознал, что в долгу перед ней, и послал — что бы вы думали? Несколько чахлых орхидей? Нет, сэр. Черные орхидеи. Это были первые в истории человечества черные орхидеи, которые украсили чей-либо гроб. Долг погашен. Уплачено сполна. Получите расписку.

4. Лично я склоняюсь к номеру три.

5. Но тайна остается тайной, и когда Вульф временами ловит на себе мой взгляд, он прекрасно понимает, о чем я думаю. ■

Перевод с английского
Максима ДРОНОВА.

Только в вашем присутствии

"Я — индивидуальный предприниматель, занимаюсь торговлей. Несколько дней назад в мое отсутствие была проведена налоговая проверка в торговом помещении. При этом сотрудники налоговой инспекции изъяли документы. Правомерны ли такие действия и как я могу их обжаловать?"

Р.С.Голиков,

Калужская обл.

Правила проведения выездных налоговых проверок установлены статьями 89 — 100 Налогового кодекса РФ. Работники налоговой инспекции нарушили положения законодательства, так как произвели выемку документов без соблюдения требований ч.3 ст.94 Налогового кодекса. Эта статья предусматривает, что выемка документов и предметов производится в присутствии понятых и лиц, у которых изымаются документы и предметы. Вы как налогоплательщик вправе присутствовать и при осмотре помещения и территории. Для того, чтобы вы могли использовать это право, налоговая инспекция должна была

уведомить вас о проведении проверки.

Если же налоговая проверка была проведена с нарушением требований Налогового кодекса РФ, вы вправе обжаловать действия должностных лиц налогового органа на основании ст.137 Налогового кодекса. Жалоба подается налогоплательщиком в вышестоящий налоговый орган (либо вышестоящему должностному лицу) или в суд. Срок для обращения с жалобой составляет три месяца со дня, когда налогоплательщик узнал или должен был узнать о нарушении своих прав.

Почти собственность

"Мне на работе предлагают вступить в садовый кооператив и получить в нем земельный участок на праве пожизненного наследуемого владения. Что означает это право, и смогу ли я впоследствии продать участок?"

Т.Н.Васильева,

Ярославская обл.

Право пожизненного наследуемого владения было вновь введено в российское законодательство Федеральным законом от 15 апреля 1998 г. "О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан" после того, как в 1993 году было исключено из положений Земельного кодекса РСФСР.

В соответствии с п.2 ст.30 вышеизданного Федерального закона член кооператива, получивший земельный участок на праве пожизненного наследуемого владения, полномочен передать участок в аренду, срочное пользование и обменять на другой участок. Кроме того, владелец имеет пра-

во получить данный участок в собственность путем приватизации, а также добровольно от него отказаться. Участки, предоставленные на праве пожизненного наследуемого владения, передаются наследникам по закону.

Как видно, право пожизненного наследуемого владения не тождественно праву собственности, поэтому продать участок вы не сможете, если не воспользуетесь правом на приватизацию земельного участка.

Заштита для свидетеля

"Слышал, что теперь и свидетелю полагается адвокат. Так ли это?"

С.В. Властиных,
Красноярский край

Действительно, 27 июня 2000 года Конституционный Суд Российской Федерации принял Постановление "По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И.Маслова", в котором признал неконституционным отказ в допуске адвоката к свидетелю. Как указывает Постановление, Конституция РФ не связывает право каждого на предоставление помощи защитника с формальным признанием лица подозреваемым или обвиняемым. Личные права гражданина, привлеченного в качестве свидетеля, могут быть ограничены путем проведения различных следственных действий (допросов, очных ставок), а также в случае доставления его в следственные органы приводом. В этой ситуации необходима квали-

фицированная юридическая помощь и участие в деле адвоката (защитника), в чем гражданину не должно быть отказано.

Не все условия действуют

"Я заключила трудовой договор на время выполнения определенной работы. Однако в договоре была проставлена дата его окончания. Администрация расторгла со мной договор с наступлением этой даты, хотя оговоренные работы еще не были закончены. Правомерно ли мое увольнение?"

Л.О. Ковшова,
Самара

В описанной вами ситуации увольнение неправомерно, так как нарушает ряд положений трудового законодательства. Ст.17 Кодекса законов о труде РФ предусматривает два самостоятельных вида трудовых договоров: на определенный срок и на время выполнения определенной работы. В вашем случае был заключен договор на время определенной работы, не связанный конкретной датой и более выгодный для работника. В этот договор было включено условие, ухудшающее ваше положение, а именно окончание действия договора по наступлении определенной даты. В соответствии со ст.5 КЗоТ РФ условия договоров о труде, ухудшающие положение работников по сравнению с законодательством, являются недействительными. Таким образом, вы можете требовать восстановления вас на работе и оплаты вынужденного прогула.

Ольга КОРЫТКО,
консультант "Смены"
по юридическим вопросам

Леонид ЛЕРНЕР

Я стою в таинственном сверкающем зале, будто сотворенном из чистейших бриллиантов. В стеклах Алексея Зеля горят удивительные краски, таятся волшебные огни. Здесь легендарный корабль Крузенштерна идет в пение волн под надутыми парусами. Здесь живописная корейская сосна бонсай так щедро облиты солнцем, что, чудится, исходит запахами смолы и хвои. Здесь красавица лиса, сладострастно изогнувшись, тянется к высокой вет-

ке. Люди создали немало удивительных стенол. Однажды практически все они представляют собой разнообразные соединения кремния с окислами металлов либо с другими материалами. Хрусталь (чтобы стать "хрусталем") взаимодействует со свинцом, а во французский фужер (чтобы он стал "фужером") добавляют золу папоротника... И мало кто знает, что вот уже четверть века на свете живет стенло, созданное мастером-художником Алексеем Зеля. В основе его

не винограда. Здесь птицы, вдохновленные окружающей их природой, поют о любви. Яркие июльские радуги переходят в тихие радости бабьего лета, в фокусе которого меж солнечных деревьев пролетает легчайшая паутина. И, словно спущенные с неба, стоят сказочные дворцы.

Вот уже лет семьсот мир создает художественные вещи из стекла: от тончайшего муранского, из которого "тикали" некогда знаменитые венецианские листры и зернала, до богемского, из которого нынче делают велико-

леджит кварцевое — самое чистое в мире. Но, чтобы заставить его плавиться и подчиняться рукам кварцедува, надо зажечь горелку огнем втрое жарче, чем тот, с которым работают стеклодувы.

Художниками становятся, как правило, в традиционной системе: сначала художественная школа, затем, сняжем, Строгановна. И очень редко, так сказать, "присходят". Алексей Зеля вот именно — произошел в мастера. И вообще не случайно. Будучи по зодиаку Львом, он родился под знаком

ЧЕЛОВЕК

Огня. И с некоторых пор живет с ним и в нем, ежедневно "сгорая" в 2000 градусах по Цельсию.

Происхождение мастера

Его отец рассказывал мне о тихом, хрупком мальчике, который в семь лет знал названия многих цветов и насекомых. Вел дневник природных наблюдений. Все прочили его в биологи. Но после школы он ушел в армию. Сам бросил себя на три года совсем в другую жизнь.

ек^одня

— Природа с детства растила мне душу, — говорит Алексей. — Но физически я был слаб, часто болел. И в армии не терял времени зря. За все три года не выпил станана вина, не вынурил сигареты. Закалял организм. Предчувствовал, что когда-нибудь мне это очень понадобится.

(Понадобилось. Спустя несколько лет, уйдя целиком "в стекло", экспериментируя, обнигался и травился так, что поранкался, как оставился жив.)

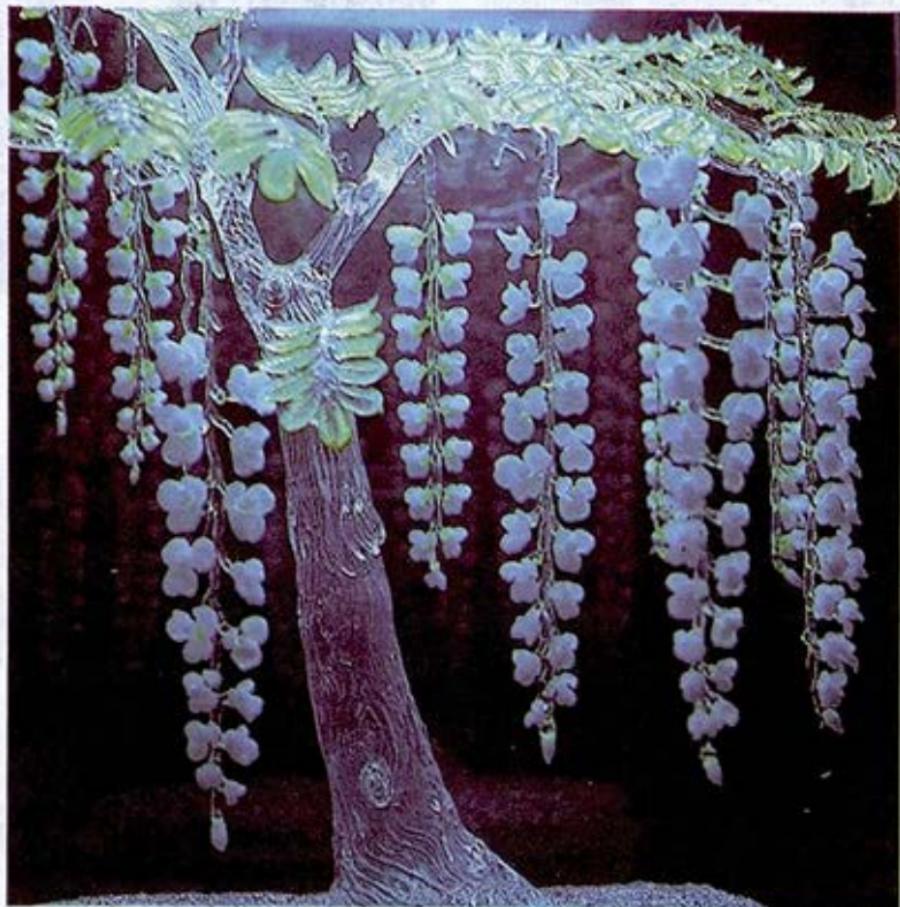
— После армии поступил на биофак МГУ. На третьем курсе

женился. Вот-вот будет ребенок. А мы, оба студенты, на шее у родителей. Ушел из университета, чтобы нормить семью. Страшно переживал. Всегда хотел быть только биологом — и никем другим.

Кто-то предложил ему: иди на Электроламповый стеклодувом, они много получают. Пришел. Но

релки. Стеклодув может вытащить из огня свое изделие — что-то переделать, а потом нагреть снова. Кварцевое же стекло остывает мгновенно. Зато оно намного чище и красивее. Впрочем, Зеля тогда и не предполагал, что станет первым, кто отважится "сочинять" из кварцевого стекла цветы, корабли и дворцы.

решил, что будет не стекло, а кварцедувом. Конечно, эта работа куда тяжелее: и материал сложнее, и температура плавления выше. Кварцевое стекло очень тугоплавкое, весь рабочий процесс происходит в пламени го-

— Сначала ничего не получалось, — вспоминает он. — Мастерставил передо мной станан водни: "Выпей — получится. Надо расслабиться". Я отодвигал станан... На мне уже, было, поставили крест, но я не сдавался. Уважаю ремес-

ла, в которых есть свои таинства: сканжем, кузнецкое дело, гончарное... Что насается работы со стеклом, то она, пожалуй, самая таинственная. Заметь: почти все амулеты и талисманы делают из стекла — через него передают человеку огромную духовную силу.

— Когда же почувствовал себя мастером?

делаю шар, кручу стекло в огне, но правой рукой кручу сильнее автоматически. И — перенркучиваю! Так вот: чтобы выдуть шар, надо учиться, минимум, полгода. И без конца тренировать руки.

Но шар — шаром, а на электроламповом надо было делать лампы. Поразительно, но факт: оказывается, технология изготов-

— Когда, наконец, выдул идеальный шар. В нашем деле есть одна хитрая и сложная вещь: надо так натренировать руки, чтобы они работали совершенно одинаково. У любого нормального человека правая рука сильнее. Вот я

ления лампы не менее сложна, чем любая из нынешних работ Зеля. Но! У всех ламп — общая технологическая карта. А у каждой из вещей Зеля — всякий раз другая, каждая его новая вещь — эксперимент.

Алексей провел меня в свою мастерскую и показал горелку такой огневой силы (до 2700 градусов!), с помощью которой он надеется создать уникальный бриг, где все мельчайшие и крупные детали представляют собой абсолютный монолит. Занял горелку. Взял в ру-

— Эти детали я припаиваю с помощью специальных палочек. Работаю ими, как спицами.

Зашифрованное имя

Первые свои произведения — фигуры насекомых — Алексей

ни палубу брига и, дерну ее за концы [стекло — великий изолятор], вошел с ней в огонь. Я взглянул на его руки, покрытые шрамами, с которых огонь не раз снимал кожу.

— А мельчайшие, ювелирные детали, их-то как в огне выплавлять?

начал "сочинять" еще на Электроламповом. Мастера в цехе сердились, потом махнули рукой. Однажды, увидев его изделия, пришли к Алексею гонцы с "Хроматроном": у нас, мол, специальную мастерскую под тебя готовят — твори, выдумывай, пробуй. Положили хо-

рошую зарплату, налили четверть спирта. Слыхали, что стеклодув без спирта — никуда.

Однако я в мастерской никогда не пил. В чем беда стеклодувов? Пьют. И самое страшное, что так вроде и полагается: якобы для смелости, раскованности. А дальше начинается халтура. Всю жизнь только и делают "дженетльменский набор": сапожники, подсвечники, кошечки, собачки... Дальше двигаться неохота, да и некогда. То и дело прибегают "левые" заказчики, просят сделать всяческую ерунду — за спирт, за "бабки". Человек еще и мастером не стал, а уже заработал на автомобиль. Вот уж и жизнь прошла, а он все то же "творит".

Здесь, на "Хроматроне", в тиши и безвестности, Алексей проработал 15 лет. И однажды ясно осознал, что может сделать из кварцевого стекла все, что пожелает. Подлинным же его открытием в мире художественного стекла стало создание цветного кварцевого, которого не существует в природе. Он сам разработал его рецептуру, технологию, сам варил его в своих муфельных печах и горелках.

Из его рук и огня являлись поразительные вещи, украшавшие кабинеты директора и главного инженера завода, где их однажды и увидел нуратор из ЦК. И вскоре, сам того не зная, Алексей Зеля стал "Поставщиком Их Величеств" МН и ЦК НПСС. Когда он закончил одну из сложнейших своих работ — многомачтовый парусник, его решили подарить генсеку Черненко — в день рождения. Благодаря телевидению произведение мастера оценили и в Европе. Вскоре на вещи Зеля пошли зака-

зы из Англии, Франции, Люксембурга... Но они к тому моменту стали уже собственностью Кремля, из которого и уходили в дар принцам, королям и президентам.

— Им сообщали имя творца? — спрашиваю Алексея.

— Конечно, нет. На каждую свою работу я ставил клеймо — букву "З". Но дарили от имени ЦК — значит, все просто: "Сделано в СССР".

Другие миры

Алексей Зеля начал выставляться, когда, наконец, ушел в собственную мастерскую. Здесь, сначала в Москве, теперь под Алабино создает грандиозную коллекцию, в которой уже более 150 работ. Две выставки путешествуют по стране. Третья — в Москве, в Фонде народных художественных промыслов, в зале Морозовского особняка, что в Леонтьевском переулке. А главным хранителем этой коллекции является жена Ольга. Если бы не она... "Любая другая жена все бы распродала, — смеется Алексей, — только не Оля". Помню, как на выставку Зеля в Фонде зашел кто-то из новых богачей... Потрясенный, тут же предложил 5000 долларов за любую из двух работ — "Корейскую сосну бонсай" или "Чунскую цивилизацию". Мастер готов был согласиться (деньги нужны были позарез), но Ольга решительно отказалась. "Не хочу, — сказала муни, — чтобы ты пожалел об этом. Твоя коллекция нужна людям".

Да, вещи Алексея Зеля нужны людям. Один врач-психотерапевт говорил мне, что стекло Зеля не только воспитывает чувство красоты, но лечит своей необыкновенной энергетикой. Будучи в Са-

ратове, где в картинной галерее проходила выставка Алексея, я убедился в этом. В огромной очереди жаждущих красоты было немало увечных и больных людей, уверявших, что каждый стеклянный сеанс возвращает им силы.

— Какая работа самая любимая?

— Была у меня такая: "Коралловый риф".

— Почему была? Я же видел его в коллекции.

— Нет, это уже другой. А тот погиб. Я его год вынашивал. Свял на одном дыхании. И был он такой настоящий, что никто не удивлялся, видя, как в прозрачных его водах "живые" рыбки плавают. Мы с Олей повезли его в Ливадию, в бывший царский дворец. Но, когда рабочие выносили "Риф" с теплохода, он внезапно выпал из коробки — и насмерть разбился! Бились у меня веши и раньше, при этом всегда испытывал ощущение пустоты в сердце — то умирала душа погибшего стекла. А вот когда "Риф" грохнулся о палубу, все мы — и я, и Оля, и рабочие — испытали такой удар, будто нас взрывной волной накрыло. Несколько минут были, как немые... Я потом сделал другой "Коралловый риф". Но вот именно — другой.

Есть у Алексея новая мечта. Чтобы осуществить ее, мастер недавно крестился.

— Мой Ангел-Хранитель этого желал. Раньше я считал, что нужно жить по совести — и все. А теперь понял: пришла пора своего Ангела отблагодарить. Год назад он меня спас. Во время работы из рук выпала горелка. Я потерял равновесие, упал на колени, инстинктивно занярив лицо руками, что было совершенно бесполезно: огонь, несущий в себе 2000 градусов, мгновенно превратил бы меня в обугленный труп. Но... с горелки вдруг сбыло пламя! Встал на ноги, дрожащей рукой выключил горелку. Это было чудо. Но не может же оно длиться вечно.

— Ну, а что же мечта?

— Меня волнуют другие миры. Иные планеты. Я нащупывал их, создавая "Астронавтов", "Чужую цивилизацию". Но тема открыта. Эти миры сняты мне по ночам, зовут. Чтобы войти в них, нужна новая технология, новые оптические эффекты и вся цветовая палитра.

— А случай с горелкой? Может, это предупреждение, запрет?

— Кто знает... Однажды подбираю материал, читаю фантастику, рисую. Я знаю, человек не может изобразить то, чего нет во Вселенной. Но коли меня тянет к этим мирам — так, что они сняты мне, значит, они существуют.

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Обращаем ваше внимание на то, что и в первом полугодии 2001-го года купить "Смену" в розницу будет почти невозможно — основной тираж журнала традиционно распространяется по подписке. Если вы не хотите расстаться со своим любимым изданием, советуем продлить подписку.

Цена за один номер журнала — 31 руб., за три — 93 руб., полугодовая подписка — 186 рублей [по каталогу «Роспечать» без стоимости доставки].

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Подписной индекс — 70820.

Оформить подписку на "Смену" можно и непосредственно в редакции. Цена одного номера тоже 31 рубль, но такая подписка все-таки дешевле, чем в почтовом отделении, поскольку вы будете приезжать за журналом в редакцию.

Ветеранам войны и труда при подписке в редакции [по предъявлении удостоверения] мы делаем скидку. Для них цена одного номера — 26 рублей.

Если вы не можете забирать журнал ежемесячно — ничего страшного, — ваша "Смена" будет ждать, сколько понадобится, и вам не придется волноваться, что журнал пропадет из почтового ящика. Кстати, наши постоянные читатели из других областей, стран СНГ и даже дальнего зарубежья, оказываясь в Москве, заходят к нам, чтобы купить журналы. Позвоните, и мы соберем для вас комплект "Смены". А если вы не бываете в столице, мы можем выслать любой номер или комплект журналов после того, как вы оплатите стоимость и доставку. Напишите в редакцию, мы сообщим вам банковские реквизиты.

Телефоны для справок: 212-15-17, 212-15-07.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

Звоните, пишите, приезжайте —

мы всегда рады вам.

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА

вниманию рекламодателей!

**Информация
о размещении рекламы
в журнале
"Смена"
по телефонам
257-30-55,
257-39-45.**

**Приглашаем к сотрудничеству
региональные рекламные
агентства и менеджеров
по рекламе.**

**Придумать
новую спортивную игру
не так-то просто.
А вот Тофику Рзаеву
это удалось.**

Дорести до чемпиона

Сегодня он известен в спортивном мире как автор стритбола, баскетбольный снайпер, последний чемпион СССР по свободным броскам мяча в корзину и бронзовый призер аналогичных соревнований в Аргентине. За час беспрерывного метания резинового снаряда со штрафной линии он умудряется совершить 900 точных попаданий из тысячи.

Вместе с семьей Тофин искал почти всю планету. Иностранцы охотно зовут на соревнования, просто в гости. Рзаевы могут похвастать личным знакомством с Майклом Джорданом и Шакилом О'Нилом.

А успехам предшествовали не- приятности. После серьезной травмы руки тренер по классической борьбе порекомендовал Рзаеву баскетбол как отличное восстановительное средство. Приручение мяча так понравилось, что расхотелось возвращаться к единоборствам. Одно смущало: если для борьбы габариты у Тофика были подходящие, то для баскетбола он ростом не вышел — "дышал в пупок" любому из соперников.

Рзаев задумался: как перехитрить природу, судьбу и жесткие правила игры? Современный баскетбол, рожденный более века назад в США, казался ему несог-

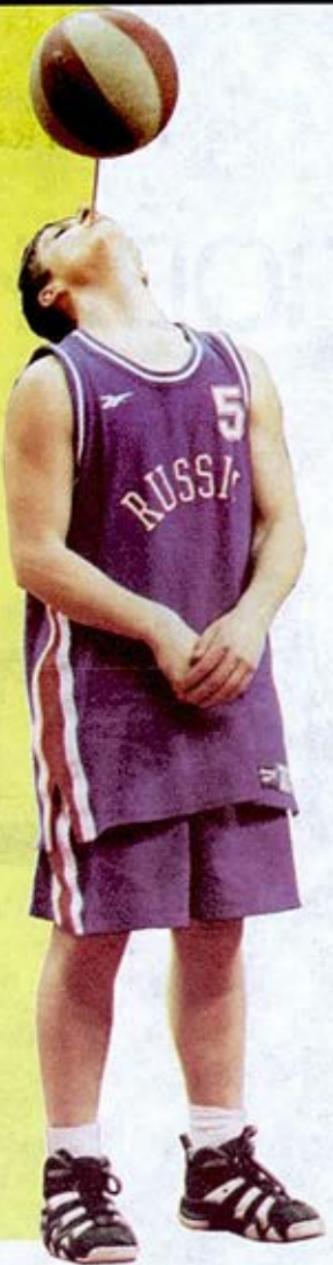
НЕВЫСОКИЙ БЕСПРЕДЛЮДНИК

Галина КАЧУК

КОГО ЧЕЛОВЕКА

большом расстоянии от кольца. "Гиганты" же не любят бросать издалека. Зачем им тренировать этот навык, если они свободно проходят к корзине и почти закладывают в нее мяч.

И Рзаева осенило: что если установить второе кольцо на метр выше традиционного. Это несколько уравняет в шансах "гулливеров" и "лилипутов". У игроков появится выбор. Метишь в оба кольца, что труднее, — получаешь больше очков. Придется и дылдам попрыгать. И "норотышки" ростом 185 сантиметров сразу станут значимыми: они лучше тренированы забивать мячи в прыжке практически отовсюду. Правила игры в "баскетбол для маленьких" уже внесены в компьютеры штаб-квартиры НБА в Нью-Йорке и оценены как перспективная спортивная разработка.

Дорести до 186-ти!

В профессиональную баскетбольную команду Рзаева не брали. Тогда Тофин с женой произвели на свет команду собственную. В буквальном смысле слова. Вначале появился сын Владимир, а спустя десять лет 1-го апреля, "вылупились" еще двое. Тофин сразу и не поверил своему счастью. Подумал, врачи в день смеха разыгрывают. Но ему вынесли два кулька: мальчишки! Однаковые, как пара ярких и тугих мячей, и похожие на старшего брата.

Рзаев раз и навсегда решил не подлаживаться к канонам большого спорта, а самому стать канонизатором. Для семьи, для детей он изобрел еще один баскетбол, который ныне под именем стритбола (уличный

вершенным. Нормально ли, что при росте 185-190 ты карлик? А игра гигантов предсказуема — на площадке они используют главным образом свой "метраж". Куда острее становится действие, если в нем участвуют разновысокие. Низкорослые проворнее, их движения неожиданны — могут, например, забить гол, находясь на

мяч) стал поистине интернациональным. Демонстративные условия соревнований (нужна лишь равная площадка, одна корзина и две команды по трое непрофессионалов) привлекли спортсменов разной квалификации и фирмы, выпускающие инвентарь и одежду. Сейчас в стране 500 зарегистрированных команд, участвующих в ежегодных чемпионатах.

Два года подряд Тофик и теперь уже 15-летние близнецы Стас и Ности побеждали в уличных соревнованиях по стритболу среди семейных команд. Старший сын, ему 25, — запасной игрок. Иногда в этой роли выступает жена Тофика — Лариса. "Семейный подряд" поддерживает крупнейшая фирма спортивной продукции "Адидас", обеспечивая всех Рзаевых качественной экипировкой.

"Играть в свою игру!" — так сформулировал Тофик Рзаев краеугольный принцип отцовского воспитания.

Тофик Мамедович "выращивает" своих сыновей по особой методике, чтобы не остались ребята, как они с Ларисой, малорослыми, немногим больше 165 сантиметров. Ведь гены берут свое, значит надо им противопоставить продуманную программу развития. Эксперимент с Владимиром вполне удался. Его рост — 188. Теперь дело за близнецами. Они уже сейчас, в 15 лет, выше родителей. Два метра папа им не гарантирует, но по 186 будет обязательно.

Мяч сделался лучшим другом Ности и Стаса буквально с мла-

дых ногтей. Только близнецы научились стоять, отец подарил им баскетбольную корзину, да не простую, а переносную. По мере роста малышей корзина на специальных крючочках цеплялась на все более удаленные от пола планки шведской стенки. Так ребята тянулись ввысь. А рядом всегда находился их друг и тренер — отец.

Второй принцип отцовского воспитания гласит: как можно больше часов проводить вместе с сыновьями. И Тофик с ними практически и не расстается, благо профессия позволяет. В

спортзале Мончевской Государственной Академии физкультуры семья тренируется до полуночи — отец как старший преподаватель кафедры спортивных игр владеет ключами от рая для баскетболистов. Здесь с потолка на разном расстоянии от пола свисают на веревках старые мячи, кажется, вне пределов досягаемости нормальному человеку. У каждого из мальчишек есть свой уже взятый рубеж, до которого с разбегу дотягиваешься в прыжке. И есть повышенное обязательство — шарик-“недотрога”, до него предстоит дотянуться. Подобных упражнений на вырост — множество.

Чтобы улучшить прыжковую и бросковую подготовку, Тофик конструирует остроумные тренажеры. “Ромашка из колец”, расположенных веером, и “ловушка для мячей” экономят силы и время. Обычно за час тренировки баскетболист делает сто бросков. Но если он применяет “ловушку” или “ромашку”, его НПД увеличивается в 10 раз!

Дорести до телебашни

Установка на рекорд — еще один важный принцип воспитания по Рзаеву. И тщеславие тут совершенно ни при чем. Уверенность в себе, знание своих возможностей — вот что дает нацеленность на высокое достижение. Завтра сделать чуть больше, чем сегодня — ты все время испытываешь себя. А для тренировок годится и подъезд родного дома. Стас и Костя какое-то время передвигались по нему не иначе как отступивая мячом по каждой ступеньке лестницы. Вверх-вниз. И так по много раз. А потом при большом скопле-

нии авторитетного спортивного народа совершили забег с мячом по внутренней лестнице Останкинской телебашни на высоту 337 метров (120-этажный дом), ни разу не потеряв снаряд ни на одной из 1706 ступеней. И это был рекорд!

Скоро и сам Тофик собирается внести поправку в Книгу рекордов Гиннеса. Нужно “всего лишь” улучшить достижение Джека Лайлса, который за 24 часа совершил 15.138 удачных свободных бросков со штрафной линии. Тофик же попытается усложнить задачу. Он сутки будет бросать мяч с линии дальнего броска. Разница вроде небольшая — на два метра дальше от кольца, но бросок усложняется. Целившись в безопорном прыжке, на лету. (Демонстрируя подобную технику на одной из акций “Интерстронга”, организации, поддерживающей самых разных российских рекордсменов, Рзаев за час лишился трех нилограммов.)

Еще в честь жены Тофик планирует пройти с мячом 100 километров от Волоноламска (родина Ларисы) до Красной площади. И ни разу не сбиться, не потерять мяч. В свое время он с семилетними (!) близнецами участвовал в похожем марафоне в американском Питтсбурге на дистанции в 42 км.

Гораздо семья и на веселые трюки. Встанут рядом и каждый на указательном пальце раскрутит по мячу. Выглядит эффектно: резкий шар, не теряя равновесия, долго-долго парит на живой “подпорке”, как намагниченный. Упражнению научил Рзаевых один канадский циркач, умеющий вращать одновременно 17 мячей.

Для самого Тофина это вовсе не забава, а один из обязательных элементов владения мячом. Четверо Раевских легко и ловко перекидывают мячами, и бросают их в корзину вслепую, стоя к ней спиной. Не промахнуться им позволяет мышечное чувство, нений волшебный автоматизм. Потому-то с каждым турниром пополняется фамильная копилка медалей, насчитывающая уже несколько десятков наименований.

Рекорд для Тофина — не самоцель, а средство воспитания гармоничной личности. Как говорится, спортсменом можешь ты не быть, а Человеком быть обязан. Вот и выходит, что уникальная семейная спортивность становится пропуском в мир прекрасного, размыкает для Рзаевых границы, открывает многие двери. Когда грядет очередная поездка, Лариса, домашний культорг, составляет план освоения достопримечательностей.

тельностей. В Вашингтоне, например, вдоль и поперек исходили музеи палеонтологии и зоологии, астрономии и аэронавтики. Пребывая на Пиренеях, заехали в Фигейро, в музей Сальвадора Дали. Братья так впечатлились сюрреализмом, что как одержимые занялись живописью. Если приходится жить за границей неделями, близнецы поселяются непременно в разных семьях, чтобы было меньше искушения говорить на родном языке.

Рзаевы увлеченные театралы. Не вдаваясь в перечисления, упомяну лишь один факт: семья досконально знает весь репертуар Большого театра!

Откуда у 55-летнего Тофина Рзаева берутся силы и энтузиазм для такой напряженной жизни? Может, секрет в том, что его организм свободен от алкоголя. Рзаев ни разу в жизни не выпил ни капли спиртного, даже пива. И это тоже его рекорд! ■

• ИНТЕРНЕТ • ИНТЕРНЕТ • ИНТЕРНЕТ • ИНТЕРНЕТ

Уважаемые читатели!

**У вас появилась возможность
подписаться на "Смену" через Интернет.
Посетив подписную страницу
нашего журнала в интернет-магазине "Пресса",
вы получите возможность
всего за несколько секунд оформить и оплатить
подписку на "Смену"
на любой период до полугодия.
Ждем вас по адресу
<http://pressa.apr.ru/index/70820>**

Дуэт "Чай вдвоем" — это Денис Клявер и Стас Костюшкин. Популярность к ним пришла после конкурса "Ялта-Москва-Транзит-95", где ребята получили приз зрительских симпатий.

— Конкурс, видимо, сыграл очень важную роль в вашей жизни?

Денис: Еще бы. До этого мы слонялись из одной музыкальной продюсерской фирмы в другую, не зная, с чего начать.

Стас: Денис просто замучил своего любимого папу просьбами о помощи. (Илья Олейников из телепрограммы "Городок" — пapa Дениса — имеет много связей в шоубизнесе — **П.Т.**). Но тот, уж не знаю, почему, лишь советовал участвовать в конкурсах... Пришлось два года втихую записывать музыкальный материал на студии Игоря Корнелюна в Петербурге. Помните такого композитора? Он нам то и дело идеи всенародные подбрасывал. Талантливый очень человек и добрый: таких в шоубизнесе мало.

Денис: Мы то всплывали, то пропадали. Работали тогда под

"Чай вдвоем"

названием "Пилот". Я даже успел в армии послужить в музыкальной роте. А за это время Стас уговорил акулу-продюсера из фирмы "ЛисС" Александра Ревзина поработать с нами. Вот так я вернулся на все готовенько. И, как говорится, сразу с корабля на бал. Через месяц нас пригласили участвовать в конкурсе "Ялта-Москва-Транзит", а после началась настоящая работа. О нас узнали, заговорили.

— Многих привлекло странное название группы "Чай вдвоем". Почему "чай", а соком, не кофе или чего-нибудь покрепче, и почему "вдвоем"?

Денис: Я кроме чая и пива больше ничего не пью, и поэтому, когда ломали с продюсером голову над названием, назвал свой любимый напиток.

Стас: Мы специально так назвали группу, с целью привлечь спонсоров. Думали: услышат чайные фирмы о дуэте и прибегут.

— Ну и как, прибежали?

Денис: Да, представители "Краснодарского", "Грузинского". Некоторые фирмы даже хотели выпустить новый сорт чая, а пачку украсить нашими фото.

— Чая в продаже очень много, но с вами не видела. Все тигры, слоны, домовые больше встречаются.

Стас: А мы так и не сошлись на процентах, которые производители должны нам отчислять. Когда возникла эта идея, мы были менее популярны и на нас все хотели сэкономить...

— У вас есть музыкальное образование?

Стас: Я учился в консерватории, а потом играл в театре "Зазеркалье". У Дениса за плечами музыкальное училище в Питере.

— Вы ведете яркий образ жизни между родным Питером и Москвой. Не устали?

Денис: А что делать? Приходится. Но нам везде хорошо. Хотя Питер более размеренный город, нежели Москва. У нас больше думают, чем делают. Многие наши друзья, очень талантливые люди, чаще пребывают в каких-то мечтах, а не в действии. Звоню, спрашиваю как дела? А в ответ: "Не

мешай, я лежу и обдумываю планы". Это такая психология питерская. Поэтому, считаю, получать навыки нужно в Питере, а работать в Москве.

— Группа "Чай вдвоем" на сцене — не просто выступление поп-группы. Это всегда костюмированное шоу: то вы бэтмены, то терминаторы. Костюмы, наверное, за границей покупаете?

Стас: Что вы! Нам их шьют питерские мастерицы Татьяна Морозова и Татьяна Королева. Вот они, кстати, в Москву перебраться боятся. Их многие благодаря нам знают, делают много заказов, и им было бы удобнее работать в одном городе с заказчиками, московскими артистами. Но они боятся, что в Москве потеряют вдохновение. Говорят, лучше потратить время на переезды из города в город, чем не справиться с сумасшедшим московским ритмом жизни.

— Вы на сцене с 1995 года. Сколько уже ваших альбомов вышло?

Денис: Сейчас готовим четвертый.

— Одно время вы работали в концертах с Лаймой Вайкуле. Это своего рода ренессансный трюн, чтобы привлечь к себе внимание?

Стас: Мы дружны с Лаймой еще с концурса. Тогда она нас пригласила в свое шоу. Мы сделали один совместный номер, песню "Крошна". Выступили. Публике понравилось. Лайма предложила дальнейшее сотрудничество. Потом намечался юбилейный концерт Льва Лещенко, и певица предложила поработать с ней снова. Она перепела его песню "Прощай" на свой манер. Наша задача была подпеть и подтанцевать.

Всем опять понравилось. И мы стали работать с Лаймой в концерте: отделение поет она, второе — мы, а под занавес — выступления втроем. Кстати, большое спасибо Лайме! Она нас многому научила. Мы даже на одной из передач "Музыкальный ринг" были в роли ее учеников. В передаче соревновались ученики с учителями. Лайма выиграла. Да и мы "учительницу" не подвели — мы не из тех артистов, что умеют петь только под фонограмму. И всегда это демонстрируем. Приходите на концерты — проверите.

— А не сложно работать с суперзвездой? О ее нраве ходят легенды.

Денис: Говорят чепуху и, как правило, те, кто Лайму не знает. Да, она бывает очень строга, но это насается тех, кто обеспечивает звук и свет. Она же работает "вживую" и слышать идеальным слухом, как ужасно звучит голос из-за технических помех, просто не может. Но у нас с Лаймой конфликтов не было.

— В своих клипах вы представляете зданиями спортивными молодежами, которые прямо излучают здоровую энергетику. Вы правда не пьете и не курите?

Денис: Ведем абсолютно здоровый образ жизни. Не находим смысла в выпивке и курении, не говоря уже о наркотиках.

— Вас на улицах узнают?

Стас: Узнают. Но в этом нет ничего плохого, подходят, берут автографы. Ведь мы работаем для людей. Такая у нас профессия...

— Знаете ли, бывают очень яростные фанатки...

Денис: Знаем, знаем, и не понаслышке. Попадаются некото-

рые барышни, раздирают нашу одежду в клочья. Но мы стараемся такие ситуации предупреждать.

— С охраной ходите?

Стас: После концерта всех артистов сопровождает охрана. Выйти из стадиона самим невозможно. А ждать, когда все разбредутся, нет времени. Как правило, через час после концерта нужно вылетать в другой город.

Денис: А по Москве или Петербургу передвигаемся на машинах. У нас у каждого по авто имеется.

— Наверное, и шикарные квартиры в двух столицах?

Стас: В Петербурге, в родном городе, у нас нормальные квартиры. На супершикарные пока не заработали. А в Москве просто снимаем жилье.

— На что обычно тратятся горноры группы "Чай вдвоем"?

Денис: На себя очень редко. В основном, на наши шоу. Хочется делать не просто концерты, а настоящие представления. Мы ведь изначально задумывались как группа, представляющая новую эстетику на нашей эстраде, и уверены, что артисты XXI века должны совмещать в своих выступлениях пять жанров. Мы уже освоили, и думаю, неплохо, три: песенный, разговорный и эксцентрический. Осталось еще два. Каких? Скоро увидите!

Беседовала
Полина ТЕСЛЕР.

ЗДОРОВАЯ КОЖА — ЗДОРОВЫЙ МАЛЫШ

Чем отличается лечебная косметика, производимая "ИНФАРМОЙ", от продукции других фирм? "ИНФАРМА" — практически единственный в России разработчик и производитель детской косметики, обладающей лечебным эффектом.

"ДЕТСКИЙ КРЕМ" в течение нескольких минут снимает зуд, успокаивает воспаление и раздражение кожи, ускоряет заживление при контактном дерматите, экземе, псориазе, юношеских угрях, ожогах и опрелостях.

"ДЕТСКИЙ БАЛЬЗАМ" применяют при воспалительных заболеваниях кожи для предупреждения появления трещин, шелушения, зуда, заживления высыпаний.

"ДЕТСКИЙ ШАМПУНЬ" (и "**ДЕТСКАЯ ПЕНА** для **вани**") поможет нежно ухаживать за раздраженной кожей.

Все это можно приобрести в аптекой сети или заказать по почте наложенным платежом (цена комплекта из 5-ти наименований — 158 руб. без стоимости доставки).

БЕСПЛАТНО прилагаются диетические инструкции и другие рекомендации по уходу за кожей. **ПОДАРОК** — противовирусный, противогрибковый крем **"ВИРАЗОЛ"**.

"ИНФАРМА": 117571, Москва, ул. 26-ти Бакинских Комиссаров, 1-2-17.
Тел./факс: (095)141-90-65

Ищите "32 жемчужины"!

Помните зубной порошок? Это "невкусное" средство тем не менее прекрасно отбеливает зубы. Ранее считалось, что мел — слишком жесткий абразив, он истончает, "стирает" зубную эмаль. Но мел, который используется при изготовлении зубных паст нового поколения (и, в частности, паст белорусской фирмы "Модум", известной по своим маркам — "Кедровый бальзам", "Семенай", "Фтородент", "Мятная", "Лесная"), изготавливают по специальной технологии, и размер его частиц сопоставим с размером частиц кремния в хорошо знакомых кремниевых пастах иностранного производства типа "Бленд-а-мед". Последние исследования показали, что для наших зубов предпочтительнее и роднее зубные пасты на меловой основе. К тому же мел — природный, естественный материал. Новая серия "32 жемчужины" представлена тремя видами паст, оказывающими разное лечебно-профилактическое воздействие. Паста "32 жемчужины" с фтором предотвращает заболевания зубов и десен. Второй вид — с добавлением кальция, строительного материала для костных тканей. "32 жемчужины" отбеливающая — паста, осветляющая зубы и разрыхляющая зубной камень.

Вся продукция фирмы — шампуни, кремы, лосьоны и, разумеется, зубная паста проходят исследования в клинике НИИ радиационной медицины и эндокринологии в Аксаковщине и только после отличных рекомендаций поступают в продажу. Так что смело отправляйтесь в магазины на поиски драгоценностей!

ЗАО "МОДУМ" Республика Беларусь, 220030, Минск, ул. Энгельса, 34, 3-й этаж, тел./ф.: (017)227-22-11, 229-22-33

Официальный дистрибутор в России:

Компания "ТОРН",
Москва тел.: (095)786-20-00/02

 NATURELLE

Варшавское шоссе, д. 17 тел.: (095) 9 555 888
www.naturelle.ru info@naturelleinc.com

Знакомьтесь, "ЛитА-Цвет"...

Всех почитателей продукции московской НПФ "ЛитА-Цвет", известной своими косметическими сериями "Прикосновение...", "Мастер и Маргарита", приглашаем познакомиться с новой разработкой фирмы — косметической линией "ЛитА-Цвет".

Во всех косметических средствах линии, а их — 26 наименований, присутствует "Эксолин" — уникальный, не имеющий аналогов биологический стимулятор регенерации тканей. "Эксолин" — производный коллагена, который содержит весь необходимый для кожи комплекс аминокислот, пептиды, уроновые кислоты, микроэлементы и минеральные вещества. "Эксолин", идеально усваиваясь, обновляет кожу, способствует синтезу новых коллагеновых клеток, отвечающих за упругость и эластичность кожи, обеспечивает полноценное питание и защиту кожного покрова от вредных воздействий окружающей среды.

ЛитА-Цвет — косметика для тех,
кто хочет выглядеть молодо всегда,
независимо от возраста.

Приобрести косметику "ЛитА-Цвет" можно в
магазинах Москвы и России.

Приглашаем оптовых покупателей:

Москва, ул. 9-ая Парковая, дом 37, корп.1.
Телефоны: (095) 965-20-38,
(095) 467-18-80, (095) 466-68-44,
(095) 165-90-01, (095) 965-05-39.

Новинка 2001 года!

ООО "ИОЛА К"

представляет:

18-вольтовые аккумуляторные реверсивные
ДРЕЛИ-ШУРУПОВЕРТЫ
(одно- и двухскоростные с
ударом и безударные)
по цене 12-14-вольтовых
(47-55 у.е.)!!!

Зарядное устройство: 220/18 v (Ni/Cd),
бесключ. патрон диам. 1,5-10 мм

Минимальное количество циклов
заряда батареи / Время заряда, час 500/1, 750/3

Регулировка частоты вращения
об/мин: 1 диапазон / 2 диапазон 0-400/0-1150

Частота ударов в минуту:
1 диапазон / 2 диапазон 0-6400/0-18400

Масса дрели в рабочем состоянии, кг 1,9

127486 Москва, ул. Дегунинская, д.1, корп.2,
тел.: 488-35-81, 488-15-08, ф.: 487-55-66

E-mail: iola@mail.sitek.ru

Магазин: Алтуфьевское ш., 56, тел.: 902-50-11

Электронное управление

Удобная ручка

Дополнительный аккумулятор

Дутый кейс с магнитными битами

Хотите быть уверены в том, что вы
правильно пользуетесь микроволновой
печью, и она не оказывает вредного влия-
ния на ваше здоровье?

Вам необходимо приобрести Индика-
тор СВЧ-излучения.

Контроль с помощью "Индикатора"
достаточно прост. "Индикатор" поворачи-
вают тыльной стороной к работающей
печи и перемещают в пространстве во-
круг печи на расстоянии 0,8-1,0 м. Появ-
ление звуковой и световой сигнализации
свидетельствует об обнаружении повы-
шенного уровня излучения.

В этом случае необходимо обратиться
в ремонтную мастерскую.

Контролируя излучение микроволни-
вой печи "Индикатором-СВЧ" завода

"Протон", вы сохраняете здоровье.
Тел. (095)534-02-86, 534-33-50,
факс (095)534-33-08.

**Вниманию
владельцев
микроволновых
печей!**

Вы сделаете правильный шаг, приобретя цифровой детектор радиации "КВАРТЕКС РД 8901": в наше время, когда экологическая безопасность стала одной из важнейших проблем, он необходим в каждой семье. В продуктах питания и воде, в почве и атмосферных осадках, в строительных материалах и денежных купюрах, в любых предметах, используемых в повседневной жизни, к сожалению, могут присутствовать следы радиоактивного загрязнения. Пользуясь нашим детектором, вы всегда можете проконтролировать радиационное состояние любого материала в своей квартире или загородном доме.

Слава Богу, если при измерениях не обнаружится никаких источников радиации — значит, вы живете в нормальной радиационной обстановке и используете чистые продукты. Но это не должно вас успокаивать — мы настоятельно рекомендуем регулярно использовать наш детектор при покупке продовольствия или предметов быта. Действуйте в соответствии со старинной русской поговоркой "Береженого Бог бережет".

Если же вы живете в современном загородном малоэтажном доме, пользуетесь артезианской водой и приборами на сжиженном газе, то у вас должен вызвать интерес и другой наш прибор — "КВАРТЕКС РД 5400". Он определяет возможность появления в воздухе вашего дома радиоактивного газа радона, выделяющегося из-под земли, из воды, взятой с большой глубины, из природного газа и стройматериалов.

Если наш прибор покажет, что в вашем жилище возможно накопление радона, то, пользуясь рекомендациями специалистов, вы сможете устраниить эту проблему, и атмосфера вашего дома будет не только уютной, но и безопасной для вас и вашей семьи.

Мы, специалисты в области атомной физики из Московского инженерно-физического института, советуем вам, вашим друзьям и знакомым всегда иметь под рукой удобные и простые в обращении детекторы "КВАРТЕКС" — надежные защитники от контакта с невидимым, но смертельно опасным явлением современной цивилизации — радиоактивной грязью.

Использование современных компонентов от ведущих отечественных и зарубежных производителей электроники позволило нам установить длительные гарантийные сроки обслуживания — 3 года.

Новинкой для России является применение в наших изделиях встроенных управляющих контроллеров — микроконтроллеров "ATMEL" (США), обеспечивающих тестирование каждого прибора и обработку результатов при проведении измерений.

Все наши приборы сертифицированы и снабжены подробной инструкцией. Каждый покупатель бесплатно получает брошюру с популярным объяснением о мнимой и реальной опасности радиации.

Береженого Бог бережет

Фирма "КВАРТА"
Москва, 115409,
Каширское шоссе, дом 31, корп. 44 "А"
Тел. 323-91-14, факс 324-54-62
Email: QUARTA-RAD@mtu-net.ru

"АЭРОФЛОТ - РОССИЙСКИЕ АВИАЛИНИИ" ПРЕДСТАВЛЯЕТ
программу премирования часто летающих пассажиров
"АЭРОФЛОТ БОНУС"

**Летайте чаще -
летайте первым и
бизнес-классами -
летайте бесплатно!**

Наберите необходимое количество баллов из расчета "один балл - один километр полета" (при условии оплаты авиабилета по соответствующему тарифу), и бесплатный билет Ваш. За полет первым и бизнес-классами Вы можете получить дополнительные баллы.

30 000 баллов - бесплатный авиабилет в один из городов европейской части России

50 000 баллов - бесплатный авиабилет в Европу

более 70 000 баллов - бесплатный авиабилет в Северную Америку или Азию

Указанное количество баллов соответствует бесплатному авиабилету экономического класса. Порядок начисления баллов и оформления премиальных авиабилетов, а также условия их использования подробно изложены в правилах программы "Аэрофлот Бонус".

Если Вас заинтересовала новая программа Аэрофлота, присоединяйтесь!

Информация о программе

тел.: (095) 723-82-60;
www.aeroflotbonus.ru

АЭРОФЛОТ
Российские авиалинии

Шахматная эпиграмма

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
IX международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

1. Г. ЕГОРОВ
Тула

2

2. В. МАРНОВЦИЙ
Украина

2

3. Б. ЖЕЖЕРУН
Украина

2

4. З. ЛАБАЙ
Словения

3

5. С. ТКАЧЕНКО
Украина

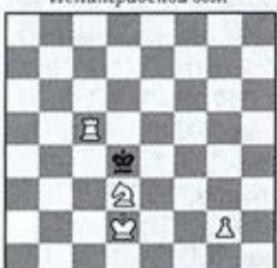
3

6. В. ГРЕБЕШНОВ
пос. Середка Псковской обл.

3

7. М. МАТРЕНИН
г. Колпино
Ленинградской обл.

5

8. М. ХОФМАН
Швейцария

7

9. Н. ЗИНОВЬЕВ
Казахстан

13

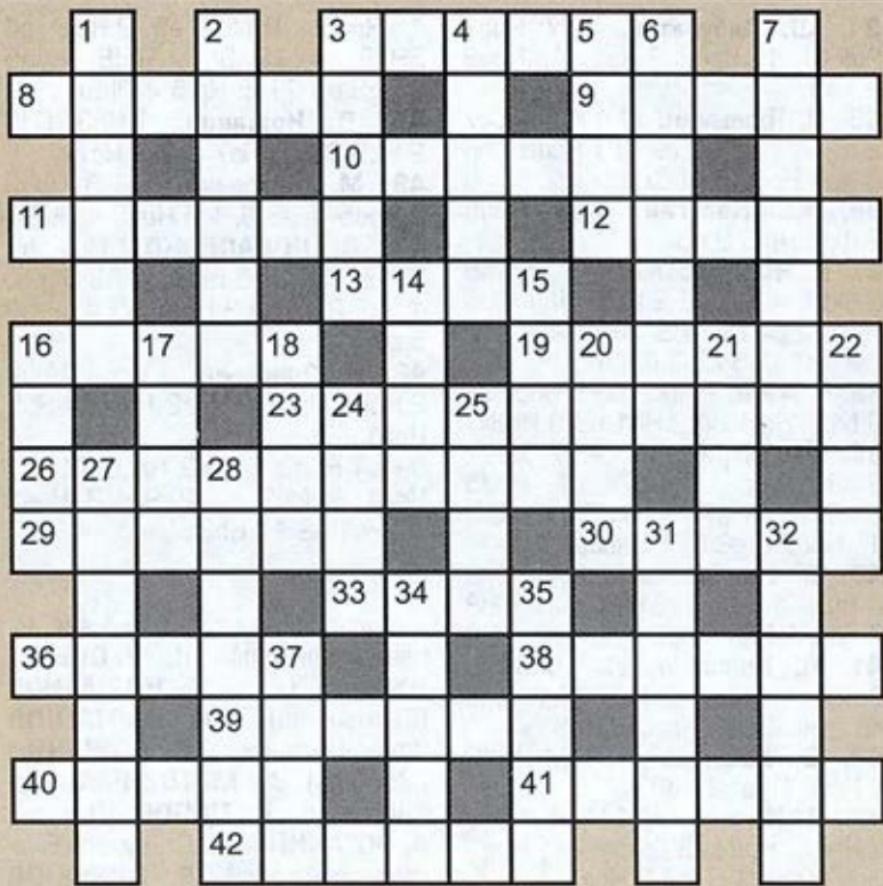
РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, опубликованных в "Смене" №№ 1-4, 2000

- 1. Л. Лебедев.** 1. Лe5
2. В. Гребешков. 1. Фd7
3. А. Северухин. Сg5-g4. 1. Сb4
4. В. Коновалов. 1. Сe6 Крg6(g7)
2. Кf5
5. В. Симонов. 1. Сe2 Крс2 2.
Лa4
6. В. Гребешков. 1. Лh1 Крс4 2.
Лb1 Крd4 3. Лb4x, 2...d4 3. Kb6x,
1...Кре4 2. Лf1 Крd4 3. Лf4x,
2...d4 3. Kf6x
7. М. Матренин. а) 1.Лb1 Крd2
2.Лc1 Кре3 3.Крс3 Кре2 4.Лe1x;
б) 1.Крd5 Крd3 2.Кc4 Крс3 3.Ke4
Крd3 4.Лb3x
8. М. Кормильцев. 1.Крс7 Кре2
2.Крd6 Кре3 3.Кре5 Кре2 4. Крf4
Крf1 5. Cf5 Кре2(g2) 6.Cd3(h3)x
9. В. Леках. 1.Кra6 g4 2.Кf4 e6
3.Kd5 ed 4.ed g3 5.d6 Крb8 6.d7
10. В. Желтоножко. 1.Лc5!,
1.Фe4? e6!
11. Р. Сурков. 1.Фh5!, 1.Фh8?
Cd3!
12. А. Варицкий. 1.Сb5!, 1.Кc6?
e5!
13. В. Симонов. 1.Крd3 Kg3
2.Фg3, 1...Ke3 2.Кре3, 1...Kh2
2.Hh2, 1...Kd2 2.Крd2
14. В. Коваленко. 1.Лa1! b6
2.Лha4, 1...b5 2.Лb4, 1...Кра8
2.Крb6; 1.Лa4? b6 2.Лfa1, 1...b5
2.Лa6, 1...Кра8!
15. М. Матренин. 1.Крb5 Крс7
2.Лe6 Крс8 3.Крb6 Крd8 4.Лe8x
16. Ю. Сушкин. 1.Фe3 c3 2.Фe8
Крb4 3.Фc6 Кра4 4.Крс3 Кра5
5.Фa8x, 3...Кра3 4.Фb5 Кра2
5.Фa4x, 3...Кра5 4.Крb3 b4
5.Фa4x
17. М. Неделькович. 1.Крb1 e2
2. Фg4 Кре1 3.Фg1 Крd2 4.Фd4
Кре1 5.Фf4 Крd1 6.Фc1x, 2...d3
3.Крb2 Крd2 4.Фg5 Кре1 5.Фg1
Крd2 6.Фc1x
18. В. Морозов. 1.Кре3 Крd1
2.Фd6 Крс1 3.Фb4 Крb1 4.Фa4
Крc1 5.Фb5 Крd1 6.Фd5 Крc1
7.Фb7 Крd1 8.Фh1x
19. В. Коваленко. 1.e3!, 1.Крg7?
f4!, 1.Лd3? Кре5!, 1.Фf6? Крf4!
20. В. Марковский. 1.Кd6!,
1.Кd2? Кре6!, 1.Нg3? d6!
21. Б. Жежерун. 1.Лe6!, 1.Лh6?
Крg1!, 1.Лc6? Крg1!
22. М. Чернушко. 1.g7 b1Ф
2.г8К Крg5 3.Cd2x, 1...b1K
2.г8Ф Кc3 3.Фg6x
23. В. Иванов. 1.Лh4! Крh4
2.Крf6 Крh5 3.Лh7x, 1...Крf5
2.Лg4 Кре5 3.Лb5x, 1...Крg6
2.Лb5 Крg7 3.Лg5x
24. В. Коjakин и В. Лукашев. а)
1.Кf2 Кре2 2.Фd3 Кре1 3.Фd1x,
1...Крf4 2.Cd4 Крf3 3.Фg4x; б)
1.Ke3 Кре2 2.Фg2 Кре1 3.Ca5x,
1...Крf4 2.Фg4 Кре5 3.Cc7x
25. В. Желтоножко. 1.Фa5 Крс4
2.Кd7 Крd4 3.Фe5 Крс4 4.Фc5x
26. Ю. Сушкин. 1.Лe2 f5 2.Кg3
Крg3 3.Крf5 Крh3 4.Крf4
27. В. Морозов. 1.Лd7 Крc1
2.Лc7 Крb1 3.Cc2 Крc1 4.Cd3
Крd1 5.Лf7 Крc1 6.Лf1 d1Ф
7.Сf4x. Побочное решение: 1.Лb7
d1Ф 2.Cd1 Крc1 3.Cf4Крd1 4.Лb2
Кре1 5.Крg3 Крf1 6.Крf3,
1...Кра1 2.Cc2 b1K 3.Лb1 Кра2
4.Сe5 d1Ф 5.Лd1 Кра3 6.Сc3
28. В. Шматов. 1.Фg8
29. Н. Акимов. 1.Ke1
30. А. Кошельков. 1.Лh6
31. В. Гребешко. 1.Фb7
32. М. Калгин. 1.Cd3
33. В. Коренев. 1.Лh5

- 34. Ш. Акбулатов.** 1.d7 Kpb7
2.d8Ф, 1...Kpc7 2.Ka5, 1...Kpa8
2.Na5
- 35. Л. Грольман.** а) 1.Kpb6 Cс7
2.dc., 1...Ce7 2.de б) 1.Kcd5 Сb6
2.Kc6 Kpc8 3.Nb6x
- 36. Ю. Калугин.** 1.g4 Kpg5
2.Fg3 Kpf6 3.g5x
- 37. В. Желтоножко.** а) 1.Cb4 e6
2.Fd3, 1...Kre3 2.Cc5; б) 1.Fe6
Kpc5 2.c4 Kpd4 3.Fd5x; в) 1.Ca5
Kpc4 2.Cb6 a3 3.Fa5x
- 38. А. Азов.** 1.Kpc2 b3 2.Kpc3 ba
3.b4x, 1...Kpd4 2.Hc1 b3 3.Nb3x
- 39. М. Чернушко.** 1.a7 Kpc7
2.a8C Kpc8 3.Fb7x, 1...Kpd5
2.a8Ф, 1.e7? Kpc7 2.e8C,
1...Kpd7 2.e8Ф, 1...Kpd5!
- 40. В. Коваленко.** 1.Lf4 Kpd8
2.Lf8, 1...Fe7 2.g8Ф, 1...Fd8
2.Lf8, 1.Lh4? Fg8!
- 41. В. Кожакин.** а) 1.Ff6 d5
2.Nc6, 1...Kre3 2.Nc6; б) 1.Krc6
d5 2.Kpd6, 1...Kre5 2.Hd3
- 42. В. Козырев.** 1.Lcg4 Kpf5
2.Nc6, 1...ef 2.Hd3
- 43. Л. Пронин.** а) 1.Kpc5 Kre3
2.Kpb4 Kpd3 3.Cf4; б) 1.Kpg1
Kre3 2.Kpf1 Kpd3 3.Kre1
- 44. Ю. Сушкин.** 1...e5 2.Hdf8 e4
3.Hg6 e3 4.Lf4x; 1.Hdf6? e5
2.Hhf8 e4 3.Kg6 e3 4.Lh5x,
- 1...Kre5!; 1.Hhf6? e5 2.Hdf8 e4
3.Kd6, 1...Kpg5!; 1.Hhf8! Kpg5
2.Hg6 e5 3.Hf6 Kpf5 4.Lh5x
- 45. В. Кожакин.** 1.Kc3 Cd6
2.Kb5 Cb8 3.La7 Ca7 4.Hc7x
- 46. М. Матренин.** 1.Kc6 Kpb5
2.Kpd5 Kpa6 3.Kc5 Kpb5 4.Lb3x
- 47. В. КОВАЛЕНКО.** 1.g4 h6
2.Kph2 h5 3.g5 h4 4.g6 h3 5.g7x,
1...h5 2.g5 h4 3.Kpg4 h3 4.g6 h2
5.g7x
- 48. Н. Зиновьев.** 1.Kpc4 Kpb2
2.Hpd3 Kpc1 3.Kre2 Kpc2 4.Hb5
Kpc1
5.Hd4 Kpb2 6.Kpd2 Kpa2 7.Kpc1
Kpa1 8.Kpc2 Kpa2 9.Ke2 Kpa1
10.Kc1 a2 11.Nb3x

* * *

Правильные ответы на все задания прислали: **Н. ИГОЛЬНИЦЫН** (г. Киров), **Г. КАРМАНОВ** (Сыктывкар), **Ю. КАРТАШОВ** (Санкт-Петербург), **В. КОЖАКИН** (Магадан), **А. МОТОВИЧЕВ** (Архангельск), **Г. ПОПОВ** (Янтарь), **А. РОГАНИН** (пос. Строитель Белгородской обл.), **В. СИМОНОВ** (Самара). Все задачи, за исключением одной, решила **Р. САБИТОВА** (Москва).

КРОССВОРД

По горизонтали. 3. Добытчик, льющий чужую кровь. 8. Острая кавказская приправа. 9. Волк по отношению к волчице. 10. Бумажка, помогающая отличить нислоту от щелочи. 11. Песенные волжские горы. 12. Средневековое парусно-гребное судно, плававшее по рекам Руси. 13. Французский писатель и поэт, автор интереснейших книг "О Париже" и "Пешком по Парижу". 16. Самая крупная группа народов Африки. 19. Декабрист, писавший стихи и музыку; в Петровский Завод к нему приехала жена Камилла Ле-Дантю. 23. Наука правильнописания. 26. Красивая словесная лесть. 29. Очень мелкое куриное яйцо, из которого, по суеверным представлениям, наседка выводит василисна. 30. Медленно растущая камбала-ромб. 33. Город кружевниц в Липецкой области. 36. Спуск по трассе на бобе или санях. 38. Живописец

раннего итальянского Возрождения с девизом: "О сладчайшая перспектива!" 39. Воин на Руси. 40. Окно в мир, способное вешать лапшу на уши. 41. "Мама" сыщика Пуаро. 42. Вино, каное в Италии смаковали Горький и Хемингуэй.

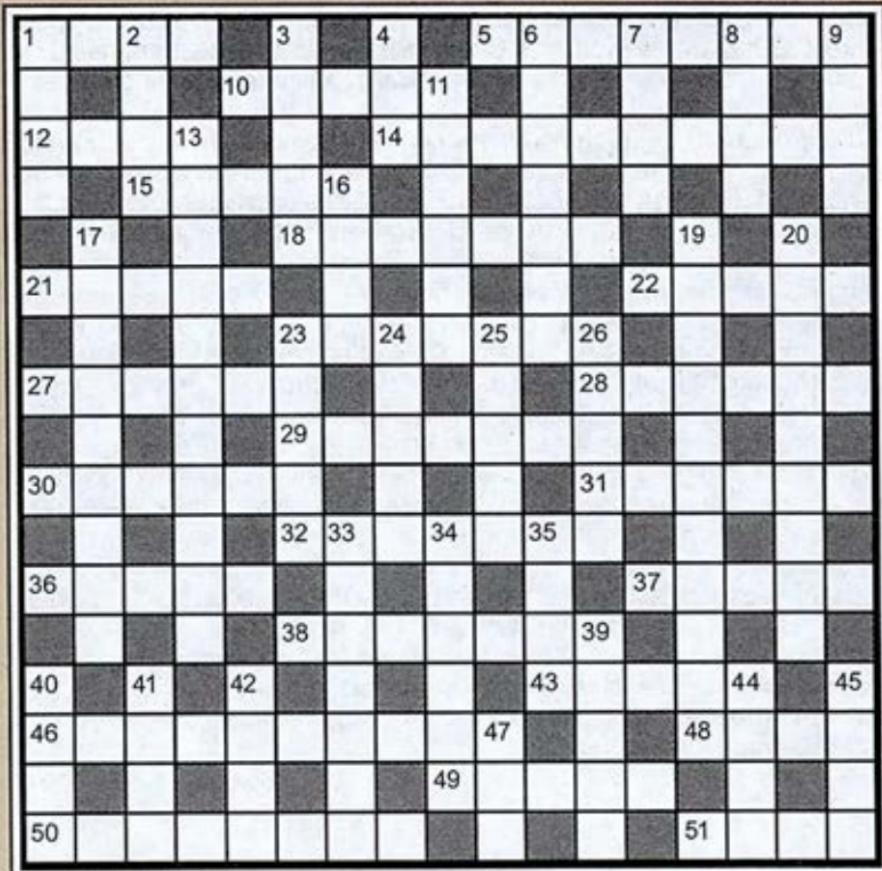
По вертикали. 1. Крупа для полноценной гречневой каши. 2. Полный оборот на одной ноге в балете. 3. Властитель, обычный в восточных сказках. 4. Крупная рыба сибирских рек, очень вкусная вяленой. 5. Написание имени Христа у хлыстов. 6. Человек, заплативший дорогую цену за лицезрение гаремных красавиц. 7. Восточный пирожок из тонко раскатанного теста с начинкой из бааранины. 14. Первый человек, которому пересчитали ребра. 15. Песня песен в государстве. 16. "Наука, исследующая человека на прочность" (В. Жемчунников). 17. Самый известный капитан-подводник. 18. Стирать острые ... — смягчать противоречия, разногласия. 20. Единица мощности. 21. Тайнопись. 22. Грузинское имя в известной песне про "парня хорошего". 24. Знаменитый французский физиолог, пытавшийся в 90-х годах XIX века построить самолет. 25. Дважды повторенное слово в начертанном таинственной рукой пророчестве скорой гибели на последнем пиру Валтасара. 27. Вспомогательный инструмент на металлорежущих станках. 28. В драматической поэме А. Н. Толстого "Дон Жуан" герой говорит донне Анне: "Всё ... и мечта, всё дым и сон — одна любовь есть правда!" 31. Золотых дел мастер. 32. Чертово место. 34. Фамилия французских живописцев-братьев, самым талантливым из которых был Луи. 35. Виртуозная итальянская балерина, не раз гастролировавшая в России. 37. Ясан по сути.

Составил **Г. СЫСОЕВ,**
Сыктывкар

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали. 1. Щель. 5. Иисус. 8. Залог. 10. Петр. 11. Рис. 12. Файл. 13. Хоровод. 14. Верп. 17. Ритм. 19. Рэнд. 21. Штора. 22. Юнга. 24. Ярд. 26. Унос. 27. Бирна. 28. Ажан. 29. Онат. 31. Агач. 34. Титовна. 36. Неук. 37. Тис. 38. Цирк. 39. Этнос. 40. Керн. 41. Ваза.

По вертикали. 1. Щапов. 2. Латур. 3. Жаровня. 4. Посол. 6. Стадион. 7. Саломас. 9. Лир. 12. Фортуна. 15. Ернин. 16. Практин. 18. Тропа. 20. Дра. 22. Юбочник. 23. Гратуар. 25. Джексон. 30. Мотто. 32. Глина. 33. Чукча. 35. Вин.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. Лучший переводчик романа А. Лесажа "Похождения Жиль Бласа". 5. Поэт, на книге которого, как показалось О. Мандельштаму, "сидит шмель и сосет ее" ("Вокруг натуралистов"). 10. Быстрый женский говор. 12. Миллионоголовый таинственный кровопийца. 14. Один из трех главных обетов монашеской аскезы. 15. Бади аз... (Чудо времени) — прозвище арабского писателя Хамадани, "отца" макамы. 18. Красна, обычная для древнеегипетских росписей. 21. В "Мцыри" М. Лермонтова "порой в ущелии ... кричал и плакал, как дитя". 22. "Смертный мундир" (А. Бестужев-Марлинский). 23. Гора в Иерусалиме, чье название в переводе означает "Череп". 27. Продунт, незаменимый в молдавско-румынской кухне. 28. Сто испанских сентимо. 29. Беломорское промысловое судно. 30. Владелец ищейки Дерки-Хватай в "Приключениях Чиполлино" Д. Родари. 31. "Зловопрения". 32. Сторонник возникшего в конце XIX века движения с целью создать еврейское государство на территории Палестины. 36. "Макара начинает сосать ... Авторское самолюбие — это боль, это катар души" (А. Чехов. "Весной"). 37. Автор знаменитой гравюры "Свадьба Петра I". 38. Эпоха первых

медных орудий в истории человечества. 43. "Опера для глухих" (Э. Кроткий). 46. Академик, назвавший акмеистов "преодолевшими символизм". 48. Чтение генералов в стихотворении О. Мандельштама "Царское Село". 49. Побудитель человеческой деятельности. 50. Начальник марионеток. 51. Сокровенная красота в учении японского философа Дзэами.

По вертикали. 1. Народное песенно-театральное представление в Китае при посадке риса. 2. Советник президента США Т. Вильсона, один из инициаторов создания Лиги Наций. 3. Предписываемая Кораном милостины в пользу бедняков, вдов, немощных. 4. Польский сатирик, заметивший: "В аду дьявол — положительный образ". 6. Андрей Рублев как художник на языне того времени, когда он творил. 7. Художник Н. Богаевский по отношению к М. Волошину. 8. Притон Они, известный "великим стоянием" монголо-татарских и русских войск. 9. Предвестник зимы. 11. Рыба Берингова, Охотского и Японского морей с зеленым мясом. 13. Первая жена М. Волошина, очень похожая, по его мнению, на царицу Таиах. 16. Родина античных философов, по мнению А. Лосева. 17. Экипаж, в котором Изабелла приехала в "Белые акации" (Ф. Купер. "Шпион"). 19. Барон, чьи дочери Фернандина, Анна и Софья собрали для братьев Гримм немало сказок. 20. Советский режиссер с любимой поговоркой: "Да, фокус не удался — фанир был пьян". 23. Таня, названная по французскому городу Аррас. 24. Темп, который Ж. Ж. Руссо считал французским вариантом ларго. 25. Самая крупная из нарлиновых антилоп Африки. 26. Актриская реплика для публики. 33. Французский драматург, считавший образцом театра футбольный матч. 34. Химический элемент; стекло с его примесью меняет окраску в зависимости от освещения. 35. Персидский "царь поэтов", азербайджанец родом. 39. Арабское племя, славное нравственными достоинствами. 40. Недоступный богач, скряга, скупец (по В. Далю). 41. Знаменитая картина Э. Мунка, давшая начало европейскому экспрессионизму. 42. Фольклорный антипод добра. 44. Народное собрание у скandinавов в средние века. 45. Бразильская цепкохвостая обезьяна с квадратным лицом. 47. Человек, освобождающий себя "из границ субъекта и объекта" (Шри Раджнеш). ■

ОТВЕТЫ НА "ЗРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали. 1. Фифинус. 6. "Инрог". 11. Идол. 12. Двор. 13. Мангис. 14. Ювара. 15. Тимн. 16. Араб. 17. Бужане. 21. Дунер. 22. Моргенштерн. 24. Кара. 25. Снупер. 26. Гераниол. 30. Ученица. 32. Эрлангер. 35. Пентюх. 36. Дюза. 38. Архитектура. 39. Шухов. 41. Хамсин. 42. Брин. 45. "Вера". 47. Магма. 48. Ритмика. 49. Елей. 50. Утро. 51. Цетан. 52. ...вонзалы...

По вертикали. 1. Фама. 2. Фундун. 3. Коллар. 4. Система. 5. ...полмира... 7. Нова. 8. Одра. 9. Гварнери. 10. Трибунал. 17. Буднер. 18. ...жертва. 19. Венец. 20. Яшма. 23. Ордер. 24. Круг. 26. Гипюр. 27. Рапа. 28. Нониус. 29. Одюбон. 31. Чешни. 32. Эсамбаев. 33. Лихоимец. 34. Нить... 36. Дученто. 37. Захаров. 39. Шматок. 40. Хижина. 43. Найе. 44. Имра. 46. Часы.

Елена БОРЗЫХ

Она пишет красивые, изысканные натюрморты. Словно любясь предметами, так тщательно выписывает детали, что кажется, вот эти цветы только сорваны и поставлены в вазу с водой, а эти баклажаны и набачни еще недавно пребывали на грядках и сохранили аромат утренней свежести. А пейзажи художницы — своеобразная иллюстрация старинных русских городов — Вологды, Устюнны, Тотмы... Тихие улочки, деревянные дома — зимой засыпанные пышными сугробами, а летом прячущиеся за зеленью деревьев и садов, каменные церкви, весело сверкающие золотыми нутролами, и строгие древние стены монастырей... А портреты Елены пишет в манере так называемого "купеческого портрета", в своеобразной стилизации под XVIII век. Это когда поза у модели несколько скованна, напряжена... В основе искусства Елены — реализм с элементами примитивизма, живописный лубок, народное творчество. Подчас она словно бы нарочито отназывается от традиционных художественных средств изображения, от законов перспективы, теней и света. Палитра красок скрупулезна, наярна.

Елена Борзых родилась на Дальнем Востоке, а перед тем, как переехать в Москву, долго жила в Сибири. Там же получила и образование. Окончила Омский педагогический институт — художественно-графический факультет.

Елена много путешествует, объездила почти всю Россию, побывала в Туркмении, Крыму. После поездок пишет жанровые картины: "Попутчики", "Рыбаки Наспия", "Двое в лодке", "Осеннние хлопоты". В этих полотнах конкретные наблюдения художницы, ее отношение — всегда доброе, а подчас и сочувствующее — к своим героям. Рыбакам, противостоящим стихии и новарству моря, случайным попутчикам, встретившимся на далеком полустанке, женщинам, в ненастную погоду полощущим белье в стылой речке, крестьянкам, собирающим урожай... "Меня всегда привлекали люди сильные, целеустремленные, — говорит Елена, — неунывающие, которые могут противостоять жизненным невзгодам. Оптимисты. В жанровых композициях пытаюсь отразить образ жизни человека, причины поступков. Чтобы

зритель смог угадать всю его судьбу. И еще важно передать настроение, чтобы в каждой картине оно было разное, а главное, излучало тепло и радость..."

Елена рано начала участвовать в выставках. Теперь ее полотна находятся в собраниях английских коллекционеров, многих зарубежных галереях, и у нас в России — в музеях Москвы, Петербурга, художественных музеях Брянска, Уфы, Севастополя...

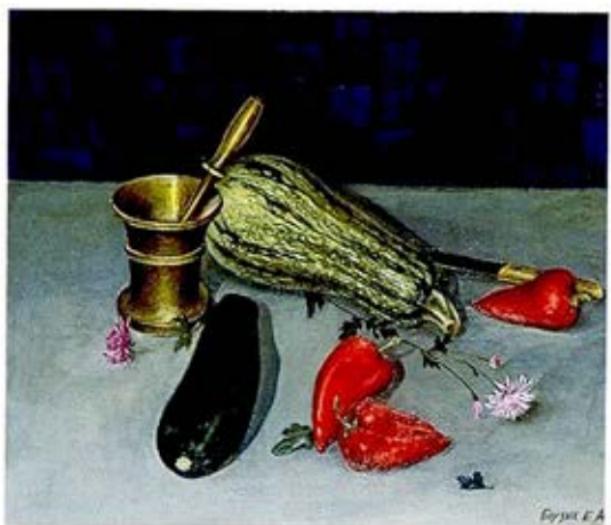
**Людмила
КАНДАЛОВА**

Прогулка.

Белый храм.

Натюрморт с набачном.

Международная выставка - высшее
образование и трудоустройство

Разделы выставки

- Высшее образование в России и за рубежом
- Новые технологии обучения, дистанционное обучение
- Корпоративное и непрерывное обучение
- Постдипломское обучение, второе высшее образование
- Трудоустройство лиц с высшим образованием
- Повышение квалификации и переквалификация
- Автоматизированные системы проверки знаний и тестирования
- Профориентация и получение высшего образования лицами с ограниченными возможностями

Организаторы выставки:

Культурно-выставочный центр "Сокольники"
Образовательный центр "Бакалавр"

При поддержке Министерства образования Российской Федерации
и Министерства труда и социального развития Российской Федерации

12-15 апреля 2001

Россия, Москва

Культурно-выставочный центр "Сокольники"
107113 Москва, Сокольнический вал, 1

Тел.: (095) 268-9520
Факс: (095) 268-0891, 268-9520
E-mail: kv@exposokol.ru
<http://www.proffak.ru>

СОКОЛЬНИКИ

Информационные спонсоры

Элитное
образование

РАБОТА